

ЭД МАКБЕЙН

ВОЗДАЯНИЕ УБИЙЦЕ

НЕИЗВЕСТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

■ ЭД МАКБЕЙН ■

✱ ТАЙНА ГОЛУБОГО
КИНЖАЛА

✱ ВОЗДАЯНИЕ УБИЙЦЕ

✱ ОХОТА ЗА ПРИЗРАКОМ

✱ ГЕРОИНОВАЯ ПЕТЛЯ

Минск
„Універсітэцкае”
1994

**ББК 84(7 США)
М 15
УДК 820(73)-31**

Серия основана в 1992 г.

**Печатается по изданиям:
Макбейн Э. Легавые. М., 1992; Советская милиция. 1991. № 1—3;
Полицейские и воры. М., 1991. Вып. 4; Памир. 1987. № 6, 8, 10.**

Перевод с английского

Художник Д. Е. ДИВИН

**8200000000—026
М ————— БЗ 76—94
М 317(03)—94**

ISBN 985-09-0001-6

© Оформление. Д. Е. Дивин, 1994

ТАЙНА ГОЛУБОГО КИНЖАЛА

Детектив Клинг пулей вылетел из квартиры, так как понял, что его сейчас стошнит.

Навстречу ему по коридору шел детектив Стив Карелла. Увидев побледневшего Клинга, он спросил: «Что случилось?» — не получил ответа, но сразу догадался что к чему. У дверей квартиры дежурил патрульный. Карелла замешкался, затем решительно кивнул головой, извлек из бумажника полицейский значок, прицепил его к нагрудному карману пиджака, переглянулся с патрульным и вошел.

Дом был на Саут-Энджелс-стрит, на северной окраине восемьдесят седьмого участка. В этом районе жили в основном представители «верхнего среднего класса», хотя по фешенебельности он заметно уступал и Смокрайзу, и кварталам у реки Гарб. Патрульный дежурил у черного хода, Карелла вошел в квартиру и оказался в небольшой кухне с безукоризненно чистыми кафельными стенами и столь же чистым пластиковым полом. У стола с эмалированной столешницей тарахтел старый холодильник.

Первый труп был в гостиной.

Как впоследствии писали газеты, женщина была в одних нейлоновых трусиках, но ничего сексуального в ее облике не было. Она раскинулась на полу в нелепой позе, а лицо и часть головы были снесены, судя по всему, выстрелом из охотничьего ружья. Ей было под сорок, и еще недавно, похоже, она была весьма привлекательной. Теперь же на полу лежали жалкие, обезображенные останки. Труп был выпачкан — результат предсмертного испуга или непроизвольного сокращения мускулатуры прямой кишки, когда дробь разнесла женщине полголовы. На левой руке у женщины было обручальное кольцо, традиционное «кольцо невесты» на правой отсутствовало. Она лежала возле большой тахты, накрытой цветастым покрывалом. На ковре рядом с убитой валялись две стре-

ляные гильзы. Кровь растеклась по бледно-голубому ковру, образовав большую лужу возле головы. Это зрелище и заставило Берта Клинга вылететь пулей из квартиры.

У Стива Кареллы желудок был покрепче, а может, у него было побольше опыта. Он вышел из гостиной и проследовал в большую спальню.

Там, у самых дверей, скрючившись лежал человек в трусах и майке, у которого также лицо и полголовы были снесены выстрелом. В руке он все еще сжимал ружье, и палец застыл на спусковом крючке. Дробовик двенадцатого калибра стволом касался того места, где прежде находился рот. На полу возле развороченной головы лежала одна-единственная гильза, а вокруг были разбросаны какие-то мелкие белые осколки. Карелле понадобилось мгновение, чтобы догадаться: это раскрошенные выстрелом зубы.

Он вышел из квартиры. В коридоре, ведущем к лестничной клетке, стояли Моноган и Монро, детективы из отдела по расследованию убийств.

— Прелесть, да? — хмыкнул Монро.

— Красота! — согласился Моноган.

— Чего только не бывает! — вздохнул Монро.

— Арбузы лопнули, семечки разлетелись, — изрек Моноган.

Этот спектакль парочка разыгрывала не впервые. Их ничем нельзя было пронять, все-то они видели, все слышали. Оба стояли в подчеркнуто небрежных позах у стены и курили сигары. Оба были в черных плащах и серых мягких шляпах. Траляля и Труляля* уголовного розыска. Окно в конце коридора было приоткрыто, и бодрящий октябрьский ветерок напоминал, что жизнь продолжается. За окном верхние этажи небоскребов освещало восходящее солнце. Высокое и далекое небо было в дымке.

— Думаешь, парень рехнулся? — спросил Кареллу Монро.

— Конечно, — ответил за него Моноган. — Сначала ухлопал супругу, а потом удалился в спальню и нанес себе *coup d'état***.

— *Coup de grâce****, — поправил его Монро.

* Персонажи сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

** Государственный переворот (фр.).

*** Последний удар (фр.).

— Пусть будет по-твоему,— пожал плечами Моноган.

Карелла промолчал.

— Окажите нам любезность,— обратился Монро к Карелле,— избавьте нас от лишней писанины. Все и так понятно. Сначала он пристрелил жену, а потом себя.

— Не делайте из этого преступление века.

— Интересно, кто-нибудь слышал выстрелы? — спросил Карелла.

— А?

— Это случилось ночью, когда люди дома. Кто-то должен был слышать выстрелы.

— В часы любви хоть из пушки пали,— сказал Монро.

— А кто вызвал полицию? Когда вы приехали, Клинг был уже здесь?

— Блондинчик-то?

— Да.

— Он был здесь,— ответил Монро.

— Бледный, но на посту,— сказал Моноган.

— Он не говорил, кто вызвал полицию?

— Молочник позвонил,— сказал Моноган.

— А как он узнал?

— Увидел открытую дверь и заподозрил неладное.

— Дверь черного хода?

— Именно.

— Она была открыта?

— Распахнута настежь.

— В котором это было часу?

— Не знаю.— Моноган взглянул на ручные часы.— Около пяти, наверно.

— Значит, в пять утра дверь черного хода была распахнута?

— Так сказал молочник. Спросите у Клинга, он его допрашивал.

— Чего я терпеть не могу, так это ранних вызовов,— сообщил Монро.

— Ну, с этим-то делом хлопот не будет. Все как на ладони.— Моноган бросил взгляд на Кареллу.— Верно я говорю?

— Вам видней.

— Могу рассказать, как это произошло.

— Очень кстати,— согласился Карелла.— Мы бы все сэкономили уйму времени.

— Одна только беда,— сказал Моноган.— Убий-

ством занимается тот участок, куда поступило заявление.

— Кошмар, да и только! — подтвердил Монро.

— Так что мы дарим его вам.

— Ничего не попишешь!

Монро достал из кармана носовой платок, высморкался и, положив платок на место, сказал:

— Мой тебе совет, Карелла: закрывайте дело, да побыстрей!

— Почему?

— Потому что оно ясно как Божий день.

— Если не считать того, что в пять утра дверь квартиры оказалась открытой настежь.

— Случайность, — отмахнулся Монро.

— Если как следует поискать, то отыщется предсмертная записка самоубийцы, — сказал Моноган.

— Вы думаете? — спросил Карелла.

— Они всегда так поступают. Из-за угрызений совести.

— Их гложет раскаяние, — пояснил Монро.

— Они оставляют письма, чтобы сообщить миру, что были паиньками, но однажды поступили нехорошо и испачкали свою биографию.

— Совершив небольшую оплошность.

— Поймите нас, друзья!

— А поняв, простите!

— Вы обязательно найдете послание, — обнадежил Моноган. — Только как следует поищите.

— Думаете, там будет написано, откуда взялась стреляная гильза? — спросил Карелла.

— Какая гильза? — не понял Монро.

— Та, что валяется возле трупа в спальне.

— А что в ней такого?

— У него в руках помповый дробовик двенадцатого калибра. А это значит, что сначала нужно изломить ружье, и только тогда стреляная гильза выбрасывается, а новая подается в патронник. Может, вы объясните мне, как он ухитрился застрелиться, а потом изломить ружье, чтобы выбросить гильзу.

— Начинается! — вздохнул Монро.

Молочник и Клинг составляли хорошую парочку — оба бледные и дрожащие. Они сидели вместе с Кареллой в маленькой закуской неподалеку от дома, где найдены трупы. Было десять минут седьмого, и закусочная

только открылась. За стойкой расположились водители грузовиков, на правах давних посетителей они обменивались шутливыми репликами с хозяином. Заспанная официантка в грязном форменном платье подошла к столу, за которым сидели Карелла и его спутники, и приняла заказ. Клинг и молочник попросили только кофе.

— Когда вы обнаружили открытую дверь, мистер Новелло? — спросил Карелла молочника.

— Примерно без четверти пять. Я сразу же позвонил в полицию. Когда это было? — обратился он к Клингу.

— Мерчисон принял вызов в четыре сорок семь, — ответил Клинг.

— Вы всегда в это время разносите молоко?

— Да, я начинаю с половины пятого. А к пяти заканчиваю. Сначала я поднимаюсь на верхний этаж и двигаюсь вниз. Лейдены живут на третьем.

— Что же вы увидели?

— Я уже рассказывал вашему человеку.

— Давайте еще раз.

— Я подошел к задней двери, где всегда оставляю молоко. У них на двери такая штучка для бутылок, знаете?

— Знаю, — отозвался Карелла.

— Проволочное приспособление, — пояснил Новелло. — С петлей для горлышка бутылки. Вы ее туда вставляете, потом толкаете петлю, она как бы падает в прорезь и прижимает бутылку.

— Понятно. Дальше.

— Лейдены брали молоко раз в два дня. В этом районе жильцы обычно берут столько, сколько нужно для завтрака. А если требуется еще, то покупают в магазине.

— Понятно.

— Итак, спускаюсь я с четвертого этажа на третий. На четвертом молоко берут Левины и Дэвидсоны, а на третьем только Лейдены. Значит, спустился я по лестнице...

— И что дальше?

— Поставил корзинку, стал доставать бутылку и увидел, что дверь открыта.

— Приоткрыта или распахнута?

— Распахнута. С площадки я видел кухню и часть гостиной.

— Что вы предприняли?

— Я не знал, что делать. Сначала я решил прикрыть

дверь и убраться от греха подальше. Но потом подумал: а с чего это дверь распахнута в пять утра? Что там стряслось?

— Вы вошли?

— Вошел.

— И увидели трупы?

— Только миссис Лейден,— ответил Новелло и судорожно сглотнул.

— Что вы сделали потом?

— Спустился вниз и вызвал полицию.

— Почему не позвонили из квартиры?

— Не хотел оставлять отпечатков пальцев. В квартире я ничего не трогал. Не хотел, чтобы меня потом заподозрили...

— Откуда же вы позвонили?

— Из кафетерия на Диксоне — он работает всю ночь.

— Что было потом?

— Мне велели возвращаться в дом и ждать полицию. Я так и сделал. Затем приехал мистер Клинг.

— Вы звонили своему хозяину?

— Да, после того как заявил в полицию. Я рабочий человек. Мое дело — разносить молоко,— вздохнул Новелло.— Хозяин послал вместо меня другого. Надеюсь, мне не влетит за это...

— Вы поступили правильно, мистер Новелло,— успокоил его Карелла.

— Наверно. Только мне хотелось все бросить и задать стрелкача. Такая жуть взяла.

— Но вы все-таки позвонили в полицию?

— Позвонил...— Новелло пожал плечами.— Мне нравилась эта дама. Симпатичная женщина. Когда по средам я приходил со счетом, она всегда угощала меня чашкой кофе. Черт возьми, она же не обязана это делать.— Он помотал головой.— Как-то не верится... Однажды я встретил мистера Лейдена, хотя он часто пропадает в командировках. Продает какие-то машины, тракторы. Тоже симпатичный... Так вот, он мне сказал, что очень любит свою работу, но ему надоели эти долгие отлучки. Бедняга, он по два-три месяца проводил вдали от дома. Мне он понравился.

— Когда вы с ним говорили?

— Точно не помню. Вроде летом.

— Вы только один раз видели их вместе?

— Да, но знаю, что это была счастливая пара. Иногда сразу видно: супруги не ладят. А она называла его

«милый», «солнышко»... В общем, видно было, что они...— Новелло помолчал и наконец выговорил: — ...любят друг друга.

— Итак, вы утверждаете, что вошли в дом в четыре пятнадцать, да?

— Нет, в четыре тридцать,— поправил Новелло.— Я всегда прихожу в полпятого.

— И сразу поднялись на десятый этаж?

— Да, там есть лифт без лифтера, я им пользуюсь каждое утро.

— В вестибюле кого-нибудь встретили?

— Никого.

— А в самом доме?

— Только мистера Джекобсена. Он работает на почте.

— Где вы его встретили?

— На пятом этаже. Он обычно уходит на работу без четверти пять. Работает в Риверхеде. Почтальоны встают рано.

— Он что-нибудь вам сказал?

— Сказал: «Доброе утро, Джимми», а я ему: «Доброе утро, мистер Джекобсен, сегодня на улице прохладно». Что-то в этом роде. Мы всегда обмениваемся парой слов. Джекобсены берут молоко уже семь лет. Мы говорим шепотом, чтобы не будить жильцов.

— Еще кого-нибудь видели?

— Ни души.

— Значит, никого не видели ни до, ни после того, как обнаружили труп?

— Только мистера Джекобсена.

— Хорошо, мистер Новелло,— сказал Карелла.— Большое спасибо. Берт, у тебя вопросы есть?

— Нет, нет,— отозвался Клинг. Он так и не притронулся к своему кофе.

— Можешь передохнуть, потом встретимся в доме,— предложил Карелла.

— Нет уж, продолжим,— вздохнул Клинг.

— Это просто ужас что такое,— сказал Новелло.

2

Поскольку трупы полагается дактилоскопировать, кому-то надо было заняться этим «увлекательным» делом и в эту субботу.

Таким «счастливым» оказался сотрудник кримина-

листической лаборатории, детектив третьего класса Маршалл Дэвис. Работал он недавно и постоянно получал такие «приятные» задания, как извлечение осколков стекла из тела погибшего в автомобильной катастрофе, чистка пылесосом одежды человека, зарубленного топором, или, как теперь, дактилоскопирование трупов.

Свежие трупы дактилоскопировать гораздо легче, чем «черствых» покойников. Маленькое, но все же утешенье. Так размышлял Дэвис, принимаясь за работу. Когда покойник тепленький и пальцы его не скрючились, надо просто намазать краской каждый палец — *сomme ça**, он приложил валик с краской к указательному пальцу Розы Лейден, — а затем сделать оттиск на бумажке, прикрепленной к деревянной ложечке, — *voilà***. А ну-ка, перестань, оборвал он себя, ты же не француз! Еще девять пальцев дамы, в том числе и два больших, а потом займемся джентльменом в трусиках, что валяется в спальне. Ну и работка!

Мать советовала Дэвису стать бухгалтером, но он сказал: «Нет!» В полиции работа поживее. И вот пожалуйста: Маршалл Дэвис субботним утром дактилоскопирует мертвецов, вместо того чтобы играть в парке в мяч с трехлетним сыном.

А ну-ка, дама, позвольте ваш пальчик! Дэвис осмотрел кольцо на безымянном пальце убитой. Очень милое обручальное кольцо, хорошая работа. Оно будет присовокуплено к «имуществу покойной», и какой-то дальний родственник предъявит на него права.

— Как успехи? — услышал он голос за спиной.

Детектив третьего класса Дэвис из криминалистической лаборатории оглянулся и увидел детектива третьего класса Ричарда Джиниро из восьмьдесят седьмого участка. Джиниро недавно стал детективом. Его повысили из патрульных после того, как он задержал двух хулиганов, развлекавшихся поджогами спавших бродяг алкоголиков. Джиниро был самым молодым детективом в участке, и ему поручались задания, на которые не находилось других охотников, в том числе и посещение квартир, где криминалист дактилоскопирует трупы.

— Так себе, — буркнул Дэвис, решив не тратить времени на разговоры с бывшим патрульным во время столь серьезной операции.

* Вот так (фр.).

** Пожалуйста! (фр.).

— А это что такое? — спросил Джиниро.

Дэвис вопросительно посмотрел на него.

— Что это? — повторил Джиниро, словно изменения порядка слов должно было хватить для пояснения вопроса.

— Деревянная ложечка, — ответил Дэвис и вздохнул.

— Для чего?

Дэвис, считавший себя человеком остроумным, посмотрел на Джиниро и ответил:

— Не видишь, я делаю даме маникюр.

— Маникюр? — удивился Джиниро.

— Ну да. Ложечкой я придерживаю пальчик и покрываю его лаком. Зачем еще, по-твоему, эта ложечка?

— Понятия не имею, — отозвался Джиниро, но поскольку тоже считал себя человеком остроумным, то, подумав, добавил:

— Я решил, что это деревянный термометр, который ты собирался вставить себе в задницу.

Детективы пристально посмотрели друг на друга.

— Иди отсюда! — процедил Дэвис.

— С превеликим удовольствием, — сказал Джиниро и ушел.

«Чертов патрульный, — бушевал про себя Дэвис. — Лезет к занятому человеку!»

Он аккуратно намазал краской все пальцы Розы Лейден. Сделал оттиски, разложил бумажки с оттисками по порядку, чтобы потом без труда пронумеровать их. Дэвис никак не мог взять в толк, зачем полиция тратит столько времени на сбор отпечатков, особенно в случаях вроде этого, когда погибшие — добропорядочные граждане из респектабельного района. На них нет криминального досье, а если муж не служил в армии, то и в ФБР нет его отпечатков пальцев. Тогда зачем трудиться? Неужели не понятно, что десятки миллионов американцев, особенно женщин, никогда не давали своих отпечатков? Это все выдумки полиции для запугивания честных граждан. Преступник-то знает, что рано или поздно в полицейских досье появятся его отпечатки (если их там еще нет), и всегда работает в перчатках. Обычный же гражданин, как правило, совершает преступление в пылу гнева, и ему не до перчаток. Обычные граждане и на допросах ломаются быстрее, чем профессиональные преступники, особенно если полицейский внезапно сообщает: «Между прочим, отпечатки пальцев на револьвере совпадают с отпечатками на вашей зубной щетке. Так

что ваша песенка спела!» «Нет, это полная чушь», — размышлял Дэвис, продолжая дактилоскопировать покойницу, которая ни разу в жизни не подвергалась подобной процедуре. Какой кошмар, что эта честь выпала ей только теперь, когда она валяется на полу своей гостиной, вся в крови и с развороченной головой. «Господи, меня сейчас стошнит», — тошнливо подумал Дэвис.

«Делай свое дело, — приказал он себе. — И поменьше рассуждай».

Карелла разложил на столе нехитрые украшения, и женщина, сидевшая напротив, внимательно посмотрела на них.

Миссис Глория Лейден, вдова, была матерью Эндрю Лейдена. Она сидела в следственном отделе восемьдесят седьмого участка и делала вид, что все это не имеет к ней ни малейшего отношения, иначе ей пришлось бы признать печальный факт: ее сын убит.

— Итак? — спросил Карелла.

— Что «итак»? — не поняла она.

Это была краснолицая, пухлощекая и курносая женщина с аккуратно уложенными волосами седовато-фиолетового цвета. У нее была грудь, как у зобастого голубя. За круглыми стеклами очков поблескивали маленькие голубые глазки.

— Вы узнаете эти ювелирные изделия?

— Почему для вас так важно, чтобы я их узнала? — спросила миссис Лейден.

— Так положено, — сказал Карелла. — В деле есть убитые, и надо, чтобы кто-нибудь опознал их вещи.

— Вряд ли это вам поможет.

— Возьмем, к примеру, это кольцо. Оно сделано для выпускника университета штата Висконсин, внутри выгравировано «июнь 1950 года» и инициалы Э. Л. Л. Кольцо было на правой руке убитого, и я хочу знать, знакомо ли оно вам.

— Многие носят кольца выпускника университета штата Висконсин, — уклончиво ответила миссис Лейден.

— Ваш сын учился в университете штата Висконсин?

— Учился.

— Когда он его окончил?

— В июне пятидесятого.

— Его зовут Эндрю Лейден?

— Да.

- А второе имя?
- Ллойд.
- Значит, инициалы Э.Л.Л. на кольце вполне могут быть инициалами вашего сына?
- У многих такие инициалы.
- Это точно. Но как насчет второго кольца, миссис Лейден? Оно было обнаружено на безымянном пальце левой руки убитого. Судя по всему, это обручальное кольцо. Похожее кольцо было на убитой. Оно поуже, поменьше, но рисунок тот же. Вы узнаете рисунок?
- Разве разглядишь, какое кольцо,— сказала миссис Лейден.
- Кольцо хорошей работы, нестандартное, так что если бы ваш сын и невестка носили похожие кольца, вы бы обратили на это внимание. Вот обручальное кольцо с пальца убитой.— Карелла показал на него карандашом.
- Для меня все обручальные кольца одинаковы,— ответила миссис Лейден.
- Вот этот медальон был на шее убитой,— сказал Карелла и приподнял медальон — золотое сердечко на тонкой золотой цепочке.— В нем две фотографии,— сказал он, открывая медальон.— Вы их узнаете?
- Да.
- Кто это?
- Мой сын и моя невестка.— Миссис Лейден кивнула головой и тут же добавила: — Но это не значит, что убиты именно они.
- Миссис Лейден!
- Я хочу на них посмотреть.
- Они в морге. Я не уверен, что это будет для вас...
- Я хочу их видеть. Вы утверждаете, что убит мой сын. Вы хотите, чтобы я подтвердила, что это его университетское кольцо, а вот это — обручальное. Да, это действительно его университетское кольцо, а это обручальное. Да, в медальоне его портрет. Теперь вы хотите, чтобы я подтвердила, что он убит?
- Именно так, миссис Лейден!
- Покажите мне тело,— сказала миссис Лейден.— Тогда я смогу подтвердить, что он погиб.
- И мужчина, и женщина убиты из ружья выстрелами в лицо с близкого расстояния,— сказал Карелла.
- Вы уже говорили об этом.
- Миссис Лейден, у охотничьего ружья такого калибра большая убойная сила...
- Я хочу видеть его...— сказала миссис Лейден.

— Ладно,— вздохнул Карелла и позвонил вниз, чтобы дали машину.

Больничный морг — невеселое место, особенно в субботу утром. Ни за что не умирайте с пятницы по понедельник. Лучше всего это делать в среду, но не в тех городах штата Коннектикут, где по средам закрывается все, даже парикмахерские. А вообще, среда — самый удобный для этого день. Но сегодня была суббота, и те, кто имел неосторожность умереть, были отправлены в больничный морг. Кроме того, в городе в результате актов насилия и дорожно-транспортных происшествий скончалось еще несколько человек, которых привезли в этот же морг для вскрытия.

Санитар, дежуривший в морге, был страшно занят и огорчился, когда к нему пожаловали детектив с толстой дамой в корсете. Он был занят чтением порнографического романа. Порнография была самого высокого класса. Санитар как раз смаковал эпизод, где девицу пороли и приговаривали: «Будь послушной, делай, что тебе скажут, слушайся, слушайся, слушайся». Отличная попалась книжка!

— Лейдены,— сказал Карелла санитару.— Роза и Эндрю Лейдены.

— Никаких Лейденов у нас нет,— отвечал санитар.— Ни Розы, ни Эндрю.

— Их привезли утром.

— Я дежурю с восьми утра, и никаких Лейденов не поступало,— стоял на своем санитар.

— Проверьте по списку,— не сдавался детектив Карелла.

— Я проверял его, когда заступал на дежурство.

— Проверьте еще раз.

— Я помню наизусть.

— Послушай, друг...— начал было Карелла.

— Ладно, ладно,— сказал санитар, положил книжку и стал проглядывать список.— Лейдены? Роза и Эндрю, да?

— Да.

— Есть такие. Странно! Выходит, я пропустил их, когда смотрел список.

— Выходит, так.

— Кто из них вам нужен?

— Оба.

— Они в разных секциях. Женщина здесь, а мужчина там.

— Начнем с женщины,— сказал Карелла.

— Как скажете,— согласился санитар.— Мне все равно.

Он встал и пошел по залу. Зал был большой, просторный, освещенный лампами дневного света и вонявший антисептиком. На одном из холодильников на картонной бирке карандашом было выведено: «Роза Лейден». Санитар дернул за ручку, дверца отворилась, и Кареллу обдало ледяным дыханием. Санитар слегка выдвинул металлический продолговатый ящик на роликах, и они увидели изуродованную голову Розы Лейден. Санитар выдвинул ящик чуть больше. Показалось обнаженное тело с пятнами крови на шее, груди и животе. За спиной санитар миссис Лейден судорожно глотнула воздух и отвернулась.

— Это ваша невестка? — спросил ее Карелла.

— Да.

— Как вы узнали?

— По родинке.

— По какой родинке?

— Над грудью... Мой сын считал, что родинка добавляет пикантности, и Роза часто носила платья с глубоким вырезом. Это... Это она... Роза.

Карелла кивнул санитару, тот задвинул ящик и захлопнул дверцу.

— Мужчину смотреть будете? — спросил он.

— Как вы, миссис Лейден?

— С меня довольно.

— В таком случае не могли бы вы сказать мне, миссис Лейден, были ли у вашего сына шрамы или татуировки? Короче, какие-нибудь особые приметы?

— Что? — переспросила миссис Лейден.

— Я говорю, шрамы...

— Ах да, у него была татуировка.

— Где, миссис Лейден?

— Что? Вы что-то спросили?

— Где у него татуировка?

— На руке.

— Какая это татуировка?

— Очень простая... Он сделал ее в юности. Ему было лет семнадцать-восемнадцать. Его не взяли в армию — он повредил барабанную перепонку. Но он хотел чувствовать себя настоящим мужчиной, вот и сделал татуировку.

— Что там изображено?

— Голубой кинжал. А на кинжале красными буквами выведено «Энди».

— Ясно,— сказал Карелла.— Вы не могли бы немного подождать меня, миссис Лейден?

— Вы хотите проверить, нет ли... у этого человека такой татуировки?

— Именно.

— На левой руке,— сказала миссис Лейден.

Карелла прошел за санитаром в другой конец зала, в мужскую секцию. «Лейден, Лейден, Лейден...— бормотал санитар,— вот он, Лейден». Он открыл дверцу и выдвинул ящик. У человека без лица на левом предплечье был голубой кинжал длиной в два дюйма. На кинжале было написано красными буквами «Энди».

— Порядок,— сказал Карелла.

Санитар закатил ящик обратно. Карелла подошел к миссис Лейден, она взглянула ему в глаза.

— Там ваш сын,— сказал Карелла.

Миссис Лейден молча кивнула.

Они вместе двинулись к выходу. Высокий Карелла, в строгом коричневом костюме, с карими глазами и каштановыми волосами, шел, нахмурившись, рядом с маленькой толстушкой в корсете со смешными фиолетовыми волосами. Нелепая парочка, которую объединяло только одно — насильственная смерть.

У дверей женщина остановилась, положила руку на плечо Кареллы, посмотрела ему в лицо и очень мягко сказала:

— Я все-таки должна на него взглянуть.

— Миссис Лейден!

— Потому что, если я этого не сделаю, если не смогу убедиться лично, я не поверю, что он умер, буду постоянно ждать, когда он появится целый и невредимый.

Они вернулись в морг. Санитар снова выкатил ящик, и миссис Лейден увидела развороченную, окровавленную голову трупа, застывшего на холодном алюминиевом ложе. Затем санитар еще немного выдвинул ящик. Она взглянула на предплечье, протянула руку, словно желая потрогать татуировку, но рука застыла на полпути. Женщина закрыла лицо ладонями, сказала: «Да, это мой сын»,— и зарыдала.

В квартире было множество отпечатков пальцев.

Большинство из них принадлежало убитому мужчине и его жене. Это было нормально. Но имелись там и отпечатки, принадлежность которых установить не удалось. Их оставил человек с большими руками.

Отпечатки были на дверных ручках и косяках, на окне и на комод. Но главное, они были на ружье. Третье лицо, оказавшееся в квартире в ту роковую ночь, расхаживало по ней без перчаток, спокойно дотрагивалось руками до всего и в первую очередь до ружья. Отпечатки нашли на прикладе, полпальца отпечатались на спусковом крючке.

Криминалисты были в восторге.

Они отправили отпечатки в Бюро уголовной регистрации, — и те, что сняли с четы Лейденов, и те, что принадлежали большерукому мужчине (а может, женщине), короче, отпечатки убийцы. Бюро уголовной регистрации сообщило уже к середине дня, что в архивах отпечатки пальцев мужа и жены Лейденов не значатся, и это было естественно, ведь они никогда не имели дела с полицией.

Преступление было бы раскрыто в два счета, если бы сотрудники Бюро знали, кому принадлежат отпечатки, обнаруженные на ружье.

Только они этого не знали.

3

Октябрь выдался на удивление хорошим.

Октябрь вообще лучший месяц года, но этот превзошел все ожидания. Дождь шел только однажды в начале месяца, а в остальные дни вовсе светило солнце. Ветер был прохладным настолько, чтобы не мерзнуть в плаще, но в нем не было и намека на скорую зиму, хотя, конечно, до нее оставалось совсем немного.

Карелла где-то читал, что по количеству солнечных дней этот город занимает в Америке второе место после Лос-Анджелеса. Сегодня он был готов в это поверить. От такой статистики пришли бы в ярость Майами и Палм-Спрингс, не говоря уже о Фресно, и все же в крупнейшем американском журнале черным по белому было написано: «По количеству солнечных дней этот город на втором месте в Америке», даже если подразумевалось, что солнце светит здесь и в лютые морозы.

Карелла и Берт Клинг вышли из участка. Клинг был без плаща и без шляпы. Его светлые волосы трепал лег-

кий ветерок. На Карелле была бурая шинель, и он чувствовал себя частным сыщиком из крутого детективного фильма. Клинг был одного роста с Кареллой, но шире в плечах и тяжелей. Они шли упругим спортивным шагом, поглядывая на голубое небо, к стоящей недалеко от участка машине Клинга.

— Ну и денек! — восхищался Берт. — В такие дни я готов продрыхнуть до двенадцати, потом пойти в парк и еще вздремнуть на солнышке.

— Красота! — согласился Карелла.

Клинг завел машину. Карелла опустил стекло, вдохнул теплый осенний воздух и блаженно улыбнулся.

Они неторопливо ехали к центру. Река Гарб искрилась на солнце, холмы на том берегу красиво контрастировали с ясным небом. Красно-зеленый буксир лениво тащился против течения, и над вспененным следом одиноко кружила чайка. За время, что Карелла и Клинг были в пути, они лишь однажды заговорили о деле. Клинг спросил, был ли ответ из ФБР на их запрос об отпечатках. Карелла сказал, что нет, и оба на время забыли об этом неприятном деле.

Фирма «Америкен трактор энд машин» располагалась на Биксби-стрит, недалеко от Ремингтон-серкл, на десятом этаже здания из стекла и бетона, в многочисленных окнах которого отражалось солнце, создавая впечатление, что это не здание, а вполне одушевленное существо. После недолгого подъема алюминиевые двери лифта бесшумно распахнулись, и сыщики оказались в устланной коврами приемной, где за столом орехового дерева сидела хорошенькая блондинка лет девятнадцати в мини-юбке. За спиной девушки на видном месте красовалось название фирмы. Голубыми глазами секретарша уставилась на Кареллу, но потом, заметив у него на пальце обручальное кольцо, перевела взгляд на Клинга.

— Мы — детективы, — сообщил Карелла, показывая значок. — Нам хотелось бы поговорить с начальством Эндрю Лейдена.

— Ах да, какой кошмар! — сказала секретарша.

— Хорошего мало, — согласился Карелла.

— Правда, жуть? — обратилась она к Клингу, хлопая ресницами такой длины, что Карелла счел их накладными.

— Да, — сказал Клинг. — А вы знали мистера Лейдена?

— Еще бы,— сказала девица и спросила: — Но ведь это не значит, что вы меня подозреваете?

— Не значит,— улыбнулся Клинг.

— Вы не будете меня допрашивать? — спросила она и засмеялась, изображая из себя роковую женщину, что ей, впрочем, плохо удалось.— Признавайтесь, будете со мной разбираться или нет?

— Не сейчас,— ответил Клинг.

— Кто начальник Лейдена? — спросил Карелла.

— Вам лучше поговорить с Джо Уиттерсом,— ответила она Карелле, а Клингу сообщила: — Меня зовут Анна Гилрой.

— Очень рад,— сказал тот.

— Правда? — обрадовалась она и добавила другим тоном: — Сейчас я позвоню мистеру Уиттерсу. Как ваши фамилии?

— Детективы Клинг и Карелла,— сказал Карелла.

— А кто из вас Карелла? — спросила Анна.

— Я.

— А вы, значит, Клинг? — сделала вывод девушка.

— Именно.

— Очень приятно,— сказала она и подняла трубку. Карелла кашлянул.

— Мистер Уиттерс,— сказала в трубку Анна Гилрой,— к вам два джентльмена из полиции. Хотят поговорить об Энди Лейдене. Я могу направить их к вам? — Она слушала, округлив глаза.— Отлично, мистер Уиттерс,— сказала девушка и положила трубку.— Идемте, я покажу.

Она улыбнулась и, сделав поворот на вращающемся кресле, встала из-за стола. Мини-юбка заканчивалась на три дюйма выше колен, талию обхватывал широкий красный пояс, длинные светлые волосы доходили до лопаток. За столом Анна Гилрой выглядела на девятнадцать, но, увидев, как умело она покачивает бедрами, Карелла накинул ей пять-шесть лет. Она шла впереди и время от времени оборачивалась, чтобы удостовериться, что идущий следом Клинг не спускает с нее глаз. Так оно и было. У двери кабинета Уиттерса она выждала паузу, улыбнулась Клингу и повернула ручку двери. Анна Гилрой встала так, что сыщикам пришлось протискиваться между ней и дверью.

— Здравствуйте, джентльмены,— сказал Уиттерс, глядя на Анну, которая вышла из кабинета и затворила за собой дверь.— Нимфоманка,— буркнул он и сказал

сыщикам: — Насколько я понимаю, вас интересует Энди Лейден?

— Да, сэр,— сказал Карелла.

— Меня зовут Джо Уиттерс, как вам уже, наверно, известно. А как зовут вас?

Детективы назвались, и Уиттерс обменялся с ними рукопожатиями. Это был человек лет пятидесяти пяти, седовласый и краснолицый, с желто-зелеными глазами. На его крупных руках виднелись пигментные пятна. На манжетах рубашки сверкали золотые запонки с монограммой, такая же монограмма была и на золотом овале, державшем галстук в нужном положении. У хозяина кабинета была привычка проводить ладонью по верхней губе и подбородку, словно он разглаживал невидимые усы и бороду. Говорил он с интонациями уроженца Среднего Запада, держался холодно. Уиттерс производил впечатление очень занятого человека, хотя на его столе не лежало ни листка бумаги.

— Что вы хотите знать? — спросил он.

— Давно ли Эндрю Лейден работает в фирме «Америкен трактор энд машин»?

— Около десяти лет.

— Кем?

— Специалист по сбыту. Коммерсант.

— Ему много приходилось ездить?

— Да.

— А точнее?

— Месяцев шесть в году.

— Сколько он зарабатывал?

— Тридцать пять тысяч в год. Плюс командировочные. Плюс премии.

— Значит, он был высокооплачиваемым служащим?

— Да.

— И хорошим работником?

— Да. Одним из лучших.

— Мог кто-то, по-вашему, желать его смерти?

— Нет.

— Вам он нравился?

— Лично мне?

— Да.

— Не очень,— ответил Уиттерс и после паузы добавил: — Мне вообще, признаться, мало кто нравится.

— Какую должность занимаете вы в «Америкен трактор энд машин»?

— Говорите АМТ, так проще.

- Хорошо, пусть в АМТ,— сказал Карелла.
- Я вице-президент, занимающийся вопросами сбыта,— сказал Уиттерс.
- Вы непосредственный начальник Лейдена?
- У нас есть заведующий коммерческим отделом, но сейчас он в командировке в Канаде.
- Между ним и Лейденом было какое-то соперничество?
- Если и было, я об этом ничего не знаю.
- А между Лейденом и его коллегами?
- Между коммерсантами всегда есть конкуренция,— сказал Уиттерс.— Благодаря этому и процветает бизнес. Но никто из них никогда не изъявлял желания убить кого-то из коллег. Это было бы слишком.— Уиттерс улыбнулся, но улыбка исчезла так быстро, что ни Клинг, ни Карелла не смогли бы с уверенностью ответить, была ли она вообще. Уиттерс снова провел рукой по губе и подбородку, словно стирая остатки улыбки.
- Лейден не метил на чье-то место?
- Нет.
- И не хотел получить чужой регион?
- Нет.
- Или доказать начальству, что кого-то повысили зря?
- Нет.
- Значит, ничего такого?
- Ничего.
- Он ладил с товарищами по работе? — спросил Клинг.
- В общем-то, да.
- Никаких трений?
- Мне про это ничего не известно.
- Как насчет сотрудниц?
- В каком смысле?
- В том самом,— сказал Клинг.— В амурном.
- Не больше обычного,— сказал Уиттерс.— Они все тут нимфоманки.
- Что значит не больше обычного, мистер Уиттерс?
- Ну, кто-то кого-то ушипнул, потискал... Романов он ни с кем не крутил.
- А кого вы имели в виду, мистер Уиттерс, говоря о нимфоманках?
- Всех,— отрезал Уиттерс.
- Все — нимфоманки? — переспросил Карелла.

— Да. Эти короткие юбки, блузки в обтяжку... Все нимфоманки!

— Тогда понятно,— сказал Карелла.

— Мы бы хотели осмотреть кабинет мистера Лейдена,— сказал Клинг.— Его стол, бумаги. Вдруг отыщется что-нибудь такое...

— Вряд ли. Он был в командировке, а мы всегда пересылаем корреспонденцию нашим сотрудникам туда, где они в данный момент работают.

— А где работал мистер Лейден?

— Калифорния, Орегон, штат Вашингтон.

— Когда он вернулся из последней командировки? — спросил Карелла.

— Он и сейчас должен был в ней находиться.

— Простите?

— Я говорю, он и сейчас должен был в ней находиться. От него пришла телеграмма из Сан-Франциско. Он сообщил, что в понедельник отправляется в Портленд. А понедельник как раз сегодня. Но его находят в субботу убитым в его собственной квартире, хотя он должен быть в Сан-Франциско.

— Когда он послал телеграмму?

— Мы получили ее в пятницу, в конце рабочего дня.

— Он не сообщал о намерении провести в Сан-Франциско выходные?

— Если хотите, я покажу вам телеграмму.

— Мы были бы вам признательны,— сказал Клинг.

Уиттерс вздохнул и нажал кнопку селектора:

— Джерри, отыщи телеграмму, которую на прошлой неделе мы получили от Энди Лейдена. Как найдешь, занеси.— Он отключил связь, буркнул: — Нимфоманка! — и в очередной раз провел рукой по подбородку.

— Как вы думаете, почему он так внезапно вернулся?

— Понятия не имею. Его не было только месяц. Он должен был ехать в Орегон и Вашингтон, так что спрашивайте, почему он вернулся, не меня, а кого-нибудь другого.

В дверь постучали, и Уиттерс крикнул: «Входите!»

В кабинет вошла маленькая женщина лет сорока. Неуверенной походкой она приблизилась к столу, подала телеграмму Уиттерсу, застенчиво улыбнулась сыщикам и поспешно вышла. Дверь мягко закрылась.

— Нимфоманка,— проворчал свое привычное Уиттерс, протянул телеграмму Карелле, и тот прочел:

ВЕСТЕРН ЮНИОН

Телеграмма

НО 26 (Э9) ВН 391 А ТУ 376 РК РОХ
ПО СФ Кал

М-ру Джозефу Уиттерсу

«Американ трактор энд машин» Биксби-стрит, 1211, Айзола

ЗАКАНЧИВАЮ ДЕЛА В САН-ФРАНЦИСКО ПРОВОЖУ ТАМ ВЫХОДНЫЕ С УТРА ПОНЕДЕЛЬНИКА В ПОРТЛЕНДЕ ОТЧЕТ ВЫСЫЛАЮ ПОЗВОНИТЕ РОЗЕ ПУСТЬ ПРИШЛЕТ НОВУЮ ЧЕКОВУЮ КНИЖКУ ИЗ ВЕРХНЕГО ЯЩИКА АВИАПОЧТОЙ ОТЕЛЬ ЛОГАН ПОРТЛЕНД ОРЕГОН ДЕЛА НОРМАЛЬНО ПРИВЕТ ЭНДИ

- У вас так принято? — спросил Карелла.
- Что именно?
- То, что ваши сотрудники сообщают о своих передвижениях?
- Конечно.
- Телеграфом?
- Большинство из них звонят по пятницам. Но Энди обычно давал телеграммы.
- Почему?
- Не знаю. Наверно, не любил говорить по телефону.
- И это тоже у вас принято?
- Что?
- Сотрудники просят сообщить женам...
- Да, конечно.
- Зачем, по-вашему, ему могла понадобиться новая чековая книжка?
- Может, у него кончились чеки,— пожал плечами Уиттерс.
- Но у него же были кредитные карточки фирмы.
- Были, но далеко не везде их принимают. Наши сотрудники записывают свои командировочные расходы, потом фирма их оплачивает. Чеки — удобная форма для учета.
- М-да,— сказал Карелла, возвращая телеграмму Уиттерсу.— Это последняя информация, полученная вами от него, так?
- Так.
- И вы думали, что он в Сан-Франциско?
- Тут же сказано: провожу там выходные.
- Его жена тоже думала, что он останется на выходные в Сан-Франциско?

— Наверно, ведь он просил позвонить, и, наверно, ей позвонили. Похоже, она считала, что он там. Его не было не больше месяца. Столько, сколько занимает поездка по Калифорнии.

— Как вы думаете, он ей сообщил, что возвращается?

— Насколько я знаю Энди, он бы послал ей телеграмму,— сказал Уиттерс, коротко улыбнулся и тут же стер улыбку с лица.

— М-да,— еще раз пробормотал Карелла.— Давайте все-таки осмотрим его кабинет.

— Давайте, но вряд ли вы там что-нибудь найдете.

— А может, в столе?

— И в столе тоже. Энди Лейден все свое носил с собой. Он постоянно разъезжал.

Как и сказал Уиттерс, в кабинете Лейдена не оказалось ничего, заслуживающего внимания. Кабинет находился в конце коридора. Маленькая комнатка с бежевыми стенами, расположенная между архивом и экспедицией. Большое окно с кондиционером в нижней части выходило на улицу. На стене напротив стола висел эстамп: набросок женской головы, работа Пикассо. К доске для объявлений приколоты кнопками вырезка из журнала — женщина на рисунке говорит коммивояжеру: «И не надейся, что я куплю у тебя эти щетки, Гарри! Я же твоя жена». Слово «щетки» было зачеркнуто и от руки написано «трактора». Тем же почерком вместо «Гарри» выведено «Энди».

Стол Лейдена был с металлической крышкой зеленого цвета. Насколько практично, настолько же незастенчиво. Слева, рядом с телефоном, стояла фотография жены Лейдена. Похоже, она была сделана перед свадьбой. На ней Роза Лейден в вечернем платье с глубоким вырезом, открывавшим родинку над левой грудью, натянута улыбалась в объектив. Кроме этого на столе было только пресс-папье. Карелла на всякий случай проверил промокательную бумагу, но она была чистой, если не считать одного чернильного пятнышка. В верхнем ящике стола лежали скрепки, блокнот, несколько карандашей и ластик. В задней части ящика был бланк фирмы АТМ. В трех боковых ящиках лежали телефонные справочники Айзолы, Калмз-Пойнта и Риверхеда, четыре желтых разлинованных блокнота, пара потертых кожаных мокасин, роман в бумажной обложке, отрывной календарь, на верхнем листке которого значилось третьего сентября, а также коробка шоколадных конфет, наполовину пустая.

Сыщики поблагодарили Уиттерса за уделенное им время и двинулись к лифту. Когда они проходили мимо секретарши, та сказала Клиngu:

— Как с вами связаться, если я вдруг что-то вспомню?

— Вы собираетесь что-то вспомнить? — осведомился Карелла.

— Кто знает? — сказала ему Анна и улыбнулась Клиngu.

Клинг вытащил из бумажника свою карточку и подал девице.

— Бертран,— вслух прочитала она.— Никогда еще не встречала человека с таким именем.

— Теперь вот встретили,— сказал Клинг.

— Встретила,— просияла Анна.

Вернувшись в следственный отдел, Карелла и Клинг узнали от Энди Паркера, что из ФБР по телетайпу поступил ответ на сделанный в субботу запрос насчет отпечатков. ФБР не располагало никакими сведениями. Что означало: во-первых, убийца не имел криминального досье и, во-вторых, не служил в армии. Это также означало, что он не состоял на государственной службе, поскольку у государственных служащих, как правило, брали отпечатки пальцев. В понедельник к двенадцати часам дня сыщики восемьдесят седьмого отделения поняли, что на сей раз им попался крепкий орешек.

Ружье, найденное на месте преступления, было шестизарядным помповым дробовиком калибра ноль двенадцать со стволом в три четверти дюйма. В патроннике имелась стреляная гильза, а в магазине — два целых патрона. Это были патроны марки «Ремингтон экспресс» с дробью номер два. Поделившись этой информацией с Кареллой, криминалисты из лаборатории сообщили ему серийный номер ружья. В понедельник, в десять минут первого, Карелла позвонил в городское отделение оружейной фирмы, назвал номер ружья и поинтересовался, где оно могло быть куплено. Сотрудник фирмы сказал, что должен поднять документы, и обещал перезвонить. Карелла продиктовал ему номер телефона следственного отдела восемьдесят седьмого участка и послал человека в соседнюю закусочную за сэндвичем. Он доел его со второй чашкой кофе, когда зазвонил телефон.

— Восемьдесят седьмой участок, Карелла.

— Говорит Фред Тиссен.
— Да, мистер Тиссен. Что-нибудь удалось выяснить?
— Вроде бы да. Назовите, пожалуйста, еще раз номер
ружья. Я не хотел бы ошибиться.

— А-37426.

— А-37426,— повторил Тиссен.— Да, у меня тот же
номер. Я проверил наши накладные за август, когда пар-
тия была отправлена в продажу. Поскольку сейчас мы
высылаем партию 376, я вычислил, что партия 374 долж-
на была пойти в августе.

— Так-так.

— Это ружье — кстати, модель 833-К — было от-
правлено вместе с однозарядным ружьем и двумя вин-
товками...

— Куда?

— И еще тогда же мы отправили нашу новую модель
ружья двадцатого калибра, которая существует в двух
видах — с чок-бором* и без него.

— Куда отправили, мистер Тиссен?

— В магазин спортивных товаров «Парамаунт».

— В Айзоле?

— Нет, в Ньюфилде. Это за рекой, в другом штате.

— Точный адрес есть?

— Да, Бартер, 1147.

— Большое спасибо, мистер Тиссен. Вы нам очень
помогли.

— Неужели наше ружье использовали в преступных
целях?

— Боюсь, что да.

— Мы были бы вам очень признательны, если бы
сведения об этом не попали в прессу.

— Мы обычно никому не сообщаем такие сведения,
мистер Тиссен.

— Спасибо вам.

— Это вам спасибо,— сказал Карелла.

То, что ружье было куплено в Ньюфилде, означало,
что убийца неплохо разбирался в правилах приобрете-
ния оружия. Несмотря на то что во многих районах Со-
единенных Штатов охотники (а также убийцы) могли
приобретать оружие относительно легко, в городе, где
жили и работали Клинг с Кареллой, все было несколько
иначе. Желающий купить оружие должен был сначала
получить разрешение, которое не выдавалось:

* Чок-бор — ствол, сужающийся у дула.

- 1) лицам, не достигшим восемнадцати лет;
- 2) лицам, ранее судимым;
- 3) лицам, страдающим психическими заболеваниями, алкоголизмом и наркоманией, если соответствующие специалисты не признали их здоровыми;
- 4) лицам с физическими дефектами, которые препятствуют безопасному обращению с оружием;
- 5) лицам, уволенным из вооруженных сил за нарушения дисциплины.

Кроме того, требовались две фотографии, сделанные не ранее чем за месяц до подачи заявления, и отпечатки пальцев.

Закон был суров, но справедлив.

Однако в городе Ньюфилде, расположенном на другом берегу реки, можно было купить ружье или винтовку в любом магазине, торгующем оружием, и единственное, что требовалось, это деньги для оплаты. Если вы намеревались ввезти оружие в этот город, закон требовал в течение сорока восьми часов подать заявление в полицию, и до получения регистрационного удостоверения оружие находилось в полицейском участке по месту жительства владельца. Но если вы покупаете ружье в Ньюфилде, чтобы застрелить двух человек, то вряд ли вы станете действовать, как того требует закон.

Магазин спорттоваров «Парамаунт» находился в самом центре Ньюфилда, в деловом квартале, представлявшем собой треугольник, сторонами которого служили границы китайского города, железнодорожной товарной станции и итальянского квартала. Владелец магазина был приятный человек с лунообразным лицом по имени Эйб Фельдман. Когда сыщики вошли в магазин, он как раз готовился выполнить заказ местной школьной команды по футболу — подбирал рубашки, щитки и шлемы. Прилавок был завален доспехами, столь необходимыми в этой воинственной игре.

Карелла и Клинг сообщили, кто они такие, и Фельдман сильно загрустил.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросил он. — Что-то случилось?

— Вы тут ни при чем, мистер Фельдман. Мы расследуем убийство...

— О Господи! — вздохнул Фельдман.

— ...и имеем основания полагать, что оружие куплено в вашем магазине. Мы хотели бы знать...

— О Господи! — повторил Фельдман.

— Не могли бы вы посмотреть по вашим квитанциям...

— Когда это было? — спросил Фельдман.

— Ружье поступило к вам после четвертого августа.

— Значит, август?

— Да.

— Я уже убрал все квитанции за август и сентябрь.

— Их трудно достать?

— Они в задней комнате, но там такой кавардак! Мне самому туда страшно входить.

— Но дело срочное...

— У меня сейчас самый разгар работы. Я подбираю форму для футбольной команды.

— Произошло убийство,— мягко напомнил Клинг.

— А это не убийство? — спросил Фельдман, показывая на гору футбольного обмундирования.— Ладно, пойдемте!

Задняя комната магазина Фельдмана была олицетворением беспорядка. Все углы забиты хоккейными клюшками, на крючках висели попеременно коньки и боксерские перчатки, к стенам прислонены лыжи и шесты для прыжков, удочки спутанными ворохами лежали на длинных полках, коробки с шариками для пинг-понга соседствовали с упаковками охотничьих ножей. На всем лежал толстый слой пыли.

— Какой кошмар! — вздыхал Фельдман.— Когда я сюда захожу, у меня разыгрывается язва. Значит, август?

— Во всяком случае, не раньше.

— Август, август,— бормотал Фельдман.— Где у нас тут август?

Он взял коробку с блеснами, сдул с нее пыль и поставил на полку, где лежали эспандеры, достал другую коробку, сдул пыль и с нее, покачал головой, сказал: «Нет, это июль»,— и взял еще одну коробку. «А тут что? — спросил он сам себя и тут же ответил: — Дробь»,— положил коробку на грудку хоккейных шайб, приподнял крышку большой коробки и сказал:

— Сентябрь! Может, начнете с сентября?

— Можно и так,— согласился Карелла.

— Куда бы ее поставить? — сказал Фельдман, озираясь по сторонам. Тут взгляд его упал на ящик с бейсбольными битами, и он водрузил коробку на него. Коробка оказалась доверху набитой квитанциями. Они полетели на пол, как только Фельдман снял крышку.

— Здесь их тысяч десять,— сказал Фельдман.

— Ну уж! — улыбнулся Карелла.

— Пусть пять, но все равно много.

— Когда вы продаете ружье, вы записываете его номер? — спросил Клинг.

— А как же! — воскликнул Фельдман. — В полном соответствии с законами нашего штата.

— Это касается пистолетов,— поправил его Карелла. — А как насчет ружей?

— Ах, ружей! Нет, не записываю,— опечалившись, ответил Фельдман. — Но ведь я не обязан этого делать, так?

— Так.

— Записывать не записываю. А что, у вас есть номер?

— Да.

— От него немного толку,— сказал Фельдман, покачивая головой.

— А как насчет номера модели? Вы не указываете его в накладной?

— Обязательно указываю! Кроме того, я не продаю ружья тем, кого не знаю лично. Вернее, продаю, но записываю имя и адрес покупателя.

Карелла кивнул. Клинг назвал Фельдману фирму и номер модели — 833-К, и все трое стали рыться в квитанциях. В коробке, как подсчитал Клинг, их было пятьсот тридцать семь. Ни на одной не значилось ружье этой модели.

— Выходит, оно было продано в августе,— сказал Карелла.

— Ну и везет же мне,— откликнулся Фельдман.

Видно было, что им овладел азарт следопыта. Ему очень хотелось найти квитанцию и внести свой вклад в поимку убийцы. Он старательно искал в захламленной и запыленной комнате коробку с квитанциями за август. Наконец ему улыбнулась удача: он нашел ее в дальнем углу комнаты, на нижней полке под шестью упаковками теннисных мячей.

Клинг снова взялся считать квитанции, которые они просматривали втроем. На квитанции номер двести двенадцать Фельдман воскликнул: «Вот она!»

Сыщики уставились на бумажку.

— Видите,— сказал Фельдман,— вот фамилия, вот адрес. Когда я продаю ружье незнакомому человеку, я все записываю. Мало ли что случится, вдруг какой-нибудь псих задумал убить президента, верно я говорю?

Покупателя звали Уолтер Дамаск, и жил он в доме двести тридцать четыре по Южной Второй улице. Ружье стоило семьдесят четыре доллара девяносто пять центов плюс пятипроцентный федеральный налог с продажи и двухпроцентный местный.

— Сколько вы продали таких ружей в августе? — спросил Клинг.

— Господь с вами. Ко мне поступило только одно такое ружье.

— Значит, ружье купил некто Дамаск?

— Да.

— Неужели это настоящее имя? — спросил Клинг.

— Вы не просили его предъявить удостоверение личности, мистер Фельдман? — спросил Карелла.

— Не просил.

— Почему?

— Я никогда не спрашиваю удостоверений.

— Но когда вы продаете оружие незнакомому человеку, то записываете его фамилию и адрес?

— Да.

— А удостоверения не спрашиваете?

— Нет.

— Зачем же тогда записывать? — спросил Карелла.

— Я как-то об этом не задумывался, — пожал плечами, ответил Фельдман. — Вообще-то я не обязан записывать. В нашем штате можно купить ружье или винтовку без специального разрешения. Без ничего! Я записываю фамилии и адреса просто так, на всякий пожарный случай. Вдруг какой-то псих что-то задумал... Вы понимаете, что я имею в виду.

— Еще как, — сказал Карелла.

4

Дом двести тридцать четыре по Южной Второй улице оказался угловым. Это здание из красного кирпича когда-то считалось шикарным. Оно было богато украшено лепниной, а верх арки венчало скульптурное изображение женской головы с отбитым носом и голубой надписью на губах «Сюда». Когда Карелла и Клинг подошли к подъезду, у дверей на улице стояли двое парней. Учув сыщиков, они напряженно смотрели, как те изучают фамилии на почтовых ящиках. Однако вслух парни ничего не сказали.

Уолтер Дамаск жил в квартире тридцать один.

На лестнице воняло трущобой. Трущобные звуки раздавались в коридорах, за дверями квартир и во дворе. Всюду кипела жизнь, невидимая, напряженная, порой очень бурная. Обитатели этой многослойной каменной пещеры, вонявшей мочой и прогорклым жиром, ели, пили, спали, занимались любовью и испражнялись. На площадке второго этажа на Клинг и Кареллу уставилась крыса размером с кошку. Свет, проникавший с улицы через окно, отражался в бусинках крысиных глаз. Карелла, уже на всякий случай вытащивший револьвер, чуть было не выстрелил, но вовремя сдержался. Крыса не отступила, и, когда сыщики, прижимаясь к перилам, прошли мимо, она повернула голову и посмотрела им вслед, готовая в любой момент пуститься наутек.

Квартира тридцать один находилась в середине коридора. Клинг подошел к двери, послушал, что творится внутри, покачал головой, отошел и прислонился спиной к противоположной стене. Карелла занял позицию рядом с дверью, снял револьвер с предохранителя и положил палец на спусковой крючок. Клинг хорошенько оттолкнулся от стены и со всей силой ударил ногой в дверь чуть выше замка. Дверь распахнулась. Клинг ураганом ворвался в комнату, и Карелла с револьвером в руке последовал его примеру.

В комнате никого не было.

Они прочесали всю квартиру. Дверь ванной была закрыта. Карелла медленно левой рукой повернул ручку, рывком распахнул дверь и, держа револьвер перед собой, вошел. В ванной тоже было пусто.

— Позови техника, — сказал он Клингу. — А я посмотрю, нет ли здесь чего интересного.

Квартира была маленькой и очень грязной. Входная дверь, так ловко выбитая Клингом, находилась как раз напротив гостиной. В углу стоял гарнитур из трех предметов: одно кресло с золотой обивкой, другое — с голубой и темно-бордовая тахта. Над телевизором висела репродукция картины под Рембрандта — улыбающийся крестьянин с трубкой. На тахте валялась иллюстрированная утренняя газета. Номер был от девятого сентября. На полу стояли банки из-под пива и полная окурков пепельница. На кухне в мойке скопился недельный запас грязных тарелок, а на столе стояла посуда с остатками завтрака. Судя по окаменевшим овсяным хлопьям в чашке, последний раз Дамаск завтракал здесь месяца два назад, примерно в то время, когда купил газету. На полу

в ванной, возле унитаза, Карелла обнаружил открытый номер «Лайфа», на умывальнике — безопасную бритву и комья застывшего крема для бритья. Куда бы ни отправился Дамаск, бритву он с собой не взял. Около крана холодной воды лежали два кусочка туалетной бумаги с крошечными пятнышками крови. Похоже, хозяин брился, порезался и воспользовался туалетной бумагой, чтобы остановить кровь. В раковине у стока застряли волосы и кусочек мыла «Айвори». У одной из гнутых на старинный манер ножек ванны лежали скомканные мужские трусы. За тюбиком пасты на умывальнике гнездились тараканы, по полу бегали мокрицы. Ванная комната была, пожалуй, самым прелестным уголком в квартире.

Немногим уступала ей спальня.

Неубранная кровать выглядела отвратительно: подушка лоснилась от жира, а простыни были заляпаны спермой. На ночном столике стояла коробка, в которой, судя по надписи, находились противозачаточные средства. Карелла потряс коробку над кроватью, и из нее вывалились два презерватива. В комнате пахло грязным бельем и окурками. Карелла подошел к окну и распахнул его. На ступеньке пожарной лестницы примостились порожняя молочная бутылка и коробка из-под крекеров. В квартире дома напротив женщина в цветастом халате убирала кухню и что-то напевала. Вздыхнув, Карелла отошел от окна.

В единственном стенном шкафу на полу лежала груда грязных сорочек и нижнего белья. На вешалке одиноко висел коричневый костюм. Взглянув на ярлык, Карелла не без удивления отметил, что он куплен в одном из самых дорогих магазинов мужской одежды. На полке лежала мягкая серая шляпа. В дальнем углу шкафа Карелла обнаружил открытую шкатулку, а в ней «Айвер Джонсон» калибра ноль двадцать два и семнадцать патронов.

На комод в спальне стояла бутылка виски, спиртного в ней оставалось пальца на три. Рядом два стакана, причем на одном из них виднелись следы помады. На комод лежала коробка спичек и смятая пачка из-под сигарет «Уинстон». Когда Карелла открывал ящик комода, вошел Клинг вместе с техником-смотрителем. Это был колченогий негр лет сорока пяти в грубых хлопчатобумажных брюках и черном свитере. У него был вид человека, очень недовольного тем, что, во-первых, он негр и, во-вторых, колченогий. Он явно не любил белых, не любил людей,

пышущих здоровьем, и полицейских. Тем не менее он терпеливо ждал, когда его начнут допрашивать двое белых и абсолютно здоровых полицейских.

— Это техник-смотритель,— сказал Клинг.— Его зовут Генри Янси.

— Здравствуйте, мистер Янси,— сказал Карелла.— Я детектив Карелла, а это мой коллега детектив Клинг.

— Я уже с ним познакомился,— буркнул Янси.

— Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

— А если возражаю? — отозвался Янси.

— Нам просто хотелось бы узнать кое-что о жильце этой квартиры.

— Что именно? — спросил Янси.— Спрашивайте побыстрей, а то мне надо на улицу, забирать мусорные баки. Иначе полиция меня оштрафует.

— Мы постараемся вас не задержать,— сказал Карелла.— Кто снимает эту квартиру?

— Уолтер Дамаск.

— Он давно здесь живет?

— Года три-четыре.

— Женат?

— Нет.

— Живет здесь один?

— Как сказать,— пожал плечами Янси.— Вообще-то один, но, когда он здесь, к нему ходят женщины.

— Он здесь редко бывает?

— Бывает, но не регулярно.

— Нельзя ли поточнее?

— Он то появляется, то снова куда-то исчезает. Я не задаю вопросов, если жилец исправно платит за квартиру.

— А он платит исправно?

— Владелец дома не жалуется, значит, платит. Я здесь только техник-смотритель.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Не помню.

— Недавно?

— Не помню.

— Может, в сентябре?

— Говорят вам, не помню.

— Мистер Янси, нам бы очень не хотелось тревожить жильцов на этаже, чтобы выяснить, когда Дамаск был здесь в последний раз.

— Это же ваша работа,— сказал Янси и уточнил: — Тревожить людей.

— Ничего подобного,— сухо заметил Клинг.— Наша работа — найти человека, подозреваемого в убийстве.

— А кого убили? — спросил Янси.

— Почему вас это интересует? — в свою очередь полюбопытствовал Карелла.

— Просто так,— пожал плечами Янси.

— Попробуйте все-таки вспомнить, когда вы в последний раз видели Дамаска.

— Не то в конце лета, не то в начале осени.

— До Дня Труда*?

— Вроде бы.

— И с тех пор не встречали?

— Я не уверен, что и тогда его видел.

— В этом месяце вы его видели?

— Нет.

— Значит, в октябре не видели, так?

— Так.

— Но в сентябре вы его видели, причем, как вам кажется, до Дня Труда, так?

— Так.

— Он был один?

— С ним была женщина.

— Вы знаете, кто она?

— Нет, он все время приводил новых женщин.

— Эту женщину вы прежде встречали?

— Пару раз.

— Но не знаете ее имени?

— Нет, не знаю.

— Как она выглядела?

— Не помню.

— Белая, негритянка?

— Белая.

— Волосы?

— Рыжие.

— Глаза?

— Не помню.

— Хорошенькая?

— Для белой женщины хорошенькая.

— Сколько же ей лет?

— Лет тридцать.

* День Труда празднуется в США в первый понедельник сентября.

- Она из здешних?
- Не думаю. Я видел ее, только когда Дамаск приводил ее к себе.
- Часто приводил?
- По крайней мере несколько раз.
- Сколько лет Дамаску?
- Лет сорок.
- Как он выглядит? — спросил Карелла.
- Вашего роста, темные волосы, голубые глаза. Хорош собой.
- Ты слышал, Берт? — сказал Карелла.
- Угу, — отозвался тот, не отрывая глаз от блокнота.
- Он белый? — решил уточнить Карелла.
- Белый.
- Цвет лица?
- Я же сказал — белый.
- А точнее? Смуглый, бледный, желтоватый?
- Лицо светлое такое...
- Телосложение?
- Примерно как ваш приятель.
- Усы или бороду носит?
- Нет.
- Шрамы есть?
- Нет.
- Татуировка?
- Нет.
- Какие-то особые приметы?
- Вроде никаких.
- Физические дефекты?
- Вы имеете в виду, не колченогий ли он?
- Я имею в виду вообще любые физические дефекты, — не дрогнув Карелла.
- Нет, никаких дефектов.
- Так, теперь о голосе. Какой у него голос?
- Голос как голос...
- Хриплый, приятный, мягкий, женственный?
- Он не пед!
- Шепелявит, может, или заикается?
- Нет, ничего такого. Голос вроде бы мягкий. И еще он говорит быстро. Очень быстро.
- Берт! — сказал Карелла. — У тебя вопросы есть?
- Кольца, перстни...
- Носит ли он кольца или какие-то другие украшения?
- У него было кольцо с инициалами.

— С какими? «У» или «Д»?
— «У».
— На правой или на левой руке?
— На правой вроде бы.
— Еще что-нибудь?
— Браслет.
— Золотой, серебряный?
— Серебряный.
— На нем что-нибудь выгравировано?
— Я вблизи его не видел,— сказал Янси.
— Вы не знаете, где работал Дамаск?
— Нет, я здесь только техник-смотритель.
— Но вы уже нам очень помогли, мистер Янси,— сказал Карелла.

— Вы отлично обрисовали этого человека,— уточнил Клинг.

Янси подозрительно на них посмотрел. Он не ждал от белых ничего хорошего и скептически покачал головой, давая понять этим ищейкам, что его грубой лестью не проймешь.

— Мне надо идти к моим мусорным бакам,— сухо напомнил он.

— Если что, мы поговорим с патрульным,— пообещал Карелла.

— Как же! И штраф, наверно, заплатите?

— Штрафа не будет, мистер Янси. Попробуйте вспомнить, когда Дамаск обычно уходит из дома и когда возвращается?

— Если у него и есть работа, то ночная,— сказал Янси.— Здесь я его встречал только днем.

— Он уходит из дому по вечерам?

— Вроде да.

— В какое время?

— Часов в восемь, девять.

— Но вы не знаете, куда он направляется?

— Нет.

— Спасибо вам, мистер Янси.

— Это все?

— Все. Спасибо.

Янси похромал к двери. Прежде чем выйти из квартиры, он повернулся и спросил:

— Но с глазами-то у меня порядок, верно?

— В каком смысле? — не понял Карелла.

— Обрисовал-то я вам его как следует,— буркнул Янси и был таков.

Карелла подошел к комоду. В верхнем ящике, в коробке с булавками для галстука и запонками, он обнаружил неоплаченный еще чек на сто десять долларов семьдесят девять центов, выписанный на имя Уолтера Дамаска. Его подписал некто Дэниэл Кадахи из «Уютного уголка».

— Что-нибудь важное? — спросил Клинг.

— Надеюсь, — ответил Карелла.

«Уютный уголок» был ночным клубом с баром в Риверхеде на Довер-Плейнз-авеню. Владельца звали Дэниэл Кадахи. Когда Карелла с Клингом пришли к нему в пять вечера, он обедал.

— В этом заведении обедаешь не когда хочется, а когда есть возможность, — объяснил хозяин. — Еще немного, и здесь будет настоящий дурдом.

Кадахи был невысокого роста, с лысой головой и сломанным носом. На правом виске — шрам от ножа, правый глаз то и дело подергивался, может, при мысли о том, как его в свое время чуть не выкололи. Кадахи сидел за столиком у стойки бара, ел бифштекс с жареным картофелем и запивал пивом «Хайнекен». Бар был обставлен в псевдоуютном стиле: скатерти в клетку, деревянные панели по стенам, фальшивые свечи-лампочки на столах. В одном конце зала было место для танцев, там стояли инструменты. Судя по надписи на большом барабане, группа, игравшая в баре, называлась «Мародеры Кена Мерфи».

Кадахи пригласил детективов сесть, что они и сделали, в то время как Кадахи продолжал расправляться с бифштексом. Прожевывая очередной кусок, он сказал:

— Ну конечно, я знаю Уолли. И куда же подевался этот тип?

— Он у вас работает?

— Вышибалой.

— Каждый день?

— Кроме воскресенья. По воскресеньям заведение закрыто.

— Когда вы видели его в последний раз, мистер Кадахи?

— Вечером в пятницу. Он должен был выйти на работу и в субботу, но не вышел. Жду его сегодня, но придет или нет, никому не известно.

— Он не звонил?

— Нет.

— А вы ему?

— У него нет телефона.

— С ним никак нельзя связаться?

— Он живет в Айзоле в какой-то жуткой трущобе.

Я туда не поеду, хоть озолоти!

— Он живет на Южной Второй, правильно?

— Вроде бы. Там сплошные негры и пуэрторики.

Я бы не сунул туда носа даже в сопровождении отряда Национальной гвардии.

— У него, значит, телефона нет?

— Нет.

— Как же так?

— В каком смысле?

— Редко у кого нет телефона.

— Да он там толком и не живет. Невелика разница, есть у него телефон или нет.

— Если он живет не там, то где? — спросил Клинг.

— А черт его знает! Он работает, остальное меня не колышет. В его частную жизнь я не вмешиваюсь. За семьдесят пять долларов в неделю он выбрасывает из клуба тех, кто поднимает волну. Таков наш уговор. А жить он может, где ему взбредет в голову, — хоть в парке на скамейке. Мне все равно.

— Он не женат, как вы думаете?

— Если да, то у него целый гарем.

— То есть?

— На нем всегда виснут девки. Он у нас красавчик.

Вроде бы даже собирался стать актером.

— Он когда-нибудь говорил вам, что женат?

— Нет. По-моему, он холостяк. Парню с такой внешностью и жениться-то глупо!

— Значит, в пятницу вечером, как вы сказали, он был здесь?

— Да.

— В какое время?

— Пришел к девяти. Ушел, когда закрылись.

— А именно?

— В два. Обычно в будни мы закрываемся в час. В пятницу — в два. В субботу — в три. В воскресенье вообще не работаем. Вот так.

— Значит, он ушел в два?

— Да. Я с ним расплатился, и он исчез.

— Этот чек вы ему дали? — спросил Карелла и вынул из кармана трофей.

— Мой чек. Я плачу раз в две недели. Это его заработок за две недели минус страховка и что забирает государство. Остается как раз сто десять долларов семьдесят девять центов.

— Это означает, что он был у себя между субботой и понедельником,— сказал Клинг.

— Что, что? — не понял Кадахи.

— Мысли вслух,— пояснил Карелла.

— А! — сказал Кадахи и подлил себе пива из бутылки.— Вы, ребята, не желаете выпить или закусить?

— Нет, спасибо,— поблагодарил Клинг.

— Слишком рано для вас?

— На работе не положено,— объяснил Карелла.

— Эх, если бы мне платили по пять центов за каждого полицейского, которому не положено пить, а он все равно заходит ко мне и принимает по три порции! Особенно зимой.

— М-да,— только и сказал Карелла.

— А зачем вам понадобился Уолли? Он что-то натворил?

— Не исключено.

— Вы нам не дадите знать, если он появится? — спросил Клинг.

— Почему бы и нет? А что он сделал?

— Убил кое-кого.

Кадахи присвистнул и снова отхлебнул пива.

— Вы когда-нибудь видели его с оружием? — спросил Клинг.

— Нет.

— На работе он не носит ничего такого?

— Нет.

— Мы имеем в виду «Айвер Джонсон» калибра ноль двадцать два,— пояснил Карелла.

— Я как-нибудь отличу «Айвер Джонсон» калибра ноль двадцать два от «паккарда» выпуска тридцать седьмого года,— хмыкнул Кадахи.— Он что, из этой пушки стрелял?

— Нет,— сказал Карелла и нахмурился.

— И когда он отличился?

— В ночь на субботу.

— После того как ушел отсюда?

— Похоже.

— Он не мог ничего такого сделать,— отрезал Кадахи.— Если, конечно, она его в это не впутала.

— Кто?

- Эта девка.
- Какая девка?
- Он ушел отсюда в пятницу с какой-то девкой.
- Кто такая?
- Не знаю. Но я ее видел здесь и раньше. Она иногда приезжала за ним в желтом «бьюике».
- Как она выглядит?
- Хорошенький помидорчик, — сказал Кадахи. — Рыжие волосы, зеленые глаза, все на месте.
- Говорите, он ушел с ней в ночь с пятницы на субботу?
- Да.
- В два часа?
- Так точно.
- Она была в «бьюике»?
- Да, она всегда ездит в этой подводной лодке.
- Дамаск не сказал, куда они собираются?
- Куда бы вы поехали с хорошенькой девицей в два часа ночи? — осклабился Кадахи.

До Южной Второй сыщики добрались за сорок две минуты. Они ехали спокойно, не превышая скорости, а затем внесли поправку на слабое движение в два часа ночи и выкли десять минут. Это означало, что Дамаску и его рыжеволосой подруге потребовалось около получаса, чтобы доехать из «Уютного уголка» до его квартиры. Если они отправились именно туда, то должны были приехать примерно в половине третьего. Правда, не исключено, что они направились к рыжеволосой. А может, сразу поехали к Лейденам, где Дамаск выстрелил четыре раза — по два в каждого из супругов, а девица стояла и смотрела. Это выглядело не очень правдоподобно, но Карелла и Клинг были опытными полицейскими и знали, что, когда дело касается убийства, ничего неправдоподобного быть не может.

Генри Янси как сквозь землю провалился. Они поднялись на третий этаж и постучали в квартиру тридцать три.

- Кто там? — раздался женский голос.
- Полиция.
- Дьявол! — выругалась женщина.

Детективы ждали у запертой двери. Затем послышались шаги, звякнула цепочка, щелкнул замок. Дверь открыла женщина лет сорока, на голове у нее были бигуди, а сверху наброшен платок. Она была в переднике и в руке держала деревянную ложку.

— Что случилось? — спросила она. — Я готовлю ужин. Карелла показал ей значок и сказал:

— С вашего разрешения мы зададим вам несколько вопросов.

— А что случилось? Мы ничего такого не сделали.

— Вы были дома ночью в пятницу?

— Да — и я, и муж. Так что, если где-то что-то стряслось, мы к этому отношения не имеем.

— В половине третьего вы спали?

— Да.

— Вы не слышали, кто-нибудь проходил по лестничной площадке?

— Говорю вам, мы спали.

— И ничего не слышали?

— А вы слышите, что происходит вокруг, когда спите? — спросила женщина.

— Благодарю вас, — сказал Карелла, и женщина захлопнула дверь.

— Не могу взять в толк, зачем он покупал ружье, если у него в шкафу был револьвер, — задумчиво произнес Карелла.

— Я многого тут не могу взять в толк, — ответил Клинг. — Зайдем в тридцать вторую.

Женщина из этой квартиры сообщила им, что в пятницу вечером ходила на собрание «Американского легиона» и вернулась с мужем домой в половине четвертого. Ничего подозрительного она не заметила.

— Вы ничего не слышали? — спросил Карелла.

— Ровным счетом ничего.

— А обычно вы слышите, что творится у соседей?

— Ну, стены-то довольно тонкие.

— Как, по-вашему, туда никто не входил?

— В каком смысле? Что, их ограбили? У нас в доме недавно обокрали несколько квартир.

— Нет, никого не ограбили, — сказал Карелла. — Просто мы пытаемся узнать, был ли в ночь на субботу Уолтер Дамаск у себя или нет.

— Не был, — ответила женщина.

— Откуда вы знаете?

— Я видела его внизу, возле дома.

— И что же он там делал?

— Садился в желтый автомобиль.

Они снова поехали в центр — такой уж сегодня вы-

дался день — и установили, что добраться от Южной Второй до квартиры Лейденов на Саут-Энджелс-стрит можно минут за двадцать (опять-таки если сделать десятиминутную поправку на ночное движение). Это означало, что Дамаск мог выехать от своего дома примерно в половине четвертого (проведя час в обществе загадочной рыжеволосой девушки) и приехать к Лейденам без двадцати четыре. Если добавить пять минут на езду в лифте или подъем на третий этаж на своих двоих, можно считать, что убийство произошло в три сорок пять. Глубокой ночью кто-то четырежды выстрелил из ружья, и ни одному из жильцов не пришлось в голову заявить об этом в полицию!

Тут было о чем подумать.

Было уже полвосьмого, и оба сыщика сильно устали. Они решили, что раздумья можно отложить до утра. Карелла позвонил в следственный отдел и сообщил, что они заканчивают смену. Детектив Майер Майер, дежуривший у телефона, сказал на это: «Короткая сегодня смена». Впрочем, так он говорил всегда, независимо от того, кто во сколько звонил, чтобы сообщить, что заканчивает работу.

Его работа только начиналась.

Дело в том, что зарезали женщину.

Никакой пикантности, никакой эротики. Просто в грудь ей вонзили хлебный нож — самое заурядное убийство. Нападавший, судя по всему, нанес удар снизу вверх, а не сверху вниз, потому что нож был воткнут под левую грудь. Пол кухни был в крови, женщина лежала у раковины в осколках битой посуды. Похоже, убийца напал на нее в тот момент, когда она мыла тарелки. В общем, заурядное убийство, из тех, что случаются вечером в понедельник. Просто женщина лежала на полу в луже собственной крови, а в груди у нее торчал хлебный нож.

Майер Майер прибыл на место преступления в три минуты первого ночи.

Патрульный Стюарт Коллистер позвонил в участок в двадцать три пятьдесят пять, после того как на улице к нему подошел человек и сказал: «Извините за беспокойство, там наверху лежит мертвая птичка!» Этой птичкой и оказалась женщина лет пятидесяти с хлебным ножом в груди. Ее потускневшие карие глаза глядели в по-

толок, большой рот был искусно уменьшен помадой. На ней было черное платье, черные чулки, черные лакированные туфли и нитка жемчуга. От нее уже пахло, так как лежала она давно. Цвет лица нельзя было назвать очень уж свежим, потому что радиаторы отопления работали вовсю и в такой жарнице разложение шло полным ходом. В общем, самая обыкновенная смерть от удара ножом.

Майер вышел поболтать с ребятами из отдела по расследованию убийств, затем пообщался с фотографом и только после этого отыскал патрульного Коллистера, который допрашивал человека на улице.

Тот выглядел слишком уж лихо для своих лет. Майер решил, что ему шестьдесят с небольшим. На нем был синий блейзер с медными пуговицами, бежевые отутюженные брюки, голубой свитер-водолазка, а на ногах — коричневые замшевые сапоги. Седые волосы он причесывал так, как это, наверно, делал Юлий Цезарь до того, как начал лысеть и пристрастился к лавровым венкам. Свидетеля звали Барнабас Коу, и он сгорал от нетерпения рассказать Майеру, как обнаружил труп.

— Во-первых, как ее зовут? — спросил Майер.

— Марджи Ридер. Маргарет.

— Возраст?

— Пятьдесят два года.

— Это ее квартира?

— Да.

— Итак, я вас слушаю.

Они стояли у входа в квартиру, а мимо них сновали криминалисты со своим оборудованием. Приехал судмедэксперт; из квартиры вышел фотограф, чтобы взять лампу-вспышку из кожаной сумки, которую оставил в коридоре. Появился сотрудник окружной прокуратуры, поздоровался с Майером и направился к ребятам из отдела по расследованию убийств, чтобы вместе с ними предаться воспоминаниям о незабываемых убийствах, которые им довелось расследовать. Майер был высоким голубоглазым человеком, и свою лысину он не пытался скрыть под шляпой. Императорская прическа Барнабаса Коу приходилась ему как раз по подбородок. Коу говорил, глядя в глаза Майеру, голова его тряслась от возбуждения, голубые глаза сверкали.

— Мы с Марджи были друзьями. Жили на одной лестничной площадке. Когда, кстати, это было? В шестидесятом году, нет, в шестьдесят первом. Никаких аму-

ров, но дружить дружили. Безумная женщина эта самая Марджи. Мне она нравилась. Потом ей пришлось уехать, потому как здесь жить гораздо дешевле, а денежный ручеек иссяк.

— То есть?

— Страховка за мужа. Он сыграл в ящик сразу после войны. Я имею в виду ту большую войну.

— Отчего он умер?

— Рак легких,— сказал Коу и, помолчав, добавил: — Хотя в жизни не выкурил ни одной сигареты.

Майер кивнул. Он с восхищением рассматривал пеструю одежду Коу, слушал его бойкую речь и ждал, когда же тот стянет с себя резиновую маску шестидесятилетнего старца и покажет миру свое юношеское лицо.

— Так или иначе,— продолжал Коу,— мостов мы не сжигали, даже когда она перебралась сюда. Квартал, что и говорить, не рай, можно сказать, это просто выгребная яма. Верно я говорю? Дешевка — она всегда дешевка. Что за радость жить в свинюшнике? Не понимаю.

— Никакой радости,— согласился Майер, глядя на морщинистое, усталое лицо своего собеседника. А тот, поблескивая глазами, продолжал рассказ:

— Марджи, конечно, не жила в свинарнике. У нее очень даже симпатичная квартирка. Для этих мест,— уточнил он.

— Само собой,— отозвался Майер.

— Она время от времени заезжала ко мне, когда бывала в центре, ну и я иной раз заглядывал к ней. Она, после того как переехала, завела себе новое хобби — стала писать стихи. Представляете?

— Угу,— ответил Майер.

— Когда я к ней приезжал, она всегда угощала меня своей писаниной. «О город-великан, твои объятия душат, и терпкий запах твоих сточных канав — твой едкий пот — пьянит и вызывает отвращение...» Лихо?

— Еще как,— согласился Майер.— А вы, собственно, что здесь...

— Сегодня у меня было свидание с маленькой пуэрториканской птичкой, у нее гнездышко на Эйнсли. Прелесть, просто прелесть! Огромные карие глаза, маленькое упругое тело. Конфетка!

Майер промышал что-то неопределенное.

— Должен был доставить ее домой в целости и сохранности к половине двенадцатого. Родители строгие, как не знаю кто. Слава Богу, они не послали с ней ду-

энюю. Ей только девятнадцать, а когда имеешь дело с сеньоритами, всего можно ожидать.

Коу улыбнулся и подмигнул Майеру. Тот чуть было не подмигнул ему в ответ, но вовремя взял себя в руки.

— Время у меня оставалось — девать некуда, вот я и решил нагряться к Марджи. Узнать, как она поживает, послушать ее новые вирши. «Твой волосатый инкубус вселяет ужас» — это еще один ее перл. Жуть, да?

— Жуть. Что же вы увидели, когда пришли?

— Я постучал в дверь. Никто не ответил. Я снова постучал, опять молчание. Потом повернул ручку. Сам не знаю зачем. Обычно ведь как бывает: стучишь — не открывают. Значит, никого нет дома. Ты поворачиваешься и уходишь. Верно?

— Верно.

— Но я повернул ручку, и дверь открылась. Я окликнул ее: «Марджи!» Мне никто не ответил. Я заглянул в квартиру. Запашок — будь здоров! Это меня удивило. Марджи всегда была такой чистюлей, что просто кошмар. В общем, я взял и вошел. И увидел ее в кухне на полу с ножом в груди.

— И что вы сделали?

— Закричал.

— А потом?

— Побежал вниз.

— Потом?

— Нашел патрульного и сказал ему, что в квартире наверху — убитая. Я сказал, что Марджи убили. — Коу помолчал и спросил: — Вам нужно имя сеньориты?

— Зачем?

— Чтобы проверить мой рассказ. — Коу пожал плечами. — Чтобы удостовериться, что я провел с ней вечер, а не зарезал бедняжку Марджи.

— Судя по виду бедняжки Марджи, — сказал Майер, — мне следовало бы поинтересоваться, что вы делали неделю назад.

5

Его прогноз не подтвердился.

Впрочем, он не был судмедэкспертом. Увидев лицо убитой, Майер предположил, что она лежит здесь уже неделю.

Судмедэксперт придерживался другого мнения. В квартире всю работу отопление — большая ред-

кость в октябре для таких трущоб. Владельцы домов в этих районах приберегают топливо на январские и февральские холода и до конца декабря стараются лишнего не тратить. Но окна квартиры были наглухо закрыты, в квартиру никто не входил, и никто из нее не выходил, а значит, она не проветривалась, и в тепле бедная Марджи Ридер плохо сохранилась.

По мнению судмедэксперта, это случилось в пятницу вечером.

Несчастную птичку отправили на тот свет именно тогда, а может, чуть раньше или чуть позже, если принять во внимание, что температура в квартире — величина переменная. Майер не мог взять в толк, как городские власти надеются справиться с демографическим взрывом. Обитателям трущоб после одиннадцати вечера остается единственная радость — забраться под одеяло и попробовать согреться. Он спросил судмедэксперта, не пыталась ли Марджи Ридер в пятницу вечером согреться известным способом, на что тот ответил только, что следов спермы во влагище покойной не обнаружено. Кроме того, бедняжка была полностью одета. Кто-то просто взял и всадил нож в несчастное создание — самое что ни на есть заурядное убийство.

Судмедэксперт, попрощавшись, отбыл. Майер заступил на дежурство в шестнадцать ноль-ноль, прошло уже полчаса, надо было раскалывать этот орешек. Он позвонил лейтенанту и спросил, кто будет работать с ним в паре. Бернс ответил, что Коттон Хоуз. Они уже собирались ехать на квартиру убитой, как у низкой деревянной перегородки, отделявшей следственный отдел от коридора, появился человек.

— Кто тут у вас ведет дело об убийстве Марджи Ридер? — спросил он.

— Я, — отозвался Майер.

— Можно войти?

— Конечно. — Майер встал и открыл дверцу в перегородке.

Человек держал перекинутое через руку пальто, в другой руке у него была шляпа. Посетитель явно неуютно чувствовал себя в синем строгом костюме: казалось, что он надел его специально для визита в полицию, но с большим удовольствием оказался бы в спортивной куртке или свитере. Он сел на предложенный Майером стул и уставился на Хоуза, который подсел к столу.

— Я детектив Майер, — сказал Майер. — А это мой

коллега, детектив Хоуз. Мы вместе работаем над этим делом.

— А я Джим Мартин,— представился посетитель.

Это был крупный человек с широкими плечами, большим бугристым лицом и тяжелыми сильными руками уличного забияки. Его каштановые волосы были подстрижены коротко, по-военному, а темные глаза казались почти черными. Он сидел рядом с Хоузом и подавлял его своими размерами, хотя тот весил под сто килограммов и ростом был почти метр девяносто. Возникало ощущение, будто Джим Мартин вот-вот выскочит из тесного костюма и заполнит своим телом следственный отдел, а может, и весь участок. По тому, как он сжимал и разжимал огромные кулаки, облизывал губы и поглядывал на Хоуза и на Майера, чувствовалось, что посетитель сильно нервничает. Детективы терпеливо ждали. Наконец Майер прервал молчание:

— Мы вас слушаем, мистер Мартин.

— Я ее знал,— сказал тот.

— Вы знали миссис Ридер?

— Я не знал, что она была замужем,— ответил Мартин.

— Она вдова. Ее муж умер вскоре после войны.

— Я этого не знал.

Он снова замолчал, сжал в кулак правую руку, затем левую. Его шляпа упала на пол, он подобрал ее и виновато посмотрел на Хоуза, который пристально наблюдал за странным посетителем.

— Итак, вы знали ее,— подсказал Майер.

— Да.

— Откуда?

— Я бармен.

Майер кивнул.

— Где вы работаете, мистер Мартин?

— В «Перри». Знаете такой бар? Он на Дебек-авеню.

— Знакомы с этим заведением,— кивнул Хоуз.

— Сегодня утром я прочитал в газете, что кто-то ее зарезал,— продолжал Мартин и прервался, потому что снова уронил шляпу. Хоуз поднял и подал ее владельцу. Тот поблагодарил его, затем повернулся к Майеру.

— Я не хочу, чтобы у кого-то были неприятности,— сказал он.

Детективы терпеливо ждали.

— Она была славной женщиной. Не могу взять в толк, как мог это сделать тот, кто знал ее.

— Вы думаете, преступник знал ее? — спросил Майер.

— Я понимаю, вы в этом разбираетесь лучше меня. Я просто бармен и за всю жизнь не прочитал ни одного детектива...

— Продолжайте,— сказал Майер.

— Ну и... видите ли, в газете было сказано, что из квартиры ничего не пропало, значит, это не грабеж. И еще было сказано... в общем, что ничего сексуального там не было. Не помню, кто именно это сказал, вроде бы кто-то из окружной прокуратуры. Значит, если это не грабеж и не изнасилование, если никто к ней не вламывался силой...

— Мы вас слушаем, мистер Мартин.

— Значит, это был человек, которого она хорошо знала, верно?

— Продолжайте.

— Но тот, кто близко знал Марджи, никогда не поднял бы на нее руку. Она была хорошим человеком. Никто из знакомых ни за что не поднял бы на нее руку. Она была леди.

— Ваши предположения?

— Выходит, это был кто-то, кто ее не знал.

— Но вы же сами сказали...

— Я хотел сказать, не знал ее как следует. Посторонний человек.

— Понимаю.

— Посторонний человек,— повторил Мартин.— Господи, я не хочу никого впутывать в эту историю. При мысли об этом у меня все внутри переворачивается.

— И все-таки?

— Видите ли... В пятницу вечером к нам в бар зашел человек. Примерно в полночь. Может, чуть раньше или чуть позже.

— Так, так, продолжайте.

— Он был сильно взвинчен, руки дрожали... Выпил он две порции. А может, и больше, не помню. Он сидел у стойки, пил, и вид у него был такой, будто за ним кто-то гонится. Он смотрел то на часы, то на дверь. Нервничал. Сильно нервничал.— Мартин глубоко вздохнул.— Ну, а Марджи, женщина добросердечная и отзывчивая, стала с ним говорить о том о сем, и вскоре он немножко расслабился. Не то чтобы совсем успокоился, но расслабился. Они разговаривали довольно долго. Он ушел, когда мы уже закрывались.

— Сколько было времени?
— Два часа.
— Он ушел один?
— Да.
— А почему, мистер Мартин, вы решили...
— Он вернулся. Часа в четыре. Я убирал бар. После закрытия приходится еще поработать. В пятницу я обычно ухожу не раньше пяти, а то и в полшестого.

— Чего он хотел?
— Он хотел узнать фамилию Марджи.
— Вы ему сказали?
— Нет.
— Но тогда...
— Он умолял меня назвать ее фамилию. Сказал, что она представилась ему, когда они беседовали, только у него вдруг вылетело из головы. А теперь ему обязательно надо еще потолковать с ней. Говорил, что был бы мне очень признателен и так далее. Я сказал, что четыре утра — не время для разговоров. Посоветовал ему зайти завтра. Сказал, что она всегда бывает у нас после ужина. А он заладил, что должен поговорить сейчас. Тогда я велел ему проваливать и не злить меня. Я не люблю задирать. В последний раз я дрался лет в двенадцать, но парень начал действовать мне на нервы. Черт возьми, время четыре, а ему, видите ли, нужно поговорить с Марджи. Я сказал, что если ему позарез нужна женщина, то с Марджи этот номер у него не пройдет. Посоветовал дойти до Калвер-авеню — уж там-то девиц хватает.— Мартин опять сделал паузу.— Извините, ребята. Я понимаю, у вас работа. Но я хотел бы дорассказать, чем все это кончилось.

— Продолжайте, мистер Мартин.
— А потом он ушел.
— Когда?
— Примерно в полпятого.
— Но вы не сказали ему фамилию миссис Ридер?
— Нет.
— Адрес?
— Нет, конечно.
— А как его звали?
— Не знаю.
— Вы слышали, о чем они беседовали?
— В тот вечер у меня было много работы.
— Значит, вы не слышали его разговора с миссис Ридер?

- Нет.
- Думаете, она действительно назвала ему свою фамилию?
- Возможно. Когда люди знакомятся, такое бывает.
- Но он сказал, что забыл ее?
- Да.
- От волнения?
- Да.
- Как вы думаете, почему он волновался?
- Не знаю. Может, от того, что она с ним заговорила? Не знаю.
- Почему вы думаете, что он в конце концов нашел ее?
- Он мог вспомнить ее фамилию и отыскать адрес по телефонной книге. Она там значится. Прежде чем прийти к вам, я проверил...
- Думаете, он нашел ее адрес по книге и пошел к ней?
- Да.
- В половине пятого утра?
- Да.
- Поговорить?
- Заняться с ней любовью,— сказал Мартин и вдруг покраснел.

Любовью как раз собирался заняться Берт Клинг, у которого был выходной. Он думал о своей девушке все утро и весь день и наконец заявился к ней в половине пятого, открыв дверь ключом, который дала ему Синди. Теперь он сидел в полутемной квартире и ждал, когда она вернется.

Город за окном замедлял свой бег, и сумерки очень способствовали этому тихому торможению. Клинг сидел в кресле и смотрел в окно. Вначале небо сделалось красным, затем лиловым и вскоре превратилось в черный бархат. В квартире стояла мертвая тишина.

Где-то по городу с населением в десять миллионов бродил человек по имени Уолтер Дамаск, убивший Розу и Эндрю Лейденов со зверской жестокостью, дважды выстрелив каждому в лицо. Но не это сейчас волновало Клинга. Ему не терпелось оказаться в постели с Синтией Форрест. Клинг услышал, как она отпирает дверь, но даже не шелохнулся. Он сидел в темноте и улыбался,

но потом вдруг понял, что может ненароком испугать ее, и встал, чтобы включить настольную лампу. Но она уже заметила какое-то шевеление в темноте и охнула, прежде чем он успел сказать: «Это я, Синди!»

— Господи, ну и напугал же ты меня! — воскликнула она и зажгла свет в прихожей.— Почему так рано?

— Мне просто захотелось поскорее прийти к тебе,— ответил Клинг и улыбнулся.

Она поставила сумку на стол в прихожей, сбросила туфли и вошла в гостиную.

— Ты не хочешь зажечь свет? — спросила она.

— Нет, так лучше.

— Красивый вид.

— Угу.

— Мне нравится вон та башня. Видишь?

— Вижу.

Она еще немного постояла у окна, затем быстро поцеловала его и спросила:

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— А ты?

— Хочу. Я устала,— сказала Синди, вздохнула и прошла в ванную. Он услышал, как побежала вода, встал, зажег свет и подошел к столику, на котором она держала спиртное.

— Бурбон кончился! — сообщил он.

— Что?

— Бурбона нет. Кончился.

— Ладно, я выпью немного шотландского виски.

— Не слышу.

— Виски! — крикнула Синди.— Шотландского. Чуть-точку!

— Хорошо.

— Что, что?

— Хорошо, говорю.

Он улыбнулся и прошел с бутылкой шотландского в маленькую кухню. Там он вынул из шкафа два низких стакана, щедро налил в каждый, а потом чуть не сломал руку, пытаясь вытащить из морозильника примерзший поднос с кубиками льда. Кое-как он счистил иней хлебным ножом, бросил в каждый стакан по два кубика и отнес выпивку в спальню. Синди в лифчике и комбинации доставали з шкафа халат. Не оборачиваясь к нему, она сказала:

— Я знаю, о чем будет моя диссертация.

— О чем? Вот твой стакан.

— Спасибо.— Она повернулась, взяла стакан и бросила халат на кровать. Затем сделала хороший глоток, хмыкнула удовлетворенно, поставила стакан на комод и сообщила: — В июне я получаю магистра. Пора думать о докторской.

— Пора,— подтвердил Клинг.

— Знаешь, о чем я хочу писать диссертацию? — спросила Синди, одной рукой расстегивая лифчик.

— Нет, о чем?

— О сыщиках. Детектив как вечно подсматривающий индивидуум.

Клинг решил, что она шутит, но в этот момент она сняла лифчик, и он впрямь почувствовал себя человеком, подглядывающим в замочную скважину. Синди без тени улыбки рассталась с комбинацией и трусиками и набросила на себя халат. Завязывая пояс, она спросила:

— Что ты на это скажешь?

— Ты серьезно?

— Ну конечно,— сказала она, глядя на него с недоумением.— Вполне серьезно. С какой стати я буду шутить по поводу своей докторской?

— Ну, я не знаю, мне показалось...

— Конечно, я серьезно,— повторила Синди на этот раз уже сердито и снова взяла свой стакан.— А что? Тебе не нравится тема?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду,— пробормотал Клинг.— Такое странное название...

— Я пока не уверена, что она будет называться именно так,— раздраженно ответила Синди. Она отхлебнула еще виски и сказала: — Пойдем в гостиную.

— Почему бы нам не побыть здесь? — удивился Клинг.

Синди пристально на него посмотрела, а он пожал плечами и попробовал улыбнуться.

— Я очень устала,— наконец сказала она.— У меня был жуткий день. К тому же скоро у меня начнутся месячные.

— Тем более...

— Нет, пошли,— сказала она и вышла из спальни. Клинг тупо проводил ее взглядом и, когда она уже исчезла за дверью, еще долго смотрел в пустоту. Затем он сделал большой глоток, насупился и отправился в гостиную. Она сидела, положив босые ноги на стул, и глядела в окно.

— По-моему, это хорошая идея,— сказала она не оборачиваясь.

— Ты о чем?
— О диссертации,— раздраженно ответила Синди.—
Берт, мы можем хотя бы на минуту выбросить из головы секс?

— Мы?

— Ты,— поправились она.

— Попробую.

— Дело не в том, что я не люблю или там не хочу тебя, просто сейчас мне этого не хочется. Мне скорее хочется плакать.

— Почему?

— Я же тебе сказала. У меня скоро месячные. За день-другой до этого я чувствую себя просто инвалидом.

— Что поделаешь.

— И кроме того, мне не дает покоя диссертация.

— Над которой ты все равно начнешь работать не раньше июня.

— Нет, в июне я получаю магистра. Над диссертацией я начну работать не раньше сентября. Но не все ли равно? Мне ведь так или иначе надо когда-то о ней подумать!

— Наверно, но все-таки...

— Что с тобой сегодня, Берт?

— У меня выходной.

— Никакой логики! Лично у меня сегодня выходного не было. Я пришла на работу в девять утра и приняла двадцать четыре человека. Я устала, настроение паршивое, и вот-вот у меня начнутся...

— Ты уже говорила.

— Что ты ко мне все время цепляешься?

— Синди,— сказал он,— может, я пойду домой?

— Это еще почему?

— Мне не хочется с тобой препираться.

— Иди домой, если тебе так хочется.

— Я пошел.

— погоди.

— Синди!

— Господи, делай, что хочешь,— сказала она.— Мне все равно.

— Синди, я тебя очень люблю. Но, пожалуйста, перестань!

— Тогда почему ты не хочешь поговорить о моей диссертации?

— Почему не хочу? Очень даже хочу!

— Нет, ты хочешь только в постель!

- Что в этом плохого?
- Ничего, кроме того, что я не хочу.
- Пожалуйста!
- И не надо говорить таким обиженным голосом.
- Я не обиделся.
- Ты мог бы хоть из вежливости поинтересоваться моей диссертацией, Берт. Спросить, о чем она.
- О чем она?
- Иди к черту! Ничего я тебе сейчас не скажу.
- Не хочешь — как хочешь.
- Вот и отлично, — сказала Синди.
- Синди, — произнес он после паузы, — я тебя просто не узнаю, когда ты делаешься такой...
- Какой такой?
- Такой стервой.
- Как это ни печально, стервозность — свойство моего характера. Если ты любишь меня, люби во мне и стерву.
- Нет, стерву я любить не собираюсь, — сказал Клинг.
- Как хочешь. Дело хозяйское.
- Так о чем же твоя диссертация?
- Не все ли тебе равно?
- Спокойной ночи, Синди. Я пошел.
- Правильно, бросай меня, когда мне плохо!
- Синди...
- Она же о тебе, ты сам мне подсказал эту тему! А теперь иди домой. Тебе ведь наплевать, что я тебя так люблю, что думаю о тебе день и ночь и даже решила написать о тебе диссертацию. Так что давай ступай с Богом, мне тоже плевать!
- О Господи! — сказал Клинг.
- Вот именно. О Господи!
- Расскажи мне о диссертации.
- Тебе действительно интересно?
- Еще как!
- Ну-ну, — сказала Синди. — На мысль о ней меня навел фильм Антониони. Помнишь там фотографии?
- Какие фотографии?
- Там в одном эпизоде герой увеличивает черно-белые снимки, чтобы понять, что же все-таки произошло.
- Помню.
- Так вот, я подумала, что в основе этого лежит неудовлетворенное детское желание подсмотреть акт.
- Что, что?

— Совокупление отца и матери.

— Если ты будешь говорить о сексе, я лучше пойду.

— Я серьезно.

— Извини, тогда продолжай.

— Любовная сцена — загадка для ребенка, — сказала Синди. — Он может наблюдать ее изо дня в день, совершенно не понимая, что происходит. Фотограф в том фильме, если ты помнишь, сделал в парке множество снимков целующейся парочки. Ты помнишь или нет?

— Помню.

— Что является символическим отображением созерцания ребенком полового акта. Женщина молода и хороша собой, ее играла Ванесса Редгрейв, — именно такой и воспринимает ребенок мать.

— Ребенок видит в матери Ванессу Редгрейв?

— Молодую и красивую женщину, Берт! Ей-богу, если ты будешь...

— Извини, я просто так. Давай дальше.

— Я говорю более чем серьезно! — сказала Синди и взяла из инкрустированной пшкатулки сигарету. Клинг дал ей прикурить. — Спасибо, — сказала она и выпустила струйку дыма. — О чем я?

— О молодой и красивой матери.

— Вот-вот. Именно так воспринимает ребенок мать, он видит в ней молодую и красивую девушку, на которой хотел бы жениться сам. Ты ведь слышал, как дети говорят, что хотели бы жениться на мамочке?

— Слышал.

— Ну вот, женщину в парке играет молодая и красивая Ванесса Редгрейв. А мужчина гораздо старше ее, у него в волосах седина. В фильме это даже как-то подчеркивается. Точно не помню, но фотограф, кажется, говорит, что ее любовник слишком стар для нее. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что он — воплощение отца?

— Именно. А значит, эпизод в парке, когда фотограф снимает любовников, можно истолковать как наблюдение маленьким мальчиком любовной сцены между матерью и отцом.

— Здорово.

— Фотограф не понимает, что происходит. Он свидетель соития, но смысл происходящего ускользает от него. Вот он и начинает увеличивать снимки. Так мальчик прокручивает воспоминания, восстанавливая детали, чтобы понять, что к чему. Но чем больше он вглядывается

в увеличенные фрагменты, тем больше недоумевает, пока наконец на одном из увеличенных снимков не различает пистолет. Обрати внимание: пистолет!

— Да, пистолет,— сказал Клинг.

— Думаю, ты и без меня знаешь, что у психологов пистолет — это устойчивый символ.

— Чего?

— Сам знаешь чего,— сказала Синди.

— Надо же! — удивился Клинг.

— Да! И подчеркивает, что основа всего этого — эдипов комплекс. Фотограф у Антониони обнаруживает, что пожилой мужчина умер. То есть с ним самим случилось то, что в мечтах мальчика происходит с его отцом. Тогда мать будет принадлежать одному ему, понимаешь?

— Да.

— Вот это и навело меня на тему детектива как вечно подглядывающего. В этой части фильма нагнетается напряжение. Герой разгадывает загадку, а стало быть, его можно считать детективом. Ты согласен?

— Ну, в известном смысле...

— Конечно, он детектив, Берг. По мере того как он увлекается расследованием, загадочный элемент усиливается. А кроме того, есть вполне реальный труп. Остается только выяснить, убийство это или нет. Но Антониони отбрасывает его, потому что заинтересован в другом...

— Кого отбрасывает? Труп?

— Нет, не труп. Собственно, труп он тоже в каком-то смысле отбрасывает, но я имела в виду загадочный элемент.— Синди подозрительно посмотрела на Берта.

— Ты опять надо мной издеваешься?

— Да,— ответил он с улыбкой.

— Не будь таким умником,— сказала она и тоже улыбнулась. Клинг счел это добрым знаком.— Я хотела сказать, что Антониони отбрасывает таинственность, когда она сослужила свою службу. Он делал фильм об иллюзии и реальности, об отчуждении и так далее, поэтому его не интересует, кто убил, почему и прочая чепуха.

— Прекрасно,— сказал Клинг,— но я по-прежнему не могу сообразить...

— Вот мне и показалось, что уголовное расследование чем-то напоминает детское желание понять соитие...

— Это гениально, Синди. Как ты только до этого додумалась!

— Подожди минутку!
— Ладно, я слушаю.
— Я тебя заинтриговала, а? — спросила она и снова улыбнулась.

«Еще один добрый знак», — подумал Берт и сказал:

— Продолжай!

— Детектив как представитель власти по долгу службы постоянно наблюдает результаты насилия, а это похоже на то, как ребенок воспринимает сцену соития. Ему кажется, что отец причиняет матери боль, ему кажется, что ее стоны — выражение этой боли, что они борются друг с другом. Он истолковывает сцену именно так, поскольку у него нет ни опыта, ни информации. Он не знает, Берт, чем занимаются его родители. Этого он не в силах понять. Но это его завораживает и...

— Если ты полагаешь, что вид человека, зарубленного топором, может кого-то заворожить...

— Господи, я же не о том! Я и не собиралась проводить такие аналогии, хотя, если вдуматься, то и в них есть доля истины.

— Что же ты имела в виду?

— Только то, что насилие обладает притягательной силой. Как и созерцание его результатов.

— В прошлую субботу, созерцая результаты насилия, я чуть не сблевал, — сообщил Клинг.

— Это в известной степени аргумент в пользу притягательности насилия, — отрезала Синди. — Но ты отвлекаешь меня от главного. Главная идея диссертации...

— Не уверен, что она мне понравится.

— Почему это?

— Ты сама сказала, что эту тему подсказал тебе я.

— Но вдохновил меня Антониони.

— Сначала ты сказала, что я!

— Антониони дал первоначальный толчок. А потом уже возник ты, что естественно, потому что ты имеешь дело с убийствами, а я очень люблю тебя, и меня интересует твоя работа. Все ясно?

— Ну, это еще куда ни шло...

— Ты меня никак не дослушаешь.

— Слушаю изо всех сил.

— Ладно. Итак, мы имеем детектива, который созерцает плоды насилия и пытается понять, что же именно произошло.

— Что тут особенно размышлять, когда видишь по-

койника с двумя дырками в голове? То есть я хочу сказать — и так понятно, что в него стреляли.

— Это очевидно, но ты пытаешься понять, кто стрелял, что его заставило стрелять и так далее. Ты не можешь по-настоящему понять, что произошло, пока не поймешь того, кто стрелял. Улавливаешь мысль?

— Нет, тут ты не права. Обычно мы узнаем очень многое, прежде чем арестовываем человека. Если уж выдвигать обвинения, надо иметь серьезные основания.

— И на чем вы основываетесь, когда арестовываете подозреваемого?

— На фактах. В уголовном расследовании полным-полно запертых чуланов. Мы вскрываем их один за другим в поисках скелета.

— Вот именно! — торжествуя произнесла Синди. — Вы ищете мелкие подробности. Вы изучаете детали, чтобы отыскать ключ, благодаря которому целое приобретает некий смысл — то, что делал герой в фильме Антониони. Очень часто при расследовании вы обнаруживаете факты, которые нелегко объяснить. Ясность наступает гораздо позже. Точно так же ребенок понимает смысл сцены соития, только когда становится юношей. Тогда он может сказать себе: «Вот, оказывается, что они делали. Они занимались любовью!»

— Лично я не видел, как мои родители этим занимаются, — сказал Клинг.

— Ты просто подсознательно вытеснил эти воспоминания.

— Да нет же, я просто никогда не видел.

— Чего?

— Того!

— Видишь, ты даже не можешь выговорить вслух это слово, — сказала Синди, хихикая. — Заметь, как удачно ты вытеснил это в подсознание.

— Знаешь, чего я не люблю в психологах? — начал Клинг.

— Чего? — посмеиваясь, спросила Синди.

— Они все время что-то интерпретируют.

— Тем же занимаешься и ты — каждый день, только у вас это называется расследованием, — сказала Синди. Она перестала смеяться и выглядела теперь очень серьезной, даже усталой. — Разве ты не видишь, к чему это приводит? Детектив наблюдает насилие, которое он не может ни понять, ни взять под контроль. Поначалу оно пугает и сбивает его с толку, но постепенно все про-

ясняется. Это будет замечательная диссертация. А ты что хочешь, то и думай!

— Не сомневаюсь, что диссертация будет классной,— сказал Клинг.— Давай проработаем сцену соития.

Он глядел на нее снизу вверх, а она на него сверху вниз, их взгляды встретились, и некоторое время они молчали. Он смотрел и думал, до чего же любит ее. Васильковые глаза, бледное осунувшееся лицо, чуть приоткрытые губы. Она глубоко вздохнула, и рука со стаканом бессильно опустилась вниз. Он понял, что она ему ответит. Она согласится, хотя ей совершенно не хочется. У нее плохое настроение, и она думает, что выглядит непривлекательно. Больше всего ей хотелось бы посидеть, глядя на небо и попивая виски, а потом немного вздремнуть. Сейчас ей было совсем не до любви. Но если он хочет, она согласна.

Он прочитал это по ее глазам и губам и почувствовал себя насильником.

— Может, и в самом деле не стоит,— сказал он.— А то это будет напоминать некрофилию.

Синди улыбнулась ему в ответ вялой улыбкой. Клинг осторожно взял стакан из ее бессильно висевшей руки и пошел наполнить его.

Он был сильно разочарован.

6

В среду утром, после одиннадцати, в следственный отдел позвонила Анна Гилрой и попросила позвать Клинга.

- Привет,— сказала она.— Надеюсь, не разбудила?
- Нет,— ответил он.— Я уже давно на дежурстве.
- Не забыли меня? — спросила она.
- Конечно, нет.
- Я кое-что вспомнила. Вы же сказали, чтобы я обязательно звонила, если что-нибудь вспомню.
- Вообще-то это была ваша идея.
- Моя так моя. У вас хорошая память.
- Итак? — Клинг выжидающе замолчал.
- Вам не интересно знать, что именно я вспомнила?
- Это связано с делом Лейденов?
- Конечно. Неужели вы думаете, я буду отрывать вас от дел пустой болтовней?
- Разумеется, нет.

— Разумеется,— повторила Анна, и Клинг понял, что она улыбнулась. Самое удивительное, что он тоже улыбнулся.

— Что же вы вспомнили? — спросил Клинг.

— В прошлую пятницу Розе Лейден звонила я.

— Виноват, что-то я не улавливаю...

— Очень жаль, что не улавливаете,— сказала она, и наступило молчание.— Алло! — крикнула она в трубку.

— Я слушаю.

— Прекрасно. Помните, в телеграмме мистера Лейдена была просьба позвонить его жене? Насчет чековой книжки?

— Да.

— Так вот, ей позвонила я.

— Понимаю.

— Вам не интересно, о чем мы говорили?

— Конечно, интересно.

— Но сейчас я не могу говорить,— сказала Анна.

Клинг чуть было не спросил: «Так зачем тогда было звонить?» Но вместо этого произнес:

— Когда вы сможете говорить?

— Готова встретиться через полчаса. И обсудить это за хорошим долгим ленчем.

— Долгого у меня не получится.

— Тогда за коротким. У меня покладистый характер.

— И несмотря на это, мисс Гилрой...

— Зовите меня Анной.

— И все же, боюсь, за ленчем нам встретиться не удастся. Я мог бы подъехать к вам в фирму позже и поговорить...

— Мы можем что-нибудь выпить в баре часов в пять,— предложила она.

Клинг молчал.

— Понимаю,— сказала Анна.— Вам не положено пить при исполнении служебных обязанностей.

— Дежурство у меня заканчивается в четыре сорок пять,— сообщил Клинг и удивился собственным словам. С чего это он перед ней отчитывается?

— Значит, бар «Раундли» на Джефферсон-авеню в пять.

— Лучше четверть шестого. Я поеду прямо с работы.

— И не забудьте захватить пистолет,— сказала Анна и повесила трубку.

— Кто это? — спросил Карелла.— Синди?

— Нет,— ответил Клинг и, победив в себе желание солгать, признался: — Девушка Гилрой.

— Что ей нужно?

— Оказывается, это она говорила в пятницу по телефону с Розой Лейден!

— Есть какая-то информация?

— Не знаю. Она еще не сказала, о чем был разговор.

— Почему?

— Не могла говорить.

— Зачем тогда звонила?

— Чтобы дать мне знать.

— О чем? Она же ничего не сказала!

— Мы увидимся позже. Она готова дать информацию.

— Не сомневаюсь,— усмехнулся Карелла.— И не только информацию.— Он выдвинул ящик стола, взял кобуру с револьвером калибра ноль тридцать восемь, лежавшую рядом с коробкой патронов, и прикрепил ее к поясу.— Если тебя интересует,— сказал он,— я только что связывался с отделом регистрации личного оружия. Человек по имени Уолтер Дамаск не регистрировал пистолет «Айвер Джонсон» калибра ноль двадцать два.

— Интересно! — воскликнул Клинг.

— Пошли,— сказал Карелла.— Навестим кое-кого из соседей Лейдена.

Клинг застегнул кобуру на плече. Вспоминая последние слова Анны и то, что сказала ему Синди насчет психологов и символов, он вдруг слегка испугался и занервничал, но потом немного воодушевился. С опаской взглянув на Кареллу, словно тот мог прочесть его мысли, Клинг последовал за ним.

Миссис Кармен Лейбовиц, вдове импозантного вида и с приятными манерами, было лет пятьдесят пять. Она жила напротив Лейденов, и ее, конечно, шокировало случившееся. По ее словам, жильцы направили петицию с требованием обеспечить их безопасность. «Кошмар, что творится в районе,— жаловалась миссис Лейбовиц,— людей грабят и убивают не только в лифтах, но и в собственных постелях. Тихий ужас!» Она живет в этом доме уже тридцать четыре года, приехала сюда юной девушкой, воспитала детей и не уехала даже после смерти мужа три года назад. Но такого на ее памяти еще не бывало. Эти животные буквально подстерегают людей,

чтобы отправить их на тот свет, просто страшно выйти за порог.

— Я одинокая женщина,— сказала она.— Это очень трудно. Я имею в виду, трудно жить одной!

Она говорила громким, визгливым голосом. Потертый пуфик в стиле Людовика XVI, на котором она расположилась, стоял у обшитой деревом стены, увешанной картинами. На миссис Лейбовиц был костюм фирмы «Шанель» и туфли фирмы «Анри Бандель», волосы тщательно уложены, лицо носило все следы безупречного ухода. Она сообщила сыщикам, что они застали ее случайно: она собиралась ехать в центр по магазинам. Карелла пообещал не задерживать ее долго и отказался от кофе и пирога с изюмом. Из кухни доносились грохот посуды и звяканье серебра.

— Кто там? — спросил Карелла, показав на кухню.

— Моя девушка,— пристально посмотрев на него, ответила миссис Лейбовиц.

— Дочь?

— Служанка,— сказала она, не отводя изучающего взгляда.

— Приходящая? — спросил Клинг.

— Да,— ответила миссис Лейбовиц. Подвергнув и его лицо столь же тщательному исследованию, она не отрывала от него взгляда, словно надеясь услышать что-то еще. Когда стало ясно, что Клинг не собирается больше ничего говорить, миссис Лейбовиц повернулась к Карелле, сохраняя на лице все то же сосредоточенно-вопросающее выражение.

— Во сколько она приходит? — спросил Карелла.

— В девять. Кроме четвергов и суббот.

— А когда уходит?

— После обеда. Вымоет посуду и уходит.

Карелла повернулся к Клингу и сказал:

— Значит, в день убийства ее не было. А впрочем, она все равно приходит гораздо позже.

Он снова посмотрел на миссис Лейбовиц. Та по-прежнему не отрывала от него внимательного взгляда. Было что-то удивительно знакомое в ее манере разглядывать собеседника. Карелла обеспокоенно размышлял, откуда это неуловимо-туманное ощущение уже виденного когда-то, уверенность, что эта самая женщина прежде смотрела на него именно так и не один раз. И в то же время он был уверен, что до сегодняшнего дня никогда не встречал ее. Нахмурившись, он спросил:

— В день, когда случились убийства, вы были дома?
— Да, дома.
— Вы ничего не слышали в квартире напротив?
— Я сплю очень крепко.
— Там стреляли из ружья,— сказал Клинг, и она повернулась с улыбкой в его сторону.— Четыре раза. Это очень громко.

— Говорите, были выстрелы? — переспросила она.
— Были,— подтвердил Клинг и нахмурился.— Выстрелы из ружья.

— Я спала,— сказала миссис Лейбовиц.— В газетах писали, что это случилось в середине ночи. Я спала.

— Выстрелы вполне могли разбудить вас,— предположил Карелла.

Она обернулась к нему, но промолчала.

— А вы их проспали,— сказал он.

— А я проспала,— согласилась она, продолжая изучать его лицо.

— По нашим расчетам, убийства произошли между половиной четвертого и половиной пятого,— сказал Карелла.— Вы ничего не припоминаете?

— Я спала,— повторила миссис Лейбовиц, не отрывая от него глаз.

— И ничего не слышали?

— Я сплю очень крепко.

Она снова застыла в ожидании, не спуская глаз с Кареллы. И только тогда он понял, чего она ждет и почему ее лицо кажется ему таким знакомым. Он быстро встал, повернулся к ней спиной и, отойдя от пуфика, спросил негромко: «У вас плохо со слухом, миссис Лейбовиц, да?» И резко повернулся к ней. Она по-прежнему улыбалась в ожидании, когда он заговорит.

Его жена Тедди была глухонемой.

Они были женаты уже давно, и он прекрасно знал этот взгляд, эту сосредоточенность в глазах, когда она «слушала» его, читая по губам или по жестам. То же самое выражение было у миссис Лейбовиц. Все внимание она сосредоточила на губах Кареллы.

— Миссис Лейбовиц,— сказал он мягко,— кто еще живет на этом этаже?

— Здесь всего три квартиры.

— Кто живет в третьей? — спросил Клинг.

Она быстро обернулась на его голос, но не ответила. Клинг взглянул на Кареллу.

— В третьей квартире, миссис Лейбовиц,— мягко повторил Карелла.— Кто там живет?

— Семейство Пимм. Миссис и мистер Джордж Пимм. Их сейчас нет дома.

— Где они?

— В Пуэрто-Рико.

— В отпуске?

— Да, в отпуске.

«Она действительно держится молодцом,— подумал Карелла.— Читает по губам как ас. Даже Тедди время от времени пропускает слово-другое. А Кармен Лейбовиц пронзает тебя голубыми глазами, впивается взглядом в губы и отводит его, только когда поймет смысл сказанного. Но стоит ей отвернуться, и она перестает улавливать смысл, слышит только невнятный шум, заставляющий ее поворачивать голову к говорящему. Она выработала очаровательную улыбку, ее лицо всегда выражает сочувствие и внимание, и она отменно вводит всех в заблуждение. Ей следовало бы носить слуховой аппарат, но он выглядел бы нелепым на такой элегантной, холеной женщине. Вот бы ей познакомиться с моей Тедди, пообщаться с моей замечательной женой, которая не только глуха, но и нема».

— Когда они уехали? — спросил он, стараясь глядеть прямо в лицо собеседнице и отчетливо выговаривая каждый звук.

— В прошлое воскресенье.

— Значит, до того, как случились убийства?

— Да.

— Вы случайно не знаете, когда они собирались вернуться?

— Кажется, Джордж говорил, что недели через две. Но точно не знаю.

— Если через две недели, то это значит...— начал Карелла, по забывчивости обернувшись к Клиngu. Однако вовремя спохватился и вновь повернулся к миссис Лейбовиц, которая сидела все с той же напряженной улыбкой на лице.

— Значит, в следующее воскресенье? — спросил он ее.

— Да,— ответила она. Судя по всему, она уже поняла, что он разгадал ее секрет, но продолжала вести себя точно так же. Надежда, что собеседник позволит ей продолжить игру, взяла верх.

— Значит, Пиммы в отъезде,— подытожил Карел-

ла,— а вы были единственной соседкой Лейденов, но крепко спали, так?

— Именно так.

— В таком случае у меня больше нет вопросов,— сказал Карелла.— Большое вам спасибо.

— Вам спасибо,— отозвалась хозяйка и пошла проводить гостей до двери.

В этот день Клинг и Карелла переговорили со всеми, кто был в ту ночь дома, пытаясь найти хотя бы одного человека, который, проснувшись от выстрелов, подошел бы к окну, выглянул на улицу, увидел машину — например желтый «бьюик»,— взглянул на номер и запомнил его.

Семь человек признались, что слышали выстрелы. Двое сказали, что приняли их за громкие выхлопы, которыми горожане, похоже, готовы объяснить любой внезапный громкий звук. Человек с четвертого этажа сказал, что, услышав первые выстрелы, встал с постели.

— Два выстрела? — спросил Карелла.

— Да, два, и очень громкие. Я вылез из постели и услышал, как кто-то кричит...

— Мужчина или женщина?

— Трудно сказать, просто громкий крик, а потом еще два выстрела.

— Что вы сделали? — спросил Карелла.

— Снова лег спать,— ответил человек.

Женщина с девятого этажа тоже слышала выстрелы, но испугалась и не вставала с постели минут пять и только потом подошла к окну. Она видела, как от дома отъехала машина.

— Какая машина?

— Не знаю, я в марках не разбираюсь.

— А цвет?

— Темный.

— Не желтый?

— Нет, только не желтый.

— Номер не заметили?

— К сожалению, нет.

Остальные трое опрошенных заявили, что они сразу распознали выстрелы, но решили, что стреляют на улице. Никто из них не подумал ни подойти к окну, ни позвонить в полицию. На нет и суда нет.

Карелла поблагодарил их и стал спускаться вниз вместе с Клингом.

— Что ты на это скажешь? — спросил он напарника.

— Машина могла принадлежать кому угодно. Влюбленной парочке, кому-то, кто поехал на работу. Мало ли кому.

— Уолтеру Дамаску, например.

— Его подруга ездит на желтом «бьюике».

— А на чем ездит он сам?

— Скорее всего, ни на чем. Иначе зачем ей его возить?

— Этого же не может быть, верно?

— Чего не может быть? — сказал Клинг.

— Чтобы человек вот так взял и исчез. Как сквозь землю провалился. Мы знаем, как его зовут, где он живет, у нас есть его отпечатки пальцев, есть словесный портрет. Нет только его самого.

— Может, он отыщется? — предположил Клинг.

— Когда? — спросил Карелла.

Бар «Раундли» находится на Джефферсон-авеню, в трех кварталах от нового музея. В пять пятнадцать, когда Клинг прибыл туда на свидание с Анной Гилрой, бар был заполнен уверенными в себе бизнесменами, юными секретаршами и манекенщицами. Посетители вели себя так, словно оказались на званом приеме с коктейлями. Все они находились в постоянном движении — выпивали, болтали друг с другом, курсировали между стойкой бара и столиками, разбросанными по слабо освещенному залу.

В дальнем углу за столиком сидела Анна Гилрой. Она была в открытом платье очень крупной вязки, надетом на нейлоновый чехол телесного цвета. Клинг, по крайней мере, надеялся, что не на голое тело. В столь шикарном месте он чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что его синий костюм нелеп, галстук неправильно завязан и сбился на сторону, а кобура на плече заставляет пиджак неестественно топорщиться. Короче, он чувствовал себя деревенщиной, случайно затесавшимся в приличное общество. А еще его мучило чувство вины.

Увидев его, Анна помахала рукой. Он пробрался к ней через весело гудящую толпу, сел и быстро оглянулся, словно боясь, что где-то за колонной прячется Синди с топором в руке.

— Вы пришли точно, — сказала Анна. — Люблю пунктуальных мужчин.

— Вы уже что-то заказали? — осведомился он.
— Нет, я ждала вас.
— Что будете пить?
— От мартини я делаюсь раскованной,— сказала она.— Выпью-ка я мартини.

Клинг подозвал официанта и заказал мартини для Анны, а себе виски с содовой.

— Вам нравится мое платье? — спросила Анна.— Вы, наверно, подумали, что я без всего.

— В каком смысле?

— Ну, под платьем.

— У меня были подозрения.

— Они безосновательны.

— Приму к сведению.

— Что-то не так? — спросила она.— Вы все время оглядываетесь.

— Привычка. Смотрю по сторонам. Вдруг кого-то запримечу. Разыскиваемых преступников, я имею в виду. Профессиональная привычка.

— Господи, вы так нервничаете. Надеюсь, не из-за моего платья?

— Нет, платье очень красивое.

— Жаль, у меня не хватило духу надеть его на голое тело,— сказала Анна и засмеялась.

— Тогда вас бы арестовали,— сказал Клинг.— Статья тысяча сто сороковая.

— Это что еще такое?

— Лицо, которое сознательно и непристойно обнажает свое тело или его интимные части в общественных местах или в местах, где присутствуют другие лица, или заставляет другое лицо выставяться напоказ подобным образом, совершает противоправные действия,— процитировал Клинг.

— О Господи! — воскликнула Анна.

— Вот так,— сказал Клинг и страшно смутился.

— Интимные части — это прелесть!

— Так мы говорим. Так принято у полицейских.

— Мне это нравится.

— А вот наша выпивка,— обрадованно сменил тему Клинг.

— Смешать вам, сэр? — осведомился официант.

— Да, добавьте немного содовой.— Клинг улыбнулся Анне и чуть было не опрокинул ее бокал с мартини. Официант подлил в виски содовой и удалился.

— Ваше здоровье,— сказал Клинг.

— Ваше здоровье,— отозвалась Анна.— У вас есть подруга?

Клинг, прихлебывавший виски, едва не поперхнулся.

— Кто, кто? — переспросил он громко.

— Подруга.

— Да, есть,— мрачно кивнул он.

— Поэтому вы и волнуетесь?

— Я не волнуюсь.

— И не надо. У нас же деловая встреча.

— Вот именно. Я совершенно спокоен,— сказал Клинг.

— А как выглядит ваша подруга? — спросила Анна.

— Лучше давайте поговорим о вашем звонке Розе Лейден.

— Вы помолвлены?

— Официально — нет.

— Что это значит?

— То, что мы в принципе собираемся пожениться, но пока...

— В принципе?

— Нет, это дело решенное, просто мы не говорили о конкретной дате, вот и все. Синди еще учится.

— Ее зовут Синди?

— Да, а полностью Синтия.

— Значит, она еще учится. Сколько же ей лет?

— Двадцать три. В июне она должна получить степень магистра.

— А-а...

— А осенью собирается начать докторскую диссертацию.

— Она, наверно, очень умная.

— Что правда, то правда.

— А я еле-еле кончила среднюю школу,— призналась Анна.— И все-таки — она хорошенькая?

— Да,— сказал Клинг и сделал глоток.— Вообще-то детективом работаю я, но расследование почему-то проводите вы.

— Я очень любопытна,— объяснила Анна, улыбаясь.— Теперь вы спрашиваете меня.

— Когда вы позвонили миссис Лейден в пятницу?

— А я-то думала, что вас интересую я.

— Вы не понимаете, что мое дело...

— Мне двадцать три,— сказала Анна.— Я родилась и выросла в этом городе. Мой отец работает в Управле-

нии городского транспорта, мать — домохозяйка. Мы ирландцы.— Она отпила немного мартини.— Сразу после школы я поступила работать в АТМ и работаю там по сей день. Я за то, чтобы люди занимались любовью, а не войной. И еще, по-моему, вы самый красивый человек, которого я когда-либо встречала.

— Спасибо,— пробормотал Клинг и поспешно поднес к губам стакан.

— Вас это смущает?

— Нет.

— Радует?

— Не знаю.

— Я за откровенность и честность,— сообщила Анна.

— Вижу.

— Вы бы хотели со мной переспать?

Клинг ответил не сразу. Первое, что пришло ему в голову, было: «Да!» — а потом в мозгу у него замельтешили фразы вроде: «Ну конечно, черт возьми, я хочу с вами переспать», а также «Где?», «У меня или у вас?» и так далее. Поэтому он подождал, пока улягутся страсти, и сказал:

— Надо подумать. А пока давайте поговорим о Розе Лейден.

— Запросто,— согласилась Анна.— Что вас интересует?

— Когда вы ей звонили?

— В пятницу, в самом конце дня.

— А точнее?

— Примерно без десяти пять.

— Вы хорошо помните разговор?

— Да, я сказала: «Могу ли я поговорить с миссис Лейден?» Она ответила: «Миссис Лейден слушает». Я передала ей все, что было в телеграмме,— насчет книжки. Она сказала, что уже знает, но все равно спасибо.

— О чем она уже знала?

— О чековой книжке.

— Откуда ей стало известно?

— Она сказала, что муж звонил из Калифорнии еще утром, сообщил, что проведет выходные в Сан-Франциско, что в понедельник отправится в Портленд, и попросил ее переслать новую чековую книжку в отель «Логан» в Портленде.

— Во сколько он ей звонил?

— Она не сказала.

— Но, если он уже звонил ей, зачем ему было посылать телеграмму в фирму?

— Не знаю. Наверно, для страховки.

— Интересно, звонил он ей потом, говорил, что изменил планы и летит домой?

— Она не говорила о втором звонке.

— Вы звонили ей около пяти?

— Да, в самом конце дня.

— Он всегда был такой дотошный?

— В каком смысле?

— Всегда ли он звонил, а потом посылал телеграмму с той же просьбой?

— Он мог сначала послать телеграмму, а потом позвонить.

— Все равно.

— А почему бы не позвонить и не послать телеграмму? Все равно компания оплатит. Вы об этом не подумали?

— Нет.

— Подумайте. Очень вас прошу.

— Почему?

— Потому что вы неотразимы.

— Будет вам!

— Вы уж мне поверьте. Меня удивить непросто, но кажется, я в вас влюбилась!

— Это невозможно!

— Вы так думаете?

— Конечно. Разве можно влюбиться в человека, толком его не зная? Так бывает в кино.

— Я знаю про вас все, что надо,— отрезала Анна.— Давайте выпьем еще по одной.

— Хорошо,— сказал Клинг и сделал знак официанту.— Еще по одной,— распорядился он, когда тот подошел к их столику.

Анна смотрела на него широко раскрытыми глазами. И вдруг его осенило: да она же и впрямь влюбилась! Придя к такому выводу, вслух он сказал:

— Как вы верно заметили, у нас деловая встреча, и значит...

— Это не просто деловая встреча,— возразила Анна,— и вы прекрасно это понимаете. Вы знали это уже в тот момент, когда согласились прийти. Я хочу спать с вами. Поехали ко мне!

— Погодите,— сказал Клинг, оттягивая время. Про себя он думал: «Ты что, совсем рехнулся? Говори «да»,

плати по счету и тащи ее туда, куда она скажет, пока не передумала».— Вы меня совсем не знаете,— наконец вымолвил он.— Мы даже толком не поговорили.

— О чем тут говорить? Вы красивы и храбры, потому что в вашей работе требуется храбрость. И еще вы романтик, иначе с чего бы вам бороться с преступностью. Кроме того, вы умны, и мне нравится, как вы смутились, когда я заговорила про постель. Больше мне о вас знать ничего не надо. Например, есть ли у вас родинка на бедре или что-то в этом роде.

— Родинки нет,— улыбнулся Клинг.

— Ну так что?

— Я... Я сейчас не могу.

— Почему? — Анна придвинулась к нему ближе и накрыла его руку своей ладошкой.— Берт,— прошептала она.— Я люблю тебя, я хочу тебя...

— Послушайте,— сказал он.— Мне надо немножко подумать... В конце концов...

— Ты меня не хочешь?

— Отчего же?

— Уже хорошо,— улыбнулась она.— Один — ноль в мою пользу. Что же тебе мешает?

— Я помолвлен. Я уже говорил.

— И что с того?

— Вы, наверно, не хотите, чтобы я...

— Хочу! Страстно!

— Не могу. Сейчас не могу. А может, и вообще...

— Мой телефон: Вашингтон 6-3841. Когда уйдете от своей подруги, позвоните мне.

— Я сегодня к ней не иду.

— Отчего так? — удивилась Анна.

— По средам вечером у нее занятия.

— Тогда тем более поедем. Платите по счету!

— Заплачу, конечно,— согласился Клинг,— но это не меняет дела.

— Мы едем ко мне,— сказала Анна.— Мы будем любить друг друга шесть раз, потом я приготовлю обед, и снова шесть серий любви. Когда вам завтра на работу?

— Нет,— отрезал Клинг.

— Как знаете. Запишите хотя бы мой телефон.

— Я и так его помню.

— Великий сыщик! Повторите номер.

— Вашингтон 6-3841.

— Вы мне позвоните еще сегодня,— сказала она.—

Когда представите себе, как я лежу в постели одна и умираю от любви.

— Не уверен.

— Пусть не сегодня,— уступила она.— Но в скором времени.

— Не могу обещать.

— Неважно,— сказала она.— Если не позвоните вы, то я сама вам позвоню. Берт, у меня нет предрассудков. Я хочу вас, и я получу вас. Считайте это предупреждением.

— Вы меня пугаете,— сказал он совершенно искренне.

— Это хорошо. Может, я вас к тому же немного возбуждаю?

— Да,— признался он.— Самую малость.

— Два — ноль,— сказала Анна и стиснула ему руку.

7

В четверг был Хэллоуин, канун Дня Всех Святых, и поэтому расследование не продвинулось ни на шаг. И это неудивительно: в этот день колобродят ведьмы, вампиры, домовые и прочая нечисть, изо всех сил мешая хорошим людям совершать добрые дела. Доброе дело, которое пытались совершить детективы восьмьдесят седьмого участка, состояло в попытке разгадать убийства, но тридцать первого октября сделать это было невозможно. Расследование топталось на месте. Впрочем, тридцать первого октября у полиции и без того хлопот хватает.

Что может быть благопристойней Дня Всех Святых? Но его канун Хэллоуин превратился в Америке в нечто совершенно непристойное. В детстве Кареллы тридцать первого октября было принято куролесить, но по сравнению с тем, что творилось сейчас, это были невинные забавы. В те далекие дни Карелла рыскал по улицам осеннего города, нацепив шлем авиатора с очками-консервами, вооружившись мелком, палкой, выломанной из ящика, или мешочком муки. Надо было найти жертву, лучше девчонку, погнаться за ней и либо чиркнуть мелом ей по спине, либо стукнуть палкой, либо огреть мешком — так, чтобы остался след. После этого полагалось завопить «Хэллоуин!» и с хохотом бежать прочь. Жертва тоже обычно смеялась. Смеялись все. Это было невинное озорство, по крайней мере таким оно запомнилось Карелле. Вечером детвора сооружала посреди улицы

огромный костер и швыряла туда все, что удалось добыть на местной свалке и на пустырях, а в придачу старую мебель и поломанные ящики, которые выпрашивала в соседних домах. Пламя взмывало вверх, во все стороны летели искры и пепел, а мальчишки носились вокруг, как чертенята, и подбрасывали в костер топливо. Потом оно кончалось, костер начинал гаснуть, девочки отправлялись по домам, а мальчишки собирались кружком вокруг догоравшего костра и заливали огонь известным способом.

«Так праздновали Хэллоуин в наши дни», — думал Карелла.

А сейчас...

Сегодня, например, двое подростков разбили витрину булочной на Эйнсли-авеню, потому что владелец отказался дать деньги на ЮНИСЕФ*. Они вошли в магазин с черно-оранжевыми картонками из-под молока и потребовали у хозяина взнос в фонд помощи голодающим. Хозяин велел им убираться из его магазина, что они и сделали, на прощание швырнув в витрину по кирпичу. Было что-то абсурдное в разгроме магазина, хозяин которого не дал денег на голодающих детей земного шара. Почти столь же абсурдное, как в войнах во имя сохранения мира. Карелле казалось, что человек, обвиненный в хулиганском нападении, вряд ли мог в оправдание сказать: «Я дал ему в глаз, потому что хотел предотвратить драку». Столь же нелепым было громить витрину, стоившую пятьсот долларов, только потому, что булочник отказался дать десять центов на доброе дело. Следуя подобной логике, можно было оправдать и все остальное, случившееся в тот день.

Шесть молодых людей, вдохновленных мыслью, что сегодня Хэллоуин, день, когда все позволено, — а разве нельзя позабавиться раз в году?! — затащили двенадцатилетнюю девочку в проулок и изнасиловали ее, потому что она несла большой пакет праздничных гостинцев, которыми отказалась с ними поделиться. Кавалерам было от шестнадцати до восемнадцати лет, и вряд ли кто-то из них заметил бы эту малявку, если бы не великий праздник.

На Южной Одиннадцатой ученица выпускного класса спихнула с крыши свою одноклассницу, когда та пыта-

* Организация под эгидой ООН, оказывающая помощь голодающим.

лась написать внутри сердца, нарисованного мелом на кирпичном парапете крыши, «Айрин любит Пита». Айрин сообщила полиции, что любит не Пита, а Джо и что она умоляла свою подругу не писать неправды на видном месте, но та не вняла голосу разума и пришлось спихнуть ее с крыши. Однако она не сумела объяснить, почему крикнула во весь голос: «Хэллоуин!» — когда подруга летела вниз с высоты седьмого этажа.

На Калвер-авеню взрослый мужчина погнался за пятнадцатилетним мальчишкой, который вымазал кремом для бритья окна его автомобиля. В пылу преследования мужчина сбил с ног женщину, катившую колясочку с четырехмесячным младенцем. Коляска выехала на проезжую часть улицы и была смята молочной цистерной. Преследователь, давая объяснения полицейским, выразил сожаление, что так случилось, но упрекнул их в том, что они не сумели предотвратить столь отвратительный хулиганский акт, совершенный мальчишкой.

На Стеме, около Двадцатой улицы, два лихих профессионала, надев резиновые праздничные маски, вошли в кулинарию и с криками «Пирог или вилка в бок!» наставили на хозяина два заряженных револьвера. Хозяин, вполне проникшийся духом праздника, запустил в одного полновесной порцией макарон, а второго ударил очень острым ножом прямо в горло, туда, где кончалась маска. Первый из налетчиков, весь опутанный тонкими липкими нитями, выстрелил в хозяина и убил его наповал, а пробежавший в этот момент мимо лавки мальчишка сплясал от восторга джигу и крикнул «Хэллоуин!»

Праздник удался на славу.

Полицейские были в восторге.

В шесть часов вечера Стив Карелла, уставший от бездействия в том, что касалось расследования убийства Лейденов, и от перегрузки во всем остальном, что связано было с праздничным разгулом, смотрел, как его жена раскрашивает лицо сына, и думал, что ему придется еще раз выходить на улицу.

— У меня отличная идея, папа! — сказал Марк. Он был старше своей сестры Эйприл минут на семь, что добавляло ему авторитета. Обычно Марку приходили в голову «отличные идеи», которые Эйприл отвергала со сладкой улыбкой и словами: «Первый раз в жизни слышу такую глупость!»

— Что за идея? — спросил Карелла.

— Нам надо пойти к дому мистера Обермана.

— Калеки Обермана,— добавила Эйприл.
— Так нельзя говорить о старом человеке,— заметил Карелла.

— Но он же действительно калека.

— Неважно,— сказал Карелла.

— Так или иначе,— продолжал Марк,— Эйприл и я пойдем к его дому и стукнем в дверь...

— Мы с Эйприл пойдем и постучимся,— поправил его отец.

Марк посмотрел на отца, размышляя, не пошутить ли, и спросил: «Ты тоже хочешь постучать в дверь Оберману?» Но счел за благо не рисковать, хотя порой шутки у него получались неплохие, что могла бы со вздохом подтвердить мисс Резерфорд, его классная руководительница.

— Мы с Эйприл пойдем и постучимся,— послушно повторил он, ангельски улыбнулся отцу, а потом и матери, которая в этот момент подрисовывала ему черные усы.— Мы с Эйприл постучимся, а когда он откроет, ты сунешь ему в рожу револьвер.

Тедди, внимательно следившая за губами сына, все поняла и, неистово помотав головой, требовательно посмотрела на мужа.

— Сколько живу на свете, первый раз слышу такую глупость,— изрекла Эйприл, которая прожила ровно восемь лет, четыре месяца и десять дней.

— Заткнись, дура, тебя не спрашивают,— ответил Марк сестре.

Тедди жестом просигналила мужу, чтобы он навел порядок, и, взяв Марка обеими руками за плечи, повернула его к себе. Она работала на совесть, и хотя ее талант гримера, возможно, не восхитил бы взыскательных театралов, сама она осталась вполне довольна достигнутым. Черным фломастером она нарисовала Марку большие изогнутые брови, на веки наложила густые зеленые тени. Затем снова взяла черный фломастер и нарисовала зловещую бородку. Марк намеревался изображать Дракулу. Правда, обычно того изображали без усов и бороды, но Тедди решила, что иначе у сына будет слишком ангельский вид, и смело пошла на ломку канонов. С помощью красного фломастера она посадила ему на подбородок несколько капель крови, а поскольку сидела спиной к мужу, то не слышала, как тот отчитывал Марка за глупую идею с револьвером и за то, что он грубит сестре. Тедди посадила еще одну крошечную капельку крови

под тремя большими, затем встала и отошла назад, чтобы оценить свой труд.

— Как я выгляжу? — спросил Марк отца.

— Ужасно, — ответил тот.

— Вот и хорошо! — воскликнул Марк и выбежал из комнаты посмотреть на себя в зеркало.

— Сделай меня красивой, мамочка, — сказала Эйприл, глядя матери в глаза. Тедди улыбнулась, затем медленно и тщательно ответила жестами, на языке глухонемых. Карелла и малышка внимательно следили за ней.

— Мама говорит, что ей незачем делать тебя красивой, — пояснил Карелла. — Ты и так красивая.

— Я и сама почти все поняла, — сказала Эйприл и крепко обняла Тедди. — Я ведь добрая принцесса, — сообщила она отцу.

— Конечно, ты добрая принцесса.

— А злые принцессы бывают?

Тедди надела на фломастеры колпачки, чтобы они не высохли. Она улыбнулась дочери, покачала головой и стала рыться в сумочке. Отыскав помаду, Тедди подошла к Эйприл, которая с нетерпением ждала превращения в сказочную принцессу. Она опустилась возле дочери на колени и принялась умелыми движениями накладывать помаду. Мать и дочь были удивительно похожи друг на друга: одни и те же карие глаза и черные волосы, длинные ресницы и большой рот. На Эйприл был длинный плащ с капюшоном, сделанный из темно-зеленого бархата их прислугой Фанни. Губной помадой Тедди изобразила на щеках Эйприл румянец. Затем настал черед зеленых теней, которыми она уже раскрашивала сына. Но теперь она едва касалась ими век дочери, поскольку работала над образом не кровожадного вампира, а прекрасной принцессы. Затемнив кисточкой веки, Тедди поглядела на мужа, предлагая оценить ее труды.

— Красиво, — сказал Стив и посоветовал дочери пойти полюбоваться на себя в зеркало.

— Правда, я красивая, мамочка? — спросила Эйприл и, не дожидаясь подтверждения, пулей вылетела из комнаты.

Секунду спустя в комнату вошла смеющаяся Фанни и сказала, обращаясь к Тедди:

— По нашей кухне бегает вампирчик весь в крови. — И, притворившись, что только сейчас заметила Стива, насмешливо добавила: — А вот и глава семьи! Неужели он лично поведет молодежь безобразничать?

— Так точно! — отозвался Карелла.

— Чтобы все были дома к семи! А то жаркое перестойт.

— Лично я к семи буду, — пообещал Карелла Фанни и, повернувшись к Тедди, спросил: — Ты действительно думаешь, что злых принцесс не бывает?

— Это вы о чем? — любопытствовала Фанни.

Впервые в этом доме она появилась восемь лет назад в качестве подарка, сделанного отцом Тедди, который решил, что дочери нужно дать хотя бы месяц передышки после рождения близнецов. В те годы у Фанни были голубые волосы, пенсне, и она весила семьдесят килограммов. Оплаченный тестем месяц пролетел мгновенно, и Карелла с огорчением сообщил Фанни, что не может позволить себе держать домработницу на свое скудное жалованье. Но незамужняя Фанни полюбила эту семью. Она сказала, что пусть Карелла платит ей столько, сколько сможет, а она станет подрабатывать ночными дежурствами, поскольку у нее наряду с железным здоровьем есть еще диплом медсестры. Карелла наотрез отказался, но Фанни, уперев руки в бока и насмешливо сощурившись, спросила: «Хотите выбросить меня на улицу? Этот номер у вас не пройдет!» После долгих споров и переговоров Фанни осталась и все восемь лет прожила у них. Теперь ее волосы были тускло-рыжего оттенка, вместо пенсне появились очки в круглой черной оправе, и она похудела до шестидесяти килограммов с небольшим — результат непрерывной беготни за близнецами. Ее влияние на жизнь семейства больше всего чувствовалось в речи Марка и Эйприл. Почти все время они проводили с ней и Тедди, но, поскольку Тедди не могла сказать ни слова, лексика Фанни оставалась для них образцом для подражания. Время от времени Марк именовал кого-нибудь из друзей «ирландским недоноском», а Эйприл вполне могла посоветовать подружке «убираться в задницу». Это придавало особый колорит будням семьи Кареллы.

Теперь Фанни стояла, уперев руки в крутые бедра, и требовала, чтобы Карелла объяснил смысл своей последней реплики. Пронзив ее мрачным взглядом старого сыщика, Стив сказал:

— Я имел в виду, дорогая, что временами ты бываешь грубой и назойливой, как злая принцесса, — вот и все! — на что Фанни громко расхохоталась.

— Не понимаю, как ты терпишь такого изверга! —

сказала она Тедди, все еще смеясь, и вышла из комнаты.

— Пап, ты идешь? — спросил Марк.

— Иду, сын,— отозвался Карелла.

Он обнял и поцеловал Тедди, потом зашел в гостиную, взял за руку сына и дочь и вместе с потомством отправился на улицу. Он почти забыл, что не далее как сегодня видел на мостовой разбившуюся семнадцатилетнюю школьницу, которую подруга столкнула с крыши семиэтажного дома за то, что та хотела написать «Айрин любит Пита».

В девять сорок пять в следственном отделе раздался звонок. Майер Майер, сидевший в одиночестве у телефона, взял трубку и сказал обычное:

— Восемьдесят седьмой участок. Майер Майер слушает.

— Говорит патрульный Брич. Бенни Брич.

— Привет, Бенни.

— Решил позвонить на всякий случай. Шел я мимо бара на Калвер, а хозяин вышел и попросил меня зайти.

— Так.

— Захожу я в бар, а на столе стоит парень и несет Бог знает что.

— Что же он говорит?

— Говорит, что убил какую-то женщину.

Человек, столь необычным образом признавшийся в убийстве, был верзилой ростом в метр девяносто пять, с крупным носом, широкими скулами, придававшими лицу некоторую угловатость, большим ртом и тяжелым подбородком. Когда в сопровождении патрульного Брича он вошел в следственный отдел, от него сильно разило спиртным.

— Что происходит с городом? — спросил он, с трудом выговаривая слова.— Стоит человеку выпить стаканчик-другой, как его хватают легавые.

— Он сильно пьян, сэр,— доложил Брич.

— Вижу,— сказал Майер.— Посмотри, остался ли кофе в канцелярии.

— Слушаю, сэр,— сказал Брич и вышел.

— Я не пьян,— сообщил человек.

— Ваше имя? — спросил Майер.

- Это мое дело.
- Отлично. Если вы не пьяны, то слушайте меня внимательно. Для вас это может быть важно.
- Слушаю.
- В соответствии с решением Верховного суда по делу «Миранда против штата Аризона», я обязан напомнить вам о ваших правах, что я сейчас и делаю.
- Отлично,— сказал человек.
- Во-первых, вы можете ничего не говорить, это ваше право. Понятно?
- Н-да.
- Вы понимаете, что не обязаны отвечать на вопросы, задаваемые вам полицейскими?
- Вполне.
- Вы понимаете, что, если вы все же будете отвечать, ваши ответы могут быть использованы против вас?
- Да.
- До, а также и во время допроса вы имеете право пользоваться помощью адвоката. Это понятно?
- Абсолютно!
- И если вы хотите воспользоваться этим правом, но не имеете средств нанять адвоката, он может быть назначен вам бесплатно для консультаций как до, так и во время допроса. Это вам понятно?
- Чего уж тут непонятного!
- Вы знаете теперь о ваших правах?
- Нет,— сказал человек и пьяно заржал.
- Брич! — позвал Майер и тяжело вздохнул.— Где там кофе?
- Несу! — крикнул Брич.
- Они заставили пьяного выпить три чашки кофе, а затем, когда Майер решил, что тот несколько отрезвел, он еще раз исполнил традиционный номер в защиту прав допрашиваемого, закончив набор предупреждений вопросом:
 - Готовы ли вы отвечать на вопросы в отсутствие адвоката?
 - Чего?
 - Хотите адвоката или нет?
 - Зачем мне адвокат?
 - Это вам решать. Вы готовы отвечать на вопросы без него?
 - Готов.
 - Отлично. Ваше имя?
 - На этот вопрос я отвечать отказываюсь.

- Почему?
- Потому что не хочу, чтобы моя мама узнала, что я попал в полицию.
- Боитесь, она узнает, за что вы сюда попали?
- А за что вы меня притащили сюда?
- Вы не догадываетесь?
- За то, что я напился?
- Нет, не потому.
- Тогда за что же? Я ничего такого не делал.
- Вы помните, что вы говорили в баре?
- Нет.
- Вы не помните, как забрались на стол и во всеулышание признались в содеянном преступлении?
- Нет.
- Патрульный Брич, напомните этому человеку, что он говорил.
- Брич смутился, пожал плечами и сказал:
- Мистер, вы забрались на стол и заявили, что убили девушку.
- Ничего такого я не говорил.
- Нет, говорили. Вы заявили это всем присутствующим до того, как я вошел, вы стояли на столе и, качаясь, говорили, что убили девушку и ничего вам за это не было.
- Нет.
- Это были ваши слова,— не сдавался Брич.
- Я был пьян. Даже если и сказал что-то в этом роде, то просто все сочинил.
- Значит, вы никого не убивали? — спросил Майер.
- Никого и никогда.
- Зачем же вы тогда сочинили эту небылицу?
- Сам не знаю.
- Вы не думали, что кто-то позовет полицию?
- Я был пьян,— объяснил задержанный.
- Теперь, протрезвев, он говорил вежливо и даже застенчиво. Майер заметил, что руки у него были загорелые и мозолистые, как у фермера.
- Вы живете в этом городе, сэр? — спросил он.
- Нет.
- Где вы живете?
- Кофе еще есть?
- Брич!
- Сейчас принесу,— сказал Брич.
- Где вы живете?
- На Севере.

- Где именно?
- В Кери. Это возле Хадлстона, сто девяностое шоссе. Поворот, не доезжая развилки на Маунт-Торренс.
- Что вы делаете в нашем городе?
- Приехал на несколько дней.
- По делам или так?
- По делам.
- Чем вы занимаетесь?
- Столярничаю. У нас там есть мастерская. Делаем столики, чашки, ложки. Все из дерева. Время от времени я приезжаю сюда с товаром, продавать.
- Когда были в последний раз?
- В апреле.
- Когда приехали в этот раз?
- В прошлый четверг.
- Так-так,— сказал Майер.— Что же за девушку вы убили?
- Никого я не убивал.
- Но вы же сами сказали...
- Я сказал это в нетрезвом состоянии. Если вообще что-то сказал.
- Как ваша фамилия?
- Я бы не хотел отвечать на этот вопрос.
- Мы все равно выясним.
- Выясняйте.
- Послушайте, мистер, я бы на вашем месте не особенно ломался, потому что дело серьезное. В доме неподалеку от бара, где мы вас задержали, была убита женщина, причем, судя по всему, это произошло в пятницу. Почему бы вам не рассказать, где вы были в это время?
- Когда вы объясняли мне права, то сказали, что я не обязан отвечать на вопросы, если они мне не нравятся. Так?
- Так.
- Тогда я больше не буду отвечать.
- В этот момент вошел Коттон Хоуз.
- Дурдом и только! — сказал он Майеру.— С каждым годом все хуже и хуже, какой-то кошмар.— Он посмотрел на задержанного, отвернулся, снова посмотрел на него и спросил: — Мы не знакомы?
- Вроде бы нет,— ответил тот.
- Конечно, знакомы,— возразил Хоуз, подошел к нему и стал всматриваться в лицо.— Разве мы не...— начал было он, но в замешательстве замолчал.

— Ты узнал его, Коттон?

— Пока нет. Что он натворил?

— Говорит, убил девушку.

— Правда?

— Я был пьян.

— Что за девушка? — спросил Хоуз, не спуская с него глаз.

— Я не обязан вам отвечать, — сказал человек.

— Вспомнил! — воскликнул Коттон и щелкнул пальцами. — Вас зовут Роджер Брум, и мы толковали с вами о холодильнике, который украли из подвального этажа одного пансиона. Это было три или четыре года назад. Угадал?

Человек молчал.

— Это действительно ваша фамилия? — спросил Майер.

— Да, — выдавил он наконец.

— Так что там приключилось? — спросил Майер Хоуза.

— Хозяйка пансиона на Двенадцатой улице заявила о пропаже холодильника из подвального этажа, — объяснил Хоуз. — Мы опросили всех жильцов, среди них был и мистер Брум. — Он обернулся к Бруму. — Помню, я рассказывал вам, что катался на лыжах в Маунт-Торренс. Вы живете в тех краях возле Хадлстона, верно?

— Да, в Кери, — кивнул Брум.

— Похоже, вы опять угодили в беду, — сказал ему Майер.

— Я не крал холодильника, — возразил Брум.

— Кто же это сделал?

— Да не знаю я!

— Не надо так волноваться.

— Мне нужен адвокат, — заявил Брум. — Я хочу позвонить матери.

— Минуту назад вы отказались от адвоката.

— Теперь он мне понадобился.

— Зачем? Вы не хотите рассказать нам, что тогда случилось?

— Ничего не случилось. Я не крал холодильника.

— Но убили девушку?

— Нет.

— Может, вы все-таки нам расскажете, мистер Брум?

— Я хочу позвонить матери.

— Зачем?

— Сказать ей... Сообщить ей, что все в порядке. Мне надо ей позвонить.

— Но я так понял, что вы хотите адвоката.

— Хочу.

— Вы можете оплатить его услуги? Вы назовете адвоката или нам его подыскать?

— Я не знаю ни одного адвоката в этом городе.

— Так достать вам адвоката?

— Да. Если вы будете хитрить и запутывать меня...

— Мы не собираемся вас запутывать,— заверил его Майер.— Коттон, позвони в юридическую службу. Нам срочно нужен адвокат.

— Я просил кофе,— напомнил Брум.

— Брич! — рявкнул Майер.

— Иду! — ответил Брич.

Трудно объяснить, почему человек, так долго живший с грузом вины, вдруг решает выложить все как было. Об этом лучше спросить Теодора Рейка*. Возможно, в случае с Брумом решающую роль сыграло появление Хоуза: Брум решил, что его дело — табак. Но как тогда объяснить признание человека, вдруг забравшегося на стол в баре и громогласно заявившего, что он убил девушку и ему это сошло с рук?

Теперь в полуночной тишине следственного отдела, в присутствии двух детективов, стенографиста и назначенного адвоката, Роджер Брум рассказал все. Монотонным голосом он поведал о том, как зимой познакомился с девушкой. Это было пять лет назад, нет, четыре, в феврале, за день-другой до Валентинова дня. Он еще вспомнил, как покупал открытки — одну для матери, другую для хозяйки пансиона, где тогда жил. Ее звали миссис Дозэрти. Но все это было уже после того, как он встретил девушку и убил ее.

Девушку звали Молли Нолан, она приехала сюда из Сакраменто в поисках работы. Она жила в пансионе «Орхидея» на Эйнсли-авеню. Он познакомился с ней в баре, они немного выпили, а потом он привел ее к себе, в пансион миссис Дозэрти. Девушка была рыжая и совсем не хорошенькая, но он оказался с ней в постели, сказал ей, что она красивая, а потом почему-то — он сам не мог

* Теодор Рейк — известный американский психиатр и психолог.

этого объяснить — начал ее бить. Сначала ударил в глаз, затем разбил нос. Когда потекла кровь и он понял, что она сейчас начнет кричать, он схватил ее за горло и задушил.

Глубокой ночью он вынес труп в подвал, запихал его в старый холодильник, из которого вынул полки. Ему пришлось сломать убитой обе ноги, чтобы запихнуть ее внутрь. Потом он перетащил холодильник в свой грузовик, доехал до какого-то моста — он не помнил названия, но был готов показать его — и сбросил в реку. Потом он не раз проезжал по этому мосту и каждый раз думал: неужели холодильник с трупом все еще лежит на дне реки?

Затем он сильно всех удивил, спросив, работает ли еще детектив, у которого глухонемая жена, потом заплакал, сказал: «Мать убьет меня», — и подписал протокол, все три копии.

Приятно раскрывать старые преступления.

И все же пока не удалось выяснить, кто зарезал ножом женщину по имени Марджи Ридер.

8

Первого ноября в десять утра лейтенант Сэм Гроссман из криминалистической лаборатории позвонил в восемьдесят седьмой участок и спросил Стива Кареллу. Когда Карелла взял трубку, Сэм рассказал ему анекдот о человеке, который открыл пиццерию напротив Ватикана, и только после этого приступил к делу.

— Я насчет электробритвы, — сказал он.

— Какой электробритвы?

— Той, что вы нашли в ванной квартиры Лейденов. Мы сняли с нее отпечатки пальцев — занятная получается штука.

— Что же в ней занятного?

— Отпечатки принадлежат убийце.

— Дамаску?

— Это его фамилия?

— Это фамилия главного подозреваемого.

— Почему вы его не арестовали?

— Не можем найти.

— Так или иначе, отпечатки на электробритве совпадают с отпечатками на ружье. Каково?

— Что-то я не понимаю, — сказал Карелла.

— И я тоже. Ты бы смог застрелить двоих, а потом побриться бритвой одного из убитых?

— Я — нет, а ты?

— И я нет. Тогда почему этот тип так поступил?

— Может, он сильно зарос? — предположил Карелла.

— Мне случалось видеть и не такое, — сказал Гроссман.

— Мне тоже.

— Но зачем ему было так рисковать? Ружье стреляет слишком громко, Стив. Ты можешь вообразить человека, который стреляет из ружья четырежды, а потом как ни в чем не бывало идет в ванную бриться? Электрической бритвой! Ею же за час не побреешься!

— Ну, за час все же побреешься.

— Все равно долго! — сказал Гроссман. — Если ты застрелил двоих, первое твоё побуждение — удрать. Тут уж не до бритья электробритвой.

— Это в том случае, если не знаешь, что в квартире напротив глухая женщина, а в квартире рядом нет жильцов.

— Ты хочешь сказать, что никто в доме не слышал стрельбы?

— Почему? Слышали.

— Ну и что?

— Обычное дело. Никто не позвонил в полицию.

— Так или иначе, убийца понимал, что наделал много шума. Он должен был быстро смыться.

— Но он же, по твоим словам, этого не сделал.

— Я говорю тебе: он стал бриться.

— Твое мнение — кто он?

— Псих, — сказал Гроссман.

Глория Лейден жила в многоквартирном доме на берегу реки Дикс. В вестибюле Кареллу и Клинга остановил швейцар. Он позвонил миссис Лейден, чтобы сообщить о визитерах. Она была готова их принять, и сыщики взмыли на семнадцатый этаж в сопровождении лифтера, который все время насвистывал «А мне все равно» и страшно при этом фальшивил.

В квартире были большие стеклянные двери, выходившие на маленькую веранду, обращенную к реке. Ухоженная квартира была обставлена в стиле датского модерна: белые стены, бежевые ковры. Четыре обитавшие

здесь кошки, похоже, подбирались по цвету и превосходно вписывались в общую гамму. Они то выходили, то опять возвращались в гостиную, где Карелла и Клинг допрашивали хозяйку. Кошки поочередно обнюхали брюки Клинга и ботинки Кареллы, словно сами были сыщиками, проверяющими подозрительных посетителей. Кошки выводили Клинга из равновесия. Ему казалось, что они могут учуять запах Анны Гилрой и сообщат куда надо.

— Миссис Лейден, мы хотели еще кое о чем вас спросить,— сказал Карелла.

— Пожалуйста,— кивнула миссис Лейден. На ней был халат с поясом, а под ним со всей очевидностью скрывался корсет. Ее волосы утратили тот лавандовый оттенок, который так удивил Кареллу в морге. Хозяйка устроилась на краешке кресла, обитого пушистой коричневой материей, спиной к балкону.

— Во-первых, нас интересует, слышали ли вы, чтобы ваш сын или невестка упоминали имя Уолтера Дамаска?

— Уолтер?..

— Дамаск.

— Нет, никогда.

— Или какого-то другого Уолтера?

— Среди их друзей не было Уолтеров.

— Вы знали их друзей?

— Некоторых знала.

— Но ваш сын никогда не упоминал...

— Нет.

— А невестка?

— Мы с ней редко говорили. По крайней мере, на личные темы.

— Но вообще-то вы с ней разговаривали?

— Да, разговаривала.

— Вы с ней не очень ладили?

— Нет, отчего же, ладила. Наверно, вас интересует, нравилась ли она мне?

— Она вам нравилась?

— Нет.

— Ясно.

— Уверяю вас, молодой человек, я не умею стрелять из ружья.

— Никто и не говорит, что это были вы.

— Вместе с ней убит и мой сын, не забывайте.

— А с ним вы ладили, миссис Лейден?

— Прекрасно ладила.

— Но не с невесткой?
— Нет. По крайней мере, сначала не очень.
— Когда было начало?
— Он привез ее из очередной поездки семь-восемь лет назад.

— Откуда она родом?
— Из Алабамы. Представляете, привез мне южанку. Вы бы только на нее посмотрели! Дело было летом, она впорхнула в комнату в желтом платье. Вылитая Скарлетт О'Хара*. Вот такое первое впечатление!

— Вы знаете ее девичью фамилию?
— Роза Хилари Борден. На Юге они употребляют все три имени. Она постоянно рассказывала мне о своих двоюродных братьях и сестрах Элис Мэри Борден, Дэвид Грэм Борден, Хорес Фрэнк Борден — натуральный роман из южной жизни. Вы бы только ее послушали! Единственный ребенок в семье, зато тысячи кузин и кузенов по всей округе, любителей кукурузных оладий и требухи. Я сразу сказала сыну: она мне не нравится. Но ему было все равно. Он мне заявил, что любит ее. Любит! Подстерегла его вдалеке от дома, улучила момент! Мужчины все одинаковы.

Карелла взглянул на Клинга. Оба промолчали. Миссис Лейден кивнула головой, словно соглашаясь со своей жизненной философией, и сказала:

— Мой сын был очень хорош собой, за него пошла бы любая. Когда он был в поездках, телефон звонил каждые десять минут. Все девицы хотели знать, когда Эндрю вернется домой. Но он вернулся с Розой Хилари Борден в желтом платье в обтяжку.

— До женитьбы он жил здесь, с вами? — спросил Клинг.

— Да, конечно. Мой бедный муж умер, когда Эндрю был еще ребенком. Разве сын может бросить свою овдовевшую мать?

— Сколько ему было лет, когда он женился? — спросил Карелла.

— Это случилось восемь лет назад, значит, тридцать два.

— Вы сказали, он встретил Розу на Юге, в Алабаме?

— Да, в Монтгомери.

— А мы решили, что его регион на Западе.

* Скарлетт О'Хара — героиня романа М. Митчелл «Унесенные ветром».

— Это сейчас. Три или четыре года назад его перевели.

— Скажите, миссис Лейден, вы знали, что в минувшие выходные ваш сын собирался домой?

— Нет.

— Он вам не звонил?

— Нет.

— А вашей невестке?

— Моя невестка никогда не звонила мне, когда сын был в командировке.

— Нам хотелось бы знать, не сообщал ли он ей о намерении приехать. Похоже, его планы изменились.

— Мне об этом все равно не стало бы известно. Она даже не сообщила мне, что забеременела. Я и узнала это, когда она потеряла ребенка, да и то потому, что Эндрю случайно обмолвился.

— Когда это произошло?

— В мае.

— Она забеременела и потеряла ребенка?

— Да, на втором месяце.

— Миссис Лейден, если забыть об Уолтере Дамаске, был ли среди их друзей кто-то...

— Нет.

— Кто мог бы завидовать...

— Нет.

— Или сделать что-то в этом роде по иной причине?

— Нет.

— И вы никогда не слышали об Уолтере Дамаске?

— Нет.

Больше вопросов у сыщиков не было. Кошки еще немного пошныряли вокруг, миссис Лейден добавила к портрету невестки несколько черных штрихов, и сыщики откланялись. Пора было делать перерыв на ленч.

Возникло предположение, что Уолтер Дамаск навестит свою квартиру, чтобы забрать чек, оставленный им в ящике комода в ночь гибели четы Лейденов. В конце концов, если он собирался удрать, то деньги ему не помешали бы. Поэтому детектив Артур Браун и был отправлен в засаду, в грязное логово Дамаска. С пятницы он коротал там время в одиночестве — высокий рыжий детина, кожа которого была темнее мрака, царившего в квартире. Плащ Брауна висел на спинке стула. В руках у Брауна был револьвер.

Браун терпеть не мог засад, но эта ему не нравилась особенно. Во-первых, в квартирке воняло, как на помойке. Во-вторых, ее владелец устроил здесь жуткий беспорядок. Когда ты на улице и следишь за автомобилями, вокруг толчея и суета, все время что-то происходит, можно поглазеть по сторонам. Даже в задней комнате магазина слышны голоса покупателей, и ты чувствуешь, что жизнь продолжается. Но здесь, в сумрачной тишине, казалось, что время остановилось. Кто бы ни был этот Дамаск и что бы он ни совершил, жил он как свинья. Темень, вонь и тишина навалились на Брауна, заставив его в очередной раз горько пожалеть о том, что он пошел работать в полицию, а не в санитарную инспекцию. Если бы у него в свое время хватило ума, он сейчас разъезжал бы на мусорной машине, которая хоть и воняет, но все же не так, как эта квартирка, и работал бы он при ясном свете ноябрьского солнца. Браун подумал, не поднять ли шторы на окнах, но решил, что лучше не стоит, устроился поудобнее на стуле в кухне и стал уже было дремать, как услышал, что в замке входной двери поворачивается ключ.

Сон как рукой сняло.

Он встал и прижался спиной к кухонной стене. Дверь отворилась. Снова наступила тишина. Дверь закрылась, отрезав полоску света, пробивавшуюся с лестничной площадки. Кто-то вошел в комнату и двинулся к кухне.

Браун колебался лишь мгновение. Затем он возник в дверях с револьвером в руке и коротко сказал:

— Стоять на месте!

На него испуганно глядела хорошенькая рыжая девушка.

Ее звали Аманда Поп. Она попросила сыщика звать ее Мэнди. Она ничего не имела против прогулки в участок, куда они поехали в ее желтом «бьюике». Браун сидел рядом с ней, рука с револьвером лежала на коленях. Она весело болтала с ним во время короткой поездки, а теперь, вольготно расположившись в комнате следственного отдела, первым делом попросила трех окружающих ее озабоченных детективов звать ее Мэнди. Услышав о своих правах, она отказалась от адвоката, поскольку ничего плохого не совершила.

— Что вы делали в квартире? — спросил Карелла.

- Пришла в гости к Уолли.
- К какому Уолли?
- К Дамаску.
- Кто дал вам ключ?
- Уолли.
- Когда?
- Давно, несколько месяцев назад.

Девушка была красива, знала об этом и пользовалась своей очаровательной наружностью очень умело. Волосы медно-красного цвета прекрасно контрастировали с белой кожей и большими зелеными глазами. Носик заorno вздернут, рот большой, губы крупные и ненакрашенные. Зеленое шерстяное платье удачно подчеркивало ее соблазнительные формы. Девушка сидела на стуле, закинув одну стройную ножку на другую, и ослепительно улыбалась детективам, заставив каждого пожалеть, что он не допрашивает ее один на один, подальше от похотливых коллег.

— Расскажите о ваших отношениях с Дамаском,— предложил Клинг.

— Сами знаете,— скромно потупилась она.

— Лучше вы нам все-таки расскажите,— попросил Браун.

— Мы часто встречаемся,— сказала Мэнди.

— Как часто?

— Очень часто.

— Вы живете вместе?

— Что вы хотите этим сказать?

Им никак не удавалось проявить необходимую строгость. Аманда Поп была так очаровательна и так поженски хрупка, что им совершенно не хотелось не то чтобы разбить или поломать, но даже потревожить это произведение искусства. Они стеснялись убогой обстановки своего участка, светло-зеленых крашеных стен, обшарпанных столов, пыльного бачка с питьевой водой, ржавых решеток на окнах, унылых ящиков с документами, клетки для задержанных — к счастью, в данный момент пустовавшей. В это мрачное помещение красота заглядывала редко, и сыщики, задавая серьезные вопросы строгим тоном, чувствовали за собой какую-то вину.

— Так жили вы с ним или нет? — спросил Карелла.

— Мы жили в разных квартирах,— сказала Мэнди.

— Где ваша квартира, мисс Поп?

— Пожалуйста, зовите меня Мэнди.

Клинг откашлялся.

— Так где же находится ваша квартира? — спросил он.

— Мэнди,— добавила она таким тоном, каким учительница произносит трудное для маленького ученика слово.

— Мэнди,— послушно повторил Клинг и снова кашлянул.

— Я живу на углу Рэндал-авеню и Пятой улицы,— произнесла она голосом таким же нежным, как и ее личико. Она говорила отчетливо, но очень мягко, глядя на сыщиков снизу вверх и слегка улыбаясь, словно ведя светскую беседу с тремя приятными мужчинами за коктейлем.

— Послушайте, Мэнди,— сказал Карелла,— когда вы в последний раз видели Дамаска?

— На прошлой неделе.

— Когда именно? — спросил Браун.

— В пятницу вечером.

— Где вы видели его?

— Я заехала за ним в «Уютный уголок». Это ночной клуб. Он там работает. Вышибалой.

— Когда вы за ним заехали?

— В два. Перед закрытием.

— Куда вы поехали потом?

— К нему.

— Сколько там пробыли?

— У него?

— Да.

— Около часа.

— Чем занимались?

— Сами знаете,— снова сказала Мэнди, опуская глаза.

— А потом? — спросил Клинг.

— Отвезла его в одно место.

— Куда?

— На Саут-Энджелс-стрит.

— Зачем.

— Ему туда было надо.

— Он не объяснил зачем?

— Объяснил. Сказал, что хочет поиграть в покер.

— И вы его туда отвезли?

— Да.

— Значит, сначала вы поехали к нему на квартиру, где пробыли около часа, а потом отвезли его играть в покер?

- Да.
- Во сколько это было?
- Точно не скажу. Примерно между тремя и четырьмя утра.
- Вы его с тех пор больше не видели?
- Нет, он вышел из машины, и все.
- И после этого вы не встречались?
- Нет.
- И не разговаривали по телефону?
- Нет.
- Он вам не...
- Нет, не звонил.
- И вы ему не звонили?
- У него нет телефона.— Мэнди помолчала и добавила: — Вообще-то я звонила ему в клуб, но там сказали, что он не появлялся всю неделю. Вот я и решила заглянуть к нему, узнать, не стряслось ли чего.
- Он при вас не упоминал людей по фамилии Лейден?
- Лейтон? Нет.
- Лейден! Лей-ден!
- Нет, ни разу.
- Когда вы вместе выходили из его квартиры, он что-нибудь с собой взял?
- Что именно?
- Это мы вас спрашиваем.
- А что вас интересует?
- Оружие не брал?
- Вроде нет. Но пистолет у него есть. Маленький такой.
- Нас интересует ружье, мисс Поп.
- Мэнди.
- Мэнди. Вы бы обязательно его заметили.
- Ружье? Нет, ружья не было. Да и зачем оно ему?
- Вы знаете, как оно выглядит?
- Ну да. Вернее нет. В общем, как винтовка?
- Примерно.
- Нет, ружье я бы заметила.
- У него было с собой что-нибудь большое?
- Нет.
- Что-нибудь похожее на завернутое ружье или ружье в футляре?
- Нет, в руках у него ничего такого не было. Да и зачем ему брать ружье, если он собирался играть в покер?

— Но может, он не собирался играть в покер, мисс Поп?

— Мэнди.

— Может, он поехал в город, чтобы кого-нибудь убить, а?

— Нет!

— Например, Розу и Эндрю Лейденов.

— Нет,— еще раз сказала Мэнди.

— Вы уверены, что не встречались с ним после пятницы?

— Вполне. Он не давал о себе знать. Это так непохоже на Уолли. Он всегда звонит мне три-четыре раза в неделю.

— Но на этой неделе он не позвонил ни разу?

— Ни разу.

— Он не говорил, что собирается уехать из города?

— Куда ему ехать?

— Это мы у вас хотим спросить.

— Некуда ему ехать. Тут у него работа. Зачем ему уезжать?

— Если он кого-то убил, то мог решить, что лучше на время уехать.

— Я уверена, что он никого не убивал.

— Вы с ним когда-нибудь вместе уезжали?

— Нет.

— Есть ли у него где-то родственники?

— Не знаю. Он не говорил.

— Мисс Поп, если вам вдруг...

— Мэнди.

— ...позвонит или напишет Дамаск, тут же дайте нам знать. Я предупреждаю вас, что он подозревается в совершении нескольких убийств, и если вам известно что-то о его местонахождении в настоящее время или...

— Мне ничего не известно.

— ...или вы узнаете об этом в будущем и утаите информацию от полиции, то вы будете считаться его соучастницей...

— Я уверена, что Уолли никого не убивал,— встала Мэнди.

— ...а это правонарушение, караемое по Уголовному кодексу. Мисс Поп... Мэнди... Соучастником считается лицо, укрывающее или оказывающее иную помощь преступнику, с тем чтобы тот мог избежать ареста, судебного разбирательства или понесения наказания, а также лично знающее или имеющее основание подо-

зреть, что данный человек — правонарушитель, разыскиваемый полицией. Вы это понимаете?

— Да, но Уолли...

— Мы только что довели до вашего сведения, что собираемся арестовать его, как только обнаружим. Так что вы в курсе,— сказал Браун и замолчал, давая ей возможность подумать.— Вы знаете, где он сейчас?

— Нет, к сожалению, не знаю.

— Вы нам позвоните, если что-то узнаете?

— Конечно. Но вы ошибаетесь. Уолли никого не мог убить.

— Ладно, мисс Поп, то есть Мэнди, вы свободны,— вздохнул Карелла.

— Проводите ее кто-нибудь,— сказал Клинг.

Провожать вызвался Браун.

9

Каждый проводит субботу по-своему.

Майер и Хоуз отправились слушать стихи, Карелла получил по голове, а Берта Клинга избили.

Суббота выдалась на славу.

Поэтический утреник должен был начаться в помещении Ассоциации молодых христиан на Батлер-стрит в одиннадцать, но начался в четверть двенадцатого. На сцену из-за занавеса выбрался статный молодой человек с бакенбардами-котлетками в коричневом костюме и сообщил собравшимся (а всего в зале было человек пятьдесят), что, как известно, сегодняшняя встреча посвящается памяти Маргарет Ридер, похороны которой состоялись в пятницу. Затем статный молодой человек довел до сведения присутствующих, что десять поэтов — ближайших друзей Марджи — написали элегии в ее честь, каковые будут исполнены авторами в сопровождении гитары Луиса-Йосафата Гарсона. Собравшимся представили Гарсона, желтолицего джентльмена в темно-сером костюме. Гарсон с мрачным видом уселся на черную табуретку в левой части сцены, после чего раздвинулся занавес, появился первый поэт и начал читать свою элегию.

В зале стояла траурно-праздничная атмосфера. Первый поэт читал свое произведение с драматическим накалом, сравнивая Марджи Ридер с воробьем, столкнувшимся с загадочным объектом, который покалечил ее тело, отобрал жизнь и возможность летать. «Теперь

летать,— завывал он,— придется лишь во сне, в бескрайнем вечном сне». Он опустил рукопись и потупил взор. Наступило молчание, которое, как опасался Майер, взорвется овацией. Собравшиеся порадовали Майера, не наградив поэта ни единым хлопком. Второй поэт озаглавил свое творение «Голос» и рассказал в нем о неопишимо прекрасном голосе, который трагически замолчал навеки.

Возопим же, крикнем во всю мочь!
Поднимем голос против мерзкой стали смерти,
Что унесла от нас земную красоту.
Ту красоту и глубину, что рвутся
Собой заполнить сад.
И лес.
И мир.
О, Марджи, мы рыдаем.
Мы кричим.
И голоса наши сливаются в единый скорбный глас.
Услышь же нас, услышь же нас,
О, Марджи!

Снова молчание. Хоузу хотелось высморкаться, но он не осмелился. Луис-Йосафат Гарсон исполнил короткий и скорбный пассаж, чтобы заполнить паузу, создавшуюся из-за медлительности поэта номер три. Это был высокий молодой человек с бородкой и в черных очках. Хоузу показалось, что его стихотворение было несколько вторичным, что он уже слышал нечто подобное, тем не менее в зале во время исполнения стояла почтительная тишина, перебиваемая время от времени всхлипываниями.

Это было не очень, не очень давно.
Я сидел у себя и пил сидр,
И внезапно узнал, что убили ее,
Ту, что знал я как Маргарет Ридер.
Мы любили ее, как родное дитя,
Несравненную Маргарет Ридер.

Хоуз покосился на Майера, Майер на Хоуза, а худой бородач как ни в чем не бывало перешел ко второй строфе.

Марджи была ребенком — о да!
Ребенком в стране иллюзий.
Мы любили ее, но прошли года —
И настала минута конвульсий.

Поэтический утреник продолжался примерно в таком же ключе. В отличие от разноперой стайки поэтов, слушатели выглядели вполне буржуазно. Экспресс-ана-

лиз собравшихся в зале выявил немало знакомых лиц: коммерсанты, адвокаты, домохозяйки, врачи. Затесался сюда и патрульный из восьмьдесят седьмого участка, тихо сидевший в штатском костюме. Но куда важнее было присмотреться не к слушателям, а к исполнителям — ведь любой из десяти ближайших ее друзей-поэтов мог запросто отправить на тот свет «несравненную Маргарет Ридер».

Если сбросить со счетов загадочного человека из бара «Перри» на Дебек-авеню, вернувшегося за тем, чтобы вывести ее фамилию, если не считать его подозреваемым номер один (слишком уж много «если» было с ним связано — если он-таки вспомнил ее фамилию, если узнал ее адрес, если она впустила его в столь поздний час и прочее), то очень велика вероятность, что Марджи прикончил кто-то из ее милых знакомых. Любой из них вполне мог оказаться у нее дома в три-четыре часа утра. Поэтому Майер и Хоуз стоически вытерпели двух-часовое чтение скверных стихов (в том числе и стихов усопшей), внушая себе, что они присутствуют на проверке личного состава, — развлечение, ныне вышедшее из употребления к великому удовлетворению самих блюстителей порядка.

Когда утренник закончился, Майер и Хоуз отправились за кулисы, чтобы пообщаться с десятью подающими надежды стихотворцами, а также с гитаристом Гарсоном. Не без удивления узнали они, что в ночь убийства Марджи в доме Гарсона была вечеринка, на которой, по словам хозяина, присутствовало «большинство ребят».

- Марджи Ридер тоже была? — спросил Хоуз.
- Конечно, — ответил Гарсон.
- В котором часу она ушла?
- Она пробыла недолго.
- Сколько именно?
- Пришла часов в десять, а ушла около полуночи.
- Одна?
- *Perdone?**
- Она ушла от вас одна?
- *A, si, si, solo.* Одна.
- Она общалась с кем-то одним во время вечеринки?
- Нет, она циркулировала, *comprende?*** Гостей

* Простите? (*исп.*)

** Понимаете? (*исп.*)

было много. Она подходила то к одному, то к другому, выпьет, посмеется и идет дальше. Марджи была туу* общительной. Все ее любили и уважали.

Почему же тогда ее убили?

Майер и Хоуз поблагодарили поэтов и гитариста и поскорее вышли на улицу глотнуть свежего ноябрьского воздуха.

Стив Карелла собирался сделать кое-что по дому — надо было снять с окон москитные сетки, — но потом все же решил еще раз посетить квартиру Лейденов, из-за чего и получил по голове. Разумеется, можно было ушибить голову и снимая москитные сетки, но детективы проводят четкую границу между гипотезой и фактами. Останься Стив в тот день дома, ничего бы с ним не случилось.

Отправился он на квартиру Лейденов отнюдь не потому, что хотел отвертеться от снятия москитных сеток, как подозревала Тедди. Собственно, он не горел душой снимать их с окон, как весной отнюдь не рвался устанавливать их. Но и в город он поехал вовсе не для того, чтобы ему там дали по башке. За годы работы в полиции он успел усвоить одну важную истину: слишком часто сыщики не видят за деревьями леса. В переводе на обычный язык это означало следующее: чтобы по-настоящему разглядеть предмет, необходимо либо подойти к нему поближе, либо отступить подальше.

Убийство, размышлял Карелла, всегда приводит в действие сложную полицейскую машину. Но, изучая отчеты детективов (напечатанные в трех экземплярах), расшифровывая судебно-медицинскую галиматью с результатами вскрытия, преследуя подозреваемого, допрашивая свидетеля, изучая документы и справки баллистиков, нетрудно упустить из виду, зачем, собственно, продельвается эта работа, запомнить, что вначале был покойник. Памятуя об этом, Карелла решил, что не помешает еще раз вернуться на место преступления и попытаться представить, что именно могло случиться в эту ночь.

Ну и, конечно, он терпеть не мог возиться с москитными сетками.

Он поднялся в лифте на третий этаж. Это был лифт

* Очень (исп.).

без лифтера, и убийца мог спокойно воспользоваться им в любое время дня и ночи. Но воспользовался ли он им в действительности? Не побоялся ли столкнуться с жильцами, возвращающимися домой с затянувшейся вечеринки? А может, он решил просто и без затей подняться по служебной лестнице и проникнуть в квартиру с черного хода? В конце концов, молочник Новелло обнаружил открытой именно эту дверь. Почему убийца не мог войти и выйти через одну и ту же дверь? Стоя в коридоре, Карелла взглянул на запертую парадную дверь квартиры миссис Лейбовиц, услышал за ней пение цветной служанки и двинулся к квартире Пиммов. Он прислушался у двери. В квартире было совершенно тихо.

Карелла вернулся к квартире Лейденов, чтобы войти с черного хода, и подошел к тупичку в конце коридора. Там, на небольшой площадке, стояли мусорные баки всех трех квартир. С одной стороны были квартиры Пиммов и миссис Лейбовиц, напротив квартиры Лейденов. Быстро разобравшись в расположении, Карелла полез в боковой карман за ключом, полученным накануне в управлении (Тедди констатировала бы на этом основании наличие злого умысла — «Ты и не собирался сегодня снимать сетки, раз запасся ключом!»), и подошел к черному ходу Лейденов. Некоторое время он пытался открыть замок. Наконец ключ повернулся, и дверь отворилась. Карелла повозился с ключом, который не хотел вылезать из скважины, кое-как извлек его, положил в карман и вошел, закрыв за собой дверь.

В квартире не раздавалось ни звука.

«Здесь и стоял убийца,— подумал Карелла.— Наверно, он вошел в эту дверь, постоял в кухне, пытаясь угадать, где находятся его жертвы. Роза Лейден, видимо, услышала шум и вышла в гостиную посмотреть, что там такое. Тогда-то убийца и выстрелил в нее дважды, снес ей полголовы».

Карелла вошел в гостиную.

Ковер был по-прежнему в крови, она засохла и превратилась в грязно-коричневую корку. Карелла посмотрел на большое пятно, образовавшееся там, где была голова убитой, затем бросил взгляд на ванную. Той ночью Эндрю Лейден, наверно, спал, утомленный долгим перелетом, но два выстрела разбудили его. Скорее всего, он выскочил из постели, крича: «Роза! Роза!» (не

этот ли крик слышал кто-то из жильцов?), бросился в гостиную, но в дверях его встретил убийца.

Убийца, похоже, остановился на пороге и выстрелил в лицо Лейдену. Да, надо крепко ненавидеть человека, чтобы выстрелить ему в лицо из дробовика в упор. Дважды! Карелла зашел в спальню. Он увидел, что верхний ящик комода выдвинут, и тут же вспомнил, что утром, когда они были здесь, ящик был закрыт. Размышляя, не сделали ли это криминалисты, он двинулся к комоду, и в этот момент кто-то подошел сзади и трахнул его по голове.

Уже падая, Карелла подумал, что если часто получать по башке, то можно стать идиотом, и затем самым идиотским образом потерял сознание.

Легко раскрывать убийства тем, кто пошевеливается.

Напротив, стоит зазеваться, и твоя собственная жизнь окажется под угрозой. В то утро Клинг не только не проявил должной прыти, чтобы раскрыть загадку убийства Лейденов, но сам настолько утратил бдительность, что был избит. Женщиной.

По ступенькам лестницы, украшенной двумя зелеными шарами, что вела в здание восемьдесят седьмого участка, без десяти три поднималась Анна Гилрой. Она была в красно-голубом мини-платье, ее длинные светлые волосы у затылка были перехвачены алой лентой, голубые туфли сверкали. Войдя в участок, она направилась к высокому столу, за которым восседал дежурный сержант Дейв Мерчисон, одарила его лучезарной улыбкой и посигналила голубыми глазами так, что даже сержант понял этот код. Затем спросила сладким голоском:

- Здесь детектив Клинг?
- Здесь,— ответил Мерчисон.
- А могу я его увидеть?
- Кто его спрашивает? — поинтересовался сержант.
- Мисс Анна Гилрой,— сказала девица и скромно отошла в сторонку.

Сначала она изучила фотографии находящихся в розыске преступников. Затем посмотрела на стенные часы. После этого уселась на деревянную скамейку, что стояла напротив стола сержанта, вытащила из голубой сумочки сигарету и, прежде чем закурить, вопросительно посмотрела на Мерчисона. Тот кивнул. Анна Гилрой закинула ногу на ногу и закурила, а сержант тем временем безус-

пешно пытался разыскать Клинга, который сидел на совещании у лейтенанта.

— Сейчас он занят,— сообщил Анне сержант Мерчисон.— Подождите немного.

— Благодарю,— сказала Анна и покачала ногой. Мерчисон посмотрел на ее ноги, подумал, что мир катится в тартарары, и задался вопросом, надо ли ему решать своей двенадцатилетней и слишком рано созревшей дочери носить такие юбки. Видно все до пупка, сказал он про себя, промакнул лоб платком и, увидев, что на пульте загорелась лампочка, включил связь. После коротких переговоров он снова выдернул шнур, глянул на Анну Гилрой, сидевшую в облаке сизого дыма, и сказал:

— Он сейчас спустится, мисс.

— А нельзя ли мне подняться?

— Он сказал, что сам спустится.

— А я-то хотела посмотреть, где он работает.

— Видите ли...— протянул Мерчисон, склонив голову набок в недоумении — что там можно увидеть, кроме сыщиков, вкалывающих до седьмого пота?

На пульте снова замигала лампочка. Он включил связь и принял вызов от сердитого патрульного с Третьей улицы, который кричал, что уже полчаса назад вызвал санитарную машину, на тротуаре лежит женщина в крови, сколько еще можно ждать? Мерчисон велел ему успокоиться, и патрульный, поостыв, сообщил, что в жизни не видел столько крови, женщина вот-вот отдаст концы, собралась толпа и ругает полицию на чем свет стоит. Мерчисон сказал, что еще раз позвонит в больницу, а потом выдернул шнур и переключился на внешний телефон.

Он набирал номер больницы, когда по чугунным ступенькам со второго этажа стал спускаться Клинг. У него был очень удивленный вид, хотя Мерчисон и сообщил ему, кто его спрашивает. Может, виной тому была короткая юбка гостьи. Мерчисон краем глаза наблюдал, как Клинг подошел к скамье («Привет, это сержант Мерчисон,— говорил он в трубку,— где, черт побери, «скорая»?»), протянул руку Анне и сел рядом с ней. Мерчисон не слышал, о чем они говорили. («Мне звонит патрульный и ругается последними словами, толпа волнуется, женщина истекает кровью на тротуаре, что вы там себе думаете?») Клинг был больше смущен, чем удивлен, он кивал Анне, которая улыбалась, хлопая длин-

ными ресницами, говорила, говорила, словно выбалтывала ему все секреты вселенной. («Да-да, хватит им играть в домино! Может кто-нибудь из вас оторвать задницу от стула?» — кричал в трубку Мерчисон.) Клинг кивнул в последний раз, встал и подошел к пульта. («Если мне еще раз позвонит патрульный, я поеду прямо к мэру, ясно?») Мерчисон злобно дернул шнур из гнезда.

— Я пойду выпью кофе,— сказал ему Клинг.

— Давай,— согласился Мерчисон.— Когда вернешься?

— Через полчаса.

— Ладно.

Клинг вернулся к скамье. Анна Гилрой встала, взяла его под руку, потом, обернувшись, послала Мерчисону прощальную улыбку и зацокала каблучками по кафельному полу. На пульте снова загорелась лампочка. Звонил все тот же патрульный, он был близок к истерике, потому что минуту назад женщина потеряла сознание и ее брат кричал толпе, что все это из-за халатности полиции. Патрульный спрашивал, что делать. Мерчисон ответил, что в любом случае не надо вынимать револьвер, пока ситуация не вышла из-под контроля. Патрульный ответил, что она уже выходит из-под контроля, потому что народ вопит, и, может, имеет смысл выслать подкрепление. Не успел Мерчисон сказать, что разберется, как с улицы у входа в участок донесся вопль.

Вопль означал ЧП. Произведя элементарные расчеты, Мерчисон решил, что вопит, скорее всего, Анна Гилрой, которая минуту назад покинула участок, повиснув на руке Берта Клинга. Сержант со своего места с той стремительностью, на которую способен тучный мужчина пятидесяти с лишним лет, схватил кобуру с револьвером и ринулся к дверям, толком не понимая, что могло случиться возле полицейского участка с девушкой, которая только что покинула здание в сопровождении детектива.

А случилось то, чего никак не предполагал Мерчисон. Он ожидал увидеть хулиганов, пристававших к девушке. А увидел, как Клинга лупила по голове портфелем другая блондинка. Мерчисону понадобилось всего лишь мгновение, чтобы распознать в ней Синди Форрест, которую он не раз встречал вместе с Клингом. Мерчисон знал, что у них роман. Но он никогда не видел у нее такого свирепого выражения. Такое лицо у женщины он видел один-

единственный раз, когда его тетя Мойра застучала дядю Джона с соседкой на диване в их собственной гостиной. Как-то раз тетя Мойра поднялась наверх за рецептом какого-то жаркого, а вернувшись, обнаружила пылкого мужа, трудившегося в поте лица над особой, которая до этого считалась верным другом семьи. Тетя Мойра бросилась в атаку на дядю Джона, тот отступил в коридор и помчался вниз по лестнице, застегивая на ходу штаны. Тетя Мойра гналась за ним по пятам и лупила его по голове шваброй, которую захватила на третьем этаже. Наконец он выскочил на улицу, где юный Мерчисон играл со своими приятелями возле кошерной лавки. На тетю Мойру страшно было смотреть. То же самое жуткое выражение исказило прелестные черты блондинки Синди Форрест, колотившей Клинга по голове коричневым кожаным портфелем. Блондинка Анна кричала, чтобы Синди прекратила, но раз уж у женщины на лице появляется выражение тети Мойры, ее не остановишь. Здоровяк детектив пытался прикрыть лицо и голову руками, а Синди методично совершала акт возмездия. Анна Гилрой кричала изо всех сил: «А ну-ка, хватит!» — точно-точно как заправский полицейский, но Синди, похоже, твердо вознамерилась раскроить Клингу череп. Мерчисон втиснулся между ними, старательно уклоняясь от опасного портфеля, оттолкнул Клинга подальше от Синди и крикнул ей: «Вы бьете сотрудника полиции, мисс!» (о чем она и без него догадывалась), затем в последний раз издала вопль Анна Гилрой, и наступила тишина.

— Мерзкий сукин сын, — сказала Синди Клингу.

— Все в порядке, Дейв, — сказал Клинг с нижней ступеньки. — Мы сами разберемся.

— Еще как разберемся! — пообещала Синди. — Подлец.

— Вам не больно? — спросила Анна.

— Все в порядке, Анна, — успокоил ее Клинг.

— Я покажу тебе Анну! — снова разъярилась Синди и замахнулась портфелем уже на девушку. Мерчисон вышел на линию атаки, парировал рукой выпад портфелем, отпихнул Синди от ее новой жертвы и крикнул:

— Ты что, в камеру захотела?

К этому времени в дверях собралась стайка патрульных, что сильно смутило Клинга, который любил дать понять рядовым, кто есть кто в этом мире. Патрульные с восторгом наблюдали за тем, как Мерчисон разнимал двух весьма аппетитных блондинок, одна из которых

оказалась возлюбленной Клинга. Сам же Клинг стоял в стороне с понурым видом.

— Что стали, разойдитесь! — наконец крикнул он патрульным.

Ни дать ни взять — полицейский, разгоняющий толпу. Другие полицейские сочли это очень смешным, хотя никто не рискнул рассмеяться. Патрульные толпились в дверях, пожирая глазами девицу в красно-голубом мини-платье и с таким же интересом разглядывая Синди, хотя она была одета гораздо скромнее. Затем они уставились на Клинга и Мерчисона, выжидая, кто из них сделает следующий ход, однако ни тот ни другой не торопились этого делать. Зато Синди повернулась на каблуках, вздернула нос и стала спускаться по ступенькам мимо Клинга.

— Синди, подожди, я тебе все объясню! — крикнул Клинг и побежал за ней по улице.

— Я хочу подать заявление о хулиганском нападении, — сообщила Анна Гилрой сержанту.

— Ступайте домой, мисс, — устало отмахнулся тот. Он поднялся по ступенькам, протиснулся в дверь мимо патрульных и вернулся на свой пост, где все было несравненно проще и самая сложная проблема состояла в том, чтобы помочь женщине, истекавшей кровью на тротуаре.

Карелла удивленно размышлял, почему это люди рассказывают, что из обмороков выплывают медленно. Сам он пришел в себя сразу же. Никаких медленных всплываний или головокружительных взлетов по спирали. Он просто открыл глаза, вспомнил, где находится, встал на ноги и обнаружил на затылке огромную шишку. Сначала он ощутил ее как болевой центр, а потом нащупал пальцами, отчего боль только усилилась. Крови не было. К счастью, голова оказалась целой. С опозданием Карелла взглянул за дверь, чтобы удостовериться, что там его не ждет очередной сюрприз, вытащил револьвер и прошел по всей квартире. Всегда полезно накрепко запереть конюшню, после того как лошадь сбежала.

С удовлетворением убедившись, что в квартире он один, Карелла вернулся в спальню. Верхний ящик комода был задвинут.

Когда Карелла вошел в квартиру, ящик был открыт.

Из этого следовало, что пришельца он застал за обшариванием ящика. Теперь Карелла сам решил этим заняться. Ящик был разделен на две половины — мужскую и женскую. На половине Розы Лейден лежали нейлоновые чулки, трусики, пояса, лифчики, носовые платки, а также маленькая жестянка, в которой некогда были таблетки от кашля, а теперь хранились разрозненные серьги, булавки и пуговицы. На половине Эндрю лежали носки, носовые платки, трусы, эспандер, а в дальнем углу завалялась монета в полдоллара.

Задвинув ящик, Карелла принялся изучать содержимое всего комода. На женской половине он обнаружил свитера, блузки, комбинации, шарфы, ночные рубашки, на мужской — выглаженные рубашки, спортивные и подгалстук, а также свитера. Закрыв последний ящик, Карелла подошел к стенному шкафу.

Здесь все располагалось по тому же принципу, что и в комоде. Примерно две трети общего пространства занимали платья, брюки и костюмы Розы, одну треть — костюмы, брюки и спортивные пиджаки Эндрю. На специальной жердочке висели его галстуки. По всему шкафу тянулась полка для обуви. Под одеждой Розы стояли ее туфли и шлепанцы, под одеждой Эндрю — его обувь. Все очень аккуратно — его и ее вещи.

Что же хотел найти пришелец в верхнем ящике комода?

Был ли это Уолтер Дамаск?

Сердце Кареллы забилося чуть сильнее.

Клинг попытался открыть дверь своим ключом, но Синди предусмотрительно навесила цепочку, и дверь, чуть-чуть приоткрывшись, застопорилась.

— Синди! — крикнул Клинг. — Сними цепочку! Мне надо с тобой поговорить.

— Я не хочу с тобой разговаривать! — прокричала она в ответ.

— Сними цепочку, или я сорву дверь с петель.

— Сорви дверь у своей шлюхи.

— Она не шлюха!

— Не защищай ее, мерзавец! — крикнула Синди.

— Синди, я тебя предупреждаю, я выбью дверь.

— Попробуй только, я позову полицию.

— Я и есть полиция!

— Охраняй свою шлюху, подлец!

— Ну ладно, милая, я тебя предупреждал!

— Не забудь предъявить ордер на обыск,— предупредила она.— Иначе я подам в суд на тебя и на городские власти...

Клинг ловко и без особых усилий выбил дверь. Синди стояла со сжатыми кулаками и смотрела на него.

— Не входи,— сказала она.— Тебе тут больше нечего делать. Иди к себе. Убирайся к черту!

— Я хочу с тобой поговорить.

— А я не хочу с тобой разговаривать. И не буду, пока живу на этом свете. Вот и все.

— С чего ты так разозлилась?

— Не люблю обманщиков, жуликов и мерзких лжецов. Убирайся отсюда, Берт. Я серьезно.

— Кто, по-твоему, лжец?

— Ты.

— С чего ты взяла?

— Ты говорил, что любишь меня.

— Я действительно люблю тебя.

— Ха!

— Эта девушка...

— Эта стерва.

— Она не стерва.

— Ну конечно. Она ирландская девственница. Пойди, обними ее. Что ты стоишь? Убирайся отсюда, пока я тебя не ударила.

— Послушай, это все ерунда...

— Конечно, ерунда. Все, что было между нами,— ерунда. Так что давай иди отсюда!

— Говори потише, а то все сбегутся.

— Идут себе под ручку, парочка влюбленных...

— У нее были важные сведения.

— Еще бы!

— По делу Лейденов. Она пришла в следственный отдел...

— Еще бы у нее не было сведений.— В голосе Синди послышались истерические нотки.— У нее такие сведения, каких не было у царицы Клеопатры. Послушай, убирайся-ка подальше и оставь меня в покое. Уйди похорошему, а? Беги за своими важными сведениями.

— Синди!

— Я-то думала, мы любим друг друга.

— Это правда.

— Я думала, мы поженимся, заведем детей, будем жить где-нибудь на природе...

— Синди!
— Но стоит какой-то дешевке тебе улыбнуться...
— Синди, это симпатичная девушка, которая...
— Перестаны! — крикнула Синди. — Не смей ее защищать!

— Я не собираюсь ее защищать...
— Тогда зачем ты пришел?
— Чтобы сказать тебе, что я тебя люблю.
— Тогда почему вы вдвоем...
— Мы просто пошли выпить по чашке кофе, вот и все.
— Ну конечно.
— Мне не нужен в этом мире никто, кроме тебя, — сказал Клинг.

Синди промолчала.

— Я серьезно.

Она молчала.

— Я люблю тебя.

Клинг ждал, а она стояла, глядя в пол. Он не смел подойти к ней.

— Прошу тебя, хватит! — сказал он.

— Я хотела убить тебя, — жалобно проговорила Синди. — Когда увидела вас вместе, я хотела тебя убить.

По-прежнему не поднимая головы, она тихо заплакала. Клинг подошел к ней, обнял и прижал ее голову к груди. Он гладил ее по волосам, а слезы капали ему на пиджак.

— Я так люблю тебя, — сказала она, — что была готова тебя убить.

10

Днем в воскресенье супруги Пимм вернулись из Пуэрто-Рико, и тут же к ним нагрянули визитеры из полиции. Клинг и Карелла заявили как раз в тот момент, когда супруги распаковывали чемоданы. Это была их первая поездка на Карибское море, и они сгорали от нетерпения рассказать кому-нибудь — кому угодно — о впечатлениях. Детективы оказались первыми, с кем они увиделись после возвращения.

— Удивительный остров! — воскликнул Пимм. — Вы там когда-нибудь бывали?

— Нет, — сказал Карелла.

— Нет, — сказал Клинг.

Мистер Пимм, стройный худощавый человек с ярко-голубыми глазами и песочными волосами, неплохо заго-

рел на острове. Он распаковывал чемоданы с энергией человека, который чувствовал себя в форме. Его жена Джанин, миниатюрная брюнетка, разбирала вещи, извлеченные мужем из чемоданов, и относила их в стеной шкаф и ванную. У нее начала облезать кожа, особенно на носу. Рассуждения мужа об острове она слушала о улыбкой.

— Если судить по нашему городу,— говорил он,— можно подумать, будто пуэрториканцы — жалкие неудачники. Наркоманы, хулиганы, проститутки и все такое прочее. Ты уж меня извини, дорогая,— добавил он, обращаясь к супруге.

— Ничего, ничего, Джордж,— улыбнулась та.

— Но поверьте мне, в действительности это милейшие, очаровательнейшие люди на свете,— продолжал Пимм.— Например, выходим мы из «Эль Конвенто» — это отель в самом центре старого Сан-Хуана, выходим мы после обеда из варьете — кстати, прекрасное шоу! — время за полночь, правильно, дорогая?

— Да, явно за полночь,— подтвердила Джанин.

— Вы представляете себе, что значит пройти по пуэрториканскому району нашего города в такое время? Хотя бы по латиноамериканской части Калвера. После полуночи! Не сочтите за выпад, дорогие друзья, но это означает подвергнуть себя смертельному риску, не так ли?

— Трущобы все одинаковы,— сказал Карелла.— Я бы не рискнул пройти после полуночи и по Эйнсли.

— Джорджа и на Холл-авеню не затащишь,— встала с улыбкой Джанин Пимм.

— Неправда,— возразил ее муж.— Холл-авеню — спокойная улица, там можно чувствовать себя в полной безопасности, верно я говорю?

— Грабежи и нападения бывают и в хороших районах,— ответил Карелла,— но вообще-то на Холл-авеню более или менее спокойно.

— Но я, собственно, не об этом,— продолжал Пимм.— Я о другом. Гуляем мы по улицам старого Сан-Хуана глубокой ночью, единственные туристы, вокруг сплошь пуэрториканцы, но мы совершенно не боялись что с нами может что-то случиться. Мы чувствовали себя в полной безопасности и не сомневались, что эти люди не только не собираются причинять нам вред, но даже рады нам и в случае чего готовы прийти на помощь. Почему же тогда это происходит?

— Что именно?

— Как только они приезжают в наш город, тут же начинают выбрасывать мусор из окон, пачкают, как свиньи, употребляют наркотики, продают своих сестер, нарушают порядок. Почему так происходит?

— Может быть, они гораздо гостеприимнее, чем мы? — спросил Карелла.

— Вы так думаете?

— Может быть, если бы мы помогали им чувствовать себя в безопасности, все было бы по-другому?

— Так или иначе, — задумчиво протянул Пимм, — это очаровательный остров.

— Расскажи им об Эль Хунке, — попросила Джанин.

— Ну конечно! Это тропический лес.

— Это настоящие джунгли, — вставила Джанин.

— Вот именно, джунгли, — подтвердил Пимм. — И в них...

— Мистер Пимм, — перебил его Карелла. — Я понимаю, что вам надо распаковаться, а мы пришли не вовремя, но все-таки...

— Нет-нет, — сказал Пимм, — мы можем заниматься чемоданами и разговаривать. Правда, Джанин?

— Конечно, ведь у нас нет никаких срочных дел...

— Мы все равно не хотели бы отнимать у вас время, — сказал Карелла, — но, может, вы слышали об убийстве Лейденов, когда были на юге?

— Да, — подтвердил Пимм, — об этом писали газеты. Кошмар!

— Вы их хорошо знали?

— Примерно так, как соседи, живущие в большом доме, — сказал Пимм. — У нас обычно говорят, что люди живут рядом много лет и понятия не имеют, как друг друга зовут.

— Да, но вы-то знали Лейденов?

— В квартире я у них не бывал, если вы об этом.

— Мы с Джорджем живем здесь год.

— Чуть больше, — поправил жену Пимм.

— Но в квартире Лейденов вы не были?

— Нет, ни разу.

— Я была там однажды, — сказала Джанин.

— Когда?

— Однажды миссис Лейден заболела. Я встретила ее утром внизу с бельем. В подвальном помещении. Она была жутко бледная. Я решила, что она вот-вот упадет в обморок, и поднялась с ней в квартиру. Ее стошнило в ванной.

- Когда это случилось, миссис Пимм?
- Кажется, в апреле. Да, в начале апреля, может, чуть позже.
- Вы говорили, ее тошнило...
- Да, вырвало.
- Она была беременна? — спросил мистер Пимм.— Кажется, об этом говорила миссис Лейбовиц.
- Да, потом мы узнали, что она была беременна. Миссис Лейбовиц сказала, что у нее был выкидыш. Миссис Лейбовиц живет на нашем этаже.
- Мы с ней уже виделись,— заметил Клинг.
- Симпатичная женщина,— сказал Пимм.
- Она глухая,— добавила Джанин.
- Да, у нее со слухом не очень,— подтвердил Пимм.
- Но кроме этого случая мы в их квартире...
- Да-да, ни разу,— сказала Джанин.
- Вы с ними не общались?
- Нет.
- И она к вам не заходила?
- Они жили довольно замкнуто,— ответил Пимм.
- Лейден часто бывал в командировках, он коммерсант. Продавал какие-то машины.
- Трактора,— пояснила Джанин.— Я иногда сталкивалась с ней в подвале. Или в лифте. Случайно.
- Она всегда держалась очень мило,— сообщил Пимм.
- Да,— согласилась Джанин.
- Она как-то познакомила меня со своим братом,— вспомнил Пимм.— Тоже приятный человек. Они как раз выходили из квартиры.
- С братом? — переспросил Карелла. С леденящей внезапностью он вдруг вспомнил: Глория Лейден говорила, что ее невестка — единственный ребенок в семье.
- Да-да, брат,— сказал Пимм.
- Как он выглядел?
- Высокий, хорош собой. Глаза голубые, волосы темные. Симпатичный.
- Она не говорила, как его имя?
- Вроде бы Гарри.
- Нет,— возразила Джанин.
- Разве не Гарри? — спросил ее Пимм.
- Уолли,— сказала она.— Точно, Уолли.

Итак, шкаф был открыт, и в нем, как положено, об-

наружился скелет. Скелет оказался настолько заурядным, что Карелле и Клиngu даже стало досадно. Господи, как же они надеялись на необычное, хитро придуманное убийство, им уже осточертели эти банальные, уродливые преступления, которые то и дело подкидывала им жизнь. Как мечтали они найти убийцу, который отправил бы кого-нибудь на тот свет с помощью загадочного, не оставляющего следов яда! Как им хотелось найти труп в запертой комнате без окон! С каким удовольствием они выслеживали бы преступника, который долгие месяцы вынашивал коварный план убийства, а затем привел его в исполнение, заставив всех поверить, будто это самоубийство! И что же вместо этого? Вместо этого у них есть Эдрю Лейден, роконосец, вкалывающий на износ в Калифорнии, пока его Роза развлекается с любовником. Вместо этого у них есть Уолтер Дамаск, великий соблазнитель, у которого в одном районе — Мэнди, а в другом — Роза. И этот самый Дамаск по каким-то загадочным причинам решает ухлопать и любовницу, и ее супруга. Он совершает зверское убийство и так тупо инсценирует самоубийство, что любой стажер-полицейский, увидев одну стреляную гильзу, разберется что к чему. Вот что выпало на долю Кареллы и Клинга. Псих и подонок, который переспал с Мэнди в своем свинарнике, потом попросил ее подвезти его в компанию, где играли в покер, уколошил Эдрю и Розу и побрился электробритвой убитого им человека.

Им, наверно, никогда не видать настоящих, интересных дел.

Все самое интересное всегда доставалось Майеру и Хоузу.

Самое интересное в убийстве Марджи Ридер состояло в полном отсутствии мотивов. Любопытным казалось также и то, что зарезали ее как-то слишком аккуратно. Когда один человек ударяет ножом другого, что-то заставляет его снова и снова ударять жертву ножом — на всякий случай. Попадались трупы, на которых было от дюжины до сотни ножевых ран. Вот это нормально, это в порядке вещей!

Марджи Ридер получила лишь один удар ножом.

И этого вполне достаточно, может возразить кто-нибудь. Если в кого-то всадили длинный кухонный нож, этого хватит за глаза. И все же именно отсутствие множественных ножевых ранений вступало в противоречие с тем, к чему полиция привыкла в своей повседневной жизни.

Из квартиры ничего не было украдено, на трупе не было следов насилия. Приходится сбросить со счетов как ограбление, так и изнасилование. Значит, бармен Джим Мартин был прав, когда сказал, что Марджи хорошо знала убийцу. Большинство ее знакомых присутствовало на вечеринке у гитариста Луиса-Йосафата Гарсона. Она же ушла оттуда одна, заглянула в бар «Перри» на Дебек-авеню, где, по сообщению бармена, полночи провела за разговором с неизвестным. Позже тот вернулся в бар, чтобы узнать ее имя, не узнал, но затем мог (ох уж эти предположения!) вспомнить и сам. Нашел по телефонной книге адрес, явился в дом и зарезал хозяйку хлебным ножом. Но почему же он позабыл ее фамилию? И что помогло ему ее вспомнить? И почему она впустила его в четыре утра? Интересно, да? Ни капельки. Все самое интересное доставалось Майеру и Хоузу.

В этом деле самым интересным было отсутствие мотивов. Казалось, что кто-то нарочно познакомился с Марджи Ридер, чтобы убить ее. Это сбивало с толку. Ни признаков борьбы, ни порванной одежды, ни опрокинутой мебели, никаких указаний на перебранку или ссору. В том, как было совершено убийство, отсутствовали признаки безумия — так не поступил бы человек, потерявший над собой контроль, оказавшийся не в состоянии удержаться от соблазна зарезать свою жертву. Все было просто и аккуратно. Марджи на полу в черном платье и жемчугах, из груди торчит нож. Одно-единственное ножевое ранение.

Аккуратно. Просто. Любопытно.

В общем, полный кошмар!

Днем в понедельник дело стало проясняться.

В четыре часа зазвонил телефон. Трубку взял Карелла. Банковский служащий сказал, что он справлялся по телефону в Главном управлении, кто занимается делом Лейденов, о котором он так много читал в газетах, и ему сообщили, что детективы Карелла и Клинг из восьмидесят седьмого участка, а затем с опозданием спросили, кто собственно звонит. Кассир назвал — Дерек Хеллер, дал свой адрес и телефон. «Можно ли поговорить непосредственно с детективами?» — спросил он. Служащий Главного управления поворчал и неохотно посоветовал Хеллеру позвонить по телефону Фредерик 7-8024, что тот и сделал.

- Вы детектив Карелла? — спросил Хеллер.
- Я.
- Здравствуйте, мистер Карелла. Мне кажется, у меня есть информация, которая может вам пригодиться.
- По делу Лейденов?
- Да, сэр. Я много читал о нем в газетах и вот решил позвонить.
- Я вас слушаю, мистер Хеллер.
- Я главный кассир в «Коммерс оф Америка». У нас в городе семь филиалов, один из них на Эйнсли-авеню, на территории вашего участка.
- Да, мистер Хеллер.
- Я работаю в филиале на углу Эли и Харрис-стрит, в центре города.
- Да, мистер Хеллер.
- Я должен вам рассказать все как есть, потому что кое о чем начал догадываться благодаря ряду совпадений.
- Не торопитесь, мистер Хеллер.
- Как вы, наверно, знаете, закрываемся мы в три часа, и у одного из наших кассиров возникли проблемы с кассой. У него обнаружилась недостача в доллар тридцать центов — ничего особенного, но он работает у нас недавно и потому очень разволновался. Короче, он обратился за помощью ко мне, мы начали проверять все — чеки, наличные, все подряд. Так я и наткнулся на этот чек. Учтите, я специально его не искал. Я просто пытался понять, куда подевались доллар тридцать центов.
- Дальше, мистер Хеллер.
- Чек, о котором я говорю, был выписан для оплаты наличными.
- На какую сумму?
- На двести долларов. Причем со счета нашего банка. С одного из лицевых счетов.
- Так, мистер Хеллер.
- Это наш обычный счет, в отличие от специальных. Когда вы заводите специальный лицевой счет, то за каждый выписанный чек взимается очень маленькая сумма. Наши обычные счета, в свою очередь...
- Что любопытного было в этом чеке, мистер Хеллер?
- Он погашался из средств Розы и Эндрю Лейден, проживающих в Айзоле на Саут-Энджелс-стрит.
- Что в этом необычного, мистер Хеллер?
- В общем-то, ничего. На чеке проставлена дата —

шестнадцатое октября, а мистер Лейден, я знаю, был убит никак не раньше двадцать восьмого, поэтому тут все нормально. Но меня насторожила подпись.

— Что именно вас насторожило?

— Тот, кто выписывал чек, подделал подпись Эндрю Лейдена.

Эдвард Грэм, кассир филиала банка «Коммерс оф Америка», расположенного на углу Эли и Харрис-стрит, был пугливым новичком, боявшимся потерять свое место. Дерек Хеллер уверял его, что тот не сделал ничего неправильного, но одно только присутствие детективов вызывало у Грэма желание забиться в банковский сейф. Хеллеру с сыщиками кое-как удалось его успокоить. Хеллер оказался представительным человеком лет около сорока, в сером пиджаке и черном галстуке. На воротничке его безукоризненно белой рубашки виднелось маленькое чернильное пятнышко. Он говорил мягко и серьезно, что-то втолковывая Грэму, который наконец настолько взял себя в руки, что смог отвечать на вопросы Кареллы и Клинга.

— Вы не помните, мистер Грэм, когда пришел тот человек?

— Да, помню. Утром.

— Как он выглядел?

— Высокий мужчина приятной наружности, хорошо одетый.

— Какого цвета у него волосы?

— Темные.

— А глаза?

— Не помню.

— Что именно произошло?

— Он вручил мне чек и попросил оплатить его десятками.

— Вы заплатили?

— Сначала я попросил его удостоверить личность.

— Он вам что-то показал?

— Да, водительские права.

— Водительские права на имя Эндрю Лейдена?

— Да.

— Подпись на правах совпадала с подписью на чеке?

— Да.

— И вы оплатили чек?

— Нет, я сначала связался с Центральным банком.

— Почему?

— Потому что по чеку нужно было платить наличными, а плательщик и предъявитель — одно лицо. Я хотел удостовериться, что на его счете достаточно денег, чтобы покрыть расход.

— Все было в порядке?

— Мне сказали, что на счете мистера Лейдена три тысячи сто шестьдесят два доллара двадцать один цент.

— После чего вы оплатили чек?

— Да, сэр.

— Мистер Грэм, вы читаете газеты?

— Читаю.

— Вам не попадалось ничего об убийстве Лейденов?

— Попадалось. Честно сказать, я как-то не соединил эти два обстоятельства. Я помнил о деле Эндрю Лейдена и видел, что на чеке стоят его имя и личная подпись, но мне и в голову не пришло, что это один и тот же человек. Виноват, но я как-то не сообразил.

— Большое спасибо, мистер Грэм, — сказал Карелла.

Уже на улице Клинг спросил его:

— И что из этого следует?

— Похоже, я понимаю, почему Дамаск вернулся в субботу в квартиру Лейденов.

— Почему?

— Чтобы забрать чековую книжку. Ты помнишь телеграмму, которую Лейден прислал в фирму? Он просил жену отправить ему новую книжку и напоминал, что она в верхнем ящике комода. Дамаск явно знал об этом.

— Откуда?

— Он был любовником Розы. Мне кажется, что в ее квартире он проводил куда больше времени, чем в своей собственной. Пока Лейден колесил по стране, Дамаск хозяйничал в его доме. Вполне возможно, он прекрасно знал, что лежит в верхнем ящике.

— Тогда почему же он не забрал книжку в ту ночь, когда совершил убийства?

— Потому что запаниковал и сбежал.

— Разве он запаниковал? Он же побрился электро-бритвой Лейдена!

— А кто тебе сказал, что он брился именно в ту ночь? Он же был ее любовником, Берт, и постоянно навещал эту квартиру. Он мог пользоваться бритвой много раз.

— Да, но погоди минутку, — сказал Клинг. — Если Дамаску действительно нужны были деньги, почему он не вернулся к себе? Ведь у него был абсолютно надежный чек от «Уютного уголка».

— Потому что он знал, что мы ищем его. Кроме того, тот чек всего лишь на сто десять долларов семьдесят девять центов.

— Ну и что? Чек, который он предъявил к оплате, не намного больше.

— Это только первый чек,— ответил Карелла.

— Думаешь, не последний?

— Думаю, он будет доить счет, пока тот не иссякнет, а потом отправится в путь-дорогу.

— Значит, ты считаешь, что он убил из-за денег? Из-за жалких трех тысяч?

— Я знал людей, которые убивали из-за нескольких монет,— сказал Карелла.— Вот увидишь, завтра с утра пораньше Дамаск займется другими филиалами этого банка.— Карелла бросил взгляд на Клинга и кивнул головой: — Только теперь мы устроим ему теплую встречу.

11

В городе было семь отделений банка «Коммерс оф Америка», но сыщики решили, что Дамаск не посмеет выдать себя за Лейдена в том филиале, где покойника знали в лицо. Они также решили, что он поостережется второй раз посещать филиал на углу Эли и Харрис-стрит. Значит, оставалось пять отделений. В участке было шестнадцать детективов, двое из них выполняли спецзадание, трое отдыхали после дежурства, трое участвовали в патрулировании. Значит, в распоряжении лейтенанта Бернса было восемь человек. Он выбрал из них пятерых, дал им в подмогу по одному патрульному в штатском и расставил их в филиалах банка, куда мог заявиться Дамаск.

Стив Карелла работал в паре с патрульным Бенни Бричем. Им достался филиал на Док-стрит, в финансовом районе города. План, который они разработали вместе с работниками банка, отличался предельной простотой. Если Дамаск обратится к одному из кассиров с чеком, процедура не должна ни на йоту отличаться от той, что проделал вчера Эдвард Грэм, когда Дамаск попросил его оплатить чек на двести долларов. Кассир должен попросить у него документ, удостоверяющий личность, а затем сказать, что ему надо позвонить в Центральный банк и проверить состояние лицевого счета.

В этот момент из кабинета управляющего выйдут Карелла и Клинг и арестуют Дамаска.

Все произошло почти как замышлялось.

Почти, но не совсем.

Дамаск пришел в банк в одиннадцать пятнадцать и сразу проследовал к одному из окошечек. Это был высокий, красивый, хорошо одетый человек — все совпадало с описанием Эдварда Грэма. Дамаск вытащил из заднего кармана бумажник, вынул из него чек и подал кассиру. У него были крупные руки.

Имена Розы и Эндрю Лейденов заставили кассира поволноваться. Он облизал губы и с профессиональной сноровкой изучил чек. Он был выписан семнадцатого октября на сумму двести долларов и подписан Эндрю Лейденом. Кассир осмотрел подпись на обратной стороне чека, а затем как ни в чем не бывало спросил:

— У вас есть какие-нибудь документы, мистер Лейден?

— Конечно.

Дамаск порылся в бумажнике, выудил водительские права и с улыбкой подал их кассиру.

— Благодарю вас, сэр,— произнес кассир, сверяя подписи на чеке и правах.— Я только свяжусь с Центральным банком, это недолго.

— Пожалуйста.

Кассир покинул свою клетушку и подошел к телефону, расположенному в трех шагах от окошечка. На другом конце провода трубку снял Карелла.

— Он здесь. Окно номер шесть,— раздался в трубке голос кассира.

— Отлично,— ответил Карелла.

Учтиво кивнув, кассир положил трубку, улыбнулся и вернулся к окошку.

— Какими купюрами, мистер Лейден?

— Десятками, если можно.

— Очень хорошо!

Кассир выдвинул ящик, вынул пачку десятков и стал отсчитывать двести долларов. Он успел отсчитать семьдесят, когда у окошечка возник Карелла с револьвером в руке.

— Мистер Дамаск,— сказал он,— вы арестованы.

Вместо ответа он получил короткий апперкот в челюсть. Револьвер Кареллы оглушительно выстрелил, по мраморному полу раздались поспешные шаги, патрульный Брич крикнул: «Стой, стрелять буду!» Грянул еще

один выстрел. Карелла ошалело мотал головой, пытаясь прийти в себя, а Брич выстрелил второй раз. Карелла наконец пришел в себя и прицелился в Дамаска, который уже подбегал к вращающимся дверям. Карелла выстрелил, увидел, как на сером плече костюма Дамаска выступила кровь, ринулся к дверям и снова был застигнут врасплох, когда Дамаск, резко повернувшись, выбил у него ногой револьвер. Взвизгнула женщина. Револьвер, взмыв в воздух, упал и запрыгал по мраморному полу так, что быстро поднять его было никак нельзя. Брич выстрелил в третий раз и опять промахнулся. «Господи, ну почему тебя не научили стрелять в Академии?» — тоскливо подумал Карелла и навалился на Дамаска. Карелла ухватил его за левый рукав, тот затрещал и в конце концов оторвался, явив миру белую рубашку с коротким рукавом и мощное предплечье. На этом предплечье Карелла увидел нечто такое, что заставило его на мгновение ослабить натиск. Впрочем, он удивлялся недолго и, отложив размышления на потом, ухватился правой рукой за пиджак, потянул его на себя и врезал изо всех сил Дамаску в лицо левой рукой. Он почувствовал, что сломал носовой хрящ, и услышал вопль. Не тратя времени, Карелла ударил правой, после чего, тяжело дыша и выпуская короткие ругательства, стал обрабатывать противника обеими руками, пока тот не рухнул без сознания на мраморный пол.

На его левой руке был вытатуирован голубой кинжал, внутри которого виднелись красные буквы «ЭНДИ».

В следственном отделе в присутствии адвоката Эндрю Лейден рассказал им все без утайки. Он говорил, а Карелла, Клинг, лейтенант Бернс и стенограф внимательно слушали. Лейден говорил очень тихо. Он сидел с перевязанным плечом, на которое был наброшен пиджак, низко опустив голову, и только изредка посматривал на детективов. Они поняли, что разговор окончен, когда Лейден надолго замолчал. Стенограф напечатал его признание в трех экземплярах, один из них был вручен Лейдену для ознакомления и подписи. Второй экземпляр взял Бернс, а Клинг и Карелла — третий. В следственном отделе стояла тишина: собравшиеся читали показания.

Я узнал об этом в мае.

Было начало мая. Я уехал в командировку, потом

вернулся и все узнал. Узнал совершенно случайно. Я же... Я даже не знал, что она забеременела. Видите ли, я поехал в Калифорнию в феврале. Весной я обычно отправляюсь в длительную командировку. Я уехал первого февраля, а вернулся в самом начале мая. Это самая длительная командировка в году. Я... В общем, меня не было с февраля, а когда... когда у нее случился выкидыш, доктор сказал, что она была на втором месяце беременности. Ну вот... Я все понял.

Сначала я не знал, что делать.

Что ни сделай, все плохо, все неправильно.

Разве может мужчина правильно повести себя, если жена и чужой человек выставили его идиотом? Как ни поведи себя, все получится неправильно. Я никак не мог понять, почему она это сделала, я ведь так ее любил. Эта мысль мне не давала покоя все время. И еще я думал, что было бы, если бы не выкидыш? Неужели она собиралась оставить ребенка, неужели она надеялась меня провести? Неужели она думала, что я не умею считать? Правда, может, они что-то такое придумали, не знаю. Я не мог взять это в толк. Но мне ничего не оставалось делать, как молчать и держать все в себе. И умирать. Медленно умирать.

Мне... мне нужно было выяснить, кто этот человек. Я сказал ей, что уеду из города на пару недель, но никуда не уехал, а стал наблюдать за квартирой. Он входил и выходил из моего дома, словно это был его дом. Я все недоумевал, как же она может так рисковать, особенно из-за... из-за такого человека. Я все тщательно проверил. Я выследил, где он живет. Я узнал его имя. Я узнал, чем он занимается. Он работал вышибалой — хорош гусь! Я не мог понять, как Роза связалась с таким, как он. Это же был... как бы сказать... не очень приличный человек. У него были и другие женщины, за те две недели я встречал его по меньшей мере еще с двумя. Только Богу известно, в какой грязи он вымарал Розу.

Вообще-то...

Вообще-то я собирался убить только его.

Я следовал за ним повсюду. Однажды я даже рискнул — зашел вечером в «Уютный уголок», сел за столик в углу, где было темно, и в тот вечер я узнал, что у него было освобождение от военной службы. Я следил за каждым его шагом, и один человек у стойки сказал просто так: «Какой громила наш Уолли, верно?» Я кивнул головой, а он продолжал: «Между прочим, в армии не служил.

Смешно, да? Такой здоровяк!» Тогда я не придавал этому значения, не увидел в этом ничего странного, потому что, видите ли, и сам не служил в армии. У меня повреждена барабанная перепонка. Мы с Дамаском примерно одного роста, похожего телосложения и почти ровесники. Вот еще одна загадка. Если ей понадобился другой мужчина... если она без этого не могла, почему она не выбрала кого-то не похожего на меня?

Все это совершенно не укладывается у меня в голове.

Когда я купил ружье, я уже решил убить их обоих. Я хотел застрелить их в постели, рядышком. Когда они занимаются любовью. Я купил охотничье ружье, дробовик. Мне нужно было оружие большой убойной силы, способное изувечить. Как-то раз в журнале я видел фотографию несчастного случая на охоте. Тогда-то я и понял, что бывает с лицом человека, если в него выстрелить из охотничьего ружья. В упор. Видите ли, я хотел, чтобы им было больно. Как было больно мне. Я и в мыслях не держал специально изуродовать лица, чтобы трупы невозможно было опознать. Эта мысль пришла ко мне позже, когда я уже купил ружье.

Оказалось, что в нашем городе ружья продают только тем, у кого есть специальное разрешение. Я стал узнавать, где и как можно купить оружие. Выяснилось, что, если переехать через реку в другой штат, для покупки ружья никакого разрешения не нужно. Я так и поступил. Когда владелец магазина спросил, как моя фамилия, я машинально ответил: «Дамаск» — и дал его адрес, а затем, когда я выходил из магазина, — я купил ружье в Ньюфилде, в августе, до того как снова уехал в Калифорнию, — так вот, когда я выходил из магазина, я вдруг понял, что у Розы никогда не брали отпечатков пальцев и у Дамаска, наверно, тоже, раз он не служил в армии. Если я выстрелю в упор, их лица будут изуродованы до неузнаваемости, зубы вылетят, никто не станет поднимать зубоврачебные карты, а значит, мне это может сойти с рук. Я убью их и не буду за это отвечать. Именно потому, что я машинально назвался Дамаском, весь план прояснился сам собой. Я застрелю обоих, и пусть полиция считает, что Дамаск убил меня. Я ведь все равно погиб. Они, по сути дела, убили меня. Так что я еще раз убью Энди Лейдена, раз и навсегда. А потом уеду из города, а может и из Штатов, начну новую жизнь под другим именем, а полиция будет искать моего убийцу.

Насчет татуировки я сообразил, когда летел в Кали-

форнию. Мальчишка, сидевший через проход, рисовал фломастерами и запачкал краской пальцы, а я глядел на него и думал, как это напоминает татуировку. В Лос-Анджелесе я решил купить фломастеры с тонким стержнем — это было нетрудно, теперь продают самые разные модели. Я сделал, наверно, вариантов сто, пока не добился своего. Татуировка у меня на правой руке, так что мне было с чем сравнивать, когда я снова и снова рисовал кинжал. Я надеялся, что план сработает, потому что татуировку как раз и будут искать на руке покойника. Полицейским быстро станет известно, что у Эндрю Лейдена на правой руке была татуировка, и, когда они увидят ее именно там, где ей положено быть, они вряд ли заподозрят подделку. Вы ведь этого не заподозрили? Однако я боялся, что в ту ночь, когда я выполняю задуманное, у меня не будет времени нанести татуировку на руку Дамаска. Ведь мне придется выстрелить четыре раза! Что поделаешь — мне обязательно нужно было стрелять из ружья, чтобы изуродовать лица до неузнаваемости, а потом успеть нанести татуировку, чтобы Дамаска приняли за меня. Вы ведь приняли его за меня? И все остальные тоже, верно?

В девять утра в пятницу я дал телеграмму в фирму, а затем позвонил Розе и попросил ее выслать новую чековую книжку. Я, кстати, действительно израсходовал старую, но позвонил совсем не поэтому. Я позвонил, чтобы удостовериться, что Роза дома, и чтобы она спокойно развлекалась со своим приятелем, пребывая в уверенности, будто я торчу в Калифорнии. Я успел на десятичасовой самолет из Сан-Франциско и приземлился в международном аэропорту без пяти шесть. К половине седьмого я уже был в городе.

Я и не надеялся, что мне удастся проверить все, как задумал.

Это была длинная ночь, самая длинная ночь в моей жизни. Я знал, что он работал до двух часов, поэтому пришлось коротать время. Ждал я очень долго. Часов в семь пообедал, потом погулял, сходил в кино, затем зашел в бар, там сильно напился и решил оставить эту затею. Но я все же ушел в половине второго, поехал к себе и стал ждать его внизу. Он появился только в половине четвертого. Я уже боялся, что прозевал его. Вдруг он кончил работу раньше и я его проворонил. Наконец он появился. Его привезла девица в желтом «бьюике», он вылез и пошел наверх. Я дал ему время раздеться и забраться в

постель к Розе, затем вынул ружье из багажника, где оно лежало с того дня, как я его купил. Затем поднялся наверх и вошел через черный ход.

Роза вышла в гостиную и я застрелил ее.

Когда она упала, я выстрелил ей в лицо.

То же самое я проделал с ним.

В спальне.

Я снял его украшения — перстень и браслет — и надел ему на палец левой руки мое обручальное кольцо, а на правую руку — мое университетское кольцо. Затем нарисовал татуировку на его правой руке.

Когда я наносил татуировку, то был очень спокоен. Я, конечно, понимал, что выстрелы слышали жильцы, — слишком уж много шума.

Но я был спокоен.

Когда я закончил, мне не понравилось, как вышла татуировка. Она была слишком уж новенькая и четкая и не очень походила на мою собственную. Тогда я прошелся по квартире, вытирая руку о пыльные углы, вернулся к расprostертому на полу Дамаску и стал втирать пыль в татуировку, чтобы создать впечатление, будто она нанесена давным-давно. Затем я сунул ему в руки ружье. Мне кажется, я довольно удачно инсценировал самоубийство.

Это мне пришлось в голову, когда уже все свершилось.

Остальное я спланировал заранее.

Лейтенант Бернс положил свой экземпляр на стол и очень мягко сказал:

— Итак, мистер Лейден, вы подпишете все три экземпляра?

Лейден кивнул. Он взял ручку, поданную Кареллой, сдвинул листки первого экземпляра, чтобы расписаться на последней странице, и вдруг покачал головой.

— В чем дело? — спросил Бернс.

— Это не все, — сказал Лейден. — Я убил еще одного человека.

— Что? — удивился Бернс.

— Я встретил женщину... когда бродил по городу... прежде чем... прежде чем вернуться к себе домой. В баре я встретил женщину и разговорился с ней. А потом я понял, что назвал ей свое имя, рассказал, что мне изменяет жена. Мы хорошо поговорили, я был сильно не в себе и сказал то, чего не следовало бы говорить. Поэтому, когда я... когда я убил тех двоих, я стал ее разыскивать.

Я не мог вспомнить ее имени. Помнил только одно: надо отыскать ее и удостовериться, что она не... Я вернулся в тот бар, но бармен отказался назвать ее имя. Было уже четыре утра, и я ушел. Я бродил и думал, что мне делать, и вдруг вспомнил, как ее зовут. Я нашел ее адрес в телефонной книге.

— Как же ее звали, мистер Лейден?

— Ридер. Маргарет Ридер.

— Ты записывашеь, Дэнни? — спросил Карелла стенографа.

— Да.

— Я поднялся к ней, она спросила: «Кто там?» Я сказал: «Человек, с которым вы познакомились в баре». А сам решил — если она не помнит, кто я, то я просто уйду, так как выходит, что она мне уже не опасна. Но она сказала: «Да, мистер Лейден», открыла дверь и спросила: «Что случилось?» Я сказал, что непременно должен поговорить с ней. Она сказала, что уже поздно, но у меня был, наверно, такой несчастный вид, что она сжалилась. Она была уверена, что я не сделаю ей ничего плохого. Она вроде бы мыла тарелки — не помню точно, но что-то в этом роде. Мы прошли в кухню, и первое, что бросилось мне в глаза, — нож на столе. Я схватил его и, не говоря ни слова, ударил ее. Я не хотел этого делать, но она знала мою фамилию. Она знала, что я Эндрю Лейден, у которого неприятности с женой.

И снова в следственном отделе наступила тишина.

— Дэнни, напечатаешь это? — спросил Бернс.

— Угу, — сказал Дэнни.

Карелла и Клинг спускались по ступенькам в распахнутых плащах. Ветерок дул со стороны парка и нес с собой запах дыма от костров. Ноябрьское небо над шпилями и башнями города выглядело фальшивым. Голубизна казалась слишком мирной и чистой, чтобы быть похожей на настоящую. Театральный задник, созданный опытными сценографами. Даже движение на улицах ослабло — самый длинный в мире перерыв на обед закончился. Надвигались сумерки, город готовился к наступлению ночи. Оба сыщика страшно хотели есть. Они собрались послать кого-нибудь за сэндвичами и закончить канцелярскую работу в отделе, но Бернс настоял, чтобы они сделали передышку. Теперь, под лучами заходящего солнца, они вдруг почувствовали вечерний холодок,

ускорили шаг, быстро дошли до угла, свернули и направились к закусочной в середине квартала.

— Кто сообщит Майеру, что его дело закрыто? — спросил Клинг.

— Тут надо проявить деликатность,— задумчиво произнес Карелла.

— У Майера будет инфаркт.

— Хочу тебе кое-что сообщить,— сказал Карелла.

— Что?

— Отпечатки принадлежали не Дамаску.

— Какие отпечатки?

— Те, что были на бритве, на ружье, те, что нашли во всей этой чертовой квартирке! Все они принадлежали только Лейдену.

— Криминалисты тут не виноваты,— сказал Клинг.— Они-то думали, что убит Лейден.

— Я понимаю, я просто так. Временами попадают запутанные дела.

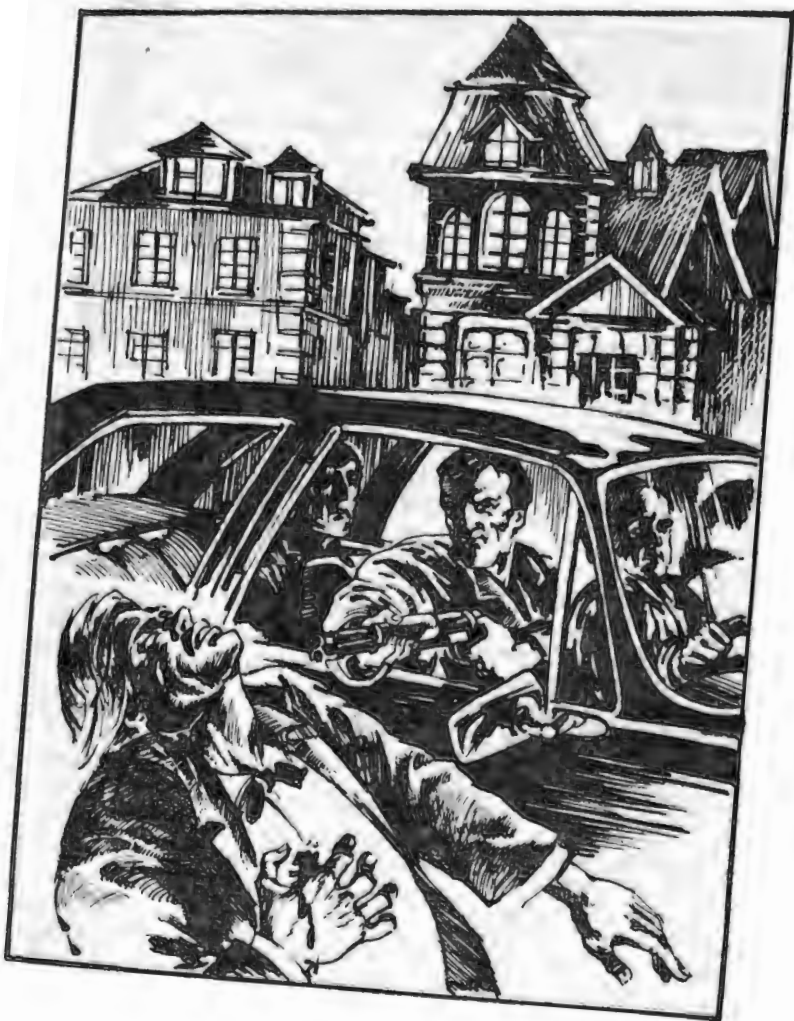
— Да уж,— отозвался Клинг.

Они шли молча и быстро, сунув руки в карманы. Когда они уже подошли к дверям закусочной, Клинг остановился, положил руку на плечо Кареллы и спросил:

— Стив, а ты бы так поступил, если бы, к примеру, застал Тедди с другим? Ты бы сделал такое?

— Нет,— ответил Карелла.

ВОЗДАЯНИЕ УБИЙЦЕ

То мог бы быть тысяча девятьсот тридцать седьмой год.

Примерно так же гляделись бы поздним вечером под конец июня мытые мелкой моросью тротуары, густую черноту асфальта местами перебивали бы всплески красных и зеленых неонов. Несмотря на дождь, воздух был бы настоян на густых ароматах лета, напоен тонким благоуханием еще свежей листвы.

Гулявший по тротуару человек и головы не повернул на визгнувший тормозами автомобиль. Прирожденному горожанину был не чужд этот скрежет. Так же беспечно и слегка выставляясь, ступал он по тротуару, этот дорого и со вкусом одетый человек. Вышагивал в полной уверенности, что все идет как надо в этом лучшем из миров, что он в нем хозяин.

В окно машины просунулось дуло винтовки. Гулявший всего на миг оборвал шаг. Расстояние между дулом и человеком не превышало восьми футов. Сначала вылетело желтое пламя и только после раздался гулкий звук. Лицо богатого господина разнесло на куски. Винтовка скрылась в окне. Еще секундой позже машина рванула с места и, пахнув паленой резиной, с визгом скрылась в темноте. Истекавший кровью человек остался лежать на тротуаре. Изморось, словно мягким саваном, укутывала его тело.

То мог бы быть тысяча девятьсот тридцать седьмой. Но... не был.

Перед входом в полицейский участок висели два зеленых шара. Для тех, кто способен был не заметить их по отдельности, цифра 87 была повторена черной краской на каждом. Сразу за дверью сидел дежурный сержант. Надпись на столе уведомляла посетителей, что прежде чем следовать дальше, надлежит остановиться здесь.

К стенам были прикреплены деревянные указатели в форме руки, направлявшие к розыскному отделу. Комнату розыскников прочие сотрудники участка иногда называли между собой «бычьим загоном». Прозвище сочетало одновременно любовь и зависть, так как именно за этой перегородкой священнодействовала элита восьмьдесят седьмого участка.

Утром двадцать седьмого июня сыщик Берт Клинг занимался с посетителем по имени Марио Торр, который по своей доброй воле явился сюда. У него был весьма потрепанный вид. Присев напротив Клинга, Торр сбивчиво отвечал, при этом его глаза часто моргали, а пальцы сковыривали воображаемые пылинки с вычищенного пиджака.

— Вы ведь знаете, его звали Сай Крамер, да? — спросил он у сыщика.

— Да,— кивнул Клинг.— Удостоверились по отпечаткам пальцев.

— Понятно. Я так и думал, что вы уже знаете.

— К тому же при нем оказался бумажник с удостоверением,— продолжил Клинг.— И пять сотен наличными.

Торр со смыслом кивнул.

— Да-а, Сай был транжира.

— Он был шантажист,— спокойным тоном поправил Клинг.

— Так вы и это знаете?

— Я же сказал, по пальчикам узнали.

— Мм...— протянул Торр.— Расскажите еще что-нибудь.

— Что именно вы хотели бы услышать?

— Думаете, его банда убила?

— Похоже на то,— ответил Клинг.

— Значит, вы прикроете дело?

— С чего бы это. Убийство есть убийство.

— Будете искать ту банду?

— У нас есть кое-какая информация,— отрезал Клинг.— Вы, наверное, тоже хотите продать факты, Торр? И потому сюда пришли?

— Я? — Торр неподдельно оскорбился.— Я что, похож на стукача?

— Не знаю, на кого вы похожи. Но сюда просто так не приходят.

— Сай был мне близким приятелем.

— Близким приятелем? — изумился полицейский.

— Да, мы с ним часто играли на бильярде. Нельзя ли узнать, кто ведет дело? — вдруг спросил посетитель.

— На вызов ездили Карелла и Хоуз. Так что это их дело, — ответил Клинг. — Но вы так и не сказали, зачем явились, Торр?

— Не думаю, чтобы тут была замешана банда, — рассуждал вслух Торр. — Газеты пишут, его из охотничьего ружья подстрелили. Разве это похоже на гангстеров? Послушайте, я тут поспрошал. Никто ничего к Саю не имел. Счетов то есть. Откуда им быть? Он работал в одиночку. С рэкетирами не водился. Шантаж делается в одиночку. Чем больше людей тебя знают, тем больше приходится делиться. Так вот, мне кажется, это сделал один из его клиентов — ну, тех, у кого Сай вымогал, — решил, что пора с ним посчитаться. Так я думаю.

— А вы можете назвать его клиентов?

— Нет. Но дичь, должно, крупная. Сай всегда был при деньгах. — Торр замолчал.

— Но я так и не взял в толк, к чему это вам, Торр? — спросил Клинг.

— Он был мне другом, — простодушно ответил Торр. — Хочу справедливости.

Первое, что сделал Клинг, едва Торр покинул комнату розыскников, это позвонил в Бюро установления преступлений. Его действующая картотека охватывала более восьмидесяти тысяч фотографий. На запрос Клинга, имеют ли они данные о Марио Торре, Бюро установления перелопатило свои картотеки и еще до полудня прислало ответ.

Клинга не слишком интересовали вложенные в конверт пальчики Торра. Бегло глянув на них, он перешел к изучению информации. Торр совмещал в одном лице и осужденного в прошлом вымогателя, и обвинявшегося в попытке шантажа, но отпущенного из-за отказа свидетеля от ранее данных показаний.

Недоуменно пожав плечами, Клинг перешел к остальному содержимому пакета. Торр отсидел год в Каслвью, худшей из тюрем штата, а может, и страны. Он был досрочно освобожден под честное слово после получения в строительной компании гарантий трудоустройства в Песочной Площадке. Обещание ни разу не нарушил. Ни разу не арестовывался и по окончании срока осуждения. В настоящий момент плодотворно трудится на благо той

же подрядной компании, работага с приличным заработком. Производит впечатление скромного, прямого и честного гражданина.

Но при этом почему-то выказал интерес к злодейскому убийству другого шантажиста.

И Берг Клинг задумался почему.

Было время, когда сыщик Стив Карелла относился к Хромоу Дэнни, как к обычному осведомителю, и только. Считал надежным, верным, даже ценным агентом — но не более того. Было время, когда Карелла не на шутку бы оскорбился, вздумай Хромоу Дэнни назвать его Стивом.

Все это кончилось прошлым декабрем.

В декабре Стива Кареллу угораздило попасть под пулю. Отныне двадцать второго декабря навсегда для него День Собственной Дурости. Идиотский тот день будет в его памяти предостережением никогда не соваться туда, где у самих ангелов дрожат поджилки.

Тогда-то ему и сказали, что внизу его дожидается Хромоу Дэнни.

Стив Карелла прямо оторопел. Тем часом в больницу ввалился Хромоу Дэнни. В лучшем костюме и чистой сорочке, а под мышкой держал банку леденцов, которую смущенно протянул Карелле, при этом промямлил: «Мм... рад, что ты выжил, Стив». Они разговаривали до тех пор, пока сиделка не напомнила, что Дэнни пора уходить. На прощание Карелла сжал его руку, и с этого часа Дэнни перестал быть для него только агентом, стал живым существом.

Утром двадцать восьмого июня, после звонка Кареллы, Дэнни явился в комнату розыскников восемьдесят седьмого участка. Сотрудники только что размотали дело об убийстве девушки — продавщицы из винной лавки и сразу с головой ушли в другое, где, кажется, требовались особые таланты Хромого Дэнни. Сыщиков никто не собирался особо тревожить до августа, когда им надлежало свидетельствовать на суде по недавно раскрытому преступлению, — а пока что был июнь и нужно было тянуть лямку: ежели ты рассчитываешь отрабатывать свое жалованье, то расслаживаться в ожидании суда, конечно, не придется.

— Привет, Стив, — ответил на приветствие Дэнни. — Что, жарко?

— Не так чтобы,— сказал Карелла.— А ты славно выглядишь. Как дела?

— Нормально,— ответил Дэнни.— Вот только нога разнылась после дождя.

Ребенком Хромой Дэнни перенес полиомиелит. Болезнь не сделала его полным калекой, только наградила походкой, которой он и обязан своей пожизненной кличкой. Оба вошли в комнату. Коттон Хоуз оторвал взгляд от пишущей машинки. Приткнувшийся к решетчатому окну с видом на парк Берт Клинг ушел в телефонный разговор. Карелла с Дэнни сели друг против друга.

— Ну, что ты у меня покупаешь? — улыбнулся Дэнни.

— Сая Крамера,— ответил Карелла.

— Мм...— протянул Дэнни.

— Что-нибудь имеешь? — спросил сыщик.

— Мелочи,— сказал Дэнни.— Шантаж, вымогательство... Последние девять месяцев он жил на широкую ногу. Должно быть, напал на жилу.

— Есть идеи насчет того, что бы это могло быть?

— Ни единой. Хочешь, чтобы я поспрошал?

— Да. А насчет убийства?

— Ходят всякие разговоры, Стив. Вы в таких делах сразу на рэкетиров грешите. Сколько я соображаю, они тут ни при чем.

— Ни при чем?

— Если б это было дело их рук, все было бы солиднее обставлено. Парень-то был тьфу, мелочевка, к тому же работал сам по себе. Кто ради таких в наши дни нанимает убийц? Если и надо прихлопнуть, то делают это без лишнего шума — сечешь, Стив? Они ведь большей частью тихие да добронравные граждане, те, которых кровавыми громилами рисуют. Усек?

— Усек,— сказал Карелла.— Но у меня другие соображения.

— Какие именно?

— Кому-то из тех простаков, из кого качал деньги Крамер, сильно это надоело. Тогда он достает ружье, садится в машину и едет на охоту. И прощай, Сай, помаши дяде ручкой.

— Кто бы ни был тот человек, стрелок он приличный, Дэнни.

— Сколько хочешь найду тебе любителей, которые умеют стрелять,— возразил Дэнни.— Это ничего не значит. Сильно кому-то надо было его прикончить, Стив.

Но, насколько я соображаю, это не дело рук гангстеров. Половина рэкети́ров и не слышали, кто такой Крамер. Если ты делаешь то, чем занимался он, то действуешь в одиночку. Простая арифметика. Заводишь поделенька — все, кроме срока, делится пополам.

— Значит, у тебя нет соображений насчет тех, у кого он вымогал деньги? — поинтересовался Карелла.

— Знал бы, сам присосался бы,— пошутил Дэнни.— Постараюсь разнюхать. У вымогателя ведь одна тайна: тайна вымогательства.

— Что ты знаешь о человеке по имени Марио Торр?

— Торр, Торр? — вслух размышлял Дэнни.— Торр. Что-то не врубаюсь.

— В тысяча девятьсот пятьдесят втором попался на вымогательстве,— подсказал Карелла.— Получил до двух лет, вышел досрочно в пятьдесят третьем. Ранее арестовывался за шантаж. В настоящее время работает, видимо, исправился, но почему-то заинтересовался смертью Крамера, говорит, был его закадычным другом. Слышал о таком?

— Не припоминаю,— ответил Дэнни.— Может, и вправду завязал, чем черт не шутит? Бывают же на свете чудеса.

— Увы, не часто,— вздохнул Карелла.

— А не слыхал — может, гастролер появился?

— Ты, значит, продолжаешь думать, что Крамер была такая птица, что ради нее стоило заезжего охотника нанимать? Послушай, Стив, можешь мне верить, глупые твои рассуждения.

— Ладно. Но все же — есть у нас сейчас гастролер или нет?

— Есть тут парень из-под Бостона. Ньютоном зовут — он, кажется, из местечка с таким названием.

— Охотник?

— Наверняка мокрые дела за ним водятся, но доказать не смогу. Да он тут, кажется, не для того.

— Для чего же?

— Хотят что-то наладить между Бостоном и нами. А Ньютон — обычная шестерка между главарями. Нет, это не он уложил Крамера.

— Где этот Ньютон поселился?

— Безвылазно сидит в отеле, в центре, на самом Броде. Кажется, в «Рокленде». Его фамилия Холл.— Дэнни без видимой причины хохотнул.— Похоже на имя приготовительной школы для девочек, верно? Ньютон Холл.— Дэнни опять засмеялся.

— Так ты думаешь, его и проверять не стоит? — переспросил Карелла.

— Пустая трата времени. Ты, конечно, можешь делать, что хочешь. Я тебе не начальник. Только время напрасно потеряешь. Давай, я немного послушаю. И позвоню, если что узнаю.

— Что я тебе должен? — Карелла потянулся к карману.

— Дождемся, пока чего-нибудь накопаю, — остановил его Дэнни.

И, пожав руку, похромал прочь из участка. Карелла перебрался за стол к Хоузу.

— Напяливай-ка шляпу, Коттон, — без предисловий сказал он. — Хочу кое-кого «прощупать».

Коттона Хоуза перевели в восемьдесят седьмой недавно.

Ростом он был шесть футов два дюйма, весом сто девяносто фунтов. Имел голубые глаза, квадратную челюсть и ямочку на подбородке. Ярко-рыжий, кроме одной прядки над левым виском, которая после заживления ножевого ранения почему-то стала белой. Нос прямой и ровный, губы правильные.

И уши были что надо. Он совсем недавно перевелся в восемьдесят седьмой, но за эти недели успел усвоить, что к Стиву Карелле стоит прислушиваться. Вот и сейчас он был весь внимание по дороге к отелю «Рокленд». Старался ловить каждое слово и движение даже тогда, когда Карелла, махнув бляхой перед носом портье, потребовал ключ от комнаты Холла. Дойдя до его комнаты, они вытащили пистолеты. Затем Карелла резко распахнул дверь.

Ньютон Холл спокойно восседал в кресле у окна, что-то читал. Поднял чуть изумленные глаза, опустил их на пистолеты, слегка вздрогнул.

— Полиция, — сказал Карелла.

— Боже, — облегченно выдохнул Холл, — как вы меня напугали. Заходите. Только уберите железки. Присаживайтесь.

— Холл, когда вы приехали в город? — сразу задал вопрос Карелла.

— В понедельник вечером, — ответил Холл.

— Двадцать четвертого?

— Где вы были в среду вечером? — спросил Хоуз.

— В среду вечером? — Холл стал вспоминать. — С девчонкой, — твердо ответил он.

— Как ее зовут?

— Кармела. Кармела Фреско.

— Куда-нибудь ходили?

— Здесь оставались.

— Весь вечер?

— И ночь.

— С какого часа и до какого?

— Примерно с девяти и до утра. Ушла после завтрака.

— Что вы делали все это время?

Холл осклабился:

— А вы как думаете?

— Не знаю. Вас спрашивают.

Холл продолжал ухмыляться:

— В кости играли.

— Отлучались из комнаты?

— Нет. Обожаю кости.

— Знакомы с человеком по имени Сай Крамер? — спросил Карелла.

— А, — догадался Холл. — Вот вы о чем. Так бы сразу сказали.

— Вы его знали?

— Нет. В глаза не видел. Читал об убийстве в газетах.

— Но с ним самим встречались?

— Ни в жизни.

— Раньше когда-нибудь слышали?

— Нет.

— Что вас к нам привело из Бостона?

— Поразвлекься приехал. Походить по представлениям. Ну и все такое...

— Что именно вы уже успели посмотреть? — спросил Хоуз.

— Пока ничего, — ответил Холл. — Трудно, знаете, с билетами. Можно достать только на старье. А кому надо старье? Люблю мюзиклы. Песни, девочки — это по мне. Люблю, знаете, развлекься. — Он щелкнул пальцами. — У меня тут кореш завелся, льдом торгует, знаете, что это такое?

— Что? — поинтересовался Хоуз.

— Бесплатные билеты. Ну, не совсем чтобы бесплатные, такого не бывает. За них заплачено по кассовой цене, а он их немного дороже сбывает, ясно? Так вот, разница между кассовой и его ценой называется льдом. Этим льдом он и торгует.

— Где вы познакомились с Кармелой Фреско?
— Ее-то зачем сюда тянуть? — спросил Холл.
— Можете предложить лучшее алиби?
— Нет, но... Она еще ребенок. Я ее знаю, мы...
— Сколько лет? — перебил Хоуз.
— С этого бока все в порядке, — сказал Холл. — Совершеннолетняя, не беспокойтесь. А все же, с чего это вы взяли будто я имею отношение к убийству Крамера? — спросил Холл.

— А вы знаете, кто имеет?
— Глупый вопрос.
— Есть еще одна вероятность, — вставил Хоуз. — Что это вы могли пришить Крамера.

— Кого я пришивал под вечер в среду так это девицу по имени Кармела Фреско. Чуть не довел до обморока. Полуживой ушла, — Холл заухмылялся. — Боже, как мы с ней шили, с этой девочкой!

— Как нам ее найти, Холл?
— По книге.
— Какой номер?
— Послушайте, зачем вам надо делать из меня скотину? — спросил Холл. — Вы сможете ей сказать, что сами нашли ее в телефонном справочнике. И это будет правда.

— Мы согласны и приврать немного, — уступил Карелла. — Так какой номер? Скажем, что взяли из книги. Холл пожал плечами:

— XI-3800. Только лучше было бы вам оставить ее в покое.

— Пока что не оставлены в покое вы сами, — парировал Хоуз.

— Я-то чист, братишка, — сказал Холл. — Желал бы я всегда быть таким чистым. Можно сказать, надраен до блеска. Аж сверкаю.

— Это мы еще увидим, — пообещал Хоуз.

Поначалу Кармела Фреско конфузилась, сбивалась. Повторяла, что она девушка порядочная, какие ни за миллион не останутся с мужчиной в отеле, что она с матерью ходила в тот вечер в церковь — поиграть в бинго.

Потом, запнувшись на середине фразы, выкрикнула: «Вот сукин сын! Он что, за уличную девку меня принимает? Чтобы я всем подряд рассказывала, как провела с ним ночь?»

Этого было достаточно. Алиби Ньютона Холла было полным.

Ему позвонил Хоуз и сказал, что он волен, когда вздумается, возвращаться в свой Бостон — впрочем, чем быстрее, тем лучше.

В ночь на двадцать шестое июня, когда был убит Сай Крамер, лежавшее на тротуаре тело нашел прохожий и сразу позвонил в полицию. Сообщение принял дежурный, сидевший за одним из пультов полицейского управления и имевший перед собой стопу печатных бланков. Он записал сведения в точности так, как они были переданы взволнованным свидетелем. Потом свернул бланк в трубочку, сунул в металлический контейнер и отправил пневмопроводом в радиоотсек, где диспетчер, проставив в незаполненной графе свой номер и справившись по крупномасштабной карте участка, отправил радиофицированную патрульную машину на место преступления. Указав на бланке время передачи, положил на край стола, на горку таких же документов. Тем временем принявший сигнал патрульный уже звонил в розыскной отдел восемьдесят седьмого участка, просил, чтобы сообщили, действительно ли речь шла об убийстве: в этом случае он обязан был дать знать в Южный центр по расследованию убийств.

Сообщение приняли розыскник Карелла и Хоуз, так что формально дело считалось их.

В субботу двадцать девятого июня случилось так, что Коттон Хоуз оказался в одной постели с преданной любовницей почившего и сделал замечательное открытие, касавшееся самого себя. Он искренне считал обольщение честным. Ведь он не использовал служебного положения ни для приманки, ни для угрозы. В постель к этой женщине лег Коттон Хоуз-мужчина, а не Коттон Хоуз-полицейский.

Девушку звали Нэнси О'Хара, рыжеволосая, подруга Сая Крамера.

Коттон Хоуз положил на нее глаз сразу, как только она открыла дверь квартиры на авеню Джефферсона, хотя наряд, что был на ней, отнюдь не побуждал к любви.

На ней были грубые домашние брюки, незаправленная внутрь мужская рубашка с закатанными рукавами. Глаза изумрудные, а полный ротик кривился. Казалось, она вот-вот расплачется. Одним словом, вид у нее был не как у любовницы вымогателя.

Едва открыв дверь, выговорила:

— Наконец-то пришли, слава Богу! Сюда. Идите за мной.

Хоуз проследовал через роскошную гостиную в шикарную спальню, а из нее в ванную, которая в тот момент больше смахивала на небольшой бассейн.

— Почему так долго? — спросила Нэнси. — Можно было утонуть, пока вы...

— Что случилось? — перебил он.

— Я же сказала по телефону. Не могу закрыть душ. Что-то там заклинило. Скоро поплывет вся чертова квартира, если не завернем.

Хоуз скинул куртку. Нэнси скосилась на прикрепленную перевязью кобуру.

— Вы всегда при оружии? — любопытствовала она.

— Всегда, — сказал он. — Вы вызывали слесаря?

— Если вы не слесарь, — ответила она, — то выдали себя не за того, чтобы проникнуть в квартиру.

Хоуз продолжал возиться с непокорными кранами.

— Я не назывался слесарем. Я промок.

— Кто вы?

— Полицейский.

— Убирайтесь из ванной, — потребовала Нэнси.

— Шш... кажется, пошло.

— Вы должны были предъявить ордер, прежде чем...

— Как вас угораздило так его затянуть?

— Я хотела принять душ...

— В этих штанах?

— Я их надела, когда вызвала сантехника.

— Наконец-то пошел, — сообщил Хоуз. Он подергал ручку крана, и вода вдруг остановилась. — Ффу!

Нэнси глянула на него. Сказала:

— Вы промокли до нитки.

— Да, — скривился Хоуз.

— Я подыщу, что надеть. Вот, но, кажется, на вас маловата. — И подала бледно-голубую спортивную сорочку с длинным рукавом. На левом нагрудном кармане была вышита монограмма «СК».

— Мистера Крамера? — спросил Хоуз, надевая сорочку.

— Да. Как вас зовут?

— Детектив Хоуз.

— У вас есть ордер, мистер Хоуз?

— Мне нужно всего лишь задать вам несколько

вопросов, мисс О'Хара. Для этого ордер не требуется.

— Мне лучше тоже переодеться. Хотите выпить?

— Не позволено,— сказал Хоуз.

— Ах да, вы же полицейский,— улыбнулась она, удаляясь.

Хоуз прошелся по комнате. На рояле в рамке стояла фотография Сая Крамера. Рядом с креслом на столике покоился дорогой увлажнитель. Комната была мужская. Он сразу почувствовал себя здесь уютно и, как ни странно, оценил вкус покойного Крамера к дорогим вещам.

Нэнси вернулась в мужской рубашке, вправленной в узкие брючки в полоску.

— Может, выпьете? — спросила она.

— Нет, благодарю. В самом деле не положено.

— Кто сейчас делает, что положено,— возразила Нэнси.— Вы что пьете?

— Шотландское,— сдался Хоуз.

Она подала ему стакан. Сказала: «За американских сантехников».

Выпили.

— Так какие вы хотели задать вопросы, мистер Хоуз? Насчет Сая?

— Да.

— Ну, так что вы хотите узнать?

— Как давно вы живете вместе?

— С сентября.

— А дальше что?

Нэнси повела плечами:

— За квартиру уплачено до следующего месяца. Потом съеду.

— Куда?

— Куда-нибудь,— и снова пожала плечами.— Я,— она слегка замялась,— танцовщица. Поищу работу. Опять начну думать о себе сама.

— Как вы познакомились с Крамером?

— На Броде. Как-то утром — я тогда искала работу — у меня сильно заболела голова. Забежала в какую-то лавочку выпить кофе — там всегда толкуются деловые люди. Тут со мной и заговорил Сай — прямо у стойки. Мы начали встречаться. Я была уже не девочка, когда мы познакомились с Саем. Мне двадцать семь, мистер Хоуз. Родилась и выросла в городе. Я довольно прилично танцую, но знаете, сколько надо попотеть, пока найдешь эту чертову работу? Надеюсь на самый верх пробиться. Не вышло. Пока что я безработная. Предложение

Сая меня устроило. К тому же он был приятный мужчина. Мне нравился. Ни за что не стала бы жить, если бы не нравился.

— Вы знали, что он сидел?

— Да.

— И что вымогатель знали?

— Нет.

— А как он объяснял вам свои доходы?

— Никак. Я не спрашивала.

— У него было постоянное рабочее время?

— Нет.

— А вы и не подозревали, что он занимается чем-то незаконным?

— Нет. Хотя, если по правде, то да. Но вопросов не задавала.

— Почему же?

— Мужчина должен заниматься своим делом.

— Угу,— хмыкнул Хоуз.

— Вы мне не верите?

— Верю. Просто я надеялся с вашей помощью выйти на его жертву или жертвы,— Хоуз пожал плечами.— Но раз вы ничего не знаете...

— Правда не знаю.— Нэнси задумалась. Потом неожиданно спросила: — Откуда у вас белая прядь?

— Эта? — Хоуз дотронулся до волос.— Как-то царапнули ножом.

— Как красиво,— она улыбнулась.— По последней моде.

— Стараюсь шагать в ногу с веяниями,— подыграл Хоуз.— Имеете представление, какие деньги делал Крамер?

— Нет. Думаю, что большие. Такую квартиру за дешево не снимешь.

— У Крамера была адресная книжка?

— Да. Принести?

— Попозже. Какие-нибудь банковские документы? — Хоуз приумолк.— Чековые книжки?..

— То и другое — по одному,— ответила Нэнси.

— Сейф в банке?

— Не знаю.

— А вы красивая, мисс О'Хара,— без перехода сказал Хоуз.

— Знаю,— ответила она. И неожиданно спросила: — Что, допрос уже закончился? Готовы переходить к сексу? — съязвила она.

— Я?! — опешил полицейский.— Не думал, что вы так прореагируете на комплимент.

— Вы тоже красивый,— сказала Нэнси.— Возьмите обратно свой комплимент и оставим сексуальную тему. Есть еще вопросы?

— Крамер приглашал гостей?

— Изредка.

— Что у него были за друзья?

— Всякие-разные.

— Вы слышали их разговоры?

— Слышала. О преступлениях речь не заходила. Те, кто бывал у Крамера, смахивали на респектабельных граждан. Они были с женами и детьми.

— И у воров бывают дети и жены,— возразил Хоуз.

— Вряд ли то были воры. Один, кажется, был архитектор. Другой — адвокат.

— У Крамера были еще какие-либо интересы, помимо его... работы? — спросил Хоуз.

— Он охотился. Время от времени ездил на охоту. В горы.

— Вас брал с собой?

— Зачем? Это не по мне — убивать животных.

— Вы хорошо ладили с Крамером, мисс О'Хара?

— Прекрасно. А вам зачем?

— Лично знакомы с кем-либо из преступного мира, мисс О'Хара?

— То есть не я ли наняла того, кто подстрелил Сая?

— Если угодно.

— Не я. Не нанимала и не знакома ни с одним преступником. Знаю только одного человека, связанного с преступным миром, и он, кажется, начинает мне надоедать.

Хоуз заулыбался:

— Извините, я обязан задавать вопросы... За это мне платят.

— Принести вам документы?

— Пожалуйста. Может, от них будет прок. Или вам все равно, найдем мы убийцу или нет?

Нэнси помрачнела.

— Сая больше нет,— просто ответила она.— Наша связь была кратковременной. Мне он нравился и я хотела бы, чтобы победила справедливость. Готова помочь вам, как только смогу. Буду ли я горько плакать? Нет, не буду. Буду ли вспоминать Сая через шесть месяцев? Наверно, нет. Я вам кажусь жестокой, циничной?

— Да,— ответил Хоуз.
— Это от того, что я такая и есть.
Тут с языка Хоуза сорвалось:
— А кажетесь сентиментальной и нежной.
— Опять про секс,— вздохнула она.
— Увы!.. Так вы принесете ту бумагу из банка, чековую и адресную книжку? — перевел разговор полицейский.
— Сейчас,— она встала и направилась из комнаты.
— Мисс О'Хара,— не выдержал он.— Я еще не встречался с рыжеволосой.
— Неужто?
— Я заканчиваю работу в шесть тридцать. Как вы думаете, мы могли бы вместе пообедать?
— Чтобы больше разузнать о Сае и его друзьях?
— Нет — о вас.
— Должна предупредить: у меня отменный аппетит. И вообще я девушка дорогая.
Хоуз расплылся в улыбке.
— Сумеете переодеться к семи тридцати?..
Отобедали в приличном ресторане. Нэнси О'Хара оказалась приятной собеседницей, и Коттон Хоуз безнадежно влюбился. Была, конечно, надежда, что к утру это пройдет, но пока... Итак, они сытно поели, вдоволь поболтали, посмеялись. Пошли на поздний сеанс в кино. К ночи вернулись к Нэнси — пропустить еще по стаканчику. И очутились в постели...

Движение поступлений на счет Сеймура Крамера, согласно сведениям банка, имело такой вид.

Счет был открыт в октябре на сумму в двадцать одну тысячу долларов. В январе поступил вклад на девять тысяч, а в апреле третий, на пятнадцать тысяч. Проценты по состоянию на первое апреля, внесенные в банковскую расчетную книжку одиннадцатого апреля, когда поступил апрельский вклад, составили сто восемьдесят семь и пять десятых доллара. Со времени открытия счета Крамер ни разу не снимал денег.

На каждый день у него была чековая книжка. В ней отмечались регулярные поступления и извлечения. Вклады на нее, как правило, поступали около первого числа каждого месяца, плюс-минус неделя. Вносились тремя неизменными суммами: триста, пятьсот и тысяча сто долларов. Снимались деньги неравномерно — для оплаты

счетов и на карманные расходы. Судя по всему, банковский вклад был у Крамера на черный день, а чековая книжка поддерживала его в ежедневных поисках счастья — из примерного расчета по тысяче девятьсот в месяц.

В понедельник утром, первого июля, в банке дожидались переноса на расхожую книжку Крамера два чека. Очевидно, были отправлены вместе с квитанцией перевода в день, когда был убит Крамер. В банк попали только в пятницу утром; до конца дня счета не успели обработать, и они ждали своего часа до самого понедельника.

Оба вклада поступили наличными.

Первый на сумму пятьсот долларов, второй — на триста.

Первый был подписан женщиной по имени Люси Менкен. Другой мужчиной, Эдвардом Шлессером. На обоих была пометка рукой Сая Крамера о согласии на перевод.

Люси Менкен изо всех сил старалась не казаться чувственной особой. Но тщетно. Носила мужского покрова пиджак. Армейские башмаки. Пышные каштановые волосы собирала в пучок на затылке — словом, пыталась произвести впечатление степенной матроны, обитательницы солидного пригорода, но ничего из этого не выходило.

Карелла сидел с Люси Менкен на террасе ее загородной усадьбы, любовался искрящейся водой в бассейне и ломал голову, к чему ей армейские башмаки.

Шелестела листва на деревьях — ветерок был, пожалуй, немного свеж для июля. Люси потягивала джинс с тоником. Привычным жестом держала в руке стакан, как и надлежит даме, сроднившейся со своим окружением, которая на коротке с роскошью. Карелла же чувствовал себя не в своей тарелке. Вроде работника, явившегося прикинуть, во что обойдется подрезка деревьев у парадного въезда.

Наконец он отбросил все мысли в сторону и задал вопрос:

— Каковы были ваши взаимоотношения с человеком по имени Сай Крамер, миссис Менкен?

Люси отпила глоток.

— Не знаю никакого Сая Крамера, — твердо произнесла она.

— Тогда Сеймура Крамера,— поправился он.
— Сеймура Крамера тоже не знаю.
— Ясно,— произнес Карелла.— А вам известно, что мистер Крамер мертв?

— Как я могу это знать?

— Из газет.

— Я редко читаю газеты. Только когда это касается моей семьи.

— И часто ваша семья попадает на газетные полосы? — полюбопытствовал Карелла.

— Мой муж политик,— сказала миссис Менкен.— Осенью намерен баллотироваться в сенат штата. Его имя часто бывает в газетах.

— Как долго вы замужем, миссис Менкен?

— Двенадцать лет,— ответила она.

— А сколько лет вашим детям?

— Дейву десять, а Грете восемь.

— Чем вы занимались до замужества?

— Работала манекенщицей.

— Для журналов?

— Да,— ответила она.

— Вы и сейчас работаете, миссис Менкен?

— Нет. Сразу ушла после замужества. Мне хватает быть женой и матерью.

— Как ваша девичья фамилия?

— Люси Митчелл.

— Вы под этим именем работали манекенщицей?

— Выходила под именем Люси Стар Митчелл.

— Лет двенадцать назад, верно?

— Да, двенадцать-тринадцать лет назад.

— Тогда вы и познакомились с Саем Крамером? — подсказал Карелла.

Миссис Менкен не повела и глазом.

— Никакой Сай Крамер мне не знаком,— повторила она.

— Миссис Менкен,— мягко возразил Карелла,— ведь это вы послали ему чек, датированный двадцать четвертым июня, на пятьсот долларов?

— Должно быть, вы ошиблись.

— На чеке ваша подпись.

— Уверена, на свете есть и другие Люси Менкен,— сказала она.

— Но это вы имеете счет в отделении Федерального банка в Пибоди, не так ли?

— Имею.

— Миссис Менкен, среди вкладчиков этого банка есть только одна Люси Менкен.

— В таком случае чек подделали. Сейчас же распоряжусь, чтобы его задержали.

— Банк удостоверил вашу подпись, миссис Менкен.

— И все же его могли подделать. Это единственное объяснение, которое я могу дать. Не знаю никакого Сая Крамера, или Сеймура Крамера — вообще никакого Крамера. Очевидно, чек поддельный. Я позвоню в банк и велю задержать.

— Миссис Менкен...

— Должна вас поблагодарить, что вы дали знать.

— Миссис Менкен, Сай Крамер мертв. Вам больше нечего бояться.

— С чего это я должна бояться? Мой муж очень влиятельный человек.

— Не знаю, чего вы опасались, миссис Менкен, но Крамер мертв. Можете мне рассказать...

— Значит, он не сильно расстроится, если я верну чек.

— Миссис Менкен, чем он вас шантажировал?

— Кто?

— Сай Крамер. Шантажист или вымогатель.

— Не понимаю, о чем вы ведете речь.

— На его банковской книжке отражен ежемесячный перевод в пятьсот долларов — вместе с прочими, разумеется. Ваш чек выписан на пятьсот долларов. За что вы отправляли Крамеру по пятьсот долларов в месяц?

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Миссис Менкен, могу я взглянуть на корешки вашей чековой книжки?

— Разумеется, нет.

— Тогда хотя бы на аннулированные чеки?

— Нет.

— Я ведь могу взять ордер.

— Именно это вам и придется сделать, мистер Карелла. Моя чековая книжка, равно как и аннулированные чеки, — мое личное дело. Даже муж не спрашивает, как и на что я расходую деньги.

— Я вернусь с ордером, — Карелла поднялся.

— И вы действительно рассчитываете что-нибудь найти, когда вернетесь, мистер Карелла? — вдруг спросила она.

— Вероятно, нет, — устало сказал он, глядя ей в глаза. — По вашей одежде не скажешь, что вы в прошлом манекенщица, миссис Менкен.

- Правда?
- Да.
- Мистер Карелла, этот пиджак стоит триста пятьдесят долларов.
- Многое можно укрыть за такой суммой.
- Укрыть?
- Миссис Менкен, убит человек. Он не был тем, кого можно признать идеальным гражданином, но тем не менее его убили. Мы пытаемся выйти на след убийцы. Прошу вас оказать содействие. Все равно мы выясним все, что нужно. Сколько бы вы ни прятали свои корешки и чеки, сколько бы ни укрывались за дорогими пиджаками — все равно узнаем.
- Мистер Карелла, вы хамите.
- Прошу прощения.
- Люси Менкен поднялась, еще раз выказав изящество скрытого просторным пиджаком тела.
- Дети без присмотра в бассейне,— сказала она.— Так вы уходите, детектив Карелла?
- Ухожу,— сокрушенно вздохнул Карелла.— Но еще вернусь.

На столе лежал чек. Надпись на матовом стекле двери гласила: «Безалкогольные напитки Шлессера». За столом напротив сидел сам Эдвард Шлессер, лысоватый человек слегка за пятьдесят. На нем был синий костюм и желтая жилетка. Очки в черной оправе скрадывали синие глаза, сосредоточенно разглядывавшие чек.

— Это ваш чек, мистер Шлессер? — спросил Коттон Хоуз.

— Да,— вздохнул Шлессер.

— Вы его послали человеку по имени Сеймур Крамер?

— Да.

— Зачем?

— Какая теперь разница. Он мертв.

— Потому я и пришел,— сказал Карелла.

— Теперь все уже позади,— сказал Шлессер.— С вами — как со священником? Или врачом?

— Конечно.

— Кому вы все это расскажете?

— Напарнику и непосредственному начальнику.

Шлессер опять вздохнул:

— Так и быть.. Свое дело я веду сам,— начал Шлес-

сер.— Предприятие небольшое, но на подъеме. Выпускаю качественные безалкогольные напитки. Особенно оранжад. Любите оранжад?

— Люблю.

— Будете уезжать, дам вам ящичек. Если понравится, расскажите друзьям.

— Спасибо,— поблагодарил Хоуз.— Так что там с Крамером?

— Некоторое время назад у нас случилась неприятность. Каким-то образом в одну бутылку попала мышь. Кто-то эту бутылку купил. Покупатель заявил, что отпил немного напитка и плохо себя почувствовал. Угрожал подать в суд. На сумму сто двадцать пять тысяч. Сговорились на двадцати пяти тысячах без суда. Я был даже рад, что так кончилось. В газетах не было и намека. А мог потерять все, что имею. Такие вещи люди не забывают. Мышь в бутылке содовой! Есть от чего пойти по миру!

— А дальше,— торопил Хоуз.

— Примерно через месяц, после того как мы полюбовно столковались, позвонил один человек и сказал, что ему известно все, что произошло.

— Крамер?

— Он. Угрожал передать известный документ в газеты, если я не заплачу.

— Какой документ?

— Оригинал жалобы от адвоката истца — той, в которой сообщалось о мыши.

— Как она к нему попала?

— Не знаю. Я перерыл свои бумаги и убедился, что письмо пропало. Он попросил за него три тысячи долларов.

— И вы заплатили?

— Пришлось. К тому времени я ведь уже потратил двадцать пять тысяч, чтобы все замять. Еще три — не так уж много. Я ведь думал, этим все кончится, но нет. Он изготовил фотокопии. Потребовал, чтобы каждый месяц я платил по триста. Каждый раз я отсылал ему чек и взамен получал фотокопию. Рассчитывал, что рано или поздно они иссякнут. Впрочем, теперь уже неважно. Он мертв.

— Могут обнаружиться подельники,— вставил Хоуз.

— Как это?

— Напарник, даже не один — они и продолжают, что не успел закончить он.

— Что ж, буду платить по триста в месяц. Три шестьсот в год. Не Бог ведь какие деньги.

— Мистер Шлессер, где вы были в ночь на двадцать шестое июня? — без перехода спросил Хоуз.

— Вам зачем? То есть в эту ночь убили Крамера?

— Да.

Шлессер расхохотался.

— Это смешотворно. Вы думаете, я способен убить человека из-за трехсот долларов в месяц? Всего трех сотен.

— Предположим, мистер Шлессер, — возразил ему Хоуз, — что Крамер решил все же передать злополучное письмо в газеты, сколько бы вы ему предложили? Несмотря ни на что обошелся бы с вами как сукин сын?

Шлессер молчал, раздумывал.

— Итак, мистер Шлессер, где вы были в ночь на двадцать шестое июня?..

Фотографа звали Тед Бун.

Студия размещалась на шикарнейшей улице мэрии, и он был уже знаком с ребятами из восьмидесят седьмого: всего месяц назад они расследовали дело об убийстве его бывшей жены. Буну позвонил Берт Клинг и попросил об услуге — найти фотографии манекенщицы по имени Люси Стар Митчелл.

— Люси Стар Митчелл?.. — Бун задумался. — Вряд ли я ее снимал.

— А вы знаете, у кого она работает? — спросил сыщик.

— Нет.

— Она сейчас на горе? — не унимался Клинг.

— Как это?

— Понимаете, у манекенщиц бывают свои подъемы и спады. На какое-то время взбираются на самую гору. Это когда восхищаются: «Какая изящная блондинка!» — вместо восклицания «Что за миленькое платьице!» Понимаете? То есть манекенщица вместо товара демонстрирует саму себя.

— Понял. Это имя мне ничего не говорит. Было бы на слуху, вспомнил бы. Со мной работают почти все классные манекенщицы.

— Если не ошибаюсь, она работала лет двенадцать-тринадцать назад, — уточнил Клинг.

— О, тогда не удивительно, что я о ней не слышал. Я не так давно в этом деле.

— Где можно навести о ней справки, мистер Бун?

— Можно пройтись по регистрационным книгам. В них отражено все. В минуту найдете. А я тем временем поспрашиваю, если желаете. Кое-кто из моих друзей давно связан с этим миром. Если с ней работали, наверняка вспомнят.

— Буду очень признателен. Спасибо, мистер Бун.

— Не за что.

Остаток дня Берт Клинг просидел на телефоне. Но так ничего и не добился. Впрочем, отсутствие информации — тоже информация. Выяснилось, что ни в одной регистрационной книге не было никакой манекенщицы по имени Люси Стар Митчелл.

Мейер ничего не имел против обязанностей «хвоста», коль скоро этот «хвост» решили приставить к спине Люси Менкен. Эта Люси оказалась миленькой со спины. Второго июля Мейер припарковал неброский бледно-голубой «седан» рядом с домом Менкенов. В девять тридцать семь Люси Менкен вывела из гаража красный «эмже» и направилась в близлежащий городок Пибоди. Следом за ней — Мейер.

Люси Менкен зашла в парикмахерскую, Мейер торчал на улице.

Люси Менкен двинулась на почту, Мейер опять ждал.

Завтракала Люси Менкен в притулившемся к обочине загородном кафе. Мейер дожидался на шоссе.

В тринадцать ноль четыре зашла в магазин готовой одежды.

В четырнадцать пятнадцать в душу Мейера прокрадось ужасное подозрение. Он оставил машину, вошел в магазин и, как и подозревал, обнаружил другую дверь. Так Люси Менкен, намеренно или случайно, отряхнула с себя «хвост». Мейер поехал обратно к дому. Издалека в конце изгиба подъездной аллеи виднелся гараж. Красного «эмже» не было. Понуро вздохнув, принялся ждать ее возвращения.

Появилась только в восемнадцать пятнадцать.

Мейер съездил пообедать и позвонил лейтенанту Бирнсу. Сгорая от стыда, признался, что его обвела вокруг пальца домохозяйка из пригорода: ухитрилась избавиться от «хвоста» на целых пять часов одиннадцать минут.

Лейтенант слушал не перебивая. Наконец сказал:

— Что ж, придется утереться. Теперь, видимо, вернулась до утра. В любом случае скоро вас сменит Виллис. Как думаете, чем она могла эти пять часов заниматься?

— Всем, чем угодно,— сумрачно признал Мейер.

— Только не паникуйте,— успокоил Бирнс.— Из Пибоди пока что не было сведений об убийствах.

— Так я жду Виллиса,— рывкнул в ответ Мейер.

— Скоро будет,— пообещал Бирнс, кладя трубку.

Мейер вернулся в «седан» продолжать наблюдение. В двадцать один тридцать его сменил Виллис. Мейер отправился домой спать. Жена Сара заметила, что на нем нет лица.

— Я жалкий неудачник,— сокрушенно признался в ответ на ее вопрос Мейер.— Полный банкрот в неполные тридцать семь лет.

— Ложись-ка спать,— посоветовала Сара.

Мейер с головой укрылся одеялом. Он и не подозревал, что у него самого в тот день тоже был «хвост», что это он навел своего преследователя на дом Люси Менкен.

Было утро. Понедельник, третьего июля.

С тех пор, как Сая Крамера застрелили из окна автомобиля, миновала неделя. За это время полиция дозналась до немногого. Стало известно, откуда поступали ежемесячные переводы на пятьсот и триста долларов. Источник еще одного вклада на расходный счет Крамера — по тысяче сто долларов в месяц — пока что не прояснился и, не исключено, так и не выяснится.

Равно как не было известно, откуда поступили огромные суммы на другой счет.

Изучение образа жизни покойного Крамера подтвердило, что он на самом деле отличался экстравагантными вкусами. Все костюмы шились на заказ, равно как и рубашки. Квартира была обставлена по рекомендациям дорогого дизайнера. Виски — лучшее, какое только можно купить за деньги. Имел два автомобиля: «кадиллак» с открывающимся верхом и, облагаемый высоким налогом, многоместный фургон. Все покупки были недавними, и это привносило дополнительную загадочность.

Ежемесячный приход на расходный счет Крамера вместе составлял тысячу девятьсот долларов. Снималось примерно столько, сколько и поступало. Крамеру нравилось шиковать: расходы доходили до пятисот долларов

в неделю. Но при всем том он словно позабыл о сорока пяти тысячах ста восьмидесяти пяти долларах на другом счете. На какие деньги в таком случае он ухитрился купить два автомобиля, заплатить за мебель и услуги интерьерщика, набить одеждой платяные шкафы? Можно все это купить, не имея денег? Понятное дело, нет.

Агентство, где Крамер приобрел «кадиллак», сообщило, что покупка была сделана в конце сентября минувшего года, что Крамер платил наличными. Фургон «бьюик» был приобретен в тот же день, даже на той же улице, только напротив. И здесь оплата была произведена деньгами.

Квартиру Крамер снял в сентябре. Наличными уплатил за мебель и услуги дизайнера. Общий счет составил двадцать три тысячи восемьсот. В сентябре же были заказаны и в октябре доставлены костюмы. Обошлись они в две тысячи — и опять были оплачены зелененькими.

Короче, за неполный месяц, будто между прочим, он извел тридцать шесть тысяч — и обзавелся хорошенькой подружкой по имени Нэнси О'Хара. А под конец, двадцать третьего октября, взял да и положил в банк кругленькую сумму в двадцать одну тысячу!

Откуда поступили первоначальные тридцать шесть тысяч? И последующие вклады: на двадцать одну тысячу в октябре, девять тысяч в январе и пятнадцать тысяч в апреле?

Был ли апрельский вклад последним? Или предполагались новые поступления? Кто вносил вклады? Кто выплачивал ему восемьдесят одну тысячу долларов?

Наконец, достаточный ли повод для убийства эти добытые вымогательством тысячи?

В пользу последнего предположения неопровержимо свидетельствовало покоившееся в морге тело Сая Крамера.

Хол Виллис был розыскник третьего разряда. Зарабатывал пять тысяч двести тридцать долларов в год.

Эти деньги ему выплачивались вне зависимости от того, оказывался ли он под огнем вооруженных бандитов, или спокойно печатал рапорты в закутке отдела. Ту же сумму платили и когда случалось, например, следить за передвижениями некой дамочки.

Виллис был малого роста, едва дотягивал до минимума в пять футов шесть дюймов, ниже которого в полицию не брали. Но ни низкий рост, ни тонкая на вид кость не обманывали тех, кто с ним работал. Немногие в отделе посмели бы вольничать с Виллисом. Он был признанный дока в приемах дзюдо. Сначала Карелла, а после Мейер предупреждали, что миссис Менкен — вроде хорошо закамуфлированного воинского арсенала.

На первых порах его ждало разочарование. Женщина, вышедшая из дома в Пибоди, больше смахивала на безвкусно одетую библиотечаршу, чем на непристойную распутницу. Только поездив за ней «хвостом», он смог оценить предостережение коллег. Слежка успела порядком наскучить, как вдруг пятого июля утром Менкен приехала на вокзал в Пибоди. Этого Виллис никак не ждал. Второпях припарковав полицейский «седан» бок о бок с красным «эмже», он последовал за Люси в зал ожидания. Рассчитывал вовремя успеть к окошку кассы, чтобы разобрать, куда она направляется, но в момент, когда он вошел в зал, она как раз отходила от кассы. Неясно было, едет ли она на юг или на север. Юг — означал Город. Север — соседний штат и дальше. Вдруг Люси нацелилась в Канаду или даже на Северный полюс — сбывать самопальное виски эскимосам? Виллис, недоумевая, свернул к киоску, купил свежий номер «Сыщика». Делая вид, что читает журнал, наблюдал за Люси Менкен.

При этом мысленно дивился, сколь многих мужчин она оставила в дураках. Надо ли быть сыщиком, чтобы распознать, что кроется под мешковатым пиджаком? Конечно, случись здесь какой-нибудь Шерлок Холмс, тот бы мигом унюхал чувственность в этом облике, несмотря на неподведенные губы и суровую прическу. Но ни один из томившихся в зале мужчин и мельком не глянул на нее.

Издали донесся шум приближавшегося поезда. Посмотрев на часы, Люси Менкен поднялась со скамьи. Виллис направился за ней на платформу. На юг, значит. Последней остановкой будет городской вокзал. Интересно, она туда едет или намерена выйти на одной из станций?

Сев в поезд, она прямиком направилась в курящий вагон. Виллис двинулся за ней, занял место в следующем ряду на проходе. Купил у проводника билет в Город и обратно. Усевшись в кресло, погрузился в детективный

журнал, время от времени поднимая глаза, чтобы удостовериться, что Люси на месте.

Она не вставала, пока поезд не прибыл в Город. Там поднялась и вышла на перрон.

Вот тебе и на, подумал Виллис. Мы, значит, лезем из кожи, шлем за ней «хвост» аж в Пибоди, а она тащит его обратно в Город. Женщины, женщины...

Его не радовало возвращение. В Городе куда жарче, чем на природе. Ругнув себя за невезение, снова увязался за Люси Менкен. Та сразу же взяла такси. Он сел в следующую машину, помахав значком перед носом у таксиста. Машина с Люси Менкен взяла в сторону центра, ближе к реке. Остановилась у конторского здания на авеню Независимости. Расплатившись с водителем, Виллис не мешкая бросился вдогонку. Почти бегом одолел коридор, только бы вместе попасть в лифт. Он стоял достаточно близко, успел разглядеть густо облепившие нос веснушки.

— Восьмой, — возвестил тем временем лифтер.

Люси сделала шаг к выходу, ступила в коридор. Виллис поплелся за ней. Демонстративно разглядывая номера, Люси дошла до конца коридора и открыла матовую дверь. Чуть помедлив, Виллис двинулся туда. Надпись гласила: «806. Патрик Блайер. Фотограф-консультант».

Виллис отпрянул от двери. Вернулся к лифтовому пульта, записал в карманную книжку номер и фамилию, вызвал лифт и спустился в холл. Проверил здание, убедившись, что выход единственный, вошел в телефонную будку, откуда хорошо просматривалась дверь лифта. Быстро набрал нужный номер.

— Восемьдесят седьмой участок, сержант Мерчисон, — ответили в трубке.

— Дейв, это Виллис. Хоуз наверху?

— Секунду, Хол. Сейчас узнаю.

Виллис подождал.

— Детектив Хоуз, — назвался сыщик.

— Коттон, это Хол.

— Привет. Ну, как объект?

— Что надо. Жаль, ты не видел.

— Хорошенькая?

— Бриллиант — только уголь надо отколоть.

— Ты откуда?

— Из Города.

— А она где?

— Авеню Независимости, 1612. Это в центре, за развязкой. В данный момент находится в комнате восьмьсот шесть у фотографа-консультанта по имени Патрик Блайер. Мне к нему вламываться или просто ждать объекта?

— Жди. Как выйдет, позвони, я сам к нему нагряну.

Фотограф-консультант Патрик Блайер оказался лысым горбоносом мужчиной. На первый взгляд, сильно смахивал на большого ошипанного орла.

— Ну, чего надо? — не слишком вежливо встретил он Хоуза, едва тот переступил порог.

— Разве секретарша не сказала?

— Сказала, какой-то сыщик заявился. Вы из полиции или частник?

— Полицейский.

— Так что вам угодно?

— Зачем сюда приходила Люси Менкен?

— Какая еще Люси Менкен?

— Та, которая только что ушла...

— Чудак! Какая Люси Мен... — Люси Митчелл, наверно? Вы хотели сказать, Люси Митчелл? Верно?

— Да. Зачем она приходила?

— Хотела заполучить кое-какие фотокарточки.

— А именно?

— Клубничку.

— Ей-то к чему?

— Может, в альбом хочет вклеить. Откуда мне знать, черт побери. Какое мне дело, куда дама денет свои фотографии! Я тут при чем?

— Так то были ЕЕ фотографии? В голом виде?

— Были и такие.

— Кто снимал эти карточки?

— Один мой клиент.

— Зачем?

— Чтобы продать.

— Кто именно снимал Люси Митчелл?

— Один парень. Джейсон Пул. Делал он их лет десять-двенадцать тому назад. Может, даже раньше. Дайте подумать. Только что кончилась война. Помню, я тогда был один в конторе: не держал еще секретарши. Все сам. И убирал сам, когда хотел размяться. Помню, я как раз уплетал сандвич. Тут входит куколка. Именно, куколка.

— Люси Митчелл? — перебил Хоуз.

— А то кто же? Из ушей еще солома торчала. Только что с фермы, на парном молоке вскормлена. О, мистер, мне плохо. Как вспомню те синие глазищи, то тело — оно пело, сонаты играло — куда струнному оркестру! — так делается плохо. Говорит, хочет стать манекенщицей. Я прямо вижу, как ко мне плывет состояние. Не медля отправляю ее к Джейсону Пулу. Он нащелкивает целую кассету.

— А дальше? — торопил Хоуз.

— Дальше он печатает с этой куколки такие карточки, перед которыми и железобетон не устоит. Перед моими глазами уже маячит состояние. И что из этого получается? Проходит еще неделя, и я уже безработный. Одна малолетняя соплячка подает на меня в суд за то, что я торгую пикантными фотоснимками, которые она сама же просила меня продать. Откуда мне было знать, что она несовершеннолетняя? Получается, что у меня полно карточек Люси Митчелл, но больше нет конторы, потому что соплячка подает на меня в суд.

— Куда делись эти фотокарточки?

— Не знаю. Все перемешалось. Когда я открыл новую контору, карточек уже не было. В журналах я их не видел, скорее всего, их так и не напечатали.

— Сколько всего их было?

— Штук тридцать.

— И все непристойные?

— Мистер... — развел руками Блайер.

— А сегодня Люси Митчелл явилась за своими фотографиями?

— Я подумал, что спятил. Как изменилась. Будто из монастыря сбежала. Говорю ей: «Нет у меня никаких карточек». А она мне, что я в одной шайке с каким-то Саем Крамером. На это я отвечаю, что у нее с головой не в порядке. Не знаю, мол, никакого Крамера, кроме Дина Крамера — он выпускает журнальчик с девочками. Тогда она требует, чтобы я сказал, не родственник ли этот Дин Крамер ее Саю Крамеру. Я отвечаю: откуда мне знать, кто кому родственник, я не библиотека Конгресса!

— А она?

— Потребовала полное имя и адрес Крамера. Я дал. Одного не могу понять: зачем ей вдруг понадобились эти карточки, через этакую тьму лет! Не пойму и все.

— Вы действительно не знакомы с Саем Крамером?

— Что? И вы о том же?!

— Так знакомы или не знакомы?

— Нет, конечно. Даже Дина Крамера не очень-то знаю. За все время, что существует его журнал, продал с полдюжины снимков. Сильно начитанный парень. Ему подавай клубничку, но чтобы обязательно с сюжетом.

— Это что такое?

— Нужен еще и рассказ. Крамеру смазливой куклы мало. Сюжет нужен. Думает, так легче уверить зрителя, будто тот не красотку разглядывает, а серьезный роман читает — вроде «Войны и мира». Что за чучело была сегодня Люси Митчелл, доложу я вам. Зачем напаялила этот цирковой балахон? Неужто все еще боится, что будут свистеть вслед?

— Может, и боится,— подумав, согласился Хоуз.

— Да, были денечки...— Блайер вдруг замолк, уйдя в воспоминания. Очнувшись, тихо взмолился: — Мистер, я же занят...

Журнал носил, пожалуй, чересчур мужественное имя.

Едва переступив порог редакции, Хоуз припомнил, что не найдется ни одного героического слова, которое не встретилось бы на обложке мужского издания. Еще он подумал, что пора бы начать выпускать журналы с такими, к примеру, названиями:

«Трус» — твой и мой журнал.

«Нюня» — для слюнтяев.

Улыбнувшись своей мысли, вошел в приемную. Комнату украшали масляные портреты мужиков с оголенными торсами.

За задвинутым в угол столом притулилась девица, тоже почти обнаженная. Хоуз чуть было не влюбился с первого взгляда, но справился с собой. Когда он подошел к столу, девушка подняла глаза от машинки.

— Мне бы надо Дина Крамера,— начал он с места в карьер.— По полицейскому делу.

Он блеснул бляшкой. Девица равнодушно на нее глянула и ленивым жестом нажала на кнопку. Хоуз порадовался, что не позволил себе влюбляться.

— Можете войти, сэр. Комната десять в середине коридора.

— Спасибо,— поблагодарил Хоуз. Открыл дверь, ведущую внутрь редакционного помещения, и двинулся коридором.

Десятая комната была без двери. Хоуз учтиво посту-
чал по перегородке. Сидевший на вращающемся кресле
мужчина развернулся в его сторону.

— Мистер Крамер?

— Да.

— Детектив Хоуз.

— Прошу,— пригласил Крамер, маленького роста
живчик с яркими пуговками карих глаз и внушительных
размеров носом. На вид Крамеру было не больше двадца-
ти пяти.

Хоуз сел.

— Чем могу служить, мистер Хоуз?

— К вам обращалась сегодня женщина по имени
Люси Митчелл?

— Обращалась,— удивился Крамер.

— Чего она хотела?

— Думала, у меня могут быть кое-какие ее фотогра-
фии. Я ее уверил, что у меня их нет. Кроме того, она
приняла меня за родственника одного своего знакомого.

— Сая Крамера?

— Да, кажется.

— Вы с ним в родстве?

— Нет!

— Когда-либо видели эти фотографии?

— Мистер Хоуз, я целыми днями только и делаю,
что разглядываю клубничку. Не отличу Люси Митчелл от
Маргарет Митчелл.— Он замер на полуслове, насупил
брови и неожиданно сказал: — Скарлетт О'Хара не была
красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом
отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, стано-
вились жертвами ее чар.

— Что-что? — переспросил Хоуз.

— Первые строчки «Унесенных ветром». Это мое
хобби. Заучиваю первые фразы знаменитых романов.
Ведь первая строчка, возможно, самая значительная во
всей книге. Слышали об этом?

— Нет, не слышал.

— Еще бы,— гордо вымолвил Крамер.— Это моя
теория. Вы бы изумились, когда б узнали, как много
вкладывают авторы в первое предложение. Оно самое
важное.

— Насчет тех карточек,— напомнил Хоуз.

— Что насчет карточек?

— Она сказала, зачем они ей понадобились?

— Сказала, что уверена, будто они у кого-то есть.

- Что она говорила о Сае Крамере?
- Сказала, что карточки раньше были у него, но теперь она убеждена, что они перешли к кому-то другому.
- Она вам сказала, почему убеждена?
- Не сказала.
- Можете вы сообщить что-либо еще о Люси Митчелл?
- Нет.
- О Сае Крамере?
- Нет.
- Но она действительно уверена, что карточки попали к кому-то еще?
- Да.
- Вы встречались с ней до сегодняшнего дня?
- Никогда.
- Все,— закончил Хоуз.— Большое спасибо, мистер Крамер.

На нынешней стадии расследования Хоузу виделись несколько моментов бесспорными.

Прежде всего, он не сомневался, что Сай Крамер вымогал у Люси Менкен по пятьсот долларов в месяц. Очевидным было и то, что Крамер вымогал эти деньги, угрожая распространить пикантные фотографии, каким-то образом попавшие к нему в руки. Люси Менкен упомянула, что ее муж политик, намерен на ноябрьских выборах добиваться места в сенате штата. В руках его соперника или у газеты, настроенной против Чарльза Менкена, эти фотографии превратились бы в смертельное оружие. Понятно, почему Люси Менкен вознамерилась во что бы то ни стало не допустить скандала. Она далеко ушла от деревенской девчонки, которая раздевалась перед фотографом Джейсоном Пулом. Где-то на этом пути выскочила за Чарльза Менкена, стала хозяйкой загородной усадьбы, матерью двоих детей. Злополучные фотографии не только снижали шансы супруга стать сенатором, но и угрожали дальнейшему гладкому течению ее жизни.

По словам Патрика Блайера, их было тридцать шесть. По цене пятьсот долларов в месяц, да триста долларов от Эдварда Шлессера, да тысяча сто долларов от пока неизвестного лица или лиц. Каждый раз по получении чека Шлессера Крамер отправлял в ответ очередную фотокопию письма. Шлессер надеялся, что рано или поздно

копии иссякнут. Возможно, не давал отчета в том, что можно изготовить копию с копии, что Крамер мог его доить до конца жизни. Либо, наоборот, давал отчет, но не придавал значения. По его словам, затраты на вымогателя были вроде добровольных производственных издержек — вместе с расходами на рекламу.

Если предположить, что Крамер преследовал тот же образ действий по отношению к Люси Менкен, то разве не мог он посылать и ей фото и негативы всякий раз, когда получал чек на пятьсот долларов? Тридцать шесть отпечатков и негативов по пятьсот долларов в итоге дали восемнадцать тысяч.

В таком случае Крамер рассчитывал разрабатывать свою жилу пожизненно. Точно так же, как можно было изготовить бесчисленное количество копий адресованного Шлессеру письма, можно было делать бессчетные отпечатки с фотографий Люси — лишь бы сгодились для воспроизведения в газете. Разве не мог он, отправив последний негатив, заявить, что отныне будет продавать карточки по такой-то цене за штуку?

Сознавала ли это Люси Менкен?

Может, это ОНА убила Крамера?..

Теперь возник новый поворот в деле. Люси Менкен убеждена, что фотографии попали к кому-то еще. Несомненно, она провела об этом за последние дни и первым делом кинулась к Блайеру, а от него к редактору Крамеру. Действительно ли некто заполучил эти карточки и попытался связаться с Люси, чтобы продолжить дело Крамера? Кто этот некто?

И — если причиной смерти Крамера была Люси — не рисковал ли этот новый вымогатель спровоцировать еще одно убийство?

Кажется, пора установить прослушивание телефона Люси Менкен.

Человек из телефонной компании, едва Люси открыла дверь, предъявил удостоверение и сказал: что-то не в порядке на линии, возможно, понадобится мелкий ремонт.

Звали его Артур Браун, и служил он в восемьдесят седьмом участке.

Он вставил жучки во все три аппарата, что имелись в доме, вывел провода на улицу и подсоединил их ко вхо-

ду магнитофона, установленного в фургончике, который якобы принадлежал телефонной компании. Потом все разговоры будут записаны, а после прослушаны в отделе. Ни одно из записанных на пленку свидетельств в суд допущено не будет.

Но они могли вывести на того (или тех), кто угрожал Люси Менкен.

Марио Торр топтался у входа в отдел все время, пока Берт Клинг беседовал по телефону с невестой. Дождавшись, когда разговор окончился, Торр глянул на Клинга, и тот жестом зазвал его за перегородку.

— Забежал узнать, как идут дела,— начал он.

— Превосходно,— сказал Клинг.

— Уже есть зацепки?

— Хватает.

— Это хорошо,— одобрил Торр.— Сай был моим другом. Хочу справедливости.

— Торр, почему вы скрыли, что сидели? — задал вопрос в лоб Клинг.

— Гм...— хмыкнул Торр.

— Получили два года в Кастлвью — за вымогательство. Вышли через год под честное слово. Что скажете, Торр?

— Гм, да,— промямлил Торр.— Позабыл, должно быть.

— Другому рассказывайте.

— Я исправился,— вдруг зачастил Торр.— С самого освобождения работаю, имею приличное место...

— Кажется, в Песочной Площадке?

— Вот-вот. Работягой вкалываю. По девяносто в неделю зарабатываю. Мне хватает.

— Рад,— одобрил Клинг.

— Но если человек исправился, то что у него общего с таким, как Сай Крамер, приятелем?

— Ну, мы только развлекались вместе. Понимаете, я в чужие дела не суюсь. Не имею привычки. Дел друга мы не касались.

— Но ведь вы понимали, что он занят чем-то незаконным, верно?

— Всегда одет с иголочки, на роскошной машине. Понятное дело, я чуял неладное.

— Девку его видели?

— Нэнси О'Хару? Мистер Клинг, можете мне верить,

она не девка. Видели бы — никогда так бы не называли. Ни в жизнь.

— Значит, видели?

— Один раз. Сай с ней катался в своем «кадиллаке». Я ему помахал, и он остановился на пару слов. Познакомил.

— Она утверждает, что знать не знала о его делах. Вы такому поверите, Торр?

— Поверю. Кто утверждает, что женщине обязательно иметь мозги? Все ее мозги у нее между...

— Выходит, вас уже двое — тех, кто не подозревал о делах Сая.

— Я-то подозревал, что он напал на жилу, — сказал Торр. — Иначе как? Ежели у парня пара машин, новая обстановка, выставляется в шикарных костюмах — не иначе, жилу разрабатывает. Притом, что явно брезгует мелочевкой? Значит, вышел на жилу.

— Что вы называете мелочевкой?

— Это когда выцарапывают деньги. Да вы наверняка знаете.

— Нет, не знаю. Как это — выцарапывают?

— Ну, по паре счетов в месяц. Лучше меня знаете... Сколько ему, к примеру, перепало от его клиентов?

— Хватало, — ответил Клинг.

— Я не о крупных говорю, о мелких, — уточнил Торр.

— Откуда вы знаете, что были те и другие?

— Догадываюсь, — ответил Торр. — Подозреваю, что с крупных он выдоил машины и обстановку, ну, а от мелочи кормился. Или я не прав?

— Возможно.

— Я только справедливости хочу. Сай был мне друг.

— Будет справедливость, — пообещал Клинг. — Однако у меня дела. Если это все, то до свидания.

Звонок Хромого Дэнни означал, что у осведомителя есть для Кареллы новости. Могут они встретиться подалее от участка?

Условились встретиться на пляже. Карелла напомнил Дэнни, чтобы не забыл плавки.

Оба лежали на песке, разглядывали пляжных красоток. Солнце жарило вовсю.

— Ну, что у тебя? — спросил Карелла.

— Подноготная Сая Крамера.

— Валяй.

— Шиковал он не один год, но не так, как последнее время. Всегда имел сносное жилье и приличную машину — «додж», но все это не идет ни в какое сравнение с его новой квартирой или «кадиллаком», сечешь?

— Секу.

— И вдруг в сентябре,— продолжал Дэнни,— будто с цепи сорвался. Как пьяный матрос расшвыривает деньги. Шмотки, две машины, новая квартира. Тогда же подцепил О'Хару. Имеет нюх на денежки, стерва. Не ломалась, сразу прилетела на огонек.

— Как она говорит, она танцовщица, встретились в какой-то забегаловке.

— Пусть кому другому расскажет,— отрезал Дэнни.— Раздевалась на Броде. Половину того, что зарабатывала, тянула с подгулявших парней.

— Проституция?

— Не совсем так, но и это не исключается. Одним словом, кукла, Стив. У нее и кличка была соответствующая — Рыжая Подвязка.

— Что надо для стриптиза.

— Выходит, познакомилась с Крамером и сразу намертво присосалась,— пояснил Карелла.

— Вот именно. На ней к тому времени пробы негде было ставить. Бывало, за ночь сотня мужиков облапает почти за бесплатно. Вот она и решила: пусть будет один, но шикарный.

— А ты циник, Дэнни,— заметил Карелла.

— Просто вижу таких насквозь,— повел плечом Дэнни.— Как бы то ни было, в сентябре Крамер сорвал куш.

— Как?

— Вот этого не знаю.

— Гм,— хмыкнул Карелла.

— Похоже, на этот раз я не принес тебе ничего нового. Ты и так все знал.

— В основном,— согласился Карелла.— Вот только насчет девушки... Еще что?

— Про охоту.

— Крамера?

— Да.

— Когда?

— В начале сентября. После той охоты он и начал швырять зелененькими. Как считаешь, может быть связь?

— Не знаю. Он что, хороший стрелок?

— Кролики, птички и все такое. Тигров в его трофеях нет, если тебя это интересует.

— Когда он выехал на ту охоту?

— Точно не скажу.

— Один?

— Да.

— А ты уверен, что то была охота?

— Нет. Что угодно могло быть. Может, смотался в Чикаго и кого-то обчистил. Откуда и привез кучу денег.

— Он точно вернулся с деньгами?

— В этом не уверен. Может, осторожничал на первых порах, не швырял направо-налево. Поездка пришлась на начало месяца. А он и в конце еще не тратил.

— Подозреваешь, что те деньги жглись?

— Вряд ли — судя по тому, как он с ними обращался, Стив. Ежели бы жглись, то первым делом кинулся бы к меняле, даже в убыток.

— А ты знаешь, что он не обращался?

— Справлялся среди тех, кто покупает рискованные купюры. Крамер ни к кому не подходил. К тому же мы кое-что не учитываем.

— А именно?

— Его профессию. Он ведь вымогатель. Верно, и он мог бы обчистить по наводке, да кто за этим обращается к вымогателю? К тому же, я уже говорил, в его случае подельники исключаются.

— Может, ты и прав, — согласился Карелла. — Вдруг сбыл партию краденого — меха, например, или еще что...

— Никакой он не скупщик, Стив. Удачливый вымогатель, вот кто он.

— И все же...

— Не верю. Может, та охота была ширмой. А на самом деле ездил встречаться с жертвой, — Дэнни пожал плечами. — Как бы то ни было, он привез из той поездки кучу денег.

— Но ездил один?

— Один.

— И это произошло до того, как он встретил О'Хару?

— До.

— Как думаешь, она может что-то знать?

— Может, и знает, — усмехнулся Дэнни. — Бывает, что пробалтываются во сне. — Это мы у нее еще раз спросим. Спасибо. Ты мне помог. Сколько с меня?

Расплатившись с агентом, Карелла ушел.

Любовь, эта неуловимая химера, начисто улетучилась ко времени, когда Хоуз во второй раз пожаловал к Нэнси О'Хара. И в самом деле, если исключить то, что они звали друг друга по имени и на ты, вряд ли кто догадался бы, чем кончилась их первая встреча.

— Привет, Нэнси,— заговорил он, едва она открыла дверь.— Надеюсь, застал тебя в настроении?

— Да,— ответила.— Заходи, Коттон.

Он последовал за ней в гостиную.

— Выпьешь?

— Нет. Спасибо.

— Ну, как успехи? Нашли убийцу?

— Нет. Возникли вопросы, если не возражаешь.

— Ничуть.

— Ты занималась стриптизом?

Нэнси помялась.

— Да,— наконец призналась.

— Но не больше?

— Не больше.

— Хорошо.

— Спасибо, что одобрил.

— Зачем ты соврала?

— Танцовщица лучше звучит. Танцовщица из меня неважная, а стрип-девочка и того хуже. Когда Сай предложил жить вместе, я не раздумывала. Что тут такого?

— Думаю, страшного ничего.

— Только не пытайся читать мораль, Коттон,— предупредила она.— В постели ты не был моралистом.

— И то правда,— усмехнулся он.— Ладно, кончаем наши обиды. Выходим из роли оскорбленной в лучших чувствах. Этакой Дочери Американской Революции. Начинаем отвечать на серьезные вопросы.

— Например?

— Например, о Крамере. Он говорил, что ездил на охоту?

— Да...— Она замялась.— Я же говорила. Ну, что он увлекался охотой.

— А о сентябрьской поездке?

— Да. Еще до нашей встречи. Да, упоминал.

— Он в самом деле охотился?

— Думаю, да. Он еще упоминал, что подстрелил

крупного зверя. Оленя, кажется. Да, в самом деле ездил на охоту.

— А куда?

— Не знаю.

— А еще ездил за то время, что вы были вместе?

— Ездил. И не раз. Я же говорила.

— Но ты точно не знаешь, куда он ездил в сентябре?

— Не знаю.

Хоуз призадумался. Вдруг спросил:

— Не знаешь, Крамер пользовался кредитной карточкой на бензин?

— Чем?

— Кредитной карточкой. Ну, когда заправлялся. Вместо денег.

— Не знаю. А ее нужно иметь при себе?

— Да.

— Его бумажник в полиции. Поищите там.

— Так и сделаем,— сказал Хоуз.— У Крамера была привычка хранить квитанции?

— Вроде счетов от бакалейщика и тому подобного?

— Нет. Я имею в виду квитанции оплаты за свет, телефон, бензин...

— Да. Точно, хранил.

— Где?

— В ящике стола в прихожей.

— Они там и сейчас?

— Я ничего не трогала,— сказала Нэнси.

— Умница. Не возражаешь, если я взгляну?

— Нисколько. А что ты ищешь, Коттон?

— Нечто такое, что заменит дорожную карту,— ответил он на пути в прихожую.

Сай Крамер рассчитывался на заправочных станциях с помощью кредитной карточки компании «Меридиан». Большая часть счетов из ящика была предъявлена к оплате городским сервисным центром, называвшимся «У Джорджа». Как выяснили по телефонной книге полицейские, «У Джорджа» располагался в трех кварталах от дома, где жил Крамер. Вне сомнений, Сай был его постоянным клиентом.

Выходило, что Крамер отправился в поездку первого сентября. Первая квитанция за этот день исходила от «Джорджа». Крамер заправил у него машину тринадцатью галлонами бензина и квартой масла. Навели справку о его машине и выяснили, что емкость бака в его модели семнадцать галлонов и что на одном галлоне

бензина она способна проехать более ста миль. Счета, предъявленные за тот день Крамеру, кажется, подтверждали слово изготовителя. Судя по всему, Крамер внимательно следил за приборной доской автомобиля. Через каждые сто миль, когда бак наполовину пустел, останавливался и доливал бензин, оставляя подпись на корешке кредитной карточки. На каждой квитанции стоял штамп с названием города и заправочной станции.

Несомненно, Сай Крамер держал курс на Адирондакские горы, что находятся в штате Нью-Йорк.

С помощью дорожной карты Хоуз проследил путь Крамера через штат, обведя кружком каждый пункт, откуда поступил счет. Последней остановкой, которую Крамер сделал первого сентября, чтобы заправиться, был Гловерсвилль. К северу от городка тянулась гористая гряда. Отсюда путь мог лежать куда угодно в сторону Адирондаков: больше за тот день счетов не поступало. Хоуз пометил Гловерсвилль еще одним кружком и повторно пересмотрел квитанции.

Спустя неделю, восьмого сентября, залил в машину пять галлонов бензина и кварту масла, которые приобрел в городке под названием Гриффинс. Остальные счета за восьмое сентября прослеживали путь в обратном направлении. К северу от Гриффинса находилось селение, называвшееся Мукомольней. Как представлялось Хоузу, где-то между Гриффинсом и Мукомольней Крамер свернул в горы. Скорее всего, Гриффинс и был отправной точкой на пути в горы. Это было только предположение, но вполне вероятное.

Одно было несомненно. Крамер либо лгал, либо был не в ладу с законом, когда хвастал Нэнси О'Хара, что подстрелил оленя. Как сообщили из охотничьей инспекции штата, сезон охоты на оленя в Адирондакских горах начинался двадцать пятого октября.

- Алло, Джин?
- Да.
- Это Люси Менкен.
- О, привет, Люси, как поживаешь? Я как раз о тебе вспомнила.
- Правда?
- Собиралась позвонить насчет рецепта фарширо-

ванного перца, которым ты угощала на последнем приеме. Перец вышел изумительный.

— Рада слышать. Я привезу тебе рецепт... Почему бы тебе не приехать с детьми купаться? Вода в бассейне просто чудо, день, кажется, будет ужасно жаркий.

— Похоже на то. Даже не знаю, Люси. Фрэнк обещал сегодня пораньше вернуться...

— Вместе приезжайте. Чарльз дома.

— Правда?

— Да. Джин, ты же знаешь, что можешь, когда вздумается, приезжать к нам купаться. Ужасно неприятно каждый раз звать тебя по телефону.

— Но...

— Лучше скажи, что приедешь.

— Когда именно, Люси?

— Когда захочешь. Приезжай к ленчу, если сумеешь.

— Ладно, приеду.

— Буду тебя ждать.

Магнитофон в якобы принадлежавшем телефонной компании фургоне без отдыха мотал пленку. Артуру Брауну до смерти надоело слушать разговоры, пока Люси болтала со своими приятельницами. Звонков с угрозами не было. Но телефон Люси Менкен не знал передышки.

Телефон Тедди Кареллы, наоборот, молчал. Для нее он инструмент бесполезный, так как она была глухонемая.

Дефект был врожденный, но в остальных отношениях она чувствовала себя счастливее других женщин и не слишком печалилась. Самым большим ее счастьем был муж Стив Карелла. Она не уставала смотреть на него широко раскрытыми глазами, любить и «слушать».

— Ладно, расскажу, если тебе в самом деле интересно,— сказал он, встретив ее взгляд.

Она часто закивала головой.

— Значит, так. Работаем мы вместе с Хоузом.

Тедди скорчила кислую мину.

— Нет-нет,— возразил Карелла,— он теперь на правильном пути. Скоро совсем добропорядочным станет.— И сам улыбнулся своему прогнозу.— Но помни! Тебе я рассказываю первой.

Тедди улыбнулась всем лицом.

— Я уже упоминал об убийстве Крамера, его банковских счетах и жертвах. Мы все еще не нашли того, кто пе-

реводил по тысяче сто долларов, да и с Люси Менкен, похоже, обмишурились. Но меня другое беспокоит.

Тедди кивала по ходу рассказа головой.

— Во-первых, где Крамер хранил документы, которыми шантажировал свои жертвы? Фотокопии писем, карточки Люси и то, что имел на того, кто платил эти тысяча сто долларов. Не говоря уже о суммах на его банковском счете. Мы просеяли через тонкое сито всю его квартиру, но ничего не обнаружили. Ты бы видела ту рыжую, с которой он путался! Вот женщина!

Тедди строго насупилась.

— Так вот, я навел справки во всех городских банках. Нигде не зарегистрирован сейф на Сая или Сеймура Крамера. Дали список всех держателей с инициалами «С. К.» — в таких случаях часто пользуются собственными инициалами. Мы обзвонили каждого из этих людей. Все вне подозрений. Где же чертов Крамер прятал бумаги?

Тедди кончиком языка в воздухе нарисовала письмо.

— Абонементный ящик? — переспросил Карелла. — Возможно. Мы справились на его почте — ящика не держал. Но мог иметь в другом отделении. Завтра утром проверю. Хоть и не думаю, что найдем. В его вещах не обнаружилось ни одного непонятного ключа.

В ответ она повертела в воздухе воображаемой ручкой.

— Верно, — согласился он. — Кое-где на почтах автоматические замки на цифровых кодах. И такое возможно. — Поцеловал жену. — Умница. Помощница.

Ох, уж этот Коттон Хоуз!

Выехал из города утром в четверг, девятого июля. День выдался славный, для июля не слишком жаркий, но с ярким солнцем и свежим ветром с реки. Пересек мост Гамильтона, под которым когда-то нашли мертвую блондинку — это было до перевода Хоуза в восемьдесят седьмой участок. Река была спокойна. Он направлялся в соседний штат, следуя вдоль берега Зеленым шоссе на север. Опустил верх у своего «форда». Ветер трепал его рыжую шевелюру. Солнце припекало голову и плечи. Денек на самом деле выдался славный, он даже ненадолго представил себя отпусником, почти позабыл, за чем едет на север штата Нью-Йорк. Вспомнил, когда проезжал мимо тюрьмы Каствью. Любуясь противо-

положным, принадлежавшим его штату берегом реки, он увидел серые стены, сливавшиеся с крутым утесом. Напротив, рядом с дорогой, по которой он ехал, стоял замок, чье имя носила тюрьма. Предполагали, что замок возвели еще голландцы из первопоселенцев. Из него открывался шикарный вид на тюремные стены. Из тюрьмы, в свою очередь, можно было любоваться замком — может, потому ее и называли Кастлвью*.

В то июльское утро он только мельком подумал о неотвратимости наказания и тотчас вернулся мыслями к цели своего путешествия в Адирондаки. Днем, когда остановился перекусить, мысли снова отвлеклись, ибо, увы, опять влюбился.

Влюбившая его девушка оказалась официанткой. На ней были белое платье и белая шляпка поверх светлых стриженных волос. Она с улыбкой подошла к его столу, и та улыбка буквально пригвоздила его к стене.

— Добрый день, сэр,— приветствовала она.— Хотите глянуть меню?

— Имею лучшее предложение,— ответил Хоуз.

— А именно?

— Пойдите переоденьтесь для улицы. Потом отведите меня в лучший здешний ресторан и я угощу вас ленчем.

Девушка окинула его ошарашенным, но заинтересованным взглядом.

— Слыхала, что бывают любители быстрой езды, но вы, по-моему, с ходу одолеваете звуковой барьер.

— Жизнь коротка, но приятна,— нашелся Хоуз.— Ну, так что вы ответите?

— Отвечу, что это никак невозможно, потому что освобожусь не раньше четырех. Еще скажу, что вы наверняка из Города.

— Да,— признался Хоуз.— Как вы догадались?

— Потому что сама оттуда.

— Рад слышать. На лето приехали?

— Да. Осенью возвращаюсь в колледж. Я на последнем курсе учусь.

— Все же, давайте вместе покушаем,— настаивал Хоуз.

— Как вас зовут?

— Коттон Хоуз. Скажите хозяину, что у вас разболелась голова. Я тут единственный посетитель. Обойдется и без нас.

* Дословно: вид на замок.

Девушка заколебалась.

— А чем мне занять себя после? — спросила.

— Что-нибудь придумаем,— пообещал Хоуз.

Девушку звали Полли. Она отвезла его в соседний городишко, в ресторан с видом на озеро, над которым смыкались кронами вековые сосны. Ее специальностью была антропология, после колледжа собиралась сдавать на степень, потом писать докторскую. Когда Хоуз признался, что работает полицейским, Полли сначала не поверила, пришлось показать пистолет. Девушка широко раскрыла синие глазки.

После ленча дел в городишке не нашлось, поэтому решили выпить по паре стаканчиков коктейля. В холле ресторана оказался музыкальный автомат, и они потанцевали. День был в разгаре, а в местном кинотеатре шел интересный фильм, и они отправились туда. Впереди их ждал целый вечер...

С берега озера и от въезда в приют Кукабонга на фоне небесной синевы полукружьем стояли зеленые горы. Бревенчатый охотничий дом почти сливался с окружающими зарослями. Фасадная дверь была голландского типа, из двух половинок, верхней и нижней. Верхняя отворилась словно сама собой, едва Хоуз взошел по ступенькам. Вид у него был усталый и удрученный. До сей поры он успел проверить с полдюжины таких приютов, там и сям разбросанных между гор, неуклонно продвигаясь в северном от Гриффинса направлении. Никому из владельцев ничего не говорило имя Сай Крамер.

Хоуз был удручен, разочарован, как вдруг сверху донеслось:

— Эй, послушайте!

— Здравствуйте,— очнулся Хоуз, подняв голову.

Из-за двери выглядывал мужчина. На нем была белая нательная рубаша, из-под которой выпирали мускулы. Лицо было квадратное, будто вырубленное из скалы, на которой стоял дом. Глаза пронзительной синевы. Он спокойно курил трубку.

— Добро пожаловать в Кукабонгу,— приветствовал мужчину.— Меня зовут Джерри Фильдинг.

— Коттон Хоуз,— представился полицейский.

Фильдинг ступил на площадку, протянув гостю задубелую ладонь.

— Рад познакомиться,— сказал, пожимая руку. Глаз стрельнул на белую прядь на голове Хоуза.— Не иначе, молния ударила?

— Нет,— мотнул головой Хоуз.— Нож. Волосы отрасли белые.

Фильдинг кивнул:

— Тут у нас одного ударило молнией. После выросла прядь вроде вашей. За что вас пырнули?

— Я полицейский,— ответил Хоуз. И полез в карман за удостоверением, но Фильдинг остановил.

— Этого мне не нужно,— сказал.— Я заметил у вас под курткой пистолет, как только вы ступили на лестницу.

Хоуз улыбнулся:

— Такие люди нам нужны. Приезжайте в Город.

— Мне и здесь неплохо,— вежливо возразил Фильдинг.— Кого вы ищете, мистер Хоуз?

— Призрак.

— Вряд ли сыщете в наших краях. Однако заходите. Мне как раз вздумалось выпить стаканчик — не люблю пить в одиночку. Или вы не пьете?

— Разве самую малость,— ответил Хоуз.

— Понятно,— продолжал Фильдинг, когда они вошли в дом.— Мне ведомо, что полицейским не полагается выпивать на службе, но я не из таких, кто пожалуется инспектору. А вы?

— Я тоже.

— Так я и думал,— сказал Фильдинг.

Внутри большую часть помещения занимал огромный, выложенный из грубого камня очаг. Сбоку от него, повторяя наружные ступеньки, шла двухпролетная каменная лестница, ведущая, вероятно, на чердак. Из главной комнаты выходили четыре двери. Одна была открыта, и Хоуз разглядел через нее кухню.

— Что будем пить? — спросил Фильдинг.

— Чистое виски.

— Уважаю, кто пьет чистое,— одобрил Фильдинг.— Могу спорить, вы ни разу не всадили пулю в зверя или не поддели на крючок рыбу, если не были голодны.

— Верно,— подтвердил Хоуз.

— А в человека стреляли?

— Нет.

— И по долгу службы?

— Не доводилось.

— В армии служили?

— Да.
— И в боях участвовали?
— Да.
— И ни разу не стреляли?
— Я на флоте служил,— ответил Хоуз.— Это ваш дом, мистер Фильдинг?

— Мой.

— Похоже, я не туда пожаловал,— сказал Хоуз.

Фильдинг поднял глаза. Передавая налитое виски, поинтересовался:

— Это в каком смысле?

— Я не думал, что здесь частный дом. Думал, вы даете приют охотникам.

— Даю. Принимаю по пятеро зараз. С того и живу. Таких, как я, кажется, называют неприкаянными бродягами.

— Но сейчас у вас никого нет?

— Уже неделю. Потому и рад был, увидев вас.

— Вы круглый год открыты?

— Круглый,— ответил Фильдинг, поднимая стакан.— Ваше здоровье.

Выпили.

— Вы кого-нибудь принимали первого сентября прошлого года?

— Да. Полный комплект.

Хоуз поставил стакан, спросил:

— Не было ли среди гостей человека по имени Сай Крамер?

— Был.

— Он ходил на охоту?

— Конечно. Каждый день. Приносил трофеи.

— И оленя?

— Нет, олений сезон начинается в октябре. Большей частью ворон и других вредителей. Впрочем, была и рыжая лиса, если не ошибаюсь.

— Он много тратил денег, пока находился у вас, мистер Фильдинг?

— На что? — переспросил Фильдинг.— В горах не на что тратить.

— Но у него было много наличных?

— Если и много, то мне он о том не докладывал.

— Он один приехал?

— Да. Иногда ко мне приезжают парами или по трое. Бывает, компания из пятерых целиком снимет дом. Но у меня не бордель, мистер Хоуз. Я принимаю только ры-

баков и охотников. Моя комната в задней части дома. Иной раз приглашаю девушек... То мое личное дело. Не грешу против чьих-либо нравственных правил, разве что собственных. Каждый мужчина волен заниматься, чем ему вздумается, но если явится в мой приют, то только ради рыбалки или охоты. Остальное — в других местах.

— Значит, Крамер приехал сам по себе?

— В тот заезд все прибыли поодиночке. Такое несчастно бывает, но в тот раз вышло именно так. Ни один из всей пятерки не знал других до того, как здесь очутился.

— Значит, в ту неделю, когда у вас жил Крамер, вы имели пятерых постояльцев?

— Да, и все из Города. Погодите-ка, сейчас вспомню. Один, кажется, заехал в среду и выехал раньше остальных. Этот был хороший охотник. Звали Фил Кеттеринг. Ужасно не хотел уезжать. Помню, в день отъезда — это была среда — нарочно встал пораньше и пошел еще разок поохотиться. Заплатил за услуги, прихватил вещи, сказал, чтобы не ждали к завтраку, он в последний раз поохотится и прямо из леса поедет домой. Хороший был охотник.

— А другие?

— Крамер так себе. Ну, а что до остальных...— Фильдинг поднял на Хоуза глаза.

— Ничего хорошего?

— Мазилы. Из тех, что под ногами путаются, только мешают. По-моему, все были новички.

— Молодежь?

— Двое — да. Дайте-ка вспомню, как звали. У одного очень смешное имя, как будто иностранное. Сейчас-сейчас, минутку... Выпьете еще?

— Нет, спасибо.

— Обедать останетесь?

— Вряд ли. Благодарю.

— Мне так приятно с вами сидеть.

— Спасибо, но надо обратно в Город. И так задерживаюсь.

— Если вы все же захотите остаться, не стесняйтесь. Никаких проблем. Знаете, как одиноко на душе, когда в доме пусто. Вот, кажется, вспомнил! Имя того парня вроде Хозе или ХОАКИМ! Вот как. Он так и произносил, хотя писал через «джей». Хо-а-ким. Хоаким Миллер. Не правда ли, странное сочетание?

— Это один из молодых, так?

— Слегка за тридцать. Женатый. Кажется, инженер-

электрик. Или электронщик — одно из двух. Жена поехала в Калифорнию, навестить мать, а ему не захотелось. Почему-то вздумалось поохотиться. Лучше бы в Городе остался. Охотник из него никудышный. Ничего не подстрелил, конечно.

— Ну, а другие?

— Второму на вид было лет сорок, сорок с небольшим. С положением. Совладелец рекламной фирмы, если не ошибаюсь. Как я понял, у них с женой назревал развод. Кажется, для того и приехал, чтобы пожить с недельку врозь — для пробы. Во всяком случае, у меня было такое чувство.

— Как его звали?

— Фрэнк какой-то. Погодите. Фрэнк... Рейтер? Рутер? Да, Рутер. Именно, Фрэнк Рутер.

— А пожилой? Что о нем скажете?

— За шестьдесят. Пресытившийся богач. Кажется, все успел перепробовать — от горных лыж до водного поло. Ту неделю решил посвятить охоте. Та еще была неделя, доложу я вам.

— В каком смысле?

— Нет-нет, ничего такого — разве Кеттерингу поднадоел треп новичков. Крамер — тот хоть представление имел об охоте. А остальные вовсе не петрили. Не в том, конечно, смысле, что и стрелять не умели. Стрелять-то стреляли. Любой дурак попадет в консервную банку у себя на заднем дворе. Но стрельба и охота — разные вещи. Эти ребята не были охотниками.

— Между ними ничего не произошло за ту неделю?

— В каком смысле «не произошло»?

— Стычек? Споров?

— Это было. Один раз. Крамер поцапался с одним из парней.

— С которым? — сразу загорелся Хоуз.

— С Фрэнком Рутером. Тем, который в рекламе...

— О чем был спор?

— О моллюсках.

— О чем, о чем?

— О моллюсках. Помню, Крамер сказал, что любит их копчеными. Рутер его попросил переменить тему, его, мол, мутит при упоминании о моллюсках. Они как раз обедали. Крамер менять тему не пожелал. Подробно рассказывал, как их надо готовить и с чем подавать. Рутера, кажется, чуть не вывернуло.

— А дальше?

— Он как вскочит, как заорет: «Заткнешь ты свою проклятую пасть!» Такой был впечатлительный. К тому же переживал насчет развода, если верна моя догадка. Очень был чувствительный.

— До драки не дошло?

— Нет, слава Богу. Просто Крамер посоветовал Рутеру катиться ко всем чертям. А Рутер взял да и ушел из-за стола.

— Ну, а остальные — на чьей они были стороне?

— Забавная штука. Я уже упоминал, что у Кеттеринга с Крамером находились общие темы — наверно, оттого что Крамер немного соображал в охоте. Это произошло накануне дня, когда Кеттеринг собирался уезжать. Вместо того, чтобы промолчать, он взял да и отчитал Крамера. Прямо сказал, что тому не хватает воспитанности: раз видит, что человека мутит от его трепки, должен заткнуться. Тут Крамер и его отправил к черту.

— Находчивый парень этот Крамер.

— Я-то думаю, он понимал, что неправ. Он из тех, кто, даже сознавая, что неправ, все равно прет напролом и тем только усугубляет положение.

— Ну, и что случилось, когда он послал Кеттеринга к черту?

— Кеттеринг встал из-за стола и обратился к Крамеру: «Не будете ли любезны повторить ваши слова во дворе?» Двое других — Миллер со стариком — едва отступили Кеттеринга.

— А Крамер? Готов был драться?

— Что ему оставалось делать? Единственный для него способ перестать быть ослом, выставить себя еще большим ослом. Но, по-моему, он был рад, когда вмешались Миллер со стариком.

— Как зовут старика?

— Мэрфи. Джон Мэрфи.

— Тоже из Города?

— Кажется. Точнее, из пригорода, но ведь это тоже Город?

— ...Насчет той стычки. Кеттеринг в самом деле разошелся?

— Очень. Не забыл и назавтра. Когда отъезжал, с Крамером не попрощался.

— А с остальными?

— С остальными — да.

— А потом?

— Потом погрузил в багажник вещи и уехал. Повел машину вокруг озера. Сказал, что вернется на шоссе позднее, а пока немного постреляет. Завтракал в то утро очень рано. Остальные только через час вышли на охоту.

— И Крамер?

— Да — но не вместе с ними. Тоже пошел в лес, один. Видно, не отошел после вчерашнего. Сердился на Кеттеринга, что тот вмешался, к тому же чувствовал, наверно, что и другие на стороне Рутера. Во всяком случае, Миллер с Мэрфи пошли вместе с Рутером, а Крамер один.

— Вернемся на минутку к Кеттерингу...

— Сколько угодно. Времени у меня хоть отбавляй. Вы точно не остаетесь обедать?

— Извините, не могу. Кеттеринг угрожал Крамеру физически?

— Нет. А зачем?

— Как вы считаете, мог его гнев быть длительным?

— Не знаю. Крамер сильно его разозлил. Он бы точно надавал по мордам, выйди тогда Крамер во двор.

— Достаточно был разгневан, чтобы УБИТЬ Крамера?

Фильдинг задумался.

— Кеттеринг,— медленно произнес он,— хороший охотник, ему нравится убивать. Этим я ничего не утверждаю — только то, что он охотник.— Фильдинг опять умолк.— А что — Сая Крамера, значит, убили?

— Да,— ответил Хоуз.

— Когда?

— Двадцать шестого июня.

— Вы думаете, Кеттеринг мог ждать столько времени, чтобы расквитаться за обиду, нанесенную в прошлом сентябре?

— Не знаю. Вы сами сказали: Кеттеринг — охотник. Охотники отличаются терпением, не правда ли?

— Кеттеринг, точно, был терпеливый. Как убили Крамера?

— Выстрелом из автомобиля.

— Гм. Кеттеринг отменный стрелок... Право, не знаю.

— Я тоже.— Хоуз поднялся.— Спасибо за угощение, мистер Фильдинг. И за беседу. Вы очень помогли.

— Не за что,— ответил Фильдинг.— Куда вы теперь?

— Обратно в Город,— сказал Хоуз.

— А там?

— Там побеседуем со всеми четверыми, которые были здесь вместе с Крамером. Нет ли у вас случайно их адресов — это сэкономило бы время.

— Есть запись регистрации на каждого, — ответил Фильдинг. — Но не надо быть полицейским, чтобы угадать, кто вас интересуется в первую очередь.

— Так-таки не надо? — усмехнулся Хоуз.

— Нет, сэр. На месте Фила Кеттеринга я бы прикрывался надежным алиби.

Песочной Площадкой назывался один из пригородов. Было время, когда он служил только двум целям: здесь выращивали картофель, а вдоль восточного побережья были нарезаны земельные участки под застройку. Фермы занимали большую часть полуострова, доходя и с востока, и с запада почти до берега. Земельные участки лепились лишь в самых живописных уголках побережья. Фермеры высаживали картофель, владельцы участков — развлекались. Фермеры думали об урожае, отдыхающие — как бы отоспаться.

То было давным-давно. Когда грянула война, и не просто стало находить работников, чтобы содержать дома в двадцать пять комнат, когда надвинулись трудности с топливом, владельцы бросились распродавать участки — и обнаружили, что покупателей нет. Вскорости после войны свое открытие ждало и фермеров: они узнали, что сидят не на бедной, под один картофель пригодной земле, а на чистом золоте. Пройдоха по имени Исадор Моррис за гроши откупил у картофелеводов первые две сотни акров земли и построил их дешевыми домами для возвращавшихся с войны ветеранов, назвав свой проект «Морристауном». Другие кинулись по стопам Морриса. Земля с изначально высокой ценой в две сотни за акр шла теперь по десять тысяч. Строители дробили акры на участки размером сто на шестьдесят. Сегодня Песочная Площадка была поделена на участки с небольшими домиками. В целом на нее с полным основанием можно было смотреть как на новомодные трущобы для среднего достатка публики, но с ухоженными улицами и при отсутствии малолетней преступности.

Фил Кеттеринг проживал в квартале, носившем диковинное название, — Гребень Прибрежной Горы. Его дом представлял подобие ранчо. Когда полицейская машина подвезла Кареллу с Хоузом к дому, по кварталу деловито

стрекотали газонокосилки. У одного Кеттеринга было тихо: площадка была засыпана гравием. Дом оказался заперт на все запоры, шторы опущены, окна запахнуты.

— Может, на работе? — предположил Карелла.

— Гм,— хмыкнул Хоуз.

Они снова позвонили в дверной колокольчик над парадной. Женщина, подстригавшая лужайку на участке напротив, отвлеклась от газонокосилки и с неприкрытым любопытством оглядела пришельцев.

— Попробуем заднюю дверь,— предложил Хоуз.

Обошли вокруг дома. Задний двор, тоже выложенный перемежающимися квадратами гравия и дерна, был ровный и чистый. Дверь была снабжена не колокольчиком, а электрическим звонком. Слышно было, как прозвенело внутри, когда нажали кнопку. Никто не отвечал.

— Давай справимся у него на работе,— сказал Карелла.

— Мы же не знаем, где он работает,— напомнил Хоуз.

Снова обошли дом и вернулись к парадной. Любопытствующая женщина стояла теперь рядом с их машиной, заглядывала в салон, где работала рация. Она внимательно слушала и только тогда, когда приблизились розыскники, отпрянула от опущенного стекла.

— Так вы полицейские?

— Да,— кивнул Хоуз.

— Фила ищете?

— Да,— снова подтвердил Хоуз.

— Его нет дома.

— Видим.

— Уже давно.

— Сколько?

— Месяц,— сказала женщина.— Мы думали, он совсем уехал. Соседи решили, что поставил дом на продажу, а сам съехал. Он единственный неженатый во всем квартале. Глупо тут жить одиночке.

— Откуда вам известно, что съехал?

— Не живет, значит, съехал.

— Когда был в последний раз?

— Осенью,— сказала женщина.

— Когда именно осенью?

— Не помню. Он всегда то приедет, то уедет. Охотник. Очень увлекается охотой, Фил-то. Увешал головами все стены. Звериными. Он вообще спортивный. Охота,

теннис. Хороший теннисист. В спальне полно шариков.— Она вдруг зарделась.— Теннисных,— уточнила.

— Значит, не видели его с прошлой осени? — переспросил Карелла.

— Не видела.

Они с Хоузом переглянулись.

— Машину здесь держал?

— Нет.

— Дом все время так заперт?

— Да.

— Приходил кто-нибудь смотреть?

— Нет,— ответила женщина.

— В каком банке он держит свою закладную?

— У него нет закладной. В нашем квартале только двое купили дом без рассрочки. Фил и пожилая семейная пара — вон там. Остальные внесли первый взнос и с тех пор ежемесячно платят банку. Кроме Фила. Он сразу заплатил восемь с половиной тысяч. Когда уволился из армии. Он привез из Германии кучу денег.

— Он что, торговал на черном рынке государственным имуществом?

Женщина часто закивала.

— Да, сахаром и кофе. Служил поваром в армейской столовой. Был, кажется, сержантом. Заказывал продуктов больше, чем требовалось, и продавал немцам. Кучу денег наворовал. Хватило, чтобы купить дом за наличные.

— Вы уверены? То есть в том, что у него нет закладной на дом?

— На все сто.

— Мы выясним,— пообещал Карелла.— Коттон, глянь, что в почтовом ящике. Заодно и в молочном.

— Само собой.— Хоуз двинулся к почтовому ящику.

— Вы случайно не знаете, есть ли у Кеттеринга родственники в Городе или в округе? — спросил Карелла у женщины.

— Он вообще-то из Калифорнии,— сообщила она.— Здесь после войны остался, когда приехал из Германии. Родители умерли, а сестра живет в Лос-Анджелесе. По-моему, они очень ладят.

— Переписываются?

— Не знаю. Он редко ее упоминал.

— Как ее зовут?

— Сузи, вроде.

— А где Кеттеринг работает?

— В Городе.

- Чем занимается?
- У него свое дело.
- Какое именно?
- Он фотограф.

Карелла насторожился.

- Реклама? Фотопортреты? Что конкретно?
- Кажется, для журналов что-то делает,— ответила женщина.

— Как это его занесло с кухни на фотографию?

— Не знаю. Поваром-то он был только в армии. Это повар не настоящий. Я знаю, мой муж служил. Вам доводилось есть армейскую стряпню?

— Доводилось,— ответил Карелла.

— Тогда вам ясно, о чем я. Фил, кажется, специально учился на курсах фотографов, когда уволился со службы.

— У него большое дело?

— Не очень. Но он с него живет.

— Вы не знаете, где размещается его контора?

— Где-то в Городе. В телефонной книге есть. Смотрите на «К».

Вернулся от почтового ящика Хоуз:

— Пусто, Стив.

— И молока нет?

— И молока.

— Молоко давно перестали оставлять,— сообщила женщина.— Это я позвонила в компанию, сказала, чтобы прекратили громоздить бутылки на заднем дворе.

— Когда именно вы звонили?

— Осенью. Где-то в октябре.

— Помните, как Кеттеринг ездил на охоту в начале сентября? — вставил Хоуз.

— Помню. Куда-то в Адирондаки.

— Когда вернулся?

— А он не возвращался. Кажется, после той поездки и съехал.

— Значит, после того не возвращался?

— Если и возвращался,— сказала женщина,— то я не видела.

— А машина за вещами приезжала?

— Нет. Мебель на месте.

— Кто вынимает почту?

— Не знаю.

— Но ящик пустой.

— Может, сказал, куда пересылать,— предположила женщина и опять повела плечом.

— Не знаете никого из его друзей?

— Одну звали Элис. Фамилию не помню. Приличная девушка. На ней надо было жениться — не мотался бы с места на место. Фил что-то натворил?

— Вы нам очень помогли, миссис...

— Дженнингс,— подсказала она.— Что Фил сделал?

— Как добраться до почты? — спросил Карелла, делая вид, что не расслышал ее вопроса.

— Езжайте прямо, никуда не сворачивайте. Мимо не проедете. Почта на Главной улице, сразу, как въедете в поселок. Так что наделал Фил? — не успокаивалась женщина.

— Спасибо, что уделили нам время, миссис Дженнингс,— закончил разговор Карелла, и полицейские сели в машину.

На почте их принял дерганый мужчина: его служба никак не поспевала за растущими, как грибы, кварталами Песочной Площадки.

— Вы доставляете почту человеку по имени Фил Кеттеринг? — задал вопрос Хоуз.

— Да! — Лицо служащего сразу засветилось.— Так вы за его почтой пожаловали? Это он вас прислал? Боже, как я вам рад,— не унимался служащий.— Его почта нагромодилась до самого потолка. Давно перестали доставлять в ящик — так он был забит. Обратно снесли на почту. Все ждали, когда этот недотепа пришлет свой новый адрес. Видели бы вы эту гору. Мало нам своей тесноты, так вынуждены держать еще и его почту! Значит, вы за ней пожаловали?

— Нет, но не прочь взглянуть.

— Тогда не отдам,— твердо сказал служащий.

— Мы из полиции,— Карелла протянул удостоверение.

— Мне без разницы,— сказал служащий.— Почта — собственность правительства. Принесете решение суда — забирайте.

— Можно хотя бы взглянуть для начала?

— Это пожалуйста. Но имейте в виду — там на полдня работы. С прошлого октября копится.

— Где она?

— Там, в Уголке Кеттеринга, так мы его называем.

Карелла с Хоузом просмотрели кипу корреспонденции. Здесь были счета, всевозможная реклама, личные письма. Самый ранний почтовый штемпель датирован двадцать девятым августа. Половина личных писем была от некоего Артура Бэнкса из Лос-Анджелеса. Другая — от женщины по имени Элис Лоссинг, из Города. Ее адрес они списали. На данной стадии расследования пока не было надобности хлопотать о судебном решении передать корреспонденцию следствию. Поблагодарив служащего, вернулись в машину.

— Ну, что скажешь? — спросил Хоуз.

— Уж не думаешь ли ты, что он еще в сентябре спланировал убийство? — вопросом ответил Карелла.

— Не знаю. Иначе зачем ему пропадать?

— Может, он никуда не пропал. Просто сменил место жительства. Хотя лично я сомневаюсь, чтобы человек в здравом уме был способен бросить работу и сняться с места только от того, что немного поцапался с кем-то за обедом. Как ты думаешь, Коттон?

— Все зависит от того, что представляет собой этот Кеттеринг. Терпеливый охотник не на такое способен. Подождать, пока сотрутся следы, а после спокойно обдумать убийство. Кто его знает, Стив. Всякое случается.

— Он ведь фотограф. Вот что интересно.

— Ты про Менкен подумал?

— Угу.

— Ее какой-то Джейсон Пул фотографировал.

— Но она подозревает, что теперь эти карточки в других руках, у того, к кому они попали после Крамера.

— Думаешь, у Кеттеринга?

— Кто знает?..

Контора Филадельфии размещалась в переулке в самом центре Города, поблизости от авеню Джефферсона. В том же здании находились представительства ряда крупных процветающих фирм.

Его офис был в конце коридора на третьем этаже.

Дверь оказалась на замке.

Карелла с Хоузом разыскали коменданта и попросили отпереть комнату. Чистота была безукоризненной. Если Кеттеринг сюда и заглядывал в последнее время, то уборщица затерла все следы.

За входной дверью под прорезью для почты валялась горка корреспонденции. Воспользовавшись тем, что в

конторе никого не было, Карелла с Хоузом преступили закон и вскрыли корреспонденцию. Ничего серьезного в ней не оказалось. Письма были исключительно делового характера. Плотные матерчатые конверты содержали фотографии, возвращенные журналами. Клубнички не обнаружилось. Ни одно из адресованных Кеттерингу писем не подтверждало, чтобы он имел пристрастие снимать девиц. Судя по всему, его коньком были фотоиллюстрации на тему «сделай сам». Если и существовала связь между Кеттерингом и Люси Менкен, то пока весьма неявная.

На письменном столе валялось несколько вскрытых конвертов. Письма были датированы концом августа. Ни на одно из них не было дано ответа. Видно, Кеттеринг вскрыл их перед отъездом на охоту.

Под фонарем в комнате-студии оборудован верстак. На нем разложены малярная кисть с отверстием в рукоятке, кусок тугого провода и пустая банка из-под кофе. Заряжена, готова к работе камера. В темной камерке лежали негативы и отпечатки начальных стадий той схемы, которую иллюстрировал Кеттеринг. Похоже, он показывал, кому это интересно, как сберечь малярную кисть. Ясно было, что с прошлого августа Кеттеринг к работе не приступал.

Карелла с Хоузом вышли из конторы, спустились к управляющему. На вид ему было чуть за тридцать. Звали его Колтон.

— Все, пора и честь знать. Укажу ему на дверь, — сокрушался Колтон. — Сколько месяцев не платит! Мы же несем убытки. Выставляю и дело с концом!

— Судя по вашему тону, вам этого не хочется, — заметил Карелла.

— Так и есть. Не хочется. Вообще-то Фил Кеттеринг — приличный человек. Ужасно неприятно выставить его на улицу. Но войдите и в мое положение. Могу я себе позволить убытки? Он смывается из Города — а я теряй деньги?..

— Откуда вы знаете, что смылся?

— Так его же нет!

— Кеттеринг вам намекал, что уедет? — спросил Хоуз.

— Ни словечком. От кого он прячется? От полиции? Что он, задумал банк обчистить или еще что? Может, убил кого? Если ни с того ни с сего взял да и смылся!..

Карелла с Хоузом поблагодарили управляющего и отбыли.

Ничего другого не оставалось, кроме как допросить остальных участников той охоты. Они их поделили между собой.

Рекламное агентство называлось «Компания Рутер — Смит». Предприятие было явно на подъеме, имело в штате двадцать работников. На долю совладельца Фрэнка Рутера выпадала большая часть писанины.

Было ему за сорок, темноволосый и кареглазый. На нем был твидовый пиджак, спокойных тонов галстук и темные фланелевые штаны. Курил трубку. Хоуза принял тепло и сердечно, увел в кабинет, со вкусом обставленный.

— Мой дед сколотил приличные деньги,— начал Рутер.— Горшками торговал. Ездил по городам и сбывал горшки. После нанял людей, чтобы вместо него ездили. Оставил папе кучу денег.

— И как ими распорядился ваш отец? — заинтересовался Хоуз.

— Сделал еще большие деньги. Собачником заделался. Вздумал французских пуделей импортировать. Казалось бы, откуда там быть деньгам, ан нет, завел самую большую на Песочной Площадке псарню. После его смерти деньги ко мне перешли. Они были заработаны двумя поколениями Рутеров.

— И как с ними поступили вы?

— Мне взбрело на ум стать писателем. Накропал с десяток романов, и все до одного отправились в мусорную корзину. При всем при том ни в чем себе не отказывал. Еще со времени, когда был жив отец, привык роскошествовать. Не видел оснований экономить и после его смерти. Извел кучу денег. Меньше чем за двадцать лет профукал почти все, что нажили два поколения предков. Когда остались последние пятнадцать тысяч, бросил писанину. С Джеффом Смитом я основал нашу компанию. Теперь она на плаву. Чувствую, что чего-то добился в жизни. Плохо, мистер Хоуз, жить с сознанием, что ты неудачник.

— Надо думать,— согласился Хоуз.

— И писарю хватило бы трех слов, чтобы пересказать всю историю нашей семьи. По крайней мере, до того, как я основал агентство, пока дурил, возомнив из себя писателя.

— Интересно, каких? — спросил Хоуз.

— Дед, отец и сын,— глубокомысленно произнес Рутер.— Три поколения — три рода занятий. Значит, в трех словах желаете? Извольте: горшечник, собачник, бездельник. Бездельник был я.

Хоуз улыбнулся. У него возникло ощущение, что Рутер не в первый раз говорил свой каламбур, что это, увы, не экспромт. Но, как бы то ни было, сказано остро, и он улыбнулся.

— Теперь я уже не бездельник, мистер Хоуз,— прибавил Рутер.— Делаю репродукции. Хорошо перерисовываю. Помогаю продать товар. Наконец-то мы с Джеффом сами делаем деньги. Не те деньги, что тебе достались в наследство, а те, что сам заработал. Приходится изрядно попотеть. Зато приятно. Вот вам и разница между бездельником и предприимчивым человеком.

— Ясно,— коротко сказал Хоуз.

— Извините,— очнулся Рутер.— Не хотел отнимать у вас время историей своего семейства.

— Ничего, мне было интересно,— сказал Хоуз.

— Так что вы хотели у меня узнать?

— Что вам известно о Филе Кеттеринге?

— Кеттеринге? — Рутер сморщился и озадаченно посмотрел на Хоуза.— Простите, не припоминаю... Я с ним знаком?

— Да.

— Может, подскажете? — сконфуженно улыбнулся Рутер.

— Охотничий приют Кукабонга,— подсказал Хоуз.

— А! Да-да, конечно. Разумеется. Простите, ради Бога. У меня скверная память на имена. Особенно тогда... ну, я был словно в тумане. Боюсь, ясно не запомнил...

— В каком тумане?

— У нас с женой были тогда неприятности. Думали разводиться. Но потом все наладилось. Теперь полный порядок.

— Но вернемся к Кеттерингу. Когда он уехал из Кукабонги?

— Рано утром. Не помню, в какой день. Сказал, что перед отъездом в последний раз поохотится. Позавтракал и уехал.

— С ним был кто-нибудь?

— Нет, один поехал.

— А дальше что?

— Мы тоже позавтракали и вышли.

— Кто — мы?

— Я и еще двое, кто там был. Не помню, как их звали.

— Но ведь вас там ЧЕТВЕРО оставалось, разве нет?

— Вы Крамера имеете в виду? Да, он был четвертый. Но в то утро он не пошел с нами.

— Почему?

— Мы с ним поссорились накануне.

— По поводу?

— По поводу моллюсков.

— Фамилию Крамера, значит, помните?

— Да. Из-за ссоры.

— Ничего о нем не читали в газетах?

— Нет. А что?

— Он умер.

Рутер помолчал.

— Сожалею,— выговорил наконец.— Но смерти я ему не желал.— Рутер снова замолчал.— Отчего он умер? — спросил.

— Застрелили.

— Нечаянно?

— Умышленно.

— О,— Рутер опять замолк.— То есть вы хотите сказать, его убили?

— Именно так.

— Кто это сделал?

— Не знаю. После прошлого года вы виделись с Кеттерингом?

— Нет. С какой стати? Нас ничто не связывает. Я и познакомился с ним в том приюте.

— Значит, не знаете, где его искать?

— Разумеется, нет. А он что — как-то связан со смертью Крамера?

— Если я правильно понял, Кеттеринг вмешался в тот ваш спор, и они чуть не подрались с Крамером. Верно?

— Верно. Но это было давно. Разве можно так долго держать зло. Не думаете же вы, на самом деле, что он все это время вынашивал план мести?

— Не знаю, что мне думать, мистер Рутер. Так вы вспомнили имена тех двоих, с которыми тогда ходили на охоту?

— К сожалению, нет. У одного было необычное имя, но не могу припомнить.

— Ясно. Когда вы уехали из приюта?

— Восьмого или девятого. Это была первая неделя сентября.

— А Крамер?

— По-моему, тогда же.

— А другие?

— Мне кажется, все мы уехали одновременно. Ведь каждый приезжал только на неделю. В моей памяти события той недели расплывчаты. Я думал больше о жене, чем об охоте. За все время только ворону и подстрелил.

— Кеттеринг угрожал убить Крамера?

— Нет. Только предложил выйти во двор. И все.

— Вам он показался сильно разгневанным?

— Да.

— Достаточно, чтобы убить?

— Не знаю.

— Гм...

Хоуз поднялся.

— Если припомните имена тех двоих, пожалуйста, позвоните. Вот моя карточка.— Он достал из бумажника визитку и положил Рутеру на стол.

Бегло взглянув на карточку, Рутер сказал:

— Вам известно о ссоре между мной и Крамером. Известно, что дело происходило в приюте Кукабонга. Известно мое и Кеттеринга имя.— Он улыбнулся.— Значит, вы уже были в приюте Кукабонга, не правда ли?

— Был.

— И с хозяином беседовали?

— Да.

— Выходит, вы уже знаете их имена?

— Да, мистер Рутер,— признался Хоуз.— Уже знаю.

— Тогда зачем у меня спрашивать?

— Порядок такой,— пожал плечами Хоуз.

— Или вы подозреваете, что я каким-то образом причастен к смерти Крамера?

— А сами вы как думаете?

— Думаю, что вряд ли.

Хоуз улыбнулся.

— Вам не о чем тревожиться, мистер Рутер.— И двинулся к двери.

— Секундочку, Хоуз,— вдруг остановил его Рутер. В голосе прозвучал командный тон, удививший Хоуза. Он резко повернулся. Рутер вышел из-за стола.

— В чем дело, мистер Рутер?

— Не люблю, когда меня дураком выставляют,— с угрозой произнес Рутер. Его зрачки потемнели. Губы сжались.

— Вас кто-то выставил дураком?

— Вы знали про тех двоих. И нарочно заманивали в ловушку.

— Куда-куда?

Даже воздух в комнате словно стал плотнее и гуще. От неожиданности Хоуз на миг растерялся. Разговор прошел гладко. И вдруг, под самый конец, все резко переменялось. Его взгляд уперся в напрягшееся лицо Рутера. Возникло ощущение, что Рутер вот-вот вцепится ему в горло.

— Нарочно путали, чтобы я признался в чем-то таком, что согласуется с вашей дурацкой версией? — выговорил сквозь зубы Рутер.

— Нет у меня никакой версии, — разозлился Хоуз. Его кулаки сами сжались. Ждал, когда Рутер бросится и был наготове.

— Тогда зачем сбивали с толку?

— Никто вас не сбивал, — твердо сказал Хоуз. — Мистер Рутер, пора бы вам усвоить то, что знает всякий деловой человек.

— Интересно, что? — спросил Рутер.

— Понять, где надо остановиться, когда и так ваша берет.

Рутер тотчас смутился. Какое-то время на лице были написаны колебания. Наконец, заулыбался.

— Извините, — сказал. — Мне показалось, вы меня дурачите.

— Забудем об этом, — предложил Хоуз.

— Так и быть, — уступил, протягивая руку Рутер. — И вы забудьте.

Джон Мэрфи неуловимо смахивал на колониального улана. Имел седые усы и лысую голову, румяные щеки и большой живот. Словом, похож был на отставного полковника, только что возвратившегося домой с задворок Британской империи. Отставным полковником он не был. Скорее, наоборот, был отставным маклером и все время проводил в четырех стенах старого дома в пригороде, называвшемся Новый Посквит, — стриг купоны. Новый Посквит — не Песочная Площадка. Прямая противоположность. Все дома в Новом Посквите были старой постройки, друг к дружке не жались.

Дом Мэрфи стоял на шестнадцати акрах холмистой, заросшей зеленью земли. Новый Посквит имел свои теннисные, гольф- и яхт-клубы. Джон Мэрфи состоял во

всех. Может, потому, что вышел на покой и не знал, чем себя занять. А возможно, и оттого, что был нервный: не мог удержать в руке стакан джина с тоником — так она дрожала.

Он нервничал и от того, что полицейский задавал вопросы.

Сидевший напротив Стив Карелла сразу отметил, что у старика дрожат руки, и подумал, не рискованно ли с такими руками ездить на охоту. Разложив на коленях блокнот, Карелла старался как можно неприметнее вести записи, чтобы не смущать собеседника.

— Вы живете здесь с семьей, верно? — спросил Карелла.

— Да,— подтвердил Мэрфи.

— Вы на пенсии?

— В пятьдесят лет ушел. Сейчас шестьдесят один.

— Как вы распоряжаетесь своим временем?

— Играю в гольф. Ловлю рыбу. Охочусь.— Мэрфи повел плечом.— Имею спортивный автомобиль. В прошлом году участвовал в гонках. Я классный гонщик.

— Какая у вас машина?

— «Порше».

— Вы в той гонке победили?

— Я в двух гонках участвовал. В первой пришел четвертым, во второй — вторым.

— А охотник вы хороший?

— Никудышный,— ответил Мэрфи.— Рука нетвердая. В язвах. Это от нервов.— Он показал ладонь: — Видите?

— Мм...— протянул Карелла.— Мистер Мэрфи, расскажите, пожалуйста, как вы ездили прошлой осенью на охоту. В приют Кукабонга.

— Пожалуйста,— охотно согласился Мэрфи. И принялся рассказывать.

Карелла изредка перебивал его вопросами, уточнял. Мэрфи в подробностях изложил, как вышла та ссора из-за моллюсков, после которой поцапались Крамер с Кеттерингом. Память у него была цепкая. Помнил имена, детали одежды, даже особенности голоса. Рассказ совпал с тем, что сообщил Джерри Фильдинг. Позже, сопоставив свои записи со сведениями Хоуза, он узнал, что и Фрэнк Рутер изложил все в точности.

— Какой марки ваше ружье?

— У меня три ружья. Дробовик, двадцать второй калибр и винтовка для крупной дичи.

- Какой марки винтовка?
- «Дикарь».
- Калибр?
- Триста.
- Можно взглянуть?
- Зачем?
- Так мне хочется,— ответил Карелла.— Даже с собой хочу прихватить.
- Чего ради?
- Сая Крамера убили из «дикаря-300».
- Читал в газетах,— сказал Мэрфи.— Потому вы и приехали?
- Да.
- Думаете, это я убил Крамера?
- Я этого не говорил, мистер Мэрфи.
- Я с девяти шагов промахнусь в медведя. Думаете, я способен застрелить человека с автомобиля, да еще в сумерках, под дождем?
- Я этого не утверждал, мистер Мэрфи. Тем не менее хочу подвергнуть вашу винтовку баллистической экспертизе, если не возражаете.
- Валяйте,— уступил, наконец, Мэрфи и поднялся с кресла.— Она там, в ружейной стойке.
- Карелла проследовал за ним в глубь дома. Достав «дикаря» со стойки, Мэрфи сказал:
- Уверяю вас, это не то ружье, из которого убили Крамера.
- Рад слышать,— ответил Карелла.— Можно взять несколько патронов для баллистической экспертизы?
- Пожалуйста,— сказал Мэрфи и открыл ящик под стойкой.— Тут несколько полных магазинов. Хватит?..

Коттон Хоуз не подозревал, что за ним следили до того момента, как он вышел из дома Хоакима Миллера,— это случилось в тот же вечер. Но и заметив, не придал серьезного значения.

Он позвонил Миллеру домой прямо из конторы Фрэнка Рутера. Жена сообщила, что Хоаким работает инженером-электронщиком в компании «Бирд Индастриз Инк». Поскольку Миллер был служащим большого предприятия и вопросы полицейского могли вызвать ненужные разговоры, Хоуз позвонил Миллеру на работу и деликатно осведомился, не лучше ли будет, если он явится домой. Миллер охотно согласился.

Дом Миллера был в Маджесте, отдаленном районе Города. Хоуз выехал из отдела в половине седьмого вечера. До места добрался лишь к восьми часам. Он еще не знал, что по его следу шли от самых ступенек участка. Многоквартирный дом, где жили Миллеры, стоял на тенистой улице. Дверь ему открыла миссис Миллер, привлекательная блондинка с выразительными голубыми глазами.

— Вы детектив Хоуз? — первой заговорила она.

— Да.— Хоуз показал удостоверение.

— Пожалуйста,— пригласила она.

Хоаким Миллер оторвался от телевизора.

— Детектив Хоуз,— представила гостя жена.

Миллер встал, протянул руку. Это был щуплый человек, лет тридцати трех, с узким лицом, стриженный ежиком. Взгляд доброжелательный и умный. Рукопожатие крепкое.

— Рад познакомиться, мистер Хоуз,— приветствовал он.— Значит, еще не нашли? Они ищут некоего Фила Кеттеринга,— пояснил Миллер жене.— Об этом мистер Хоуз сказал по телефону. Так что вам нужно от меня узнать?

— Все, что помните и знаете о Филе Кеттеринге и Сае Крамере.

Записанная со слов Миллера версия до мелочей совпадала с теми, что до него изложили сперва Фильдинг, потом Рутер. Честно, эта история Хоузу успела поднадоесть. Хотелось, чтобы вскрылась какая-нибудь несообразность. Но ее не было. Миллер пересказал в точности ту же последовательность событий.

— После видели Кеттеринга? — спросил Хоуз.

— Со дня его отъезда из приюта? — уточнил Миллер.

— Да,— сказал Хоуз.

— Не видел.

— У вас есть ружье, мистер Миллер?

— Нет.

— Точно нет?

— Нет.

— Разве вы не охотились в тот...

— Я одалживал ружье, мистер Хоуз. Видите ли, я не настоящий охотник. Вышло так, что Пег поехала к матери в Калифорнию. А мы с ней не ладим...

— Мама не верила, что из Хоакима что-нибудь получится. Но он многого добился,— вставила жена Миллера.— У него отличная зарплата, мистер Хоуз. С его

заработка и земли мы смогли накопить приличную сумму.

— Пег, пожалуйста,— взмолился Миллер.

— Какой земли? — заинтересовался Хоуз.— Поясните.

— Я занимаюсь перепродажей. Покупаю и продаю землю. Прибыльное занятие, при том, что дома вокруг растут, как грибы.

— Как вам удастся?

— Интуиция. Выбираю участок, который, по моим соображениям, рано или поздно заинтересует подрядчиков. Покупаю дешево, а продаю дорого — как только принимают решение о застройке. Но долго это не продлится. Вся свободная земля застроена.

— И сколько вам принесли такие операции? — спросил Хоуз.

— Это касается только нас,— отрезал Миллер.

— Извините,— поправился Хоуз.— Не хочу влезать в ваши дела, но мне надо знать.

— Около тридцати тысяч,— ответила жена.

— Пег, помолчи...

— Мы копим деньги,— разоткровенничалась миссис Миллер.— Хотим построить большой дом.

— Пег, заткнись! — не сдержался Миллер.

Миссис Миллер обиженно поджала губы. Хоуз прокашлялся.

— Мистер Миллер, что вы делаете у Бирда?

— Я электронщик.

— Это мне известно. Чем именно вы занимаетесь?

Миллер самодовольно усмехнулся, словно только что записал на свой счет очко:

— Если бы даже захотел, не могу сказать.

— Почему?

— Тайна,— ответил Миллер.

— Ясно. Тогда уточняю: ружья, значит, у вас нет? Верно?

— Абсолютно верно.

— Какое ружье вам в тот раз одалживали?

— Двадцать второй калибр.

— Не помните, что за ружье у Кеттеринга?

— Я в ружьях не разбираюсь,— сказал Миллер.— Какая-то винтовка на крупную дичь — у нее было такое солидное название.

— «Дикарь»? — подсказал Хоуз.

— Вот-вот,— подтвердил Миллер.— Да, «дикарь».

Выйдя на улицу, Хоуз оглянулся на дом. В окне стоял Миллер, следил за ним. Поняв, что его заметили, резко отпрянул. Хоуз вздохнул и двинулся к машине. В этот миг он увидел мужчину, юркнувшего за дерево, но Хоуз успел его засечь. Нарочно замедлил шаг, потихоньку открыл дверцу машины, завел мотор и стал ждать. Человек за деревом не шевелился. Тогда Хоуз медленно тронулся с места. Краем глаза успел заметить, что мужчина тотчас побежал к стоящему в темноте автомобилю марки «шевроле». Завел мотор, поехал следом.

Хоуз двигался нарочито медленно. Преследователь не подозревал, что его заметили. Полицейский подождал, пока в зеркале заднего вида покажется машина и резко рванул, сделав левый поворот. Отметив, что «шевроле» выполнил тот же маневр, он повернул вправо. Автомобиль — следом. Чтобы напрочь исключить случайность, Хоуз выполнил серию маневров. «Шевроле» шел следом, и Хоуз задумался, что бы это значило. И кто это мог быть. Номерной знак в зеркале не просматривался. Ему во что бы то ни стало захотелось узнать, кто за рулем.

Резко газанув, он оторвался от «шевроле», прижался к тротуару, вылез из машины и нырнул в аллею. «Шевроле» затормозил. Из машины вылез водитель, огляделся по сторонам и направился в аллею.

Хоуз слышал, как приближались шаги, но лица разглядеть не мог. Гулко стучали каблуки. Хоуз ждал. Шаги все приближались...

Хоуз с лета бросился на мужчину, обхватил рукой. Тот резко отшатнулся и почти рефлексивно нанес удар, которого Хоуз никак не ожидал. Выбросив изо всей силы руку, чтобы ответить, полицейский попал преследователю в плечо. Однако тот держался на ногах и как молотом стукнул Хоуза в живот, но попал ниже. В глазах Хоуза потемнело, и он рухнул на бетонную плиту. Скрючившись на тротуаре, Хоуз чувствовал одну боль и ничего забавного тут не видел. Когда завелся мотор «шевроле», он из последних сил заставил себя подняться, поковылял к выходу из аллеи, надеясь, что успеет разглядеть номер. Но на улице был полумрак.

Стив Карелла в самом деле не подозревал Джона Мэрфи. Он и сам не знал, кого подозревать. Одно было ясно: стрелявший из «дикаря» в Крамера был стрелок

меткий. Убийца, судя по всему, был не новичок за рулем. Он аккуратно подрулил к тротуару, выставил ружье, прицелился и выстрелил, имея меткий глаз и твердую руку.

Карелла сильно сомневался насчет меткости глаза и твердости руки Джона Мэрфи. Если рука старика тряслась даже тогда, когда он протягивал ее за стаканом, то можно представить, что с ней было бы, зайдя речь об убийстве. Нет, в самом деле, он не подозревал Джона Мэрфи.

Потому и не удивился, получив результат баллистической экспертизы принадлежавшего Мэрфи «дикаря-300».

В нем говорилось, что пуля, поразившая Крамера, не могла быть выпущена из ружья Джона Мэрфи.

Стив Карелла не удивился — хоть и огорчился.

Элис Лоссинг жила в Городе. Несмотря на то, что накануне Коттон Хоуз получил уязвивший его удар, вечером двенадцатого июля он отправился к ней с визитом.

Подойдя к двери, Хоуз позвонил.

— Кто там? — донесся голос.

— Полиция, — сказал он.

— Минутку!

Отодвинулась задвижка, и в приоткрытом проеме показался глаз.

— Так кто, говорите, вы такой?

— Полиция, — еще раз повторил Хоуз. — Детектив Хоуз.

— И удостоверение у вас имеется?

— Имеется.

— Позвольте взглянуть?

Хоуз протянул пластиковую оболочку удостоверения.

— А знак?

Хоуз подал и знак.

Девушка придирчиво смотрела на удостоверение.

— А вы не очень-то похожи на свое фото, — попеняла она.

— Тем не менее это я. Если требуются дополнительные доказательства, звоните Ф7-8024. Спросите детектива Кареллу и поинтересуйтесь, не собирался ли к вам детектив Коттон Хоуз из розыскного отдела?

— Ладно, убедили, — уступила Элис. — Секунду.

Она долго возилась с дверью. Судя по запорам, можно было предположить, что Хоуза впускают в Форт Нокс*. Он успел подумать, отчего девица сверхбдительна, но стоило двери отвориться, до него сразу дошло.

Элис Лоссинг наверняка была самой красивой из всех девушек, каких он видел за всю прошедшую неделю. Если бы он был Элис Лоссинг и жил в многоквартирном доме, непременно завел бы бронированную дверь впридачу, дабы уберечься от хищников.

— Заходите,— пригласила девушка.— Наверное, будет лучше, если я с самого начала предупрежу...

— Интересно, о чем?

— У меня есть пистолет, и я умею им пользоваться.

— И винтовка есть? — по привычке любопытствовал Хоуз.

— Мне и пистолета хватит.

— Лучшее оружие для женщины — молоток,— сказал он.

— Заходите,— повторила она.

Уже в квартире Хоуз рассмотрел Элис. У нее были карие глаза и темные волосы. Роста она была высокого и имела царственную походку.

В гостиной, словно спохватившись, продолжила тему:

— Почему молоток?

— По нескольким причинам. Во-первых, женская горячность. Оказавшись один на один со взломщиком, она может с двух шагов промахнуться. Выпустит всю обойму и останется с пустым револьвером, а это всего лишь неудобная дубинка...

— Я-то стреляю без промаха,— вставила Элис.

— Во-вторых, взломщик, заведя пистолет, обычно стреляет первым, если вооружен. Есть вероятность, что делает он это классно.

— Уж я не промахнусь,— повторила Элис.

— И, в-третьих, если у взломщика на уме насилие, то так или иначе он проявит свое намерение. Молоток — хорошее оружие самозащиты. Если же он вломился, чтобы ограбить, то самое лучшее — позволить ему взять все, что он захочет, а после вызвать полицию. Молоток же служит только для обороны.

— Вы в этом уверены?

— Да,— твердо сказал Хоуз.

— Чушь,— отмела Элис.— Лично я держу пистолет в

* Хранилище золотого запаса США.

прикроватном столике, и всегда заряженный. Застрелю каждого, кто без приглашения проникнет в квартиру. Стрелять буду прицельно, чтобы наповал.

— Редко встречаются такие храбрецы среди девушек,— нашелся Хоуз.— Особенно среди хорошеньких. Так что я рад, что явился по приглашению.

— Вот это ни к чему,— отмахнулась Элис.— Гроша не дам за ваши комплименты.

— Почему?

— Слишком вы обаятельны,— ответила Элис.— Могу потерять голову и ненароком отстрелить себе палец на ноге.

— Об этом я и предупреждал,— сказал Хоуз и тоже улыбнулся.

— Ну, что там у вас?

— Фил Кеттеринг!

— Что с ним? Где он? Вы знаете?

— Мы — не знаем. Кажется, исчез.

— Тоже мне новость,— сказала Элис.

— Когда вы его последний раз видели?

— В прошлом августе.

— И ничего с того времени не слышали?

— Нет,— ответила Элис.— Лично мне он безразличен, но у него осталась моя вещичка.

— Что именно?

— Колечко.

— Как оно к нему попало?

— Сама дала. Как-то мы крепко выпили и решили обменяться кольцами. Он надел мне вот эту дешевку,— она показала правую руку,— а я ему чертовски дорогой выходной перстень. Налез ему на мизинец.

— Можно взглянуть? — попросил Хоуз.

Элис протянула руку. Кольцо было немудрящим, с буквами «ФК» на печатке и зернышком бриллиантика рядом с «К».

— Я его оценивала,— сообщила она.— Ювелир дает не больше пятидесяти долларов. А мое — пятьсот стоило. Если найдете, передайте, чтобы вернул.

— Вы хорошо знаете Кеттеринга?

— Не очень.

— Но достаточно, чтобы доверить перстень?

— Мы были выпивши. Я же сказала.

— Как долго вы были знакомы?

— Около четырех месяцев. Я работаю секретарем в «Миледи». Слышали такой журнал?

— Нет,— признался Хоуз.

— С ним встают и ложатся все женщины Америки,— сказала Элис.

— Сожалею,— однозначно ответил Хоуз.

— Есть о чем. Я думала, полицейские лучше начитаны. Как бы там ни было, я у них секретарь. Как-то раз заявляется Фил — с какими-то фотографиями. Кажется, иллюстрации, как вместе держать бутылочки с лаком для ногтей. Придумал такую деревянную полочку с ячейками...

— И вы познакомились?

— Да. Он назначил свидание. Я согласилась. После этого встречались более или менее регулярно: примерно раз в неделю.

— Вплоть до поездки на охоту?

— Вот, значит, куда он ездил. А мне не сказал.

— А вообще рассказывал об охоте?

— Изредка. В этом деле он был мастак, если верить его рассказам. Говорил, будто выиграл кучу медалей на охотничьих соревнованиях. Хвастался, что классный стрелок. По его словам, во всяком случае.

— Вы видели те медали?

— Одну, по крайней мере. Всегда носил в бумажнике. В самом деле, охотничья. Думаю, он вправду охотник.

— Он вам звонил после возвращения с той охоты?

— Не видела и не слышала о нем с конца августа. Написала несколько писем, чтобы вернул перстень. Ответа не удосужилась. На работу звонила, даже ездила однажды. Оказалось заперто. Вспомнила бы, где живет, и туда бы съездила, можете поверить.

— Выкиньте из головы,— посоветовал Хоуз.— Мы там были.

— Значит, вправду пропал?

— Вправду.

— Куда?

— Неизвестно.

— Хотела бы я знать. Колечко стоило пятьсот долларов...

— Мисс Лоссинг, он внешне привлекательный?

— Фил? Да. Но не как в кино. Пожалуй, мужиковат немного.

— Вспыльчивый?

— Да нет.

— Злопамятный?

— Вряд ли. Хотя и не слишком знаю. Мы всего четы-

ре месяца встречались, по разу в неделю. Кольцами только потому и обменялись, что перепили.

— Дома у него бывали?

— Один раз. Какие-то холмики, задворки...

— А он у вас бывал?

— Конечно.

— Часто?

— За мной заезжал. Раз в неделю. И привозил обратно.

— Я не мастак задавать вопросы,— закруглился Хоуз.— Когда буду уходить, должен дать знать в свой отдел. Могу от вас по телефону. Вы танцуете?

— Да.

— Составьте компанию.

— Это просьба?

Хоуз расплылся в улыбке. Элис Лоссинг на улыбку не ответила.

— Я — дама,— разобиделась она.— Люблю, когда упрашивают.

— А я что делаю? Не хотите ли со мной потанцевать?

— Вы симпатичный,— призналась она.— С удовольствием.

— Ума не приложу, что может делать дома такая красавица, как вы, да к тому же одна, да еще под вечер в пятницу,— сказал Хоуз.

— Вас дожидаться,— ответила Элис.

— Так я вам и поверил.

— Можете позвонить отсюда, если хотите. А пока я переоденусь. После того, как позвоните, вы уже не на службе считаетесь?

— Строго говоря, я всегда на службе. Но фактически буду свободен.

— Тогда налейте себе выпить, когда поговорите.

— Спасибо.

Хоуз позвонил в отдел, после сделал коктейль. В полдесятого они вместе вышли из квартиры. Элис признала Хоуза симпатичным. О чем не уставала твердить весь вечер.

После танцев выпили кофе, потом он проводил Элис домой. Посидели, послушали пластинки. У нее были пухлые пунцовые губы, и он не сдержался, поцеловал. В комнате было чересчур ярко, и они выключили свет...

Артуру Брауну изрядно поднадоели украшавшие его

обиталище балийские девы в натуральную величину. Осточертели четыре стены фургона — якобы от телефонной компании. Мутило от наушников, через которые прослушивал пленки. Тошнило от пустой и глупой суеты, которой были заполнены дни Люси Менкен и ее круга.

Артур Браун мучился скукой, терзал себя нетерпением. Помнил о перегруженных работой товарищах по восемьдесят седьмому участку. Завидовал счастливым, которые расследовали дела, связанные с ограблениями и насилием, убийствами и обманом, прочими живыми и интересными преступлениями. В то время как он вынужден сидеть в конуре, слушать, как хозяйка женского магазина в Пибоди — он успел запомнить этот приторный голос — взхлеб расписывала Люси только что полученные купальники, зазывала примерить.

Браун от души желал, чтобы ей захотелось проехать на примерку. Прихватила бы сына с дочкой. Возможно, и Чарльзу Менкену взбрело бы обзавестись новыми плавками. Хоть ненадолго умолк бы проклятый телефон. Он передохнул бы от сплетен о некоей Патриции Харпер, которая чересчур вольно прижималась к женатым мужчинам на последней вечеринке. Или от перемалывания планов очередного заседания клуба садоводов. Или от телефонного романа восьмилетней Греты с десятилетним Фреклсом.

Короче, не лез бы в частную жизнь добропорядочного и, судя по всему, ничем особым не запятнанного семейства. Разумеется, он слышал, что и взаправдашняя телефонная станция держит подобные фургоны. С целью постоянного контроля за работой автоматизированного оборудования. То есть, строго говоря, не ради подслушивания. Но фургоны оснащены репродукторами, и их люди сидят и слушают. Поэтому, если кто-то считает, что телефонный разговор — дело сугубо частное, то он печально заблуждается. Обычно звук приглушен до еле внятного бормотания, но ничего не стоит его усилить. Так что телефонный разговор настолько же частное дело, насколько частное дело, к примеру, церковный аукцион, и это немного приглушало терзавшее Брауна ощущение вины. В конце концов он ждал звонка, могущего вывести на след преступника. Но укоры совести оставались, а с ними и нетерпение, которым он привычно подавлял в себе эти угрызения.

Когда, наконец, раздался долгожданный звонок, он

приготовился к очередному обмену новостями светской жизни. В доме сняли трубку, и загорелся сигнал записи. Браун нехотя надел наушники. Перед его глазами равномерно наматывалась пленка. «Жучок» в аппарате не пропускал ни слова.

— ...Погодите, сейчас гляну, дома ли она.— Голос горничной. Браун выучил все голоса. Последовала долгая пауза. И вдруг...

— Алло?

— Это миссис Менкен?

До ушей Брауна донесся сдавленный вздох миссис Менкен, словно воздуха ей не хватало.

— Да.

— Ну, обдумали мое предложение?

— Кто это? — перебила Люси.

— Неважно. Друг Сая Крамера. Мне известно все насчет вашего уговора, и, как я сказал, после его смерти надо кое-что поменять. Вам понятно?

— Да, но...

— Вы ведь не хотите, чтобы тот материал попал в газеты?

— Какой материал?

— Только не стройте невинность, миссис Менкен. Вы знаете, о каком материале идет речь, вам меня не провести.

— Ладно,— выдохнула она.

— Вечером хочу с вами встретиться.

— Это зачем? Назовите имя, и я вышлю вам чек.

— Или нашлете легавых?

— Этого я не буду делать.

— Тоже надеюсь, что у вас хватит ума ничего такого не затевать. Материал все равно не у меня, а у друга. Стоит вам сообщить в полицию, все уйдет в газеты.

— Понятно. Но все же, к чему эта встреча?

— Чтобы дела уладить.

— Вы же сказали, что все останется, как при Крамере.

— Хочу повторить еще раз. Чтобы вы знали, что к чему. И не наделали ошибок.

— Ладно,— сдалась Люси.— Где я вас увижу?

— Можете приехать в Город?

— Да.

Браун вытащил карандаш, приготовил блокнот.

— Есть одно местечко на Фильдовер-стрит. Знаете, где это?

- Знаю.
- Называется «У Гампи». Рядом с площадью Мар-стена.
- Когда?
- В восемь устроит?
- Да,— сказала Люси.— Как я вас узнаю?
- На мне будет коричневый костюм из чертовой кожи.— Мужчина помолчал.— Буду читать «Таймс». И помните: без легавых. Попробуйте привести — чихнуть не успеете, как материал попадет в газеты.
- Одна приду,— пообещала Люси.
- Чековую книжку прихватите,— потребовал на-последок мужчина.

Следующий звонок был от Люси Менкен в контору мужа. Предупредила, что задержится: нагрязнула старая, еще по колледжу, подруга,— ее зовут Сильвия Кук,— хотят вместе провести вечер где-либо в Городе. Он не против?

Чарльз Менкен был доверчивый муж верной жены. Нисколько не возражал. Сказал, что пообедаст с детьми в загородном клубе.

Артур Браун кинулся звонить в восемьдесят седьмой участок.

Забегаловку «У Гампи» с одинаковым основанием можно было именовать «На свалке», такой был у нее вид. Звонивший Люси Менкен, кто бы он ни был, прежде всего явил неучтивость к даме. Просто к женщине, наконец.

Сотрудник, явившийся к «Гампи» вечером тринадцатого июля, был в гражданской одежде. К делу Крамера он не имел никакого отношения. Его попросили просто помочь. Звали его Боб О'Брайен. Розыскник второго разряда. Ирландец до мозга костей. Кое-кто из сослуживцев считал, что в полицию он пошел только по одной причине: покрасоваться на парадах в день Святого Патрика. Он был шести футов одного дюйма ростом и весил двести десять фунтов. Если вам случится попасть под кулак О'Брайена, перелом челюсти гарантирован. К счастью, кулаками он пользовался исключительно ради закона, равно как и стопроцентным зрением, и полицейским пистолетом тридцать восьмого калибра.

В тот субботний вечер «У Гампи» ровно в восемь появилась Люси Менкен. Было видно, что она волнова-

лась: часто дышала. Села за угловой столик, напряженно огляделась по сторонам. Человека в коричневой чертовой коже пока не было. Она заказала что-то выпить и стала ждать. О'Брайен тоже заказал, но к стакану так и не притронулся. Тоже ждал.

Мужчина в буром костюме с «Таймс» под мышкой объявился в восемь двадцать пять. Огляделся, ухватил цепким взглядом все помещение, Люси Менкен, и подсел к ее столику. Всего несколько слов было произнесено между ними.

О'Брайен встал с табурета у барной стойки. Небрежным шагом прошелся до столика. Словно невзначай коснулся пальцем бурого пиджака, резко отвернул рукав и прищелкнул «браслет» к запястью мужчины.

— Полиция,— негромко пояснил он.— Следуйте за... А вы отправляйтесь домой, миссис Менкен. О нем мы позаботимся.

Люси немигающе смотрела на О'Брайена.

— Спасибо,— выдавила, наконец.— Вы сломали мне жизнь.

Мужчина в чертовой коже был Марио Торр.

Как только его доставили в комнату для допросов, сразу запротестовал:

— Это явная ошибка. Не знаю, за что меня арестовали.

— Зато мы знаем,— сказал Карелла.

— Знаете? Тогда и мне скажите. Я честный гражданин. Работаю, приношу пользу обществу. Захожу пропустить стаканчик пива, замечаю приятную даму, заговариваю и сразу оказываюсь в браслетах.

— Вас ведь пока и пальцем не тронули, Торр? — уточнил Хоуз.

— Нет, но...

— Тогда заткнись и отвечай, что спросят! — с ходу завелся Мейер.

— Что ты делал «У Гампи»?

— Я же сказал. Забежал выпить пива.

— Вы постоянно посещаете притоны педерастов?

— Откуда мне знать, чей там притон? Заглянул по пути и все.

— Это вы сегодня звонили Люси Менкен?

— Нет.

— Разговор записан.

- То был не я, кто-то другой,— уперся Торр.
- Где фотографии?
- Какие фотографии?
- Которые вы использовали для вымогания денег у Люси Менкен.
- Понятия не имею, о чем вы.
- Это вы меня преследовали третьего дня? — спросил Хоуз.
- Никого я не преследовал.
- Преследовали и ударили. За что?
- Я — вас? Не смешите людей.
- Где фотографии?
- Не знаю никаких фотографий.
- Вы были сообщником Крамера?
- Я был его приятелем.
- А потом убили, чтобы самому вымогать деньги?
- Убил! Боже правый! Что вы мне шьете!
- Лучше сознавайтесь, Торр. Мы и так все знаем.
- Ни с одного бока не причастен к убийству Крамера. И точка.
- Это еще как сказать, Торр.
- Кишка тонка шить мне Крамера.
- Тонка, говоришь? Посмотрим. Выбирай, что больше нравится. Убийство или вымогательство?
- Я только пива выпить зашел,— закончил Торр.
- Мы записали ваш голос.
- Попробуйте втюхать вашу запись суду.
- Где фотографии?
- Знать не знаю никаких фотографий.
- Зачем вы меня преследовали?
- Никого я не преследовал.
- На пленке записано, что вы будете в коричневом костюме чертовой кожи. Что в руке будете держать «Таймс». Ну-ка, что на вас надето и что в руке?
- Суд этого не примет,— огрызнулся Торр.
- Говори, кто были крупные клиенты Крамера? — взревел Мейер.
- На счету Крамера было сорок пять тысяч. Скажите, Торр, это только половина? Общая сумма девять тысяч?
- Сорок пять кусков? — переспросил Торр.— Так значит...
- Что значит?
- Ничего.
- Чего ничего?

- Ничего.
- Люси Менкен платила больше тех пяти сотен, о которых мы знаем?
- И это все, что она...— Торр прикусил язык.
- Стойте! — вмешался Хоуз.
- Все повернулись к нему.
- Минуту помолчите.— Его лицо осветилось догадкой.— Он даже не знает, сколько Люси Менкен платила! Могу спорить, не знает, за что платила. Ты ведь и не подозревал о фотографиях, а, Торр?
- А я о чем толкую. Знать не знаю никаких фотографий.
- Ах, сукин сын! — Хоуз обращался к одному Торру.— Решил, значит, провести СВОЕ расследование? И наблюдал за оперативниками участка, чтобы выйти на Крамеровых клиентов!
- Нет-нет, я...
- Единственное, в чем ты был уверен, так это в том, что клиенты наверняка были. И сам задумал их шантажировать после смерти Крамера. Только не знал, кто и сколько из них платил?..
- Нет-нет, я же сказал...
- Ухватился за ниточку, что вела от нас к Люси Менкен, и позвонил, чтобы сообщить, что теперь ты заменишь Крамера. Она так напугалась, что сразу поверила, будто ты и вправду знаешь о фотокарточках. Вот с чего она тогда засуетилась, попыталась найти их самостоятельно. К Крамеру она успела привыкнуть, знала, чего от него можно ждать. А ты предупредил, что кое-что изменится, и она ломала голову над тем, как далеко ты намерен зайти — вот и решилась попробовать заполучить фотографии.
- Понятия не имею, о чем вы тут...
- А позавчера вечером, когда шел по моему следу, надеялся, что я выведу тебя на других клиентов.
- С ума сойти!
- Пораскинь-ка мозгами, Торр. Ты знал, что у Крамера хорошенькое дельце, и задумал его перехватить. Надоело вкалывать. Захотелось жирного пирога. Насмотрелся на сладкую жизнь Крамера и позеленел от зависти. Вот ты и заполучил где-то машину и винтовку. А потом... взял да и убил...— закончил Хоуз.
- Нет! — истерично выкрикнул Торр.— Клянусь...
- Ты убил! — повысил голос Карелла.
- Нет-нет, ради Бога, я...

— Ты убил! — заорал Мейер.

— Нет-нет, клянусь Богом. Да, я следил за вами, почти за каждым. Это — да. Это я ударил вас тогда вечером, да, хотел выйти на эту Менкен, только Крамера не убивал. Клянусь Богом, не убивал.

— Значит, пытались вымогать деньги у Люси Менкен? — формулировал Хоуз.

— Да-да.

— И напали на меня позавчера вечером?

— Да-да.

— Так и запишем: вымогательство и разбойное нападение.

На этом почти наверняка закончились тревоги Люси Менкен и Эдварда Шлессера — того, что влип в историю с лимонадом. Равно как и третьего, переводившего на счет Крамера по тысяче сто в месяц. Крамера больше не было — и никто не унаследовал его доходный рэкет.

Все должны были радоваться, что они, вероятно, и делали. Все, кроме полицейских.

Крамер был мертв. Его убили. А полиция пока не знала, кто и за что...

Проверили все банки и почтовые отделения. Если Крамер не держал абонементный ящик на вымышленное имя, то документы почти наверняка хранились где-то в другом месте. Крамер был человек аккуратный, сохранил квитанции аж за прошлый сентябрь. Маловероятно, чтобы он проявил беспечность к столь важным бумагам и фотографиям. Тогда где они?

Четверо розыскников двое суток перетряхивали квартиру. Не помогло и содействие Нэнси О'Хары. Обыск ничего не дал.

— Не знаю, что делать, — сокрушался Карелла. — Кажется, завязли.

— Должен же он где-то их держать, — сказал Хоуз. — Но где? Машины! — вдруг осенило его. — «Бьюик» и «кадиллак».

— Думаешь, держал в багажнике или перчаточном ящике? Так, что ли?

— Почему бы и нет?

— На Крамера не похоже, — мотнул головой Карелла. — По моим выводам, он был аккуратный и осторожный. Не думаю, что он мог оставить что-нибудь важное в багажнике машины.

- Давай проверим, чем черт не шутит?
- И то правда,— согласился Карелла.

Сервисный центр «У Джорджа» находился в трех кварталах от дома Сая Крамера. Здесь обслуживались машины Крамера. Здесь они и находились. Джордж оказался желчным человеком с замасленным лицом.

— Покажите-ка бляхи,— первым делом потребовал он.

Карелла с Хоузом продемонстрировали значки.

— Теперь можем говорить,— сказал Джордж.

— Хотим осмотреть Крамеровы машины,— сообщил Хоуз.

— А ордер имеется?

— Нет.

— Привезите.

— Будем благоразумными,— предложил Карелла.

— Будем,— согласился Джордж.— По-вашему, законно проводить обыск, не имея ордера?

— Если следовать букве, то нет,— ответил Карелла.— Нам ведь только и надо что глянуть...

— Предъявите ордер,— не сдавался хозяин.

— Ладно, Коттон, поехали за ордером,— уступили полицейские.

— Желаю успехов, джентльмены,— усмехнулся Джордж.

Маленькая месть удалась. Почти на четыре часа задержала расследование убийства.

Вернулись с ордером в четыре часа дня, в понедельник пятнадцатого июля. Джордж оглядел бумагу, кивнул на гараж.

— Машины там. Обе незаперты. Захотите открыть багажник или перчаточный ящик — ключи на щитке.

— Большое спасибо,— сыронизировал Карелла.

Он взялся осматривать «кадиллак», Хоуз — «бьюик». обстоятельно, без спешки обшарили салоны и даже сиденья поднимали. Ничего не нашли.

— Вот так,— резюмировал Карелла.

— Гм,— скривился Хоуз.

— По крайней мере, в «кадиллаке» посидел,— пытался утешиться Карелла.— Когда еще доведется.

— Да,— согласился Хоуз.

— Видел когда-нибудь движок «кадиллака»? — продолжал Карелла. — В пору ставить на истребитель. Полюбуйся.

Он поднял капот. Хоуз стал рядом.

— Да-а, — вздохнул.

— А как ухаживал, в чистоте держал, — заметил Карелла.

Когда он опускал капот, вдруг его остановил Хоуз:

— Ну-ка, придержи. Что это?

— Где?

— Вон там.

— Где?

— Прикреплено к корпусу.

— Что?

— Стив, поднимай капот.

Карелла поднял капот, глянул, куда показывал Хоуз.

— Запасной ключ, — махнул рукой Карелла. — Магнитная коробочка, которая крепится в укромном месте. Для запасного ключа. На случай, если потеряется основной.

— А, — разочаровался и Хоуз.

— Вот, — Карелла достал коробочку, — видишь. Ячейка по форме ключа... Но...

— Что такое?

— Ключ-то не от машины, — сказал Карелла. — Ну, помогай нам, Господь.

Ключ, найденный в коробке, прикрепленной к двигателю «кадиллака», имел закругленную головку желтого цвета с проставленным на ней номером — несомненно, от ячейки вокзальной камеры хранения. Карелла запросил фирму, поставившую замки. Назвал по телефону номер, и ему в пять минут нашли адрес. Спустя некоторое время сыщики стояли перед ячейкой. В ней оказался саквояж.

Карелла вытащил его, открыл.

В саквояже были четыре плотные папки. В первой лежало с десяток фотокопий письма к Шлессеру от адвоката того человека, что пробовал его лимонад. Во второй были две страницы из бухгалтерской книги фирмы «Эдерль и Крэнкшоу Инк». Обе подписаны главным бухгалтером по имени Энтони Ноульс. Даже беглое сравнение показывало, что вторая страница представляла не что иное, как подправленную первую, которая не

сходилась на тридцать тысяч семьсот сорок четыре доллора и двадцать девять центов. Вторая сходилась до цента. Означенный мистер Ноульс грабанул на тридцать кусков фирму «Эдерль и Крэнкшоу», а после, чтобы скрыть недостачу, искажил балансовый лист. В свою очередь, Сай Крамер неизвестно каким путем раздобыл обе копии и с их помощью вымогал у Ноульса деньги — несомненно, он и был тем клиентом, который платил по тысяче сто долларов в месяц.

— Воровство выходит боком,— резюмировал Карелла.

— Вот тебе и скелет в комодке,— согласился Хоуз.

— Теперь придется искать Ноульса.

— А то как же,— вздохнул Хоуз.— Он, наверное, и пришел Крамера.

Третий конверт содержал шесть негативов и отпечатки с фотографий Люси Менкен, снятой в весьма откровенных позах.

— Хороша,— решил Хоуз.

— Думаешь, она убила Крамера?

— Не знаю,— буркнул Карелла.— Наверняка все ответы в последней папке.

Карелла открыл ее. В ней был только листок бумаги цвета луковой кожуры. На нем было напечатано всего три слова: «Я ВАС ВИДЕЛ!»

Дедукция тоже имеет свои границы.

Можно прибавлять к двум два и получать четыре. Потом отнимать от четырех и получать два. Можно возводить два в квадрат и опять иметь четыре. А после извлекать корень квадратный из четырех и снова иметь два — и по новой.

Но рано или поздно вся эта арифметика, оказывается, не стоит и ломаного гроша.

Как это получилось после ареста Энтони Ноульса. Ноульс быстренько сознается в воровстве и мошенничестве в части подделки записи в бухгалтерской книге, но у него полное алиби на время, когда был убит Сай Крамер. Тогда на помощь приходит интуиция. Она подсказывает, что Крамер вымогал у трех уже известных лиц деньги в разных суммах, произвольно определяемых им самим в самочинной попытке примирить наказание с преступлением. Триста долларов за лимонад с мышинным привкусом. Пятьсот — за раздевание перед фотока-

мерой. Тысяча сто — за подчистку документа ради сокрытия кражи.

Но Крамер имел еще один источник своего процветания. Незвестный благодетель обставил ему квартиру, заплатил за автомобили и гардероб и перекачал сорок пять тысяч на его банковский счет. Первые три папки из саквояжа имели отношение к клиентам, обеспечивавшим Крамеру расхожие суммы на каждый день. Четвертая, в которой содержались три слова «Я вас видел», была машинописной копией оригинала, кому-то, по всей вероятности, отправленного. Был ли в тех словах ключ к решению главного вопроса? Если да, то кому адресовалась записка? И что видел Крамер?

Факты, факты и еще раз факты.

Пропал мужчина по имени Фил Кеттеринг — словно в воздухе растворился. С чего бы? Где он сейчас? Это он убил Крамера? Ему были посланы три слова? И что, черт побери, он увидел?

Факты.

Ну-ка сложим.

Два плюс два дают четыре.

Но иногда дают и ноль.

Коттон Хоуз решил довериться осевшему его шестому чувству.

Случилось это на отдыхе, во внеслужебное время. Если оно подведет, не хотелось расходовать время и средства, принадлежавшие городской казне. Если же он прав, то времени у него с избытком. Но даже и в этом случае все равно оставались неясности...

Утром в понедельник семнадцатого июля Хоуз бодро запрыгнул в автомобиль. Куда едет, никому не сказал. Один раз, сразу после прихода в отдел, ему уже случилось выставить себя в дураках, и он не желал повторения.

Пересек реку. Выехал на Зеленое шоссе. Миновал захолустный городишко, где в прошлый раз познакомился со студенточкой-антропологом Полли. Есть о чем вспомнить. Проехал мимо непреодолимых стен страшной тюрьмы Каствью. Въехал в штат Нью-Йорк и взял курс на Адирондаки и приют Кукабонга.

Джерри Фильдинг узнал машину. Спустился вниз встретить, протянул руку.

— Так и думал, что мы еще встретимся,— сказал.— Ну, нашли Кеттеринга?

— Нет,— сказал Хоуз, отвечая на рукопожатие.— Не нашли.

— Похоже, мало для него хорошего, верно?

— Чего уж тут хорошего,— согласился Хоуз.— Знаете здешние леса?

— Как свои пять пальцев.

— Будете моим гидом?

— Поохотиться собрались? — полюбопытствовал Фильдинг.

— В некотором смысле,— ответил Хоуз. Вернулся к своей машине, вытащил небольшой вещмешок.

— Что у вас там?

— Пара купальных костюмов,— сказал Хоуз.— Сперва проведите меня к озеру.

— Вам что — жарко? — Фильдинг был озадачен.

— Очень может быть,— отвечал Хоуз.— А может, наоборот, холодно. Надеюсь вскорости выяснить.

Фильдинг молча кивнул:

— Я только возьму трубку.

На поиски того места ушел час. За лето разрослась трава, но слабые отпечатки шин проглядывали. Подойдя к берегу, Хоуз заглянул в воду.

— Что-нибудь ищите? — заинтересовался Фильдинг.

— Машину,— ответил Хоуз. И начал расстегивать сорочку и брюки.

— Здесь глубоко,— предупредил Фильдинг.

— Чего и следовало ожидать,— сказал Хоуз, ныряя. Вокруг сомкнулась студеная для июльской поры вода. Оборвались лесные звуки. По мере приближения ко дну Хоуза охватывал сумеречный, безмолвный мир. На дне его покоилась машина, похожая на остов погибшего корабля. Держась за дверную ручку, Хоуз стал на дно. Выпрямился и, прижавшись к двери, попытался заглянуть внутрь. Но ничего не увидел: слишком было темно. Не хватало воздуха. Он оттолкнулся и поплыл наверх.

На берегу ждал Фильдинг:

— Что-нибудь нашли?

Хоуз часто и глубоко вдыхал воздух.

— На какой машине был Фил Кеттеринг? — спросил наконец.

— Кажется, на «плимуте»,— ответил Фильдинг.

— Та, что лежит на дне, тоже «плимут», — сказал Хоуз. — Только не видно, что там внутри. Нам понадобится подводный фонарь и, наверно, ломик, если окажутся заперты двери. Фильдинг, вы умеете плавать?

— Как рыба.

— Отлично. — Хоуз вылез из воды. — Сколько у вас телефонов?

— Два. А что?

— Пока вы по одному закажете все, что потребуется, я созвонюсь с Городом по другому. Надо получить данные об автомобиле. Можете идти вперед, если хотите. Я тем временем нырну еще разок, попробую разглядеть номер.

— Если на дне не видно ни зги, как вы разберете? — резонно спросил Фильдинг.

— И то правда, — уступил Хоуз. — Ладно, пошли за фонарем.

Пока дозванивались до Гриффинса, Хоуз сообразил, что могут понадобиться не только фонарь, но и ломик. Заказал еще и легкие водолазные костюмы с масками и кислородными баллонами. Заказ прибыл ближе к вечеру. Вдвоем с Фильдингом снова спустились к озеру, вместе облачились в костюмы и нырнули.

Опять погрузились в безмолвие. Снова вода сомкнулась вокруг ныряльщиков, резко отгородив от шумов и звуков реального мира. Хоуз держал фонарь, Фильдинг — лом.

Вдруг Хоузу на ум пришла новая мысль.

Если машина действительно Кеттеринга, то догадка имела под собой почву. Сама по себе догадка была немудрящая. Он заподозрил, что Кеттеринга убили здесь, в Кукабонге, — потому-то не нашлось его следов в Городе. Он попросту не вернулся с Адирондаков. Убили и спрятали тело — чего проще? Столь же проста была и вторая часть догадки. Свидетелем убийства нечаянно оказался Сай Крамер. Отсюда слова: «Я вас видел!» Убийца Филадельфия Кеттеринга — лицо, платившее непомерные деньги ради собственного спасения, у которого был повод и для второго убийства, на этот раз Крамера.

То, что пришло на ум вслед за этим озарением, было пострашнее.

Раз Кеттеринга убили в Кукабонге, раз его убийцей был тот, кто потом застрелил Крамера, то что удержит его от третьего убийства?

Разве Джерри Фильдинга не было в Кукабонге, когда

убили Фила Кеттеринга? И разве не у Джерри Фильдинга был ломик в руках, когда они вместе спускались на темное дно?

ЕСЛИ машина была Кеттеринга, ЕСЛИ Кеттеринга убили, то разве не мог его убить Джерри Фильдинг — равно как и любой другой, кто там был?

Коли так, выходило, что спутником Хоуза мог оказаться убийца? При этой мысли он поежился. Оставалось ждать. Он подплыл к автомобилю сзади. Фильдинг был у него за спиной с ломом в руках. Хоуз осветил номерной знак. 39X21412. Он несколько раз повторил про себя цифры, чтобы удержать в памяти. Знаком показал Фильдингу на дверь. Подплыли вместе. Под маской лицо Фильдинга имело искаженный, злой вид. Совсем не тот мягкий, уравновешенный человек, которого Хоуз знал на берегу. Ломик в таких руках был смертельным оружием. Хоуз осветил салон. Но ничего не увидел. Догадался, что если тело Кеттеринга в машине, оно должно лежать на полу. Снова подозревал Фильдинга.

Тот сделал вид, что не понял. Остался стоять на месте, держа лом в руках. Хоуз проплыл вокруг машины, попробовал одну за другой двери. Все оказались заперты. Вернувшись на свое прежнее место, указал на дверь водителя.

Наконец Фильдинг закивал, что понял. Вместе просунули лом. Вместе нажали и вдвоем открыли. Хоуз полез внутрь салона. Пока был в машине, только об одном и думал: Фильдингу всего-то и дел, что захлопнуть дверь, ломиком вставить на прежнее место. И он задохнется в машине, когда кончится кислород. Фильдинг стоял у двери, чего-то ждал.

Хоуз осветил фонариком пол между сиденьями. Машина была пуста. Выбравшись из нее, показал на багажник.

Вместе выломали замок. Багажник тоже оказался пуст.

Если машина и была Кеттеринга, хозяина в ней не было. Вместе всплыли на поверхность. Хоуз быстро оделся, зашагал к дому, набрал бюро регистрации автомобилей. Десятью минутами позже перезвонили, сказали, что машина под номером 39X21412 зарегистрирована на имя Филипа Кеттеринга, проживающего в Песочной Площадке.

Хоуз повесил трубку. Не тот он человек, чтобы скрывать. К тому же ему и в дальнейшем понадобится

помощь Фильдинга, и надо знать, можно ли на него рассчитывать.

— Не сердитесь на меня, ради Бога,— начал он.

— Вам показалось, будто я сержусь? — спросил Фильдинг.

— Не знаю, что мне думать. Машина Кеттеринга на дне озера, а мы не находим ни Кеттеринга, ни его тела. Чувствую, что оно где-то в этом лесу, недалеко от машины. Подозреваю, что его убили на вашем приюте, а Крамер подсмотрел. Потом Крамер стал вымогать деньги с убийцы и этим подписал себе смертный приговор. Вот какие у меня подозрения.

— Такая ваша работа,— сказал Фильдинг.— Понимаю.

— Тогда скажите, где вы находились, когда Кеттеринг в одиночку направился в лес — утром, когда, как считалось, он покинул приют?

— Был дома, пока не позавтракали остальные постояльцы,— ответил Фильдинг.— Потом ездил в Гриффинс.

— Зачем?

— За провизией.

— Вас там видели?

— Я там пробыл все утро, продукты закупал. Уверен, что видели. Если не вспомнят, есть копии лент кассового аппарата. По ним можно установить, когда делались закупки. В Гриффинс я всегда езжу утром. Если найдут копии, то вспомнят, что я пробыл у них все утро. У меня не нашлось бы времени, чтобы убить Кеттеринга, утопить в озере машину и захоронить труп.

— Сами позвоните? — спросил Хоуз.

— Только номер наберу. Говорить будете вы. Хозяина зовут Пит Кэнби. Спросите все, что вам нужно знать.

— Когда отъехал Кеттеринг? — переспросил Хоуз.

— В среду утром,— не раздумывая ответил Фильдинг.— Дайте, я гляну свои записи.

Вернувшись из конторки, сказал:

— Пятого сентября. Итак, я набираю номер, а вы спрашивайте сами.

Хоуз переговорил с владельцем. Пит Кэнби проверил счета. Джерри Фильдинг на самом деле провел у них все утро пятого сентября. Хоуз положил трубку.

— Извините,— сказал.

— Не за что,— буркнул Фильдинг.— Такая ваша ра-

бота. Каждый делает, что ему положено. Теперь, значит, будем искать могилу?

Они что было сил искали, но не нашли...

Убийца — один из троих. Это все, что Хоуз знал. Фрэнк Рутер, Хоаким Миллер или Джон Мэрфи.

Кто именно? Свою игру он решил построить на том, как Люси Менкен среагировала на лжевымогателя Торра.

Хоуз рассчитывал, что убийца поведет себя так же. Если затея удастся, он близок к победе. Если нет, ничего не теряет, будет искать другие варианты. Однако в его логике было несколько ошибок, за которые он едва не заплатил жизнью. В первую очередь то, что никого не посвятил в свои планы.

В Город вернулся под утро, в четыре часа. Устроился в отеле «Паркер» под вымышленным именем Дэвида Гормена. Прямо из номера, по телефону, отправил три одинаковые телеграммы. Рутеру, Миллеру и Мэрфи. Текст был такой:

ЗНАЮ НАСЧЕТ КЕТТЕРИНГА ГОТОВ ДОГОВОРИТЬСЯ
ПРИХОДИТЕ ОТЕЛЬ «ПАРКЕР» НОМЕР 1612 СЕГОДНЯ ДВЕ-
НАДЦАТЬ ДНЯ БУДУ ЖДАТЬ ПРИХОДИТЕ ОДИН ДЭВИД ГОР-
МЕН

Телеграммы ушли в четыре тринадцать утра. В четыре тридцать Хоуз позвонил в отдел, надеясь застать Кареллу. Его не оказалось. Трубку поднял Мейер.

— Восемьдесят седьмой участок, детектив Мейер,— назвался он.

— Мейер, это Коттон. Стив на месте?

— Нет,— ответил Мейер.— Дома. Что стряслось?

— Когда явится?

— Кажется, в восемь утра. Что передать?

— Пусть сразу позвонит мне в отель «Паркер».

— Усек,— сказал Мейер.— В какой номер?

— Тысяча шестьсот двенадцатый.

— Передам.

Хоуз положил трубку, стал ждать. Рано или поздно в дверь постучат и он распахнет ее перед убийцей. Дело во времени. Он сам определил полдень. Сейчас было пять двадцать семь утра. Хоуз снял пистолет, положил на столик у кресла, задремал.

Стук раздался раньше, чем он ожидал.

Очнувшись, он протер глаза, глянул на часы. Девять. Комната была залита светом.

— Кто? — спросил он.

— Посыльный, — донеслось из-за двери.

Он встал, открыл дверь, забыв на столике пистолет.

Перед ним стояли... убийцы.

Все ТРОЕ...

В руках у каждого был пистолет.

— В комнату! — скомандовал Рутер.

— И быстрее! — прибавил Мэрфи.

— И чтобы ни звука! — предупредил Миллер.

Они бесшумно вошли в комнату. Миллер запер дверь. Мэрфи занял место у окна, опустил штору. Рутер метнул взгляд на пустую перевязь.

— Где пистолет? — потребовал.

Хоуз кивнул на столик.

— Возьмите-ка, Джон, — сказал Миллер, обращаясь к Мэрфи.

Старик взял со стола пистолет. Сунул за пояс брюк.

— Совсем не вас ожидали увидеть, мистер Хоуз, — сказал Рутер. — Думали, в самом деле есть этот Дэвид Гормен. Кто-нибудь знает...

В этот момент зазвонил телефон. Хоуз колебался.

— Ответьте, — приказал Рутер.

— Что мне сказать?

— Кто-нибудь знает, что вы здесь? — спросил Миллер.

— Нет, — солгал Хоуз.

— Наверно, портье. Отвечайте нормальным голосом. Говорите, что спросят. И без глупостей.

Хоуз поднял трубку.

— Коттон? Это Стив, — донесся голос Кареллы.

— Да, комната тысяча шестьсот двенадцать, — сказал Хоуз.

— Что?

— Мистер Хоуз у телефона.

Карелла недоуменно молчал. Хоуз почти чувствовал напряжение его мозга. Наконец Карелла открыл рот.

— Значит, комната тысяча шестьсот двенадцать, мистер Хоуз у телефона. А дальше?

— Да, я заказывал завтрак, — сказал Хоуз. — Только не десять минут назад.

— Что-что? — соображал Карелла. — Послушай, Коттон...

— Если угодно, могу повторить заказ, — продолжал

Хоуз,— только не могу понять, почему... Ладно, пишите: сок, кофе, гренки. Да, все.

— Это Коттон Хоуз? — переспросил сбитый с толку Карелла.

— Да.

— Но какого черта...

Хоуз прикрыл микрофон.

— Хотят прислать завтрак,— сказал он.— Соглашаться?

— Нет,— сказал Рутер.

— Пусть,— махнул рукой Мэрфи.— Могут заподозрить неладное.

— Он прав, Фрэнк,— сказал Миллер.

— Ладно, пусть присылают. Но без фокусов.

Хоуз снял с трубки ладонь:

— Алло?

— Коттон,— явно сдерживаясь, начал Карелла.— Я только пришел в отдел. Задержался. Мейер оставил записку. Передал, чтобы позвонил в отель «Паркер» и...

— Прямо сейчас и приходите. Сейчас и приносите. Комната тысяча шестьсот двенадцать. Жду,— оборвал Хоуз.

— Что он сказал? — спросил Рутер.

— Сказал, сейчас пошлет.

Хоуз лихорадочно соображал, сколько надо, чтобы машина с включенной сиреной домчалась до отеля.

— Не позднее, чем через пятнадцать минут,— сказал и сразу пожалел, что не дал полчаса. Что, если Карелла не понял?

— Я ждал только одного из вас,— начал Хоуз.

— Как мы не догадались,— огорчился Рутер.— Очень уж загадочно было это «приходите один» в ваших телеграммах. Если вы знали насчет Кеттеринга, значит, знали, что нас трое. Тогда к чему «приходите один»? Вот мы и решили: это чтобы каждый пришел сам по себе, без полиции. Ошиблись, верно?

— Да,— признал Хоуз.

— Так вы знаете насчет Кеттеринга?

— Знаю, что его машина на дне озера в Кукабонге. Предполагаю, что он захоронен где-то в лесу. Что еще надо знать?

— Много,— ответил Миллер.

— Зачем вы его убили? — спросил Хоуз.

— Это было...— начал Миллер, но Рутер резко оборвал:

— Заткнись, Хоаким!
— Какая теперь разница? — спросил Миллер. — Забыл, зачем мы явились?

— Он прав, Фрэнк, — сказал Мэрфи. — Какая разница?

— Зачем вы убили Кеттеринга? — повторил Хоуз.
Миллер взглядом попросил разрешения у Рутера. Тот кивнул.

— Несчастный случай, — вздохнул Миллер. — Случайно убили.

— Кто именно убил?

— Сами не знаем, — сказал Миллер. — Охотились мы вместе, все трое. Вдруг увидели что-то похожее на лису и выстрелили — все вместе. Лиса оказалась Кеттерингом. По вскрику поняли. Когда прибежали, он был уже мертв. Так и не узнали, чья пуля убила.

— Только не моя, — решительно сказал Мэрфи.

— Этого вы не знаете, Джон, — возразил Рутер.

— Нет, знаю. Я стрелял из «дикаря-300», а вы из ружей двадцать второго калибра. Если б то была моя пуля, ему бы оторвало...

— В этом вы не можете быть уверены, — повторил Рутер.

— И все же, что произошло? — спросил Хоуз.

— Мы очутились наедине с трупом среди леса, — начал рассказывать Миллер. По верхней его губе сползала капля пота. Рождаемые тяжелыми переживаниями, слова шли трудно, с запинками. — В лесу было тихо, ни звука. Только шум от нашего дыхания. Помните, Фрэнк? Как вдруг стало тихо после вскрика Кеттеринга?

— Еще бы, — кивнул Рутер. — Такое не забудешь.

— Мы молча стояли вокруг тела, а за нашими спинами сомкнулся затихший лес.

Видно было, что они втроем заново переживают сейчас то, что случилось в Адирондаках.

— Мы не знали, что делать, — сказал Миллер.

— Только не я! Я предлагал сообщить в полицию, — запротестовал Мэрфи.

— Как, черт побери, мы могли это сделать! — разозлился Рутер. — Ведь он был мертв! И вы знали, что мертв.

— Но ведь произошел несчастный случай.

— Какая разница? Скольких людей отправили на электрический стул из-за несчастных случаев?

— Надо было сообщить.

— Ни в коем случае! — выкрикнул Миллер. — А если бы нам не поверили? Решили бы, что убийство предумышленное?

— Поверили бы.

— Даже если бы и поверили, — вмешался Рутер, — интересно, помог бы моим делам скандал?

— Или мне? — прибавил Миллер.

— Наши портреты красовались бы во всех газетах. К каждому навсегда прилипло бы несмываемое клеймо: убийца. Можно с ним жить?

— Все равно надо было сообщить, — упорствовал Мэрфи.

— Правильно мы поступили, — сказал Миллер. — Никто не видел. И не узнает.

— Но ведь произошло убийство. Надо было...

— Что вы заладили одно и то же. Он мертв, черт побери, мертв! Вам не терпелось, чтобы на вас накинлись газетчики и полицейские? Чтобы превратили в ад вашу жизнь? Хотелось, чтобы из-за глупой случайности пошло прахом все, ради чего вы всю жизнь трудились? Скажите, можно сделать человеку хуже, если он уже мертв? Мы знали, что он одинок, что из близких у него только сестра, с которой он не очень-то ладит. Что нам оставалось делать? Ради мертвого пустить под откос собственные жизни? Рассчитывать на снисходительность закона? Правильно мы поступили, так и следовало действовать в нашем положении. То был единственный выход. Тогда мы похоронили его, а потом сняли с тормоза машину, заперли двери и закатали в озеро. Мы были уверены, что нас никто не видел.

— Надо было сообщить, — сказал Хоуз. — В лучшем случае сочли бы неумышленным убийством. Несчастный случай на охоте. Могли отделаться легким испугом.

— У нас не было времени на юридическую консультацию, мистер Хоуз, — съязвил Рутер. — Только на то и хватило, чтобы действовать, и мы поступили, как считали лучше для нас. А что бы вы сделали?

— Обязательно заявил бы в полицию, — твердо сказал Хоуз.

— Может, да, а может, и нет. Это сейчас легко говорить, сидя в мягком кресле. Нам же надо было принимать решение и принимать быстро. Вы когда-либо убивали человека, мистер Хоуз?

— Нет, — ответил Хоуз.

— А я говорил: надо заявить, — настаивал на своем

Мэрфи.— Это вы испугались. Труссы! Напрасно я пошел у вас на поводу.

— Однако пошли, а коли так — заткнитесь! — рявкнул Миллер.— Откуда нам было знать, что за нами подсматривают?

— Крамер? — уточнил Хоуз.

— Да,— сказал Рутер.— Этот ублюдок.

— Когда вы получили записку такого содержания: «Я ВАС ВИДЕЛ»?

— Как только вернулись домой.

— А дальше?

— Он позвонил. В один сентябрьский день мы с ним встретились в Городе. Он сказал, что считает всех нас в равной мере виновными в убийстве. Сообщил, что видел, как мы стреляли, как похоронили Кеттеринга, а после избавились от машины. А поскольку он счел нас одинаково виноватыми, и раз уж, по его словам, таковыми мы и были в глазах закона, то он соответственно рассчитывал на воздаяние. Потребовал тридцать шесть тысяч долларов — с каждого по двенадцать.

— Вот, значит, откуда эта лихорадка трат в прошлом сентябре! А потом?

— В октябре вдруг является с новым требованием,— продолжал Рутер.— Еще по десять тысяч с каждого — всего тридцать. Говорит, это последнее. Мы не смогли достать деньги сразу, поэтому он согласился на два взноса: в октябре и январе. В октябре набрали двадцать одну тысячу, а оставшиеся девять тысяч выплатили в январе.

— Как мы не догадались,— досадовал Хоуз.— Каждый вклад был на сумму, кратную трем. До чего просто! Ну, а апрельский вклад? Тот, что на пятнадцать тысяч?

— Он не давал о себе знать всю зиму. Мы почти поверили, что те тридцать тысяч — его последнее требование,— сказал Мэрфи.— Как вдруг, в апреле, снова позвонил. Потребовал еще пятнадцать тысяч. Клялся, что уже конец. Собрали и эти деньги.

— Они оказались последними?

— Нет,— ответил Мэрфи.— Если бы так, Крамер остался бы жив. В следующий раз позвонил в начале июня. И снова потребовал пятнадцать. Тогда мы и решили его убить.

— Он высосал из нас все соки! — выкрикнул Рутер.— Я только-только встал на ноги. Каждый цент, что зарабатывал, переводил на счет проклятого Крамера!

— Если вообще можно оправдать убийство,— сказал Миллер,— то убийство Сая Крамера было оправдано.

— Целый месяц выслеживали,— начал рассказывать Мэрфи.— Составили график. Точно знали, где и в какие часы он бывает. Двадцать шестого июня купили «дикарь-300».

— Почему именно эту марку?

— Во-первых, нас посетила глупая мысль обезобразить Крамера до неузнаваемости. И, во-вторых, у меня есть свой «дикарь»,— ответил Мэрфи.— Мы решили, что если дело дойдет до проверки, то моя винтовка, а заодно и я, будут вне подозрения.

— А кто стрелял? — спросил Хоуз.

Все трое молчали.

— Впрочем, вы действовали по сговору,— пояснил Хоуз.— Так что это неважно.

— Стрелял самый меткий,— наконец сказал Рутер.— Таким будет наш ответ.

— За рулем был Мэрфи?

— Разумеется,— подтвердил Мэрфи.— Я ведь отлично вожу машину.

— А что делал третий?

— Сидел со вторым ружьем у заднего окна. Мы не хотели стрелять из разного оружия, если не выйдет промаха с первого выстрела. Хотели представить дело так, будто убил один.

— Это вам почти удалось,— сказал Хоуз.

— Не «почти», а удалось,— поправил Рутер.

— Посмотрим. Вашим делом занимается куча людей. Еще одно убийство ничуть не поправит ваше положение.

— Но и не ухудшит. Убийство при отягчающих — это и есть убийство при отягчающих. Дважды на электрический стул не сядешь.

— И куда вы дели ту винтовку? — будто не слышал Хоуз. После звонка Кареллы миновало добрых двадцать минут. Взвешивая вероятность того, что Карелла не придет вовсе, Хоуз присматривался к каждому из гостей.

— То, о чем вы сразу подумали,— ответил Рутер.— Разобрали и зарыли в разных местах.

— Ясно,— сказал Хоуз.— Слабейшим звеном явно был Мэрфи, старик с трясущимися руками, хоть и при двух «пушках».

Тут Хоуз впервые обратил внимание на то, что единственный в комнате пистолет без глушителя — его собственный, тот, что торчал за поясом у Мэрфи.

— Вы купили эти пистолеты? — поинтересовался Хоуз.

— Они из моей коллекции, — ответил Мэрфи. — Их мы тоже зароем — после того как используем.

— Мэрфи, вы даете себя заманить в смертельную ловушку, ведь вы меньше других запятнаны, — схитрил Хоуз.

— Разве не вы только что сказали, что мы действовали по сговору, — заспорил Мэрфи. — Я старый человек. Не старайтесь втереть мне очки — не выйдет.

— Точно, старый, — неожиданно согласился Хоуз.

— Гм? Это в каком смысле?

— Держите меня под прицелом пистолета с опущенным предохранителем!

— Что? — переспросил Мэрфи.

Его взгляд только на миг скользнул вниз, но этого и добивался Хоуз. Он метнулся через комнату и намертво вцепился в его правое запястье. Уже после того как, ударив старика по лицу, повалил его на пол, услышал глухой хлопок выстрела и увидел, как дюймах в шести от головы от пола отскочила щепка. Но теперь в его руке был пистолет Мэрфи. Хоуз распластался на полу и выстрелил. Пистолет был совсем беззвучный. Последующая сцена была сыграна с холодным умом, только вместо грохота раздавались еле слышные, но от того еще более страшные вздохи. Первым уложил Рутера. Теперь на полу было двое, оставался один.

Миллер уперся спиной в дверь, целясь.

— Бросай оружие, Миллер! — заорал Хоуз. — Я не шучу!

Миллер колебался, потом уронил пистолет. Хоуз отшвырнул его ногой и вернулся к Мэрфи. Старик лежал без сознания, так и не успев вытащить из-под ремня четвертый пистолет. Корчась от боли, зажимая рукой рану на плече, орал Фрэнк Рутер:

— Почему вы не стреляли, дурень? Почему не стреляли?

В ответ Миллер сказал замогильным голосом:

— Я никудышный стрелок.

Тут с треском распахнулась дверь. Сперва в комнату просунулась нога Стива Кареллы. За ней правая рука с револьвером. Наконец, появился он сам. Окинув комнату взглядом, пожал плечами.

— Значит, все кончено?

— Включая стрельбу, — сказал Хоуз.

— И Крамера они убили?
— Угу.
— Гм,— неопределенно хмыкнул Карелла.
— Ты, однако, мчался на всех парах, невзирая на правила движения,— упрекнул Хоуз.

— Сперва я решил, что ты шутишь, когда услышал тебя по телефону,— оправдывался Карелла.— Прошло не меньше пяти мнут, пока до меня дошло, что ты в опасности. Потом задержался по дороге.

Хоуз пошел к телефону, снял трубку, дождался ответа телефонистки. Попросил:

— Ф7-8024, пожалуйста.

Тем временем Карелла надевал «браслеты» на Миллера и Мэрфи.

— Восемьдесят седьмой участок, сержант Мерчисон,— послышался, наконец, знакомый голос.

— Дейв, это Коттон. Нахожусь в отеле «Паркер». Нужен фургон...

ОХОТА ЗА ПРИЗРАКОМ

Январь.

Погода в том году никак не соответствовала календарю. В декабре не было даже намека на белое Рождество, ни единой снежинки на мостовой. И хотя тучи то и дело сгущались над изрезанной крышами небоскребов линией горизонта, тем не менее вместо снега шел дождь. Не было ни обжигающего лицо ветра, ни ледяного узора на стекле, но и тепла тоже не было. Над городом торжествовал мрак — все сделалось серым.

Серая пелена облаков, оседая с неба на землю, наглухо укутывала городские строения, серые сами по себе от оседавшей на них веками копоти, свинцовый туман стелился по серому бетону тротуаров и темно-серому асфальту мостовых и вместе с немногочисленными прохожими серыми клубами катился по улицам города, усугубляя и без того наводящую уныние безысходность января. Январь — первый месяц года. В нем тридцать один день. Но для человека, лежавшего у стены в подвале, не будет больше ни дней, ни лет.

В голове у него торчал топор.

Это был не маленький топорик, а самый настоящий колун, которым рубят деревья и колют дрова. Удар клинообразным металлическим лезвием был, по-видимому, нанесен с такой силой, что раскроил убитому голову, а потому все вокруг было забрызгано кровью, хотя надобности в этом ударе никакой не было, ибо на теле и лице убитого насчитывалось не менее двадцати ранений. Убитый, несомненно, был мертв еще до того, как убийца вонзил лезвие топора ему в череп, — изогнутое топорщице отбрасывало тень на серой стене, забрызганной кровью.

Кровь не пахнет.

В подвале пахло угольной пылью, человеческим потом и даже мочой от одного из бункеров с углем возле топки,

но запаха крови детектив Стив Карелла не чувствовал. Щелкали фотокамерами полицейские фотоаппараты, а помощник врача, убедившись, что человек мертв, ждал, пока очертят мелом его силуэт на полу, прежде чем увезти тело в морг для вскрытия, как будто это надо, когда у человека из черепа торчит топор. Детектив Коттон Хоуз был занят беседой с двумя полицейскими из городского уголовного розыска, а Карелла присел на корточки перед мальчиком лет семи, который изо всех сил старался не смотреть туда, где лежал мертвец.

— Ну-ка, сынок, скажи, как тебя зовут? — спросил Карелла.

— Мики, — ответил мальчик.

— Мики кто?

— Мики Райан. А у нас теперь будет жить привидение?

— Нет, сынок, не будет.

— Откуда вы знаете?

— Привидений вообще не бывает, — твердо произнес Карелла.

— Это вы так думаете, — не согласился Мики. — А мой папа один раз видел привидение.

— На этот раз привидения не будет, — стоял на своем Карелла. — Лучше расскажи мне, что ты видел, а, Мики?

— Я спустился в подвал за велосипедом и увидел его, — ответил Мики. — Вот и все.

— Именно там, где он лежит? У стены?

Мики кивнул.

— А где твой велосипед, Мики?

— За бункером.

— А как же ты оказался здесь, по эту сторону бункера? Ты что-нибудь услышал?

— Нет.

— Зачем же ты подошел сюда? Твой велосипед совсем в другой стороне подвала.

— Из-за крови, — объяснил Мики.

— Что?

— По полу текла кровь, вот я и пошел посмотреть. Я не сразу понял, что случилось, и подошел поближе. Тут-то я и увидел мистера Лассера.

— Его так зовут?

— Да. Мистер Лассер.

— А имя его ты знаешь?

— Джордж.

— Джордж Лассер, верно?

Мики кивнул.

— И мистер Лассер — управляющий в вашем доме, верно?

— Да,— снова кивнул Мики.

— Хорошо, Мики. А что ты сделал, когда увидел мистера Лассера?

— Я побежал.

— Куда?

— Наверх.

— Куда наверх?

— К маме.

— А потом?

— Я сказал ей, что мистер Лассер лежит мертвый в подвале, а в голове у него торчит топор.

— А потом?

— Потом она спросила: «Правда?» — и я ответил, да, правда, и она позвонила в полицию.

— Мики, ты видел в подвале кого-нибудь, кроме мистера Лассера?

— Нет.

— Встретил ли ты кого-нибудь, когда спускался в подвал?

— Нет.

— А когда бежал наверх?

— Нет.

— Извините, в чем дело? — слышался чей-то голос, и Карелла, подняв глаза, увидел высокую, с неприметными чертами лица блондинку в накинутом на плечи легком пальто. Оттолкнув патрульного, который стоял у входа, она вошла в подвал.

— Я мать этого мальчика,— сказала она.— Не знаю, что говорится в законе, но уверена, что у вас нет никаких прав допрашивать семилетнего ребенка в подвале дома и, кстати, в любом другом месте!

— Миссис Райан, насколько я понимаю, мой напарник попросил у вас разрешения...

— Он не сказал мне, что вы снова поведете мальчика сюда.

— Я уверен, он не...

— Только я на минуту отвернулась, как ваш напарник и мальчик исчезли, и я понятия не имела, куда они делись. Неужели вы не понимаете, я сама вся на нервах из-за того, что семилетний ребенок нашел в подвале — только представьте себе — мертвеца с топором в черепе, а потом снова исчез из дома неизвестно куда.

— Он все время здесь, миссис Райан,— сказал Карелла.— Цел и невредим.

— Да, а рядом лежит окровавленный труп, с которого он не сводит глаз.

— Прошу прощения, миссис Райан.

— Ему всего семь лет, и подобная пытка для него невыносима. Мы ведь живем в цивилизованной стране, если вы помните.

— Помню, мэм. Но именно он обнаружил тело, и мы решили, что было бы гораздо легче восстановить картину происшедшего, если бы...

— Позвольте заметить, что он уже достаточно помог вам,— не уступала миссис Райан.

— Конечно, миссис Райан,— согласился Карелла.— Спасибо вам за помощь.

— Вы что, смеетесь надо мной, что ли? — возмутилась миссис Райан.

— Ни в коем случае, мэм. Я искренне вам благодарен,— сказал Карелла.

— Чего еще ждать от легавых? — поджала губы миссис Райан и, схватив сына за руку, потащила его за собой.

Карелла вздохнул и направился туда, где Хоуз разговаривал с двумя полицейскими из городской уголовки. Ни одного, ни другого он не знал.

— Карелла,— представился он.— Из восьмьдесят седьмого участка.

— Фелпс,— назвал себя один из них.

— Форбс,— сказал другой.

— А где Моноган и Монро? — спросил Карелла.

— В отпуске,— ответил Фелпс.

— В январе?

— А почему бы и нет? — отозвался Форбс.

— У них обоих неплохие дома в Майами,— объяснил Фелпс.

— Поэтому они вполне могут смотаться туда в январе,— добавил Форбс.

— Во Флориде это лучшее время года,— сказал Фелпс.

— Еще бы! — подтвердил Форбс.

— Что вам уже удалось выяснить? — спросил Фелпс, меняя тему разговора.

— Убитого зовут Джордж Лассер,— сказал Карелла.— Он был в этом доме управляющим.

— То же самое мне сказали и жильцы дома,— подтвердил Хоуз.

— А сколько, по-твоему, ему было лет, Коттон?
— Жильцы говорят, больше восьмидесяти.
— И с чего это кому-то понадобилось убивать такого старца? — полюбопытствовал Форбс.

— Который вот-вот сам отдаст Богу душу,— добавил Фелпс.

— У нас один раз случилось убийство на углу Седьмой и Кавера...— принялся рассказывать Форбс.— Знаете это место?

— Вроде да,— отозвался Карелла.

— Убитому оказалось сто два года. Как раз был его день рождения.

— Правда?

— Ей-богу. Его шлепнули в ту минуту, когда он разрезал праздничный торт. Он так и упал лицом в этот торт со ста тремя свечками, одну лишнюю поставили с пожеланием прожить еще год. Упал и тут же отдал концы.

— И кто же его убил? — спросил Хоуз.

— Его мамаша,— ответил Форбс.

На секунду наступило молчание.

— По-моему, вы сказали, что убитому было сто два года,— заметил Хоуз.

— Совершенно верно,— откликнулся Форбс.

— Тогда сколько же лет было его матери?

— Сто восемнадцать. Она вышла замуж в шестнадцать лет.

— А почему она его убила?

— Терпеть не могла его жену.

— Понятно. Значит, у него была жена?

— А почему бы и нет?

— А ей сколько было лет?

— Двадцать семь.

— Хватит трепаться,— не выдержал Хоуз.

— Он думает, я шучу,— сказал Форбс, толкнув локтем Фелпса.

— Он не шутит,— засмеялся Фелпс.

— У нас в городской уголовке кого только не встретишь,— пояснил Форбс.

— Еще бы,— усмехнулся Хоуз.

Фелпс посмотрел на часы.

— Нам пора,— объявил он.— Вы, ребята, держите нас в курсе, идет?

— В трех экземплярах,— добавил Форбс.

— Мы потрясены тем, что вы вообще явились сюда в такой холод,— сказал Карелла.

— Сегодня еще не очень холодно,— отозвался Форбс.— У нас выпадают дни, когда зуб на зуб не попадает.

— Послушайте,— заговорил Хоуз с таким видом, будто его озарила гениальная мысль,— а почему бы вам самим не заняться расследованием этого дела?

— Нет,— решительно сказал Форбс.

— Не полагается,— добавил Фелпс.

— Правила не позволяют,— объяснил Форбс.

— Убийство должен расследовать тот участок, куда впервые о нем сообщено,— сказал Фелпс.

— Конечно, только я думал...

— Нет.

— Я думал,— настаивал Хоуз,— что, поскольку вы такие эксперты по гериатрии, то вам и карты в руки...

— По чему?

— По гериатрии,— повторил Хоуз.

— По чему?

— Ладно, забудем,— сказал Хоуз.

Краем глаза Карелла заметил, что в подвал спустился патрульный и, стоя у подножия лестницы, зовет его.

— Извините,— сказал он и быстро пошел к лестнице.— В чем дело? — спросил он у патрульного.

— Стив, мы тут задержали какого-то малого, который прогуливался между домами в одной рубашке, без пиджака. По-моему, погода вроде не та, чтобы ходить раздетым, а? На улице не больше сорока двух градусов*.

— Где он? — спросил Карелла.

— Мы отвели его наверх.

Карелла повернулся и помахал Хоузу.

— В чем дело? — подошел к нему Хоуз.

— Патрульные задержали между домами человека. В одной рубашке.

— Ого! — удивился Хоуз.

Человек, который бродил по улице, оказался негром могучего телосложения. На нем были только хлопчатобумажные брюки и белая рубашка с распахнутым воротом. Он был очень темнокожим, свирепым на вид, с перебитой переносицей и такими мышцами, что они выпирали из-под рубашки. Он был в кедах, и, когда Карелла с Хоузом приблизились, он, казалось, балансировал на цыпочках, как заправский боксер, готовясь наносить

* По Фаренгейту, что приблизительно равно $+5^{\circ}$ по Цельсию.

удар за ударом. Рядом с ним стоял патрульный с дубинкой в руках, но негр не обращал на него никакого внимания. Прищутив глаза и широко расставив для равновесия ноги, он смотрел на приближающихся к нему детективов.

— Как тебя зовут? — спросил Карелла.

— Сэм.

— А фамилия?

— Сэм Уитсон.

— Что ты делал в проходе между домами, Сэм?

— Я здесь работаю, — ответил Уитсон.

— Кем?

— Я работаю у мистера Лассера.

— Что ты делаешь?

— Я колю для него дрова, — ответил Уитсон.

На секунду наступило молчание. Карелла посмотрел на Хоуза, потом снова на Уитсона. Двое патрульных — тот, что стоял рядом с Уитсоном с дубинкой наготове, и второй, который приходил за Кареллой, — оба одновременно сделали шаг назад и положили руку на кобуру револьвера.

— А что ты делал здесь в проходе, Сэм? — спросил Карелла.

— Я вам сказал. Я работаю у мистера Лассера. Я колю для него дрова.

— Ты колол там дрова?

— Да, сэр, — ответил Уитсон, а затем изо всех сил замотал головой: — Нет, сэр. Я только готовился колоть дрова, сэр.

— Как ты это делаешь? — спросил Хоуз. — Готовишься, хочу я сказать.

— Я шел за топором.

— А где топор?

— Мы держим его в кладовой вместе с другим инвентарем.

— Где именно?

— Вон там.

— Где вон там?

— В кладовой, где весь инвентарь, — ответил Уитсон.

— Ты что, смеешься надо мной, Уитсон? — спросил Хоуз.

— Нет, сэр.

— И не вздумай, советую тебе.

— Никак нет, — ответил Уитсон.

Карелла молчал и не сводил с негра глаз. Выражение

лица у того было зверским, а сам он казался вполне способным голыми руками снести дом. Да и на вопросы Хоуза отвечал так, словно намеренно уходил от ответа, и даже посмеивался, вполне возможно, из желания спровоцировать драку. Если этот человек решит пустить в ход кулаки, не сомневался Карелла, то он уж не успокоится до тех пор, пока не сокрушит все вокруг. Встретившись с таким типом на улице, следовало снять шляпу и, сказав: «Всего хорошего, сэр», убраться восвояси. Если, конечно, ты не полицейский. В данном же случае полагалось разузнать, почему Уитсон шляется в проходе между домами в одной рубашке, когда на улице такой холод, а рядом в подвале лежит человек, в черепе у которого застрял топор. Все это следует выяснить незамедлительно, а поэтому Уитсон должен понять, что от него ждут прямых ответов на прямые вопросы. Не забыть бы только, что стоит ему протянуть руку и схватить тебя за горло, как от тебя останется лишь мокрое место. И кто только посоветовал тебе стать полицейским?

— Ты можешь толком сказать мне, где кладовая с инвентарем? — спросил Хоуз.

— Я уже вам сказал. Вон там.

— Может, укажешь расположение, Уитсон?

— Чего?

— Скажешь, где она находится.

— Возле веревки для белья.

— А где веревка?

— На столбах.

— А где столбы?

— Вон там,— сказал Уитсон.

— Хватит умничать,— разозлился Хоуз.— Если ты намерен таким образом...

— Подожди, Коттон,— остановил его Карелла. Прислушавшись к Уитсону, он вдруг понял, что тот на самом деле старается им помочь. Только волею природы он выглядел таким могучим, свирепым и страшным, а вот соображал тугο. Поэтому он и стоял перед ними, похожий на колосса, готового мстить за семь смертных грехов, отвечал на вопросы, как умел, а им думалось, что он смеется над ними и провоцирует драку.

— Сэм,— тихо сказал Карелла,— мистер Лассер умер.

Уитсон недоуменно заморгал.

— О чем вы говорите? — спросил он.

— Он умер. Его убили. Поэтому, Сэм, постарайся

вникнуть в то, о чем мы тебя спрашиваем, и говори правду, когда отвечаешь, потому что теперь, раз ты знаешь, что человека убили, то понимаешь, что можешь оказаться в весьма неприятной ситуации, ясно?

— Я его не убивал,— сказал Уитсон.

— Никто и не говорит, что его убил ты. Мы просто хотим знать, что ты делал в проходе между домами в одной рубашке, когда на улице стоит такой холод.

— Я собирался колоть дрова,— ответил Уитсон.

— Какие дрова?

— Для растопки.

— Сэм, котельная в этом доме топится углем.

— Да, сэр.

— Тогда зачем же колоть дрова?

— У некоторых из жильцов в квартирах есть камин. Мистер Лассер привозит в своем грузовике обрубки деревьев, а я колю их на дрова, за что он платит мне пятьдесят центов в час. А потом продает дрова жильцам.

— Ты работаешь на него ежедневно, Сэм?

— Нет, сэр. Я прихожу на работу по средам и пятницам. Но в этом году Новый год пришелся на среду, и мистер Лассер сказал мне, что я могу не приходить, поэтому в эту среду я не работал, а пришел сегодня. В пятницу.

— Ты всегда приходишь в это время?

— Да, сэр. В три часа дня. Да, сэр, я всегда прихожу в это время.

— А почему так поздно?

— Я работаю и в других домах по соседству.

— Делая что?

— Помогаю управляющим.

— Как ты получил эту работу у мистера Лассера? — спросил Карелла.

— Я выпросила ее для Сэма,— донесся голос из открытых дверей, и когда они повернулись, то перед ними предстала худая негритянка с угрюмым лицом и горящими глазами. На ней был цветастый халат и мужские шлепанцы, но она прошла мимо патрульных с большим достоинством и, выпрямившись и высоко подняв голову, встала рядом с Уитсоном. Теперь она казалась еще более худенькой и хрупкой. Но Карелла, взглядевшись в нее, вдруг заметил схожесть черт ее лица и лица Уитсона и понял, что это его мать. Словно в подтверждение его догадки, она тотчас спросила:

— Что вы делаете с моим мальчиком?

— Вы его мать, мэм? — заинтересовался Хоуз.

— Да,— ответила она. Она говорила отрывисто, а голове наклоняла набок, словно держа собеседника под прицелом и собираясь всадить ему пулю между глаз в том случае, если он станет ей возражать. Поджав губы и сложив руки на тщедушной груди, она, точно так же, как и ее сын несколькими минутами раньше, нервно балансировала на цыпочках, будто ожидая, что у подъезда вот-вот начнут линчевать негров.

— Мы хотим кое о чем его расспросить,— сказал Карелла.

— Мой сын не убивал мистера Лассера,— заявила она, глядя Карелле в глаза.

— Никто этого и не утверждает, миссис Уитсон,— ответил Карелла, тоже не сводя с нее взгляда.

— Тогда о чем его расспрашивать?

— Миссис Уитсон, примерно полчаса назад, а именно в два двадцать семь, если говорить точно, то есть уже более получаса назад, нам позвонила некая миссис Райан, проживающая в этом доме, и сообщила, что ее сын, спустившись в подвал, нашел там мертвого управляющего этим домом — в черепе у того торчал топор. Мы как можно скорее прибыли сюда и действительно возле одного из бункеров с углем нашли убитого, а затем побеседовали кое с кем из жильцов и с мальчиком, который первым нашел тело. В это же время один из патрульных встретил в проходе между домами вашего сына, который разгуливал по улице в одной рубашке.

— Ну и что? — огрызнулась миссис Уитсон.

— Сейчас довольно холодно, чтобы разгуливать в одной рубашке,— заметил Карелла.

— Кому холодно?

— Всем.

— Человеку, который колет дрова? — спросила миссис Уитсон.

— Он не колол дрова, мэм.

— Но собирался,— возразила миссис Уитсон.

— Откуда вы знаете?

— Ему платят за то, что он колет дрова, вот он и пришел работать,— объяснила миссис Уитсон.

— Вы тоже работаете в этом доме? — спросил Карелла.

— Да. Я мою полы и окна.

— И это вы нашли работу для вашего сына?

— Да. Я узнала, что мистер Лассер ищет человека

колоть на дрова обрубки деревьев, которые он привозит из-за города, вот я и предложила моего сына. Он хороший работник.

— Ты всегда работаешь на улице в одной рубашке, Сэм? — спросил Карелла.

— Всегда, — ответила миссис Уитсон.

— Я спросил его, а не вас, — заметил Карелла.

— Ответь ему, сынок.

— Всегда, — сказал Уитсон.

— А когда ты сегодня пришел на работу, ты был в пиджаке? — спросил Хоуз.

— Нет, сэр. На мне был бушлат.

— Ты служил в армии?

— Он воевал в Корее, — сказала миссис Уитсон. — Был дважды ранен и отморозил все пальцы на левой ноге.

— Да, сэр, я служил в армии, — тихо повторил Уитсон.

— А где сейчас твой бушлат?

— Я положил его возле мусорных баков.

— Когда ты это сделал?

— Перед тем как идти в кладовую. Мистер Лассер сбрасывает обрубки в проходе между домами, возле кладовой, там я их и колю. Поэтому я обычно иду прямо в проход, кладу бушлат на мусорные баки, захожу в кладовую за топором и приступаю к работе. Только сегодня я не успел зайти в кладовую, потому что меня остановил полицейский.

— Значит, ты не знаешь, на месте топор или нет?

— Не знаю, сэр.

— Сколько топоров обычно у вас в кладовой?

— Только один, сэр.

Карелла обернулся к патрульному:

— Мюрей, сходи проверь. Посмотри, лежит ли на мусорных баках бушлат, как он говорит, и стоит ли в кладовой топор.

— Топора вы там не найдете, — сказала миссис Уитсон.

— Откуда вы знаете?

— Потому что он в подвале, разве нет? Торчит из головы мистера Лассера.

Как и предсказала миссис Уитсон, топора в кладовой они не нашли. Единственным топором, оказавшимся поблизости, был тот самый, который кто-то так легкомысленно оставил в черепе покойного мистера Лассера. А вот бушлат Уитсона действительно висел на одном из мусорных баков, где тот якобы оставил его, направляясь в кладовую. Нашли они с десяток, а то и больше огромных деревянных обрубков, сложенных между домами в нескольких футах от кладовой,— все это как будто подтверждало объяснения Уитсона. Они велели Уитсону идти домой, но не покидать города, поскольку вполне возможно, он им еще понадобится позже, то есть когда в полицейской лаборатории исследуют рукоятку топора, вонзенного в череп мистера Лассера. Не пройдет и нескольких часов, надеялись они, как в лаборатории обнаружат отпечатки пальцев на топорике, что поможет им найти преступника.

Но бывают дни, когда сколько ни ищи, ничего не найдешь.

В лаборатории на деревянном топорике обнаружили пятна крови, несколько седых волос убитого, застрявших в трещине, а также кусочки ткани, которые, когда металлическое лезвие, пробив кость, вонзилось в мозг, прилипли к дереву, но, увы, ни единого отпечатка пальцев. Более того, отпечатки окровавленных ладоней и больших пальцев на стене подвала были идентифицированы как принадлежащие самому мистеру Лассеру, который беспомощно хватался за стену, пятясь от убийцы, и опустился на пол после того, как ему перерезали горло. Полицейский медик, осмотрев погибшего, пришел к заключению, что мистер Лассер умер за несколько секунд до того, как лезвие топора вонзилось ему в череп, что подтверждалось большой лужей крови на полу, ручеек от которой и привлек внимание юного Мики Райана. Рассуждая логически и исходя из того, что топор так и остался в черепе мистера Лассера, можно было утверждать, что это и был последний удар, которому предшествовало много других. Ни сотрудники криминалистической лаборатории, ни в офисе полицейского медика не взялись определить, когда именно наступила смерть, но пришли к единому выводу, что убитому было нанесено двадцать семь ранений и что причиной смерти, скорее всего, явилось разрушение шейных позвонков, причинен-

ное ударом по горлу, когда взмах топором был похож на взмах бейсбольной биты. Удар же по голове был *coup de grace*, завершающий удар, потому что лезвие вонзилось в череп человека, который уже лежал мертвым у ног убийцы. Так вонзают топор в пень по окончании рабочего дня.

Честно говоря, зрелище это было омерзительным.

От жильцов дома им стало известно, что мистер Лассер жил где-то в Нью-Эссексе, милях в пятнадцати от города. Этот факт был подтвержден водительскими правами, найденными в кармане брюк убитого. В правах было указано его полное имя — Джордж Нелсон Лассер, адрес — Нью-Эссекс, Уэстерфилд, 1529, пол — мужской, вес — сто шестьдесят один фунт, рост — пять футов десять дюймов и дата рождения — пятнадцатого октября тысяча восемьсот семьдесят седьмого года, а значит, в день смерти ему было восемьдесят семь лет.

Детективы в «колдсмобиле» выпуска тысяча девятьсот шестьдесят первого года отправились в Нью-Эссекс. Грозно мигал красным глазом обогреватель, а окна, запотев от дыхания пассажиров, покрывались тонкой коркой инея, которую они то и дело старательно соскабливали. За городом царило январское уныние: деревья на обочинах дороги были голыми, кустарник, окружающий дома, увял и засох. Казалось, будто сама смерть сопровождает сыщиков из городского подвала в городское предместье, застывая землю своим седовато-серым дыханием.

Уэстерфилд, 1529, выстроенный в стиле эпохи Тюдоров, стоял футах в сорока от тротуара на улице, застроенной такими же домами. Над дымоходами каминов кудрявился дым, от чего и без того серое небо хмурилось еще больше. Но уже на улице чувствовалось, что в домах наперекор зимнему дню вас ждет тепло, уют и возможность уединиться, не допуская появления чужих. Детективы оставили машину на мостовой прямо напротив дома и поднялись по обледенелой дорожке к двери, справа от которой висел старинный чугунный колокол. Хоуз дернул за язык, и детективы застыли в ожидании, пока кто-нибудь им ответит.

В глазах старухи горело безумие.

Она таким рывком распахнула дверь, что первым им бросился в глаза ее взгляд, а первой мыслью, пришед-

шей на ум, было, что перед ними человек ненормальный.

— Да? — спросила старуха.

На вид ей было лет семьдесят пять, а то и все восемьдесят. Карелла не умел определять возраст человека, перешагнувшего черту старости. Волосы у нее были седые, но лицо, хоть и в морщинах, оставалось тугим и круглым, с несимметричными бровями, от чего впечатление безумия, таившегося во взгляде, еще более усиливалось. Она, не мигая, смотрела на детективов. В ее выцветших, а когда-то голубых глазах застыла глубокая подозрительность и вместе с тем тайное веселье. Веселье, в котором эхом отзывался беззвучный смех в бесконечно длинных и пустых коридорах. Она поглядывала на них лукаво и даже с некоторым кокетством, настолько не вязавшимся с ее возрастом, что оно казалось просто неприличным и таким противоречивым, что смотреть на нее было страшно. Старуха была сумасшедшей — об этом на весь мир кричали ее глаза. И полицейским сделалось не по себе.

— Это дом Джорджа Нелсона Лассера? — спросил Карелла, глядя на женщину и больше всего на свете мечтавая в эту минуту очутиться у себя в участке, где торжествуют порядок, спокойствие и здравый смысл.

— Да, это его дом, — подтвердила женщина. — А вы кто такие и что вам угодно?

— Мы из полиции, — ответил Карелла, предъявив свое удостоверение. А потом, помолчав секунду, спросил: — Позвольте узнать, мэм, с кем я разговариваю?

— Не с кем я разговариваю, а кто со мной разговаривает, — поправила его женщина.

— Что?

— Кто со мной разговаривает, — повторила она.

— Мэм, я...

— Вы не знаете правил хорошего тона, а ваш дед и вовсе в них не разбирался, — заявила женщина и засмеялась.

— Кто там? — послышался чей-то голос, и Карелла, повернув голову, увидел высокого мужчину, который из тьмы прихожей ступил в полосу света, падающую из открытой двери. Мужчине, худому, с русыми волосами, в беспорядке свисающими на лоб, было лет сорок с небольшим. Глаза у него были такие же голубые, как у безумной старухи, и Карелла тотчас понял, что перед ним мать и сын. И тут же почему-то подумал о тех матерях с сыновьями, которых ему довелось встретить

сегодня: Мики Райана, который нашел в подвале убитого, и миссис Райан, Сэма Уитсона, который топором колол дрова, и миссис Уитсон, а теперь и этого высокого мужчину, державшегося с достоинством позади и чуть справа от своей безумной матери и сердито вопрошающего, кто эти люди и зачем они явились к ним в дом.

— Полиция,— ответил Карелла и протянул удостоверение.

— Что вам угодно?

— Кто вы такой, сэр? — спросил Карелла.

— Меня зовут Энтони Лассер. Что вам угодно?

— Мистер Лассер,— сказал Карелла,— Джордж Лассер ваш отец?

— Да.

— Сожалею, что вынужден сообщить это вам,— сказал Карелла,— но ваш отец умер.— Слова его прозвучали сухо и без участия, и он пожалел, что произнес их, ибо они, прозвучав, нелепо повисли в воздухе.

— Что? — не понял Лассер.

— Ваш отец умер,— повторил Карелла.— Он погиб сегодня днем.

— Каким образом? — спросил Лассер.— В автомобильной катастрофе?

— Нет, его убили,— ответил Карелла.

— Погубили ни за грош,— пропела старуха и захихикала.

На лице Лассера отразилось волнение. Он взглянул сначала на старуху, которая, казалось, совсем не уловила значения слов Кареллы, а потом снова на детективов и сказал:

— Может, войдете в дом?

— Спасибо,— поблагодарил Карелла и прошел мимо старухи, которая застыла в дверном проеме, так напряженно вглядываясь во что-то на улице, что Карелла тоже оглянулся. Он увидел, что и Хоуз смотрит на другую сторону улицы, где маленький мальчик на трехколесном велосипеде, быстро перебирая ногами, ехал по дорожке к своему дому, выстроенному в том же стиле эпохи Тюдоров, что и дом Лассеров.

— Король умер! — провозгласила старуха.— Да здравствует король!

— Не хотите ли пройти вместе с нами, мэм? — спросил Карелла.

— Он хорошо ездит, этот мальчик,— сказала старуха.— Умеет держаться на сиденье.

— Вы говорите о мальчике на велосипеде? — спросил Хоуз.

— Моя мать порой говорит невпопад, — сказал Лассер откуда-то из мрака, окружавшего полосу света, падающего из открытой двери. — Входите, пожалуйста. Мама, ты будешь с нами?

— Обрученные Богом не должны разъединяться, — процитировала старуха.

— Миссис Лассер, — позвал ее Карелла, шагнув в сторону, чтобы дать ей пройти. Старуха бросила на Кареллу взгляд, в котором ненависть сочеталась с обещанием любовных утех. Она прошла мимо него в дом, и он последовал за ней, услышав, как позади захлопнулась дверь и как переговаривались Хоуз с Лассером, пока они все вместе шли в глубь дома. Дом этот был домом из «Больших надежд» Диккенса, перенесенный в «Грозовой перевал» Эмили Бронте. Правда, с потолка и со стен здесь не свисала паутина, но в нем точно так же жили предчувствие чего-то дурного, тьма, которая, казалось, навсегда въелась в деревянные балки и штукатурку, и уверенность в том, что доктор Франкенштейн (творение Мэри Шелли) трудится на чердаке, создавая очередное чудовище. На мгновение Карелле показалось, что он очутился среди действующих лиц из фильма ужасов, а потому он умышленно остановился и подождал, пока Хоуз не поравняется с ним. Он сделал это вовсе не потому, что ему стало страшно, хотя дом этот и вправду внушал страх, — не он ли сам сказал юному Мики Райану, что привидений не существует? — а просто, чтобы лишний раз убедить себя, что очутился здесь, в этом мрачном доме, только по необходимости: предстояло расследовать убийство, совершенное далеко отсюда, в пределах восьмидесяти седьмого участка, где жизнь была нормальной и обычной, впрочем, равно как и смерть.

— Я зажгу свет, — сказал Лассер и, подойдя к торшеру, стоявшему возле огромной, пышно украшенной тахты, включил его, да так и остался неуклюже стоять рядом с тахтой и собственной матерью. Миссис Лассер, обхватив руками свою талию, застыла с улыбкой на губах, словно красавица на ежегодном балу одного из южных штатов в ожидании, когда ее пригласят на котильон.

— Прошу садиться, — сказал Лассер, и Карелла, оглянувшись и не найдя стула, сел на тахту, а Хоуз поместился на стуле с прямой спинкой, который притащил от складного стола у стены. Миссис Лассер, улыбаясь

и все еще не потеряв надежды быть приглашенной на танец, прислонилась к стене, а сам Лассер устроился на тахте рядом с Кареллой.

— Вы можете рассказать нам, что произошло? — спросил Лассер.

— Его зарубили топором, — ответил Карелла.

— Топором?

— Да.

— Где?

— В подвале дома, в котором он работал.

— Почему? — спросил Лассер.

— Потому, что кончается на «у», — вмешалась миссис Лассер.

— Мама, помолчи, пожалуйста, — сказал Лассер. Произнося эти слова, он не повернулся к ней. И не поднял на нее глаз. По-видимому, он произносил эти слова уже тысячи раз, машинально, не глядя на нее, не обращаясь к ней, не интересуясь даже, слышит она их или нет. Не сводя взгляда с Кареллы, он спросил: — У вас есть какое-нибудь представление о том, кто мог это совершить?

— Нет, — ответил Карелла. — Пока, во всяком случае.

— Понятно.

— Если вы не возражаете, мистер Лассер, нам хотелось бы, чтобы вы проехали вместе с нами в морг и опознали вашего отца. Затем нам хотелось бы узнать от вас, не было ли у вашего отца...

— Я не могу оставить мать одну, — сказал Энтони Лассер.

— Мы могли бы сделать так, чтобы с ней остался патрульный.

— Боюсь, это не совсем удобно.

— Я не понимаю, сэр.

— Мы, либо отец, либо я, все время находились в доме при ней, — объяснил Лассер. — А поскольку отец умер, то эта обязанность целиком ложится на меня.

— Тем не менее я не понимаю вас, сэр, — сказал Карелла. — Ведь когда ваш отец был жив, он уезжал на работу в город, так?

— Совершенно верно, — подтвердил Лассер.

— А вы не работаете, мистер Лассер?

— Я работаю дома, — ответил Лассер.

— И что же вы делаете?

— Я иллюстрирую детские книжки.

- Понятно. Значит, вы имели возможность оставаться дома, когда ваш отец уезжал, верно?
- Совершенно верно.
- А когда он был здесь, уехать могли вы, так?
- Да, в общем, именно так.
- Я вот что имею в виду: если вам нужно было отвезти книгу, или присутствовать на совещании в редакции, или, наконец, с кем-то встретиться — это вы подразумеваете под словом «в общем»?
- Да, пожалуй, именно это.
- Может, хотите что-либо добавить, мистер Лассер?
- Нет.
- Или исправить?
- Нет. В общем, все правильно.
- Ваше «в общем» означает, что я не совсем верно вас понимаю, — сказал Карелла. — Может, вы разъясните мне, мистер Лассер...
- Видите ли...
- Да?
- Я редко выхожу из дома, — сказал Лассер.
- Что вы имеете в виду?
- Книжки я отсылаю по почте. На редакционные совещания не хожу, обговариваю все вопросы по телефону. Я иллюстрирую книжки, как я вам уже сказал, и, когда первоначальные наброски представлены и одобрены, больше разговаривать не о чем.
- Но вы ходите куда-нибудь в гости?
- Нет, очень редко.
- Карелла с минуту молчал.
- Мистер Лассер, вы когда-нибудь покидаете дом? — спросил он.
- Нет, — ответил Лассер.
- У вас что, агорафобия, мистер Лассер?
- Что?
- Агорафобия.
- Не знаю, что это такое.
- Агорафобия — это боязнь пространства, боязнь выйти из дома.
- Я не боюсь выйти из дома, — сказал Лассер. — Не больше чем другие.
- Скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз выходили из дома?
- Не помню.
- Вы проводите все время здесь в доме, правильно? С вашей матерью?

— И с отцом, пока он был жив.

— К вам приходят друзья?

— В общем, да.

— Опять «в общем», мистер Лассер?

— По правде говоря, мои друзья не слишком часто нас навещают,— признался Лассер.

— Как часто они приходят, мистер Лассер? — вмешался Хоуз.

— Не очень часто.

— Как часто?

— Никогда,— ответил Лассер. Он помолчал.— Честно говоря, у меня не много друзей.— Он опять помолчал.— Мои друзья — это мои книги.

— Понятно,— сказал Карелла. И тоже помолчал.— Мистер Лассер, согласны ли вы опознать своего отца по фотографии?

— Пожалуйста.

— Обычно мы предпочитаем опознание по трупу...

— Да, но это, как видите, исключается,— отозвался Лассер.— Я обязан быть здесь, возле матери.

— Хорошо. Тогда с вашего разрешения мы приедем сюда еще раз и привезем снимок, сделанный полицейским фотографом и, быть может, вы будете настолько любезны...

— Да.

— И, пользуясь случаем,— продолжал Карелла,— зададим вам несколько вопросов о вашем отце и его отношениях с другими людьми.

— Да, разумеется.

— А сейчас мы больше не будем вас беспокоить,— улыбнулся Карелла.

— Спасибо. Я весьма благодарен вам за проявленную чуткость.

— Пожалуйста,— отозвался Карелла и повернулся к старухе: — Всего хорошего, миссис Лассер.

— Да хранит тебя Господь и да исцелит он тебе голову*,— откликнулась миссис Лассер.

— Мэм? — не понял Карелла.

— Моя мать когда-то была актрисой. Эти строки, скорее всего, из «Короля Лира».

— А вот и не из «Лира»,— захихикала старуха и добавила еще несколько слов, похожих на грубое ругательство.

* Шекспир У. Генрих V. Акт V. Сцена I.

— «Иль шлюхою моя Фортуна стала? — подхватил внезапно Хоуз. — Узнал я, от французской хвори Нелль в больнице умерла, и я теперь прибежища лишился».

— Откуда вам это известно? — просияла старуха, обернувшись к Хоузу.

— Ставили в школе, — ответил Хоуз.

— И кого же вы играли?

— Никого, я был режиссером.

— Такой видный мужчина, — произнесла старуха. — Вам бы надо быть на сцене и демонстрировать свои достоинства.

С минуту в комнате царило глубокое молчание. Детективы посмотрели друг на друга, словно желая убедиться, правильно ли расслышали слова миссис Лассер. Энтони Лассер, не поворачиваясь к матери, пробормотал: «Мама, прошу тебя», — и проводил детективов к дверям. За спиной пронзительно хохотала миссис Лассер. Дверь закрылась. День клонился к вечеру, и в воздухе явно похолодало. С минуту они, подняв воротники пальто, постояли на обледенелой дорожке, прислушиваясь к возгласам малыша на другой стороне улицы: он изо всех сил крутил педали своего трехколесного велосипеда и стрелял из воображаемого пистолета: «пиф-паф, пиф-паф!»

— Пойдем поговорим с ним, — предложил Карелла.

— Зачем?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Уж больно пристально смотрела на него старуха.

— Она сумасшедшая, — сказал Хоуз.

— Да, тут ты прав. А что скажешь про сына?

— Не знаю. Чересчур уж убедительное у него алиби.

— Поэтому-то я и наседаю на него.

— Я понял.

— А с другой стороны, вполне возможно, что он говорил правду.

— Хорошо бы узнать побольше о самом старике, — сказал Хоуз.

— Все в свое время. Когда вернемся с фотографиями, сможем задать побольше вопросов.

— А труп тем временем остынет.

— Он уже остыл.

— А вместе с ним и след.

— Что поделаешь? Январь, — ответил Карелла, и они перешли на другую сторону улицы.

Мальчик на велосипеде не переставая стрелял в них,

пока они приближались, потом затормозил, скребя подошвами ботинок по асфальту. Ему было года четыре. Одет он был в красную с белым вязаную шапочку, натянутую на уши. Пряди рыжих волос выбивались из-под шапочки и падали на лоб. Из носа у него текло, и сопли были размазаны по всему лицу, поскольку он то и дело вытирал нос тыльной стороной руки.

— Привет,— сказал Карелла.

— А ты кто? — спросил мальчик.

— Стив Карелла. А ты?

— Мэнни Московиц,— ответил мальчик.

— Здравствуй, Мэнни. А это мой напарник Коттон Хоуз.

— Привет,— помахал рукой Мэнни.

— Сколько тебе лет, Мэнни? — спросил Хоуз.

— Вот сколько,— Мэнни поднял и растопырил четыре пальчика.

— Четыре года. Отлично.

— Пять,— сказал Мэнни.

— Ты же показал четыре.

— Пять,— настаивал Мэнни.

— Ладно, пусть пять,— согласился Хоуз.

— Ты не умеешь ладить с детьми,— сказал Карелла.— Тебе пять, верно, Мэнни?

— Верно,— отозвался Мэнни.

— Тебе здесь нравится?

— Нравится.

— Ты живешь вот в этом доме?

— Да.

— А знаешь бабушку, что живет напротив?

— Какую бабушку?

— Из дома напротив,— повторил Карелла.

— Из какого дома? Напротив живет много бабушек.

— Вот из этого дома,— сказал Карелла.

— Из какого?

— Из этого,— повторил Карелла. Ему не хотелось показывать пальцем, потому что он был уверен, что Энтони Лассер следит за ними из-за занавесей.

— Я не знаю, о каком доме ты говоришь,— настаивал Мэнни.

Карелла посмотрел на дом эпохи Тюдоров на другой стороне улицы и вздохнул.

— Он спрашивает, знаешь ли ты миссис Лассер,— пришел ему на помощь Хоуз.

— Верно,— сказал Карелла.— Знаешь миссис Лас-сер?

— Она живет в доме напротив?

— Да,— сказал Карелла.

— В каком доме? — спросил Мэнни, но тут раздался голос:

— Мэнни! Ты что там делаешь?

Еще не обернувшись, Карелла понял, что ему придется иметь дело еще с одной матерью. Бывали дни, когда на пути попадались одна мать за другой, иногда разумные, иногда сумасшедшие, поэтому он взял себя в руки и, повернувшись, увидел, как из дома по направлению к ним твердым шагом на манер пасхальной процессии по Пенсильвания-авеню идет женщина в пальто, накинутом на халат, и с бигуди в волосах.

— В чем дело? — спросила она у Кареллы.

— Добрый день, мэм,— сказал Карелла.— Мы из полиции и хотели задать вашему сыну несколько вопросов.

— Каких вопросов?

— Про ваших соседей.

— Вы, по-моему, только что вышли из дома Лас-серов? — спросила женщина.

— Да, мэм.

— Вам поступила на них жалоба?

— Нет, жалоба нам не поступала,— ответил Карелла. И помолчал.— А почему вы спросили об этом, миссис Московиц? Вы ведь миссис Московиц, верно?

— Да.— Она пожала плечами.— Просто мне подумалось, что к вам поступила жалоба. Я решила, что старую даму хотят упрятать в сумасшедший дом.

— Нет, нам об этом неизвестно. А что, были неприятности?

— Да нет,— отозвалась миссис Московиц.— Но слухи ходят.

— Какие слухи?

— Ее муж работает управляющим в каком-то доме в городе, и каждое воскресенье едет пилить деревья, где, одному Богу известно, а потом везет их продавать своим жильцам — странный бизнес, вам не кажется? А старуха полночи хохочет и плачет, если ее муж не покупает ей мороженого, когда сюда летом приезжает грузовик с мороженым,— тоже странно, не правда ли? А как вам нравится их сын Энтони? Весь день напролет летом и зимой рисует свои картинки в комнате, которая выходит в

сад, и никогда не покидает дома. По-моему, это крайне странно, мистер.

— Никогда не выходит?

— Никогда. Он настоящий отшельник.

— Кто такой отшельник? — спросил мальчик.

— Замолчи, Мэнни,— отозвалась мать.

— Вы уверены, что он никогда не выходит? — спросил Карелла.

— Я ни разу не видела, чтобы он днем вышел из дома. А что он делает, когда становится темно, откуда мне знать? Может, он тайно выходит и едет в такие заведения, где курят опиум, кто знает? Я говорю вам только, что я лично ни разу не видела, чтобы он вышел из дома.

— А что вы можете сказать о старике? — спросил Хоуз.

— О мистере Лассере?

— Да.

— Он тоже по-своему странный. Пилит деревья, а ведь ему восемьдесят семь лет, понимаете? Молодым его никак не назовешь. Но каждые субботу и воскресенье он едет пилить деревья.

— И берет с собой топор?

— Топор? Нет, у него есть особая пила, не знаю, как она называется.

— Циркулярная пила? — подсказал Хоуз.

— Верно,— отозвалась миссис Москович.— Но даже в этом случае, даже с помощью этой циркулярной пилы пилить деревья — нелегкий труд для восьмидесятилетнего человека, верно?

— Совершенно верно,— согласился Карелла.

— Но и это еще не все. Знаете, на свете есть очень сильные люди. Я видела таких людей. Мой собственный отец — мир праху его — весил сто восемьдесят фунтов, одни мускулы, да благословит его Господь, когда умер в семьдесят девять лет. А мистер Лассер вовсе не из богатых. Он хрупкий и старый на вид, но выполняет такую тяжелую работу. Таскает со своего участка тяжелые камни, корчует пни, красит дом, что, правда, не очень тяжело, но для старика простоять весь день на приставной лестнице — нет, по-моему, это крайне странно.

— Другими словами, вся семья кажется вам весьма своеобразной, не так ли, миссис Москович?

— Не хотелось бы говорить плохое о своих соседях,— сказала миссис Москович.— Скажем так. Ска-

жем, я нахожу их поведение несколько необычным. Скажем, мне представляется странным, что рехнувшаяся старуха, вроде миссис Лассер, оставлена на попечении двух других безумцев, как ее муж и сын. Вот почему я и подумала, что, может, кто-то решил сплавить ее в сумасшедший дом и написал жалобу.

— Кто рехнулся? — спросил мальчик.

— Замолчи, Мэнни, — сказала миссис Московиц.

— Миссис Московиц, — спросил Карелла, — не видели ли вы, чтобы Энтони Лассер сегодня выходил из дома?

— Нет, не видела, — ответила миссис Московиц.

— Можете ли вы с полной уверенностью сказать, что он весь день пробыл дома?

— Что?

— Убеждены ли вы, что сегодня он весь день провел дома?

— Нет, не убеждена.

— Значит, вполне возможно, он выходил, о чем вам не было известно?

— За кого вы меня принимаете? — рассердилась миссис Московиц. — Что я, по-вашему, только и делаю, что подсматриваю за своими соседями?

— Нет, разумеется, нет.

— Надеюсь, — сказала явно обиженная миссис Московиц.

— Мы просто пытались...

— Я понимаю, — поджала губы миссис Московиц. — Пойдем, Мэнни. Попрощайся с этими двумя джентльменами.

— До свиданья, — сказал Мэнни.

— До свиданья, — ответил Карелла. — Большое вам спасибо, миссис Московиц.

Миссис Московиц ничего не ответила. Держа одной рукой руль велосипеда, а другой ребенка, она крепко захлопнула за собой дверь.

— Что плохого я сделал? — спросил Карелла.

— Я не умею обращаться с детьми, да?

— Погоди...

— А ты не умеешь обращаться с женщинами, — сказал Хоуз.

Женщину звали Тедди Карелла, а он был ее мужем и знал, как с ней обращаться.

Когда к пяти тридцати вечера закончилось опознание трупа по фотографиям, Карелла и Хоуз задали Энтони Лассеру еще несколько вопросов про его отца, а затем отправились в участок расписаться перед уходом домой. Они ушли из участка в шесть пятнадцать, то есть на полчаса позже, чем полагалось, и, оказавшись на улице, быстро попрощались и разошлись. У Хоуза было назначено свидание с некоей Кристин Максвелл. А Кареллу ждали дома жена и дети.

У его жены были черные волосы и карие глаза, а фигура такая, что ее не смогли испортить даже роды близнецов. Полногрудая, с широкими бедрами и длинноногая, она встретила его в прихожей звонким поцелуем, обняв так крепко, что у него хрустнули ребра.

— Эй! — воскликнул он. — В чем дело? Что происходит?

Когда он говорил, Тедди Карелла, не отрываясь, смотрела на его губы, потому что была глухой и понимала чужую речь, только читая ее по губам. Затем, поскольку она была еще и немой, подняла правую руку и с помощью принятых во всем мире знаков быстро объяснила ему, что близнецы уже поели и что Фанни, их домработница, в эту минуту укладывает их спать. Карелла следил за ее рукой, порой пропуская слово-другое, но понимая смысл и значение сказанного, а затем улыбнулся, когда она перешла к их планам на вечер, как будто после такого поцелуя при входе еще требовалось что-то объяснить.

— Тебя следует арестовать за такие выражения, — ухмыльнулся Карелла. — Хорошо, что их никто не слышит.

Тедди оглянулась через плечо, желая удостовериться, что дверь в комнату близнецов плотно закрыта, а затем, прильнув к мужу, снова поцеловала его, и он чуть не забыл, что должен, как обычно, перед ужином сказать близнецам «спокойной ночи».

— Никак не пойму, с чего это ты так разошлась, — сказал он, вопросительно подняв бровь, и Тедди, быстро шевеля пальцами правой руки, велела ему не смотреть дареному коню в зубы.

— Ты сама самый лучший подарок на свете, — сказал он и, поцеловав ее в кончик носа, направился в ком-

нату близнецов. Он постучал в дверь, и Фанни подняла глаза от кровати Марка, которого она старательно укрывала одеялом.

— Моя дорогая юная леди...— начал Карелла.

— Юная леди? Да вы никак в отличном настроении?

— Да он никак в отличном настроении,— эхом отозвалась Эйприл из своей кровати.

— Моя дорогая юная леди,— сказал Карелла Фанни,— если человек хочет, чтобы дети не входили к нему, предварительно не постучав, то и он обязан, подав пример, постучать в дверь прежде, чем войти к ним. Правильно я говорю, Марк?

— Правильно, папа,— отозвался Марк.

— Эйприл?

— Правильно, правильно,— захихикала Эйприл.

— Не следует возбуждать их перед сном,— назидательно заметила Фанни.

Фанни, которой было лет пятьдесят с лишним, рыжая и крепкая, как и полагается настоящим ирландкам, отвернувшись от кровати Марка с притворно строгим лицом и, небрежно поцеловав Эйприл, сказала:

— Дети, оставляю вас вашему ужасному папочке, который поведает вам истории о том, как ловят преступников.

— В один прекрасный день,— откликнулся Карелла, ни к кому не обращаясь,— Фанни выйдет замуж и бросит нас. Тогда мы позабудем про веселье и наш дом станет мрачным и печальным.

— И не надейтесь,— усмехнулась Фанни и вышла из комнаты. И тут же, приоткрыв дверь, добавила: — Ужин через пять минут. Поторопитесь, Шерлок.

— Кто такой Шерлок? — спросил Марк.

— Сыщик,— ответил Карелла.

— Он лучше тебя? — спросил Марк.

Эйприл вылезла из постели, выглянула за дверь, желая удостовериться, не идет ли Фанни обратно, а затем залезла на колени к отцу, который сел к Марку на кровать.

— Сыщиков лучше папочки не бывает,— сказала она брату.— Правда, папочка?

Карелла, не желая разрушить образ идеального отца, скромно ответил:

— Правильно, малышка. Я самый лучший сыщик на свете.

— Видишь! — торжествовала Эйприл.

— Я и не говорил, что кто-то лучше,— сказал Марк.— Вечно она все переиначивает, папа.

— Не папа, а папочка,— рассердилась Эйприл.— Его зовут папочка.

— Его зовут Стив, дурочка ты,— не желал соглашаться Марк.

— Если вы собираетесь ссориться,— сказал Карелла,— тогда я лучше пойду.

— Она сегодня сломала две мои модели,— вспомнил Марк.

— Зачем ты это сделала, Эйприл? — спросил Карелла.

— Потому что он назвал меня «малышка — мокрые штанишки».

— Но это правда.

— У меня уже не было мокрых штанишек целую неделю,— заявила Эйприл.

— А вчера вечером? — спросил Марк.

— По-моему, тебя это не касается, Марк,— осторожно заметил Карелла.— То, что делает твоя сестра...

— Конечно, папа,— отозвался Марк.— Я только сказал, что она малышка — мокрые штанишки.

— Мне не нравятся твои слова,— упрекнул его Карелла.

— Какие слова?

— Он говорит про мокрые штанишки,— объяснила Эйприл.

— А что в этом плохого, папа?

— Он называет тебя папой, потому что хочет казаться взрослым,— сказала Эйприл.— Он всегда строит из себя взрослого, папочка.

— Ничего подобного. А вообще-то, что в этом плохого? Папа у нас тоже взрослый, правда?

— Нет,— ответила Эйприл.— Он у нас славный и добрый.— И она прислонилась головкой к груди отца и улыбнулась. Он посмотрел на нее: почти черные волосы и карие глаза, несомненно, принадлежали Тедди, уже в пять лет на лбу проглядывал тот же треугольник волос. А потом перевел взгляд на сына и еще раз подивился тому, как они похожи и в то же время какие разные. Сразу было видно, что они близнецы, а не просто брат с сестрой: тот же цвет волос и глаз, тот же овал, даже выражение лиц было одинаковым. И тем не менее Эйприл как-то сумела унаследовать — слава Богу! — красоту Тедди, в то время как у Марка эта красота была лишь

фоном для черт, более похожих на черты отцовского лица.

— Что ты делал сегодня? — спросил Марк.

— То же, что и всегда, — улыбнулся Карелла.

— Расскажи нам, папочка, — попросила Эйприл.

— Нет, лучше вы расскажите мне, чем сегодня занимались.

— Я сломала две модели Марка, — захихикала Эйприл.

— Видишь, папа? Что я тебе говорил?

— Ужинать! — крикнула из кухни Фанни.

Карелла встал, держа на руках Эйприл, покачал и положил в постель, укрыв одеялом до самого подбородка.

— Январь злой, вот и закройся с головой, — и он поцеловал ее в лоб.

— Что это, папочка? — спросила Эйприл.

— Ты о чем, малышка?

— Январь злой, вот и закройся с головой.

— Это я сам только что придумал, — признался Карелла.

Он подошел к Марку.

— Придумай и мне тоже, — потребовал Марк.

— Кругом тепло, кругом мрак, спи спокойно, милый Марк.

— Хорошие стихи, — улыбнулся Марк.

— А в моих моего имени не было, — обиделась Эйприл.

— Потому что я не сумел придумать что-нибудь такое, что рифмуется с «Эйприл».

— А Марку придумал!

— У него легче, малышка. К «Эйприл» очень трудно найти рифму.

— Но найдешь?

— Постараюсь, малышка.

— Обещаешь? — спросила Эйприл.

— Обещаю, — сказал он и, поцеловав Марка, тоже подтянул одеяло к подбородку.

— Хочу до самого носа, — сказал Марк.

— Давай. — И подтянул одеяло повыше.

— И мне до носа, папочка, — попросила Эйприл.

Он поправил одеяло и ей и, еще раз поцеловав ее, выключил свет и пошел на кухню.

— Что рифмуется с «Эйприл»? — спросил он у Фанни.

— Отстаньте от меня со своими глупостями,— рассердилась Фанни.— Садитесь, не то суп остынет.

За обедом он рассказал Тедди про старика, которого они нашли в подвале. Когда он говорил, она не сводила глаз с его губ, иногда останавливая его, чтобы задать вопрос, но большей частью напряженно следила за ним, стараясь понять все, что он говорит, и даже вникая в детали. Тедди хорошо знала своего мужа и понимала, что не в последний раз слышит о старике, зарубленном топором. Она знала, что есть мужья, которые, уходя с работы домой, забывают про свою работу, знала, что ее собственный муж сотни раз клялся, что никогда больше не будет посвящать своих домашних в грязные подробности полицейского труда. Но каждый раз его решительности хватало лишь на неделю, десять дней, самое большее на две недели, а потом он вдруг начинал рассказывать о причиняющем особенное беспокойство случае, и она всегда его внимательно слушала. Тедди слушала, потому что он был ее муж, а она его жена, и, если бы случилось так, что он работал бы где-нибудь на пищевом предприятии, она бы с не меньшим интересом слушала, например, как делают растительное или сливочное масло.

Ее муж занимался расследованием уголовных преступлений. Поэтому она слушала о том, как в подвале жилого дома нашли восьмидесятисемилетнего старика с топором в голове, слушала обо всех матерях с сыновьями, которых ее муж встретил в тот день на своем пути, слушала про умалишенную миссис Лассер и ее сына, никогда не выходящего из дома, о том, как он опознал труп своего отца только по фотографиям, сделанным полицией, о том, как миссис Лассер начала истерически хохотать, взглянув на фотоснимки покойного мужа с топором в голове, о том, как Энтони Лассер сказал, что приятелями его отца были люди, входившие в общество ветеранов испано-американской войны. Она слушала глазами, и ее мысли отражались у нее на лице. Она задавала вопросы, не двигая губами, а лишь быстро шевеля пальцами.

Позже, когда обед был закончен, а посуда вымыта — к этому часу близнецы уже крепко спали — и Фанни ушла к себе домой, они поднялись в спальню и перестали разговаривать.

Четвертого января была суббота, но полиции что суб-

бота, что вторник — все едино. По правде говоря, даже Рождество ничем не отличается от любого другого дня в году. Карелла встретился с Хоузом в половине девятого утра, и вместе они отправились в Нью-Эссекс, где надеялись побеседовать кое с кем из членов клуба покойного Джорджа Нелсона Лассера, общества ветеранов испано-американской войны, известного под названием «Счастливые ребята». День стоял такой же бесцветный и мрачный, как и накануне. Карелла сидел за рулем выдавшего вида полицейского «седана», а Хоуз, еще не совсем отошедший от сна, расположился на сиденье рядом.

— Поздно пришел вчера? — спросил Карелла.

— Нет, не очень поздно. Мы были в кино,— ответил Хоуз.

— Что смотрели?

— «Саранчу».

— Да? Ну и как?

— Что-то я после этой картины все время чесался,— отозвался Хоуз.— Про саранчу, которая поднимает восстание. Против людей.

— Из-за чего?

— Хороший вопрос,— хмыкнул Хоуз.— На протяжении всей картины герою раз шесть-семь задают именно этот вопрос, и каждый раз он отвечает: «Понятия не имею». Сказать по правде, Стив, я тоже понятия не имею. Саранча заполонила весь свет и ползала по людям без какой-либо причины. Правда, глядеть на это было довольно страшно.

— Решили убить людей, что ли?

— Да. Есть в фильме и еще одна линия. Не весь же он из саранчи. Есть и любовная история. Что-то вроде того.

— Про кого любовная история?

— Про девушку, которая дарит герою клетку с двумя сверчками. «Сверчок на печи», помнишь?

— Ага,— сказал Карелла.

— Вот тут они и обыгрывают мысль, как у Диккенса, что сверчок приносит в дом счастье.

— Очень интересно,— отозвался Карелла.

— Да,— согласился Хоуз.— Девушка и проделывает вслед за этим малым весь путь до провинции Юньнань...

— До чего?

— До провинции Юньнань. Это в Китае.

- А, понятно.
- Она следует за ним и несет клетку со сверчками, которую он хочет подарить своей престарелой няне-китайке. Она очень старая, ее играет та актриса, знаешь, которая обычно играет старых русских аристократок. Забыл ее фамилию. Поэтому ему и нужны были эти сверчки. В общем, все довольно сложно.
- Да? — переспросил Карелла.
- Кристина решила, что эти сверчки возглавляют восстание.
- Восстание саранчи?
- Да.
- Может, и так,— не стал протестовать Карелла.
- Ты думаешь? А как же сверчки разговаривали с саранчой?
- Не знаю. А как они разговаривают между собой?
- Они, насколько мне известно, потирают передние щупальца друг о друга.
- Может, таким же образом они общаются и с саранчой?
- По-моему, сверчки к восстанию саранчи никакого отношения не имели,— сказал Хоуз.— Они потребовались только для того, чтобы заманить ее в Китай.
- А к чему им потребовалось заманивать ее в Китай?
- Там-то, черт побери, Стив, и собрались полчища этой саранчи. Что дало возможность показать очень хорошенькую китайночку, забыл, как ее зовут, ты ее знаешь, она играет во всех картинах, где требуются китайки. Оказалось, что она бывшая приятельница героя, учительница в католической миссии, на которую саранча нападает почти в самом конце картины. И съедает священника.
- Что? Съедает священника?!
- Да,— подтвердил Хоуз.
- Ну и картина!
- Его, правда, изъеденным не показали. Но он был весь облеплен саранчой, которая что-то жевала.
- Ужас! — отозвался Карелла.
- Да,— опять подтвердил Хоуз.— Зато было несколько приятных кадров крупным планом.
- Какой именно из девушек?
- Еще одной. Я о ней не рассказывал. Как ее зовут, я тоже не помню.
- А героя?
- Его часто можно видеть по телевизору. Тоже не

помню, как его зовут,— Хоуз помолчал.— По правде говоря, главным героем картины была саранча.

— Да,— согласился Карелла.

— Да. Там была одна сцена, в которой участвовало, наверное, восемь миллионов саранчи. Они заняли весь экран. Интересно, как им удалось снять такую сцену?

— Наверное, нашли дрессировщика для саранчи,— предположил Карелла.

— Вполне возможно.

— Я один раз видел картину под названием «Муравьи»,— сказал Карелла.

— Хорошую?

— Вполне. Похожа на твою «Саранчу», только в ней не было девушки, несущей клетку со сверчками.

— Не было?

— Нет. Там была девушка, но она была репортером из газеты и занималась расследованием взрыва атомного реактора в каком-то месте. Из-за этого взрыва муравьи сделались гигантскими.

— Больше, чем обычные муравьи?

— Вот именно.

— А здесь саранча была обычного размера. И никаких разговоров про атомные реакторы.

— А там были гигантские муравьи,— повторил Карелла.

— Картина называлась «Муравьи»?

— Да. «Муравьи».

— А эта «Саранча»,— сказал Хоуз.

— «Саранча»?

— Ага.

Молча они въехали в центр города. Накануне Энтони Лассер сказал им, что «Счастливые ребята» имеют обыкновение проводить свои встречи в пустующей лавке на Ист-Бонд, но адреса вспомнить не мог. Они медленно ехали по улице в поисках лавки, над которой, как им тоже было сказано, вывески нет. В середине Трехсотого квартала они обнаружили нечто похожее на пустующую лавку с окнами, забранными занавесками, и входной дверью из зеркального стекла. Карелла запарковал машину на другой стороне улицы, опустил предохраняющий от солнечного света козырек, к которому было прикреплено рукописное объявление, уведомляющее полицию Нью-Эссекса, что на этой старой развалине прибыл по служебному вызову городской детектив, и затем вместе с Хоузом они направились к заинтересовавшему их объекту.

Они попытались заглянуть поверх занавесок, но те висели чересчур высоко. Хоуз подошел к двери. Она оказалась запертой.

— Что будем делать? — спросил он. — Я звонка не вижу, а ты?

— Я тоже. Стучи по стеклу.

— Боюсь, разбуду всю округу, — сказал Хоуз.

— Давай-давай.

Хоуз постучал по стеклу. Потом выжидательно посмотрел на Кареллу. Постучал еще раз. Наконец, взявшись за дверную ручку, затряс дверь.

— Не снимите дверь с петель, — раздался чей-то голос.

— Ага! — пропел Карелла.

— Кто там? — спросил голос за дверь.

— Полиция, — ответил Хоуз.

— Что вам надо? — спросил голос.

— Мы хотим поговорить со «Счастливыми ребятами», — ответил Хоуз.

— Одну минуту, — отозвался голос за дверь.

— Идиотство какое-то, — только и успел прошептать Хоуз Карелле, как дверь открылась. Человеку, стоявшему в дверях, было, по меньшей мере, лет девяносто. Он опирался на палку и злыми прищуренными глазками всматривался в детективов, с шумом вбирая воздух в свою впалую грудь. Рот у него подергивался, глаза часто-часто моргали.

— Предъявите, — приказал он.

— Предъявить что, сэр? — спросил Карелла.

— Ваши удостоверения.

Карелла, открыв бумажник, показал удостоверение. Старик, взглядевшись, вдруг спросил:

— Вы не из полиции Нью-Эссекса?

— Нет, сэр.

— Я так и подумал, — сказал старик. — Что вам угодно?

— Вчера убили Джорджа Лассера, — ответил Карелла. — Насколько нам известно, он принадлежал к...

— Что? Что вы сказали?

— Я сказал, что Джорджа Лассера...

— Мистер, со старым человеком не следует так шутить.

— Мы не шутим, сэр, — сказал Карелла. — Вчера во второй половине дня Джорджа Лассера убили.

Стоявший в дверях старик еще несколько секунд

молча переваривал эту новость, а потом, кивнув головой, вздохнул и сказал:

— Меня зовут Питер Мэйли. Входите.

Лавка была оборудована именно так, как Карелла и предполагал. Возле одной стены расположилась пузатая черная печка, над которой висело несколько полковых флагов и групповой снимок утомленных в боях солдат, сделанный где-то под Эль-Каней. У противоположной стены напротив печки стоял старый диван, рядом несколько обветшалых кресел. В углу был включенный телевизор, который смотрели два каких-то мрачных старика, не обративших внимания на вошедших в помещение Хоуза и Кареллу. «Счастливые ребята», по-видимому, находились в состоянии какого-то сонливого уныния, присущего только им одним. Более мрачное сборище людей, чем этот клуб, трудно было себе представить. Появление улыбки на лице, подумалось Карелле, наверное, влекло за собой немедленное исключение из клуба.

— Вы «Счастливые ребята»? — спросил он у Мэйли.

— Да, мы «Счастливые ребята», правильно, — ответил Мэйли. — Вернее, то, что осталось от нас.

— И вы действительно знали Джорджа Лассера?

— Он был с нами еще в ту пору, когда мы брали Си-боней, а потом и Эль-Каней, — сказал Мэйли. — Вон он там на фотографии вместе со всеми нами. И обратился к старикам, сидящим возле телевизора: — Умер Джорджи, ребята. Вчера это случилось.

Лысый старик в клетчатых жилете и брюках оторвался от телевизора и спросил:

— А как он умер, Питер?

Мэйли повернулся к Карелле.

— Как? — спросил он.

— Его зарубили топором.

— Кто? — спросил человек в клетчатом.

— Мы не знаем.

Второй из сидящих у телевизора, приставив руку к уху, чтобы лучше слышать, спросил:

— Что случилось, Фрэнк?

— Джорджи умер, — ответил человек в клетчатом. — Его зарубили топором. Они не знают, кто это сделал, Фред.

— Ты говоришь, Джорджи умер?

— Да, его зарубили топором.

Второй человек кивнул.

— Хотелось бы, чтобы вы рассказали, что вам извест-

но про мистера Лассера,— попросил Карелла.— Это могло бы помочь нам найти убийцу.

— Пожалуйста,— ответил старик по имени Фрэнк, и допрос начался.

Человек, который отворил дверь, Питер Мэйли, был, по-видимому, президентом клуба, к настоящему времени насчитывающего трех членов: его самого и двух сидящих у телевизора. Эти двое были Фрэнк Остирейч и Фред Най. Остирейч был секретарем, а Най — казначеем — все генералы, рядовых, видимо, не сохранилось. А в апреле тысяча восемьсот девяноста восьмого года в клубе было двадцать три рядовых. Или, точнее, двадцать три молодых человек, которым не было и двадцати либо двадцать с небольшим, и все они были членами развлекательно-спортивного клуба в Нью-Эссексе под названием «Счастливые ребята». В тысяча восемьсот девяноста восьмом году еще не существовало подростковой преступности, и поэтому термин «развлекательно-спортивный клуб» вовсе не подразумевал шайку хулиганствующих элементов. Эти «Счастливые ребята» на самом деле были баскетбольной и волейбольной командами и собирались они в пустующей лавке, в той же самой, что и нынче, на Ист-Бонд-стрит, где по пятницам вечерами бывали танцы, а в будни встречи с любимыми девушками.

Итак, в тысяча восемьсот девяноста восьмом году, когда Соединенные Штаты Америки несли большие экономические потери на Кубе из-за революций, партизанского движения и размещенных в городах гарнизонов испанских войск, когда Соединенные Штаты начали завоевывать авторитет в Западном полушарии и осознавать значение Кубы для Центральной Америки, где планировалось строительство канала, одновременно случилось два события: Уильям Рандольф Херст опубликовал письмо испанского посла в Вашингтоне его приятелю на Кубе, в котором автор письма в весьма нелестных выражениях отзывался о президенте Мак-Кинли, и линейный корабль Соединенных Штатов «Мэйн» затонул при входе в Гавану. Общеизвестно, каковы наши отношения с Кубой; вечно случается то одно, то другое. Двадцать четвертого апреля Испания официально объявила войну Соединенным Штатам, на что американский конгресс ответил, что обе страны находятся в состоянии войны еще с двадцать первого апреля.

«Счастливые ребята» всей группой завербовались в солдаты и оказались в числе семнадцатитысячной армии

под командованием У. С. Шафтера, которая высадилась на Кубе и двинулась маршем на Сантьяго. Если учитывать, что в развлекательно-спортивном клубе было всего двадцать три молодых человека, а также то, как плохо были подготовлены и экипированы войска, то следует считать чудом, что «Счастливые ребята» все до одного остались в живых после тяжелых боев под Сибоней и Эль-Каней. Только один, Билли Уинслоу, был ранен. Испанская пуля угодила ему в голень и, засев на всю жизнь в тканях ноги, наделила умением предсказывать погоду на следующий день не только в Нью-Эссексе, но и во всей округе. Это умение сделало его весьма популярным среди представительниц женского пола и завоевало уважение и восхищение Дженис Террил, одной из самых хорошеньких девиц в городе, которая, по слухам, позволила ему снять с себя нижнюю юбку и прочие дамские причиндалы в задней комнате все той же лавки в один предсказанный им дождливый день. Через шесть месяцев они поженились.

По сути дела, из двадцати трех «Счастливых ребят», которые пережили вторжение на Кубу и марш через Сибоней и Эль-Каней, к началу двадцатого века двадцать уже были женаты, а трое остальных — в том числе и Джордж Нелсон Лассер — женились вскорости.

— А каким солдатом он был? — спросил Карелла.

— Джорджи? Таким же, как и мы все. Необученным, молодым, полным энергии. Нам повезло, что мы уцелели.

— Какое у него было звание?

— Рядовой первой статьи.

— После демобилизации он сразу вернулся в Нью-Эссекс?

— Да.

— И чем занимался?

— Всякой всячиной. Все пытался найти что-нибудь привлекательное. Джорджи всегда был честолюбивым малым. По-моему, поэтому он и женился на Эстель. Это случилось в тысяча девятьсот четвертом году. В январе, между прочим. Забавное совпадение, правда?

— Что вы имеете в виду? — спросил Хоуз.

— Да вот видите, — ответил Мэйли, — в январе тысяча девятьсот четвертого года он женился, а сейчас опять январь, только шестьдесят лет спустя, и его убили. Ей-богу, забавно.

— Питер говорит «забавно» не потому, что ему хочется смеяться, — объяснил Остирейч. — Он хочет сказать, что это странно.

— Именно,— подтвердил Мэйли.— Я имел в виду — странно.

— Что общего между честолюбием Джорджа Лассера и его женитьбой на той женщине, на которой он женился? — спросил Карелла.

— На Эстель? Она ведь была актрисой.

— Как ее фамилия?

— Вэлентайн. Эстель Вэлентайн,— ответил Най.— Хотя мне думается, что под этой фамилией она только играла на сцене, правда, Питер?

— Правда,— согласился Мэйли.— Честно говоря, я никогда и не знал ее настоящей фамилии.

— Какая-то русская,— вставил Остирейч.— Она, по моему, была из русской семьи.

— Вы ее видели? — спросил Най.

— Да,— ответил Карелла.

— Значит, вам известно, что она, так сказать, не в себе?

— С виду вроде...— смешался Карелла.

— Она совсем малохольная,— сказал Остирейч.

— Все актрисы тронутые,— заметил Мэйли.

— Да, но она и актрисой-то приличной никогда не была,— откликнулся Най.— Хорошие актрисы имеют право быть немного не в себе, хотя я в этом вовсе не уверен. Что же касается плохих, то у них нет на это никаких прав.

— Тем не менее я никак не пойму, что общего между женитьбой Джорджа Лассера и его честолюбием.

— Джорджи, наверное, решил, что она сыграет роль в его карьере. Он познакомился с ней, когда она появилась в Нью-Эссексе в спектакле «Джинкс, капитан морской пехоты». Вы про такой слышали?

— Нет,— ответил Карелла.

— Вас тогда еще, наверное, и на свете-то не было,— сказал Мэйли.— В тысяча девятьсот первом году в нем сыграла Этель Барримор. Эстель Вэлентайн было, конечно, далеко до Этель Барримор, поверьте мне, но она появилась в Нью-Эссексе в составе бродячей труппы где-то около Рождества тысяча девятьсот третьего года на сцене местного театра. Сейчас-то там кинотеатр, все с тех пор переменялось. Джорджи влюбился в нее с первого взгляда. Она была прехорошенькой, готов признать. Они поженились... почти сразу.

— Шестьдесят лет назад,— констатировал Карелла.

— Верно.

— А сыну на вид сорок с чем-то,— заметил Карелла.

— Тони Лассеру? Да, правильно. Он родился поздно. Они не хотели заводить детей. Эстель все время говорила о возвращении на сцену, а Джорджи был полон несбыточных планов. Тони появился, так сказать, неожиданно. И они вовсе не были рады его появлению. Помоему, после этого Эстель и спятила.

— Одного я не понимаю,— в раздумье сказал Карелла.

— Чего именно?

— Джордж Лассер был, так сказать, управляющим жилого дома.

— Правильно,— согласился Мэйли.

— А вы говорите о честолюбии, о несбыточных планах, что у него были...

— Вот и Эстель не упускала случая, чтобы не попрекнуть его,— сказал Остирейч.— Вроде того, что я, мол, из-за тебя оставила сцену и что приобрела взамен? Управляющего домом!

— Джорджи всегда был бизнесменом,— добавил Най.— В армии он вечно чем-то торговал: то курами, которых приворовывал на близлежащей ферме, то сувенирными пистолетами или вымпелами. Один раз даже проститутками, которых где-то разыскал,— фыркнул Най.

— И когда мы вернулись домой,— подхватил Остирейч,— помните? Он то организовывал танцы в клубе республиканцев, то лодочные гонки. Джорджи всегда был полон идей, как бы заработать лишний доллар. Очень уж он хотел разбогатеть.

— А кончил тем, что стал управляющим домом? — спросил Карелла.— Куда же девались все его честолюбные устремления?

— По правде говоря, он был не просто управляющим,— заметил Мэйли.

— Да? А кем же? — спросил Карелла.

— Я имею в виду, что он продолжал делать дела.

— Какие, например?

— Ну, например, с дровами. Он пилил деревья здесь в лесу, а потом вез чурбаки в город на своем грузовике. В городе у него был какой-то чернокожий малый, который их колол, и Джорджи продавал дрова своим жильцам, неплохо зарабатывая на этом.

— Чем еще он занимался? — спросил Карелла.

— Видите ли...— начал было Мэйли.

— Да?

— Только дровами, больше ничем,— сказал Мэйли, взглянув на своих приятелей.

— Сэр, чем еще занимался Джордж Лассер?

— Ничем,— ответил Мэйли.

— Вы сказали, что он хотел разбогатеть.

— Да,— ответил Мэйли.— Продавая дрова. Он на это очень рассчитывал. В конце концов, он ведь был старым человеком. Не всякий в его возрасте...

— Сэр,— сказал Карелла,— если я правильно вас расслышал, вы сказали нам, что Джордж Лассер был не просто управляющим, а занимался и другими делами. Вы сказали «делами», сэр. Во множественном числе. Так какими же еще делами он занимался, помимо своего дровяного бизнеса?

— Я имел в виду, что он был управляющим в доме. Управляющим и торговал дровами.

— По-моему, вы что-то скрываете, сэр,— сказал Карелла, и в лавке наступила тишина. Карелла ждал.

— Мы старые люди,— наконец произнес Мэйли.

— Это мне известно, сэр.

— Мы старые люди, и нас уже ждет не дождется смерть. Давным-давно мы прошли через войну, вместе вернулись в Нью-Эссекс, побывали на свадьбе друг у друга, а когда у нас начали рождаться дети, присутствовали на их крестинах и других обрядах, потом на их свадьбах, а теперь уже собираемся на свадьбы их детей. Мы старые люди, мистер Карелла.

— Да, сэр, мне это известно. Но я должен знать про Джорджа Лассера.

— Сейчас мы ходим на похороны, мистер Карелла. Вот куда мы ходим. Не на свадьбы. Только на похороны. Вначале нас было двадцать три. «Счастливые ребята». А теперь осталось трое, и мы ходим только на похороны.

— У Джорджа Лассера не было на свете ни одного врага,— заметил Остирейч.

— Не такой смертью ему следовало умереть,— добавил Най.— Нет, не такой.

— Оставьте его в покое,— попросил Мэйли Кареллу.— Он умер. Позвольте нам похоронить его так, как мы похоронили всех остальных. Пусть он покоится в мире.

— Я жду, мистер Мэйли,— сказал Карелла.

Мэйли вздохнул. Посмотрел на Остирейча. Остирейч едва приметно кивнул, и Мэйли снова вздохнул:

— У Лассера в подвале играли в кости на деньги.

Хромой Дэнни был осведомителем и в качестве такового считал, что отвращение американцев к подобной деятельности было заговором, возникшим в начальной еще школе и предназначенным для лишения его профессии, которой он владел безукоризненно. Он часто подумывал о том, чтобы нанять какого-нибудь литератора или журналиста, способного вызвать у общественности более снисходительное отношение к себе подобным, но всякий раз у него хватало разума сообразить, что это отвращение так глубоко укоренилось в сознании американцев, что простой подменой облика тут не обойтись. Он был не в силах понять, почему люди считают доноительство недостойным. Не мог он понять также, почему большинство законопослушных граждан приняли за одну из нравственных заповедей принцип, получивший начало, а также весьма поощряемый и проводимый в жизнь в уголовном мире. Он знал только, что если человек видит, как кто-то совершает нечто дурное, то весьма неохотно сообщает об этом властям, тем более что отчасти им овладевает и страх перед возмездием, а поэтому люди и придумали себе мораль: не доноси.

А почему бы не донести?

Дэнни очень нравилось быть осведомителем.

Он был первоклассным сборщиком слухов, уши его всегда улавливали самую разнообразную информацию, которая носилась в воздухе, а мозг состоял из отсеков, в которых хранились зародыши с виду совершенно бесполезных сведений, которые, когда происходила их переоценка, развивались, превращаясь в весьма существенные данные. Он превосходил всех в умении отсеять и отсортировать, сличить и систематизировать — всему этому он научился еще мальчишкой, когда схватка с полиомиелитом заставила его почти целый год провести в постели. Когда ты не можешь выйти из спальни, ты начинаешь придумывать, чем бы развлечь себя. Хромой Дэнни, учитывая его умение развлечь себя, мог бы стать банкиром или руководителем международного картеля, если бы не родился и получил воспитание на Калвер-авеню, которая была далеко не лучшим местом в городе. Родившись же на Калвер-авеню и отдавая должное судьбе, он мог бы стать одним из лучших в мире похитителей драгоценностей или — что более реально — сутенером. Однако ни тем, ни другим он не стал. Вместо этого он стал осведомителем.

По-настоящему его звали Дэнни Нелсон, но никто об этом и не знал. Даже письма, адресованные Хрому Дэнни, доставлялись преданным ему почтальоном, который считал Дэнни ветераном первой мировой войны, раненным в Арденнах, а никак не осведомителем. По правде говоря, очень мало людей знало о том, что он осведомитель, поскольку профессию эту никак не стоит афишировать, дабы однажды в темноте не обнаружить, что на тебя наведен не один, а сразу несколько пистолетов. Пустить по своему следу торпеду — как издавна выражаются некоторые — не слишком-то приятно, даже когда ты не хромаешь. А уж если тебе суждено прихрамывать, то бегать быстро совсем нелегко, и поэтому Дэнни ввел в принцип избегать всяческих трений с владельцами торпед и модного нынче оружия, не оставляя по возможности никаких следов на улицах города.

Дэнни говорил всем, что он грабитель.

Таким образом, он охотно был принят в этот социальный слой, что весьма способствовало душевным беседам с ворами самых различных категорий. Всякий раз, когда они изливали перед ним душу, Дэнни тотчас отпирал отсеки у себя в мозгу и начинал собирать данные, укладывая их то туда, то сюда, не пытаясь оценивать и сортировать, но надеясь, что все это когда-нибудь само собой прояснится и пригодится.

Двадцатидвухлетний грабитель поведал Дэнни, что ему требуется новое заднее колесо для «олдсмобила» последней марки, — не знает ли Дэнни, где купить? Дэнни и вправду знал, кто торгует краденым, правда, человек этот был не очень надежным — он уже, по крайней мере, трижды отсидел в тюрьме, разве на такого можно положиться? И пока он интересовался про колесо для своего молодого друга, скупщик краденого, между прочим, упомянул о том, что во вторник вечером ограбили меховой склад на Десятой авеню, пустив ночному сторожу пулю в лоб, от чего старик, конечно, отправился на тот свет. Дэнни с участием выслушал скупщика, а на следующий день встретил жену своего молодого друга, которая раньше была проституткой, но теперь ее социальный статус значительно повысился, поскольку она вышла замуж, и героин ей покупал муж — и смотрите-ка! — на ней шикарная норковая шуба вроспуск, на что ушло не меньше четырехсот ярдов норки. Дэнни понятия не имел, что такое сшитая вроспуск шуба, но зато не сомневался, что эта самая норка появилась со склада на Десятой

авеню, который пустил впропуск его молодой приятель, которому понадобилось новое колесо для его последней модели «олдсмобила». На следующий день Дэнни прочел в газете, что сторож, отстреливаясь перед своей безвременной кончиной, в кого-то или во что-то попал, ибо в его револьвере осталось всего две пули. Когда Дэнни встретился со своим молодым приятелем и невзначай поинтересовался, как это так получилось, что тому потребовалось новое заднее колесо, приятель ответил, что где-то на дороге проколол покрышку гвоздем. Интересно, посмотрев на приятеля, подумал Дэнни, почему бы ему просто не заехать в первый попавшийся гараж и не попросить, чтобы там ему сменили колесо, если он всего-то проколол гвоздем покрышку? Конечно, может случиться, что гвоздь и в самом деле покорежил колесо так, что его необходимо сменить. Дэнни готов был поверить другу на слово; в конце концов, если заменить колесо в самом деле необходимо, его другу так или иначе придется за этим колесом обратиться к тому же скупщику краденного.

У скупщиков краденого можно купить все что угодно, и по самой подходящей цене, начиная от портативного телевизора и кончая револьверами «смит энд вессон» тридцать восьмого калибра. Даже порядочные граждане, проживая в районах с дурной репутацией, не пренебрегают услугами скупщиков краденого, так почему же такой мелюзге, как молодой приятель Дэнни, когда ему требуется новое колесо, не обратиться самому к скупщику, даже если нет ничего подозрительного в том, почему оно ему понадобилось?

Опытный осведомитель никогда не делает поспешных выводов.

Он собирает факты, фильтрует их, проверяет и выжидает.

Неделю спустя Дэнни встретил человека, только что прибывшего из Чикаго, где тот провел несколько дней. Человек этот тащил огромный сверток. В тот же вечер Дэнни увидел, как его молодой приятель и этот из Чикаго ехали вместе в «олдсмобиле», заднее колесо которого давно сменили. На следующий день приятель Дэнни тоже тащил огромный сверток, а его жена обеспечена героинном в таком количестве, что ей хватит на всю жизнь, даже если в Китае перестанут сеять мак.

Только тогда Дэнни сообщает полиции, что, по его мнению, его молодой друг вместе со своим приятелем из Чикаго ограбили меховой склад, ночной сторож которого

продырявил правое заднее колесо «олдсмобила», получив взамен пулю в лоб. Еще он говорит, что ему представляется, мех воры сбыли в Чикаго, поровну разделив между собой вырученные деньги.

За свои услуги Дэнни получает десять долларов от детектива, которому он все это поведал. Десять долларов взяты из фонда под названием «мелкие расходы». Ни детектив, ни Дэнни об этих расходах-доходах в налоговой декларации, естественно, не упоминают.

Поэтому не приходилось удивляться тому, что почти никто не знал о деятельности Дэнни, поскольку его вполне можно было принять за квартирного вора или за уличного грабителя, а то и за человека, который занимается подделкой чеков, — словом, за любого из уголовников, ибо все они очень похожи на Дэнни, то есть так нынче выглядит любой честный гражданин. С той лишь разницей, что они волею судьбы стали мошенниками.

Дэнни же мошенником не был. Он был честным человеком. Но выдавал себя за мошенника.

По правде говоря, в тысяча девятьсот тридцать восьмом году он участвовал в правонарушении и отсидел пять лет в калифорнийской тюрьме. Именно тюремное наказание и убеждало всех, что Хромой Дэнни в самом деле грабитель, тем более что, по его словам, он отсидел эти пять с небольшим лет за грабеж. Что, между прочим, было правдой. Хотя поначалу он отправился в Лос-Анджелес всего лишь на отдых.

В течение двух месяцев он непрерывно страдал от простуды, сопровождаемой невысокой температурой, поэтому их семейный врач посоветовал ему поехать в Калифорнию, полежать на солнышке и отдохнуть от его обычных занятий в городе. Дэнни только что помог семьдесят пятому участку обнаружить довольно сложно замаскированный притон, и полиция на этот раз и вправду раскошелилась — пятеро из участвовавших в операции получили повышение — и выдала ему пятьсот долларов. И вот Дэнни, температура, кашляя и зажав в кулаке эти пятьсот долларов, отправился в Лос-Анджелес.

О, этот край романтики и тайны, о, город солнца и звезд, о, эта цитадель культуры!

Его арестовали на пятый день пребывания там.

Арест этот случился весьма неординарно, поскольку Дэнни и не подозревал, что совершает преступление. В баре на Ла Бреа он познакомился с каким-то малым, и они принялись вместе пить и рассказывать друг другу

анекдоты. Малый этот поинтересовался, чем Дэнни занимается, и Дэнни ответил: «Информацией». Малый считал это занятие весьма интересным и, в свою очередь, признался, что сам он увлекается «перераспределением», после чего они выпили еще, и тогда малый предложил Дэнни пойти вместе с ним к нему домой, где он рассчитывал взять еще денег, чтобы они могли продолжать наслаждаться жизнью, выпивая, болтая и смеясь в добром старом Лос-Анджелесе.

По Стрипу они добрались до Ла-Синегы, откуда этот малый свернул вверх в горы, и скоро остановился перед приятным на вид, похожим на испанскую гасиенду домом с черепичной крышей, где Дэнни со своим новым приятелем вылезли из машины и вошли в дом с черного хода, который тот не задумываясь отворил. Они не зажигали света, потому что, по словам нового знакомого Дэнни, он боялся разбудить брата, который был не совсем в себе и спал в задней комнате.

Очень вежливые лос-анджелесские полицейские задержали Дэнни и его приятеля, когда те выходили из дома. Приятель Дэнни не только прихватил несколько сот долларов из спальни этого дома, который (вот сюрприз!) вовсе ему не принадлежал, но и ожерелье из бриллиантов и рубинов, которое в полиции оценили в сорок семь с половиной тысяч долларов.

О, край романтики и тайны, о, цитадель культуры! Дэнни признался судье, что познакомился с этим малым в баре и поехал к нему...

— Разумеется, разумеется,— сказал судья.

— ...домой в Санта-Монику, потому что тот хотел...

— Разумеется, разумеется,— согласился судья.

— ...взять еще денег, чтобы они могли наслаждаться жизнью, выпивая, болтая и...

— Разумеется, разумеется.

— ...смеясь, в добром старом Лос-Анджелесе.

— От пяти до десяти лет,— сказал судья.

— Что? — не понял Дэнни.

— Следующее дело,— произнес судья.

Было во всем этом и нечто положительное. От волнения у Дэнни пропала простуда и исчезла повышенная температура. Уже за решеткой он узнал, что осведомителя малолетние преступники называют «нюхалкой», а это значит, что отрицательное отношение к его профессии проникло в младшие классы школы. В тюрьме он также приобрел «репутацию», которая оказалась бесценной для

его дальнейшей деятельности. В будущем, беседуя с кем-либо из своих клиентов, он мог по-честному заявить, что отсидел срок за грабеж в одной из тюрем на Западном побережье. И кому тогда смогло бы прийти в голову, что Хромой Дэнни — осведомитель, стукач, доносчик или, Боже избави, «нюхалка»?

Только Стиву Карелле.

Он нашел Дэнни в третьей кабинке справа в баре под названием «Кабачок Энди». Дэнни не был алкоголиком, скорее, наоборот, пил мало. А бар использовал как своего рода рабочее место. Это было дешевле, нежели снимать контору где-нибудь в центре города, а кроме того, там был телефон-автомат, которым он регулярно пользовался. И услышать в баре можно было кое-что существенное, а ведь подслушать — значит половина дела сделана.

Войдя, Карелла окинул бар взглядом, увидел Дэнни на обычном месте, а кроме того, заметил двух знакомых ему уголовников. Он прошел мимо Дэнни, не глядя на него, и, усевшись за стойку, попросил подать ему пива. Поскольку полицейские издают запах, который чуют определенные личности, чаще всего нарушители закона, на манер того, как есть звуки, которые улавливают только собаки, бармен, подав Карелле пива, спросил:

— Что-нибудь не так, сэр?

— Просто захотелось попить пива,— ответил Карелла.

— Значит, как я понимаю,— сладко улыбнулся бармен,— это визит неофициальный?

— Верно,— согласился Карелла.

— Хотя скрывать нам вроде нечего,— продолжал улыбаться бармен.

Карелла не потрудился удостоить его ответом. Он допил пиво и полез было в карман за бумажником, как бармен заявил:

— Угощает фирма, сэр.

— Спасибо, но я, пожалуй, лучше заплачу сам,— отказался Карелла.

Бармен не стал спорить. Он решил, что Карелла из тех полицейских, которые на мелочи не размениваются. Карелла расплатился за пиво, не глядя на Дэнни, вышел из бара и, подняв воротник пальто, зашагал по улице. Пройдя два квартала навстречу леденящему ветру, он перешел на другую сторону, прошагал те же два квартала

назад, только теперь ветер дул ему в спину, и, спрятавшись в подъезд как раз напротив бара, принялся ждать, когда появится Хромой Дэнни. Дэнни, которому следовало бы относиться к своим обязанностям повнимательнее в такой чертовски холодный январский день с ветром силой в двадцать миль в час, вышел только через десять минут. К тому времени у Кареллы замерзли нос и пальцы ног. Он похлопал руками в перчатках, подтянул еще выше воротник пальто и принялся догонять Дэнни, но не спешил и прошел почти семь кварталов, прежде чем пристроился следом за ним.

— Привет,— поздоровался Дэнни.— Замерз, наверное, а?

— Да, это тебе не Майами Бич,— отозвался Карелла.

— Не везет, а? — заметил Дэнни.— Между прочим, ты разглядел этих двоих в баре?

— Да.

— Узнал?

— Конечно. Ральф Андруччи и Пинки Дин.

— Верно,— уважительно подтвердил Дэнни.— Они, кстати, тебя тоже узнали. Сразу распознали в тебе полицейского и дали бармену знак, чтобы он выведал, зачем ты туда явился, ни на минуту не поверив твоим словам о том, что тебе захотелось выпить пива. Поэтому я и решил, что лучше прокантоваться там лишних десять минут, нежели выскакивать сразу вслед за тобой, понятно? Потому что, раз ты имеешь дело со мной, тебе следует вести себя более осмотрительно, понятно?

— Понятно,— ответил Карелла.

— А почему ты не позвонил?

— Я решил испытать судьбу.

— Я предпочитаю, чтобы ты звонил,— явно обидевшись, заявил Дэнни.— Тебе это известно.

— Честно говоря, я предпочитаю в такой холод заглянуть в бар, нежели болтаться по улицам,— сказал Карелла.— Вот я и зашел, а потом сразу вышел, чтобы подождать тебя.

— Понятно,— отозвался Дэнни.

— Вот так.

— Слушай, извини. Мне ведь приходится себя защищать.

— В следующий раз я обязательно позвоню,— пообещал Карелла.

— Буду признателен.

- Молча они прошли еще несколько кварталов.
- Что тебя интересует? — наконец спросил Дэнни.
 - Игра в кости.
 - Где?
 - Пятая Южная, 4111. В подвале.
 - Игра разовая или регулярная?
 - Регулярная.
 - С переменной мест или стационарная?
 - Стационарная.
 - Каждый раз по этому адресу?
 - Да.
 - Значит, в подвале на Пятой Южной, 4111?
 - Правильно, — подтвердил Карелла.
 - Там, где кому-то вонзили в голову топор в пятницу, верно?
 - Верно, — опять подтвердил Карелла.
 - Ну и что тебе нужно?
 - Все, что можно узнать про эту игру.
 - Например?
 - Кто и когда играл? Кто выиграл и кто проиграл?
 - А какое отношение имел убитый к этой игре? — спросил Дэнни.
 - Он ею заправлял.
 - Сколько он за это имел? Как всегда?
 - Понятия не имею. Постарайся узнать.
 - Говоришь, играли постоянно? Всегда в одном и том же месте?
 - Да.
 - Ты уже разговаривал с сержантом, который там патрулирует?
 - Нет еще.
 - Поговори.
 - Зачем?
 - Вполне вероятно, что ему кое-что известно. Может, делил с Лассером доходы.
 - Возможно. В понедельник я с ним поговорю.
 - Должен сказать тебе... — начал Дэнни.
 - Да?
 - Я об этом деле ничего не слышал, ничегошеньки. Ты считаешь, что кто-то из участников этой игры и прикончил его, так?
 - Я пока ничего не знаю, Дэнни. Ловлю рыбку в мутной воде.
 - Понятно, только почему ты ловишь рыбку возле

игры в кости? Игроки в кости не имеют привычки рубить человека топором.

— А где еще мне рыбачить?

Дэнни пожал плечами.

— Из того, что я вычитал в газете, Стив, похоже, тут действовал псих.— И снова пожал плечами.— У тебя есть на примете псих? Вот и порыбачь вокруг него.

— Псих есть, только это женщина... Еще есть ее сын, который рисует картинки и никогда не выходит из дома. Имеются и три старых маразматика, которые участвовали еще в испано-американской войне и которые теперь сидят и сами ждут смерти. Есть у меня и негр, который умеет пользоваться топором и которому платят гроши, но мне не думается, что это он зарубил нашего старика.

— И еще игра в кости.

— Да. Так, значит, где мне рыбачить?

— Возле игры в кости.

— Правильно,— согласился Карелла.— Игра в кости имеет какой-то определенный смысл.

— Не очень-то на это рассчитывай,— посоветовал Дэнни.— В ней могут принимать участие жильцы этого же дома. Раз-два в неделю они спускаются в подвал просто провести время.

— Может, и так.

— Вот и получилось,— продолжал Дэнни,— что кто-нибудь из них и прикончил его, не выходя, так сказать, из дома. Или, наоборот, дома делать нечего, вот они и идут играть в кости вместо того, чтобы пить или гоняться за юбками.

— Вполне может быть,— согласился Карелла.— А может, это шайка хулиганов, которым негде приютиться, вот они и платили Джорджу Лассеру за пользование его подвалом.

— Возможно,— не был уверен Дэнни.

— В таком случае убийца с топором должен быть где-то поблизости?

— Убийца с топором всегда бывает очень далеко,— сказал Дэнни.— Ты знаешь какого-нибудь профессионала, который взялся бы за топор? Я такого не знаю. Ты имеешь дело с любителем, Стив. Вот почему я тебе и советую не особенно надеяться на игру в кости. Даже если бы в игре участвовали самые отчаянные в городе подонки, вряд ли кто-нибудь из них воспользовался бы топором.

Карелла отчего-то встревожился.

— Что я такого сделал? — спросил Дэнни. — Нарушил все твои планы?

— Нет, нет. Я скажу тебе, почему мне не по душе эта игра в кости. Потому, что это нарушение закона. А значит, все, кто в ней участвовал, нарушители закона. А раз они уже нарушили закон...

— Брось, Стив, — сказал Дэнни. — Игра на деньги — это не преступление, а проступок.

— Пусть так.

— С чего это игрок в кости вдруг возьмется за топор? И разрубит кому-то голову? Брось, Стив.

— Ты в это не веришь? — спросил Карелла.

Дэнни долго молчал. Потом пожал плечами и сказал:

— Старая китайская пословица гласит: играть в кости — все равно что содержать женщину: никогда не получаешь той отдачи, на которую надеешься.

Карелла улыбнулся.

— Поэтому кто знает? — продолжал Дэнни. — Может, кто-то здорово проигрался, нашел топор...

— В кладовой, куда вход с улицы, — подсказал Карелла.

— И, решив, что Лассер виноват, что ему так не повезло, сказал: «Прощай, управляющий!» — Дэнни опять пожал плечами. — Все может быть. Люди сходят с ума из-за игры не меньше, чем из-за женщин. Но насчет того, что это не профессионал, я уверен. Профессионал пустил бы старику пулю в голову, легко и просто. Или засадил бы нож в спину. Но топор? Довольно мерзкая это штука, топор, а?

— Послушаешь, о чем говорят?

— Конечно, и обязательно позвоню, — ответил Дэнни. И помолчал. — Знаешь, я сейчас на мели.

— И я тоже, — сказал Карелла.

— Да, но у меня жизнь, полная опасностей.

— А мне надо купить новый глушитель, — сказал Карелла.

— Чего?

— На одну из наших машин.

— Да? Разве ты лично платишь за это?

— Из все тех же денег на карманные расходы.

— Откуда взялись эти карманные расходы? — спросил Дэнни. — Что, город не в силах платить вам как следует, что ли?

— Мы торгуем наркотиками на стороне, — ответил Карелла.

— Ладно, я тебе верю,— сказал Дэнни.

— Когда ты мне позвонишь?

— Как только что-нибудь узнаю. Послушай, Стив, я не шучу, я в самом деле на мели. Я мог бы кое-кого использовать...

— Дэнни, если я услышу от тебя что-нибудь толковое, я тоже постараюсь чего-нибудь раздобыть. Я ведь тебя не обманываю. Сейчас у меня в кармане пусто.

— О Господи,— простонал Дэнни,— середина января, а выпить не на что. Кто захочет работать на полицию в таких условиях? — Усмехнувшись, он огляделся, быстро, но крепко пожал Карелле руку и сказал: — Я тебе позвоню.

Карелла смотрел ему вслед, пока он, прихрамывая, шел по улице. Потом засунул руки в карманы и прошел целых пятнадцать кварталов до того места, где оставил свою машину.

5

Если ты полицейский, то про взяточничество тебе известно все.

Известно, что, если кто-то берет, значит, это старший из патрульных, который потом делится со своими напарниками по смене. Тебе об этом известно также потому, что ничто так не ухудшает отношение к полиции, как огромное число полицейских с протянутой рукой. А когда протянуто чересчур много рук, вымогатель вдруг пугается, и тогда в один прекрасный день у дежурного сержанта раздается звонок и голос произносит: «Я хочу поговорить с детективом».

Однако сержант Ральф Кори вовсе не собирался беседовать с детективом.

Утром в понедельник он был готов приступить к пятидневному патрулированию в смене с восьми утра до четырех дня, после чего ему предстоял отдых в течение пятидесяти шести часов, а затем в воскресенье снова работа, только теперь уже в смену с двенадцати ночи до восьми утра. Следующая смена была с четырех дня до двенадцати ночи, а потом снова с восьми утра до четырех дня.

Полицейский участок — это небольшое войско. Но даже в большом войске с сержантом шутить не положено. А Кори был не только сержантом и старшим по смене, но и старшим среди двенадцати сержантов в участке, за

исключением Дейва Мерчисона. Однако Мерчисона можно было не считать, потому что он не был в патрульной службе, а сидел за коммутатором и проводил перед сменой поверку.

Поэтому сержант Кори слыл очень важной персоной, пользовался известностью, словом, был человеком, с которым не следовало вольничать.

Была одна только беда.

Стив Карелла обошел его по службе.

Стив Карелла был в этом небольшом войске, которое называлось восемьдесят седьмым полицейским участком, детективом второй степени, что выше, чем сержант. На целых две ступени. Даже если бы Карелле нравился Кори, он бы все равно его обошел. А поскольку он ему не нравился, то обошел он его с удовольствием. Кори был рослым и красноречивым, каким обычно рисуют омерзительного и ничтожного полицейского, что в данном случае полностью соответствовало истине. Он в самом деле был омерзительным ничтожеством, а сержантом сделался только потому, что по чистой случайности подстрелил убежавшего грабителя банка. Его револьвер сам по себе выстрелил, когда он вытащил его из кобуры, пуля попала грабителю в левую ногу. Кори получил благодарность и звание сержанта, чуть не став детективом третьей степени.

Карелле он не нравился в тысяча девятьсот сорок седьмом году, не нравился и теперь, но, когда Кори вошел к ним в отдел, Карелла приветливо улыбнулся и, сказав: «Садись, Ральф. Хочешь курить?» — подвинул к нему пачку сигарет, а Кори наблюдал за ним и думал, чего этому итальяшке нужно.

Карелла отнюдь не собирался ему это сказать, во всяком случае, пока. Карелла хотел знать, почему Кори и словом не обмолвился о том, что у него на участке идет игра в кости на деньги, особенно сейчас, когда в пятницу был убит человек, под присмотром которого и в подвале которого до того, как он стал покойником, шла игра. Если Кори не знал об этой игре, то Карелле было интересно, как же это получилось, что он о ней не знал? А если знал, то почему ничего не сказал? Но пока Карелла сидел и улыбался Кори и с наслаждением курил вместе с ним, как это делают полицейские на телеэкране.

— В чем дело, Стив? — спросил Кори.

— Я хотел бы, чтобы ты мне кое в чем помог, — ответил Карелла.

Кори удалось подавить вздох облегчения, он улыбнулся и, затаившись «Честерфилдом» с длинным мундштуком, сказал:

— Буду рад помочь, чем могу. В чем проблема?

— Один из моих приятелей нуждается в деньгах,— сказал Карелла.

Кори, который только собирался вновь затянуться сигаретой, замер и быстро поднял глаза, встретившись со взглядом Кареллы, сидевшего напротив. Человек нечестный, он тотчас разгадал, что Карелла ведет какую-то игру. «Приятель» Кареллы, который нуждается в деньгах, не кто иной, как сам Карелла. А когда полицейский говорит тебе, что он нуждается в деньгах, значит, он хочет кусок пирога, не то без конца начнет жаловаться на тебя капитану за нарушение порядка.

— Сколько же ему нужно? — спросил Кори, что означало: сколько ты хочешь получить, чтобы обо всем забыть?

— Он очень нуждается,— на полном серьезе объяснил Карелла.

Это оказалось хуже, чем Кори ожидал. Карелла, по-видимому, намекал, что хотел бы получить больший кусок, чем обычно полагается детективу. У детективов бывает свой небольшой бизнес, в который патрульные обычно не вмешиваются, и наоборот.

— На что же рассчитывает твой приятель? — спросил Кори.

— Я бы сам ему помог,— сказал Карелла,— только не знаю как.

— Я тебя не совсем понимаю,— сказал озадаченный Кори.

— У тебя больше связей,— сказал Карелла.

— Каких связей? — не понял Кори.

— Мой приятель интересуется действиями,— сказал Карелла.

— О чем ты говоришь? — спросил Кори и вдруг прищурился: — О дамочках, что ли?

— Нет.

— Я тебя не понимаю, Стив.

Кори вовсе не прикидывался глупым. Он просто не мог понять, что от него требуется. Он явился сюда в отдел, ожидая получить, одному Богу известно за что, нахлобучку от Кареллы, и вдруг сообразил, что Карелла хочет лишь часть прибранного им к рукам. Это совсем его не удивило, хотя в участке было известно, что Ка-

релла — человек честный и взятку не берет. Кори на своем веку встречал таких полицейских, которые не брали. Но потом, когда он познакомился с ними поближе, выяснялось, что и они тоже брали, как миленькие, но молчали, вот и все. Поэтому Кори решил, что Карелла хочет иметь свою долю, против чего Кори не возражал, лишь бы процент был не слишком крут. Он начал было нервничать, когда Карелла сказал, что очень нуждается в деньгах, решив, что предстоит настоящий грабеж. Но потом Карелла, видать, умерил свой аппетит и заговорил о том, что готов сам помочь своему приятелю, из чего Кори решил, что, может, и в самом деле существует какой-то приятель. Затем Карелла сказал ему, что его приятель интересуется действиями, и Кори немедленно снова пришло в голову, что приятель Кареллы — это сам Карелла, как он и думал с самого начала. И хочет он, догадался Кори, чтобы Кори втихую познакомил его с одной из проституток, которые действовали на его участке. Но нет, Карелла сказал, что речь идет не о женщинах.

— Кости,— наконец сказал Карелла.— Кости. На них можно быстро заработать.

— Понятно,— отозвался Кори.

— Ага.

— Значит, речь идет об игре?

— Ага.

Наступило молчание. Кори затянулся сигаретой.

Карелла ждал.

— Видишь ли, Стив,— наконец заговорил Кори,— я понятия не имею, как помочь твоему приятелю.

— Вот как?

— Да. Извини, пожалуйста.

— Нехорошо,— заметил Карелла.

— Я понимаю. Но видишь ли, у меня на участке не играют.

— Нет? — удивился Карелла.

— Нет,— подтвердил Кори и снова затянулся.

Опять наступило молчание.

— Плохо дело,— вдруг сказал Карелла,— потому что я надеялся, что ты знаешь, где играют.

— Нет, не знаю.

— Значит, придется мне самому поискать,— ухмыльнулся Карелла.— Придется им как следует раскошелиться, поскольку я займусь этим в свободное от работы время.

— Да,— сказал Кори,— я понимаю, о чем ты говоришь.

— Ага.

— Я, конечно, мог бы поспрашивать вокруг. Может, кто-нибудь из ребят и знает.

— Не думаю, что ребята знают, раз не знаешь ты, Ральф.

— Не поверишь, но это далеко не всегда так,— сказал Кори.

— Вот именно.

— Что?

— Не поверю,— сказал Карелла.

— Ладно,— Кори поднялся со стула.— Я поспрашиваю вокруг о том, что тебя интересует, Стив.

— Присядь на минуту, Ральф,— сказал Карелла и улыбнулся.— Еще сигарету?

— Нет, спасибо. Я стараюсь курить поменьше.

— Ральф,— сказал Карелла,— не расскажешь ли мне об игре, что идет в подвале дома 4111 на Пятой Южной?

«Правильно сделал, что спросил»,— подумал Карелла. Лицо у Кори не изменилось. Не моргнув и глазом, он сидел напротив Кареллы и сверлил его своими колючими глазами.

— 4111? — наконец спросил он.

— Ага.

— На Пятой Южной?

— Ага.

— Не думаю, что мне известна игра, о которой ты говоришь, Стив.— Кори выглядел искренне заинтересованным.— Там что, играют в карты?

— Нет. В кости,— ответил Карелла.

— Придется разузнать. Это ведь как раз на моем участке, знаешь?

— Да, знаю. Сядь, Ральф, мы еще не закончили.

— Я думал...

— Да. Сядь.— Карелла снова улыбнулся.— Ральф, человек, который заправлял этой игрой, кончил тем, что ему раскроили топором голову. Его звали Джордж Лассер, он был управляющим в том доме. Ты знаешь его, Ральф?

— Конечно.

— Я считаю, что между игрой и его смертью может существовать связь, Ральф.

— Да?

— Да. Таким образом, это уже не просто игра. Это игра, из-за которой произошло убийство.

— Возможно. Если, конечно, такая связь существует.

— Ральф, если такая связь существует и если окажется, что кто-то из наших полицейских умышленно утаивал информацию об игре в подвале дома 4111, где был убит человек, это может оказаться довольно серьезным обстоятельством, Ральф.

— Вероятно.

— Ты знал про эту игру, Ральф?

— Нет.

— Ральф?

— Да?

— Мы ведь все равно узнаем.

— Стив?

— Да?

— Я слишком давно хожу в полицейских, поэтому не старайся взять меня на понт.— Кори улыбнулся.— Старик, который заправлял это игрой, мертв. Если я и брал за эту игру, Стив, я говорю «если», то единственный, кто это знал, был тот, кто заправлял игрой, верно? А он умер, Стив. Его зарубили топором. Поэтому кого ты пытаешься обмануть?

— Не нравишься ты мне, Кори,— сказал Карелла.

— Я это знаю.

— Ты мне не понравился с той минуты, когда я впервые тебя увидел.

— Это мне тоже известно.

— Если ты связан с этим...

— Я не связан.

— Если ты связан с этим делом, Кори, если ты будешь затруднять мне работу, если ты помешаешь расследованию...

— Я ничего не знаю про игру в кости,— сказал Кори.

— Если ты знаешь и если мне об этом станет известно, я тебя крепко прижму, Кори. Ты будешь выглядеть совсем по-другому.

— Спасибо, что предупредил,— сказал Кори.

— А теперь убирайся отсюда ко всем чертям.

— Великий детектив! — усмехнулся Кори и вышел из комнаты.

Он улыбался. Но на душе у него было тревожно.

Обитателям дома в трущобах абсолютно наплевать,

способны полицейские раскрыть преступление или нет. Честно говоря, если кому-нибудь вдруг пришло бы в голову провести среди жильцов такого дома в любое время года социологическое исследование, то, скорее всего, было бы обнаружено, что девяносто девять процентов отнюдь не возражали бы, чтобы все полицейские тут же отправились на тот свет. Возможно, только апрель был бы исключением. В апреле тепло, веет ароматный ветерок, и люди по-братски относятся друг к другу и даже к полицейским. В апреле обитатели трущоб способны пожелать, чтобы все полицейские попали под автобус — пусть получат увечье, но останутся живы.

Стоял январь.

У Коттона Хоуза было полно дел.

Начать с того, что какой-то человек не пустил его в подвал.

Этого человека он до сих пор ни разу не видел. Это был не человек, а великан, лет шестидесяти от роду, с европейским акцентом, но из какой страны, Хоуз определить не сумел. Он стоял на верхней ступеньке лестницы, ведущей в подвал, и хотел знать, что, черт побери, Хоузу нужно. В нем проглядывало какое-то удивительное совершенство: огромная голова с буйной гривой рыжеватых волос, нос картошкой, большие голубые глаза, четко очерченные скулы и твердая складка губ, толстая шея, широкие плечи и грудь, мускулистые руки и громадные кисти, даже голубой свитер с высоким горлом под украшенным медными кнопками голубым комбинезоном — все казалось изваянным кем-то, обладающим необыкновенной соразмерностью.

— Я из полиции,— сказал Хоуз.— Мне нужно еще раз осмотреть подвал.

— Предъявите ваше удостоверение,— потребовал человек.

— А кто вы такой? — заинтересовался Хоуз.

— Меня зовут Джон Айверсон. Я управляющий соседним 4113-м домом.

— А что вы, Айверсон, делаете здесь, если управляете там?

— Мистер Готлиб, владелец дома, попросил меня помочь здесь, пока не подыщет кого-нибудь на место Джорджа.

— Помочь в чем?

— Приглядеть за топкой, вытащить утром на улицу мусорные баки. То же самое, что я делаю у себя.—

Айверсон помолчал.— Предъявите ваше удостоверение.

Хоуз показал Айверсону свое удостоверение.

— Я проведу в доме почти целый день, мистер Айверсон,— сказал он.— Часть времени здесь в подвале, а часть — опрашивая жильцов.

— Пожалуйста,— отозвался Айверсон с таким видом, будто давал Хоузу разрешение остаться. Хоуз ничего не сказал и спустился в подвал. Айверсон последовал за ним.

— Пора проверить, как горит огонь,— почти весело объявил он и подошел к черной чугунной печи, которая находилась в углу подвала. Он заглянул в топку, взял лопату, что была прислонена к бункеру с углем, и лезвием лопаты открыл дверцу. Он бросил в топку с десяток лопат с углем, лопатой же захлопнул дверцу, прислонил лопату к стене и сам встал рядом. Хоуз следил за его действиями с другой половины подвала.

— Если у вас есть какие-нибудь дела, можете идти,— сказал он.

— У меня никаких дел нет,— отозвался Айверсон.

— Я было решил, что вы, может, хотите вернуться к себе в дом и проверить там топку.

— Я сделал это перед тем, как пришел сюда,— сказал Айверсон.

— Понятно. Что ж...— пожал плечами Хоуз.— А это что?

— Верстак Джорджа.

— Что он на нем делал?

— Да всякую всячину,— ответил Айверсон.

Хоуз осмотрел верстак. На нем лежал сломанный стул, а рядом почти законченная стремянка, которой предстояло, по-видимому, заменить старую. Над верстаком висели три покрытые пылью полки, битком набитые банками и коробками с гвоздями, шурупами, гайками, отвертками и прочим инструментом. Хоуз еще раз осмотрел полки. Нет, пыль была не всюду, как ему показалось с первого взгляда. На средней полке пыли не было.

— Кто-нибудь был здесь после пятницы? — спросил он у Айверсона.

— По-моему, нет. Сюда бы никого и не пустили. Здесь все время фотографировали.

— Кто фотографировал?

— Полиция.

— Понятно,— отозвался Хоуз.— А сегодня утром сюда кто-нибудь спускался?

— Из полиции никто.
— А жильцы?
— Жильцы все время сюда заходят,— сказал Айверсон.— Тут ведь, как и у меня в доме, стоит стиральная машина.

— Где стиральная машина?
— Вон там. Нет, позади вас.

Хоуз обернулся и увидел возле стены стиральную машину. Дверца у нее была открыта. Он подошел к ней.

— Значит, сегодня утром сюда мог зайти любой и воспользоваться машиной, правильно? — спросил он.

— Правильно,— подтвердил Айверсон.
— Вы кого-нибудь видели?
— Конечно, многих видел.
— Кого, например? Можете припомнить?
— Нет.

— Постарайтесь.
— Я не помню,— сказал Айверсон.

Хоуз еле слышно хмыкнул и вернулся к верстаку.

— Этот стул чинил Лассер?

— Не знаю,— ответил Айверсон.— Наверное. Если стул лежит у него на верстаке, значит, над ним трудился Лассер.

Хоуз опять посмотрел на среднюю полку. Ее явно вытерли. Он вытащил из кармана носовой платок и, держа его в руке, открыл один из ящиков под верстаком. В ящике были огрызки карандашей, контрольная линейка, чертежные кнопки, шланг для прочистки труб, поломанный скоросшиватель, резинки и запыленная пачка печенья. Хоуз попытался задвинуть ящик на место, но тот на полпути застрял. Выругавшись, он с силой толкнул его, а затем, опустившись на четвереньки, полез под верстак посмотреть, что не пропускает ящик. Оказалось, что шланг для прочистки труб зацепился за поперечную балку верстака. Опершись одной рукой о пол ближе к правой задней ноге верстака, Хоуз другой рукой отцепил шланг и засунул его поглубже в ящик. Потом вылез из-под верстака, отряхнул брюки и задвинул ящик на место.

— Здесь есть раковина? — спросил он.

— Вон там, возле стиральной машины,— ответил Айверсон.

Хоуз отошел от верстака и направился к раковине на противоположной стене. В полу возле раковины был водосток, прикрытый решеткой. Хоуз встал ногами на

решетку, открыл кран и принялся мыть руки, намывлив их куском хозяйственного мыла, лежавшего в раковине.

— В подвалах всегда грязно,— заметил Айверсон.

— Ага,— согласился Хоуз.

Он вытер руки собственным носовым платком, поднялся из подвала наверх, вышел на улицу и направился в кондитерскую на углу. По телефону-автомату он позвонил в полицию и сказал, что хочет поговорить с детективом-лейтенантом Сэмом Гроссманом.

— Алло? — раздался голос Гроссмана.

— Сэм, это Коттон Хоуз. Я нахожусь на Пятой Южной, только что поднялся из подвала. Мне сказали, что вчера здесь были твои ребята, делали снимки.

— Делали,— подтвердил Гроссман.

— Сэм, у тебя есть снимки верстака, за которым работал покойник?

— Какой, Коттон? Какое дело ты имеешь в виду?

— Убийство топором, Пятая Южная, 4111.

— А, да. Верстака? По-моему, есть, а что?

— Ты их смотрел?

— Мельком. Я сравнительно недавно пришел на работу. У моего брата вчера была свадьба.

— Поздравляю,— сказал Хоуз.

— Спасибо. Так что насчет верстака?

— Посмотри еще раз на снимки,— сказал Хоуз.—

Не знаю, видно на них или нет, но над верстаком висят три полки. Среднюю кто-то вытер. На ней нет ни пылинок.

— Да?

— Да.

— Посмотрю,— пообещал Гроссман.— И если что-либо замечу, приму во внимание.

— Дай нам знать, ладно, Сэм?

— Кто еще работает с тобой?

— Стив Карелла.

— Хорошо, я вам позвоню. Коттон?

— Да?

— На это может потребоваться время.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне придется послать туда человека, чтобы снова посмотреть все, сделать снимки и, возможно, кое-что проверить.

— Хорошо, только дай нам знать.

— Обязательно. Большое спасибо.

Хоуз пошел обратно к дому Лассера. Теперь непре-

менно следует поговорить с жильцами. Кто-то вытер пыль со средней полки. Интересно, кто и зачем.

Беда была в том, что в Хоузе сразу узнавался полицейский. Поэтому ему приходилось туго с людьми, которые принципиально не любили полицию. Высокий, в шесть футов два дюйма ростом, Хоуз весил сто девяносто фунтов. У него были голубые глаза, квадратный подбородок с ямочкой посередине и ярко-рыжие волосы с седой прядью над левым виском, которая появилась после того, как ему однажды нанесли ножевую рану, прямой нос с уцелевшей переносицей, хорошо очерченный рот с припухлой нижней губой, но выражение лица оставалось высокомерным даже тогда, когда он пребывал в хорошем настроении. А уж сейчас, когда он приступил к опросу жильцов, он отнюдь не был в хорошем настроении. Обойдя же два с половиной этажа и наслушавшись наглых и самоуверенных ответов, он разозлился еще больше.

Было уже двенадцать дня. Хоуз проголодался, но ему хотелось до обеда покончить с третьим этажом, чтобы во второй половине дня обойти еще три. На каждом этаже было по четыре квартиры, и он уже опросил жильцов 3а и 3б, оставались еще 3в и 3г, а затем еще двенадцать жильцов с четвертого по шестой этаж включительно — замечательное времяпрепровождение, да еще в понедельник. Как только он поднялся по лестнице и вошел в зловонный подъезд, в доме тотчас стало известно, что у них в гостях легавый, что, собственно говоря, никого не удивило, поскольку все знали, что в прошлую пятницу старому Джорджу Лассеру раскроили топором голову. Легавых здесь не любили, да еще в пятницу, да еще в январе.

Он постучал в дверь квартиры 3в и, не получив ответа, постучал еще раз. Он уже был готов двинуться к 3г, как вдруг услышал, что из-за двери кто-то спросил:

— Джорджи, это ты?

Голос был молодой и почему-то едва слышный, поэтому Хоуз сначала решил, что человек за дверью болен, но тут его осенили сразу две мысли, заставившие вновь вернуться к двери. Во-первых, поскольку всем в доме было известно о появлении полиции, почему голос за дверью квартиры 3в спрашивает, не Джорджи ли это? И во-вторых, какой Джорджи? Единственный Джорджи, о котором Хоуз мог в эту минуту вспомнить, был покойный по имени Джорджи Лассер.

Он снова постучал в дверь.

— Джорджи? — спросил голос, по-прежнему приглушенно.

Хоуз попытался припомнить, где он слышал похожий голос раньше.

— Да, — ответил он. — Джорджи.

— Одну минуту, — сказали за дверью.

Он принялся ждать.

Он услышал приближающиеся к двери шаги. Тот, кто шел, был босым. Услышал, как отодвинули засов, затем вытащили из металлического гнезда цепочку, потом щелкнул обычный английский замок, и дверь приоткрылась.

— Вы не... — возмутился голос, но Хоуз уже просунул ногу в образовавшуюся щель. Тот, кто был за дверью, попытался было захлопнуть дверь, но в эту секунду Хоуз толкнул дверь плечом, она отворилась, и Хоуз очутился в квартире.

В квартире было темно. Жалюзи были закрыты, пахло мочой, застоявшимся сигаретным дымом, человеческим потом и чем-то еще. Перед Хоузом стоял мужчина в помятой полосатой пижаме. Его лицо заросло пятидневной щетиной, и ему срочно требовалось постричься. Ноги у него были грязные, а на пальцах и на зубах — желтые никотиновые пятна. Дверь позади него была открыта, и Хоузу была видна спальня и кровать со спутанными простынями. На кровати лежала женщина. Кроме испачканной нижней юбки, задравшейся высоко и обнажившей иссеченную шрамами ляжку, на женщине ничего не было.

Не говоря уж ни о чем другом, эти шрамы свидетельствовали о том, что в квартире живут наркоманы.

— Кто вы, черт побери? — спросил мужчина.

— Полиция, — ответил Хоуз.

— Предъявите документы.

— Не умничай, парень, — сказал Хоуз, вытаскивая из кармана бумажник. — Достаточно взглянуть на все это, чтобы понять, что тебя ждут неприятности.

— А может, это вас ждут неприятности за насильственное вторжение в квартиру! — отпарировал мужчина, глядя на удостоверение, которое Хоуз совал ему в лицо. Хоуз положил бумажник обратно в карман брюк и подошел к окну в кухне. Он поднял жалюзи, открыл окно, через плечо бросив мужчине:

— Ты что, уже дышать перестал?

— Что тебе нужно, легавый?
— Как тебя зовут?
— Боб Фонтана.
— А девчонку?
— Спроси у нее,— ответил Фонтана.
— Спрошу, когда придет ее черед. А пока скажешь ты.

— Я забыл,— пожал плечами Фонтана.
— Сколько дней вы уже здесь сидите?
— Не знаю. Какой сегодня день?
— Понедельник.
— Уже понедельник?
— Не возражаешь, если я открою еще одно окно?
— Ты что, борец за свежий воздух?

Хоуз вошел в спальню и открыл там оба окна. Девушка на кровати даже не пошевелилась. Обходя кровать, он натянул юбку ей на ноги.

— В чем дело, легавый? — любопытствовал Фонтана.— Не любишь шлюх?

— Сколько времени она в таком состоянии? — спросил Хоуз.

— Откуда мне знать? Я даже не помню, как ее зовут.

— Она жива? — спросил Хоуз.
— Надеюсь. Она ведь дышит, разве нет?

Хоуз, взяв девушку за руку, проверил пульс.

— Еле-еле,— сказал он.— Чего вы набрались?

— Не понимаю, о чем ты,— отозвался Фонтана.

Со стула, стоявшего возле постели, Хоуз взял обожженную столовую ложку.

— Что это, Фонтана?

— По-моему, ложка. Наверное, кто-то ел суп.

— Да ладно тебе. Где он?

— Что? Суп?

— Наркотик, Фонтана.

— Значит, для этого ты явился сюда?

— Кончился, что ли? — спросил Хоуз.

— Не знаю. Ты сам задаешь вопросы и сам вроде на них отвечаешь.

— Ладно,— сказал Хоуз,— начнем сначала. Сколько ты уже сидишь здесь в квартире?

— С Нового года.

— Все празднуешь? А девчонка?

— Это моя сестра, и отстань от меня,— сказал Фонтана.

- Как ее зовут?
- Луиз.
- Луиз Фонтана?
- Ага.
- Где она живет?
- Здесь. А ты думаешь где?
- А ты где?
- Тоже здесь.— Фонтана заметил, что Хоуз нахмурился.— Забудь об этом, легавый. Я сплю на кушетке.
- Сколько ей лет?
- Двадцать два года.
- А тебе?
- Двадцать шесть.
- Давно ты на наркотиках?
- Я не понимаю, о чем ты. Если у тебя есть, за что меня наколоть, выкладывай. А иначе убирайся.
- Почему? Ждешь кого-то?
- Ага. Президент Джонсон обещал прийти. Обсудить отношения с русскими. Он приходит обедать каждый понедельник.
- Кто такой Джорджи? — спросил Хоуз.
- Не знаю. А кто он такой?
- Когда я постучался в дверь, ты спросил, не Джорджи ли это.
- Разве?
- Как его фамилия?
- Джорджи Джессел. Он приходит вместе с президентом.
- Тогда поступим по-другому,— предложил Хоуз.— Не возражаешь, если я загляну в ящики комода?
- Советую предъявить ордер на обыск, прежде чем копаться в моем белье,— сказал Фонтана.
- Так, тут возникает небольшая дилемма,— заявил Хоуз.— Может, ты поможешь мне ее разрешить?
- Конечно, буду рад прийти на помощь закону,— торжественно произнес Фонтана, закатив под лоб глаза.
- Быть наркоманом — это еще не нарушение закона, тебе такое, наверное, известно.
- Я даже не знаю, что такое наркоман.
- Но наличие определенного количества наркотиков — это уже нарушение закона. Вот тут и возникает дилемма, Фонтана. Наколоть тебя я не могу, пока не докажу наличия наркотиков в квартире. А доказать наличие без обыска тоже не могу. Но если я схожу в участок за

ордером на обыск, ты спустишь в туалет все, что у тебя есть. Так что же мне делать?

— Почему бы не пойти домой и лечь спать, забыв обо всем? — предложил Фонтана.

— Конечно, я могу пойти против закона, обыскать квартиру и найти шесть фунтов героина...

— Еще чего!

— ...тогда никто и не вспомнит, был или не был у меня ордер, а?

— Кто о чем будет вспоминать? Кого ты обманываешь, легавый? В последний раз я видел в этой округе ордер на обыск тогда же, когда в середине лета шел снег. Беспокоишься, что у тебя нет ордера? Так я и поверю. Ты взломал дверь и ворвался в квартиру, а теперь вдруг забеспокоился об ордере? Ха!

— Никто не ломал дверь, Фонтана.

— Нет, конечно, ты только помог себе ножкой и плечиком, вот и все. Слушай, я полицию знаю. Обыскивать ты будешь, так чего крутить вола? Давай начинай, потому что я хочу спать.

— Знаешь что, Фонтана?

— Что?

— По-моему, у тебя ничего нет.

— Тебе это было известно с самого начала, легавый.

— Иначе ты бы боялся обыска.

— Верно. Тогда, раз мы договорились, почему бы тебе не мотать отсюда?

— Почему? Разве ты не хочешь, чтобы я был здесь, когда придет Джорджи?

— Я уже сказал тебе: я хочу обратно в постель.

— Ты ведь спишь на кушетке.

— Ага, значит, на кушетку,— согласился Фонтана.— Она вправду мне сестра, поэтому не старайся меня поймать.

— Как ее зовут?

— Лоис.

— В прошлый раз ты сказал «Луиз».

— Я сказал «Лоис».

— Ты что же, говоря о сестре, называешь ее шлюхой?

— Она и есть шлюха. И то, что она мне сестра, ничего не меняет. Все девки — шлюхи.

— Славный ты малый, Фонтана. Ты когда мылся в последний раз?

— Ты кто? Полицейский или представитель санинс-

пекции? Если ты закончил, давай вали отсюда. Мне эти разговоры надоели.

— А что, если я скажу тебе, что Джорджи сегодня не придет?

— Не придет?

— Нет. А что, если он вообще никогда не придет?

— Почему?

— Отгадай.

— Это старый фокус, легавый. Ты хочешь, чтобы я сказал: «Джорджи не придет, потому что его взяли»,— и тогда ты спросишь: «Взяли за что?» Только я на это не покупаюсь.

— Давай-ка попробуем сказать по-другому,— предложил Хоуз.

— Ну?

— Джорджи не придет, потому что он умер.

Фонтана опешил. Он молча глядел на Хоуза, потом вытер рукой губы.

— Да,— подтвердил Хоуз,— ушел навсегда.

— Я только что приехал из Миссури,— сказал Фонтана.

— Ты здесь уже с Нового года,— заявил Хоуз.— То есть с прошлого вторника. Джорджи убили в пятницу.

— Когда в пятницу?

— Днем. Где-то между часом и двумя, насколько нам удалось узнать.

— Где?

— Внизу в подвале,— ответил Хоуз.

— Какого черта Джорджи понесло в подвал? — спросил Фонтана.

Хоуз уставился на него.

— Ты мне не ответил,— заметил Фонтана.

— Джордж Лассер? — спросил Хоуз.— О нем идет...

— Не туда попал, легавый,— улыбнулся Фонтана.

Боб Фонтана ожидал прихода кого-то по имени Джорджи, когда Хоуз постучался к нему в дверь. Как жаль, что Джорджи, которого он ждал, оказался вовсе не покойным Джорджи Лассером, потому что иначе выяснилось бы, что Лассер связан с наркотиками, а это многое бы объяснило. Наркотики нынче — самое доходное занятие в мире, куда более доходное, нежели проституция и азартные игры, по правде говоря, крупнейший из всех подпольных бизнесов, если исходить из затраченной на него энергии и реализуемого капитала. Если человек имеет дело с наркотиками, то можно ожи-

дать чего угодно — даже что его зарубили топором. Поэтому в самом деле жаль, что Боб Фонтана ждал не Джорджи Лассера, а какого-то другого Джорджи. Если бы Лассер оказался торговцем наркотиками, полиция знала бы, где искать. А сейчас в руках у них по-прежнему было пусто.

Конечно, поработал он не совсем зря. Хоуз решил дожидаться этого Джорджи Как-его-там. День все равно пропал, поэтому, рассудил он, стоит прихватить этого торговца наркотиками и тем самым помочь ребятам из городского отделения по борьбе с наркоманией, у которых всегда дел неувязка. Беда только в том, что всем в доме известно, что на третьем этаже в квартире у Бобби-наркомана полицейский, чем, наверное, можно было объяснить, что Джорджи в тот день так и не появился.

Хоуз прождал Джорджи почти до трех. Он пытался выяснить у Фонтаны, как фамилия Джорджи, но тот посылал его ко всем чертям. Хоуз обыскал квартиру, но, как и ожидал, ничего не нашел, кроме кучи грязных носков. В два тридцать проснулась девица. Хоуз спросил, как ее зовут, на что она ответила: «Бетти О'Конор». На вопрос, сколько ей лет, она сказала: «Двадцать два года», поэтому он не смог даже пришить Фонтану растление малолетней. В два тридцать пять девица спросила у Хоуза, нет ли у него сигареты. Хоуз дал ей сигарету, после чего она поинтересовалась, не приходил ли Джорджи. Фонтана поспешил сказать ей, что Хоуз из полиции. Девица оглядела Хоуза с ног до головы, решила, что попала в беду, не совсем понимая в какую, потому что только что вернулась из долгого путешествия над мягкими белыми холмами на спинах гигантских лиловых лебедей, но слово «полиция» предвещало беду, а когда попадаешь в беду, надо делать то, чему тебя научила твоя мать.

— Хотите лечь со мной? — приветливо спросила она у Хоуза.

Самое лучшее за весь день предложение — это уж наверняка. Тем не менее Хоуз его отверг. Вместо этого он ушел, поговорил с остальными жильцами и в семь тридцать пять вернулся к себе домой.

Он позвонил Карелле и доложил ему, что обнаружил две запыленные полки и одну чистую.

Карелла и Хоуз перестали и думать о деле Лассера, как вдруг в пятницу к ним в отдел позвонил Хромой Дэнни и предложил Карелле с ним встретиться. До этой минуты они по отдельности занимались всякими неотложными делами, возникшими в течение недели.

Был, например, на их участке мужчина, который названивал разным незнакомым дамам, объясняя, как ему хотелось бы с ними поступить, причем таким непристойным образом, что даже самые храбрые из них не решались повторить его слов в полиции. За короткий период со вторника до пятницы Карелла выслушал жалобы четырнадцати женщин, оскорбленных этими телефонными звонками. В то же время он откликнулся на двадцать две мольбы о помощи, выезжая на место происшествий вместе с Хоузом, к которому зывали двадцать семь раз. В число таких идиотских случаев входили, например, драка между мужем и женой (между прочим, не такая уж идиотская для жены, которой и вправду здорово досталось, но вызывающая лишь досаду у детектива, которому предстояло раскрыть убийство), квартирные кражи, несанкционированное сборище, грабежи, проституция (хотя для этого существовала полиция нравов), угон автомашин (хотя опять же для этого существовал свой отдел) и даже история с кошкой, которая взобралась на телевизионную антенну и ни за что не желала спуститься (патрульный попробовал ее снять, за что она ему порядком расцарапала лицо и правую руку), и еще много разных, порой приятных, но больше неприятных происшествий.

Одним из приятных происшествий был случай с девушкой, которая разделась в студеный январский день и, оставшись в бюстгальтере и штанишках, решила выкупаться в озере в Гровер-парке. Поскольку озеро оказалось на территории восьмьдесят седьмого участка и поскольку собравшаяся толпа стала угрожать патрульному, который пытался задержать полуголую девушку, когда она вылезла из воды, позвонили в участок, вот Карелле и довелось полюбоваться хорошенькой девушкой, дрожавшей от холода в мокром нижнем белье.

А из неприятных происшествий — была драка между двумя уличными бандами, что случается в январе крайне редко. Большинство банд откладывает урегулирование своих разногласий до теплых дней лета, когда нрав легче

воспламеняется, чему в немалой степени способствует и запах, исходящий от разгоряченных тел. На мостовой остался лежать семнадцатилетний подросток, который истекал кровью, пытаясь задохнуться в порез на животе вывалившиеся внутренности и смущаясь при этом, потому что на него глазела толпа, и в том числе та самая девчонка, которая послужила предметом ссоры. Санитар укрыл его простыней, на которой тотчас проступили кровавые пятна, а потом желтая, похожая на гной слизь, от чего Кареллу чуть не вырвало. Что и говорить, зрелище не из приятных.

Хоуз оказался свидетелем смерти человека: он предпринял попытку выяснить, кто его убил, но человек этот молчал, заливая кровью подушку, ибо в груди у него были четыре дырки от такой штуки, чем колют лед, а потом вдруг сел, уставился на Хоуза и, сказав: «Папа, папа», прижал Хоуза к себе, пачкая кровью его спортивного покроя пиджак. Хоуз смывал кровь в кухне маленькой квартирки, наблюдая, как ребята из лаборатории ищут отпечатки пальцев.

А часом позже он допрашивал сбитого с толку и перепуганного ювелира по имени Морис Сигел, у которого последние двадцать лет был магазин на Эйнсли-авеню и которого регулярно грабили три раза в год. На этот раз грабитель явился в половине первого дня, засунул все, что мог, в большую матерчатую сумку, которую принес с собой, а потом ему, видимо, не приглянулось, как сидит у Сигела на плечах голова, и он так дал ему по ней пистолетом, что Хоузу пришлось разговаривать с человеком, на носу у которого криво сидели разбитые очки, а слезы текли по щекам попеременно с кровью.

Явился он и на вызов, когда человек упал на рельсы в метро на углу Семнадцатой и Гаррис, потом приехал по требованию владельца кафе-мороженого, который утверждал, что кто-то сорвал у него со стены телефон-автомат и убежал с ним, участвовал в розыске троих детей и попытался успокоить человека, который истерически кричал: «Моя жена в постели с другим мужчиной! Моя жена в постели с другим мужчиной!»

Работы в эти дни было невпроворот.

В пятницу утром, десятого января, позвонил Хромой Дэнни, попросив к телефону Стива Кареллу, который чуть не ушел на очередной вызов, на этот раз из литературного агентства, где украли две пишущие машинки,

затем на звонок женщины, которая пожаловалась, что за ней подсматривают, а заодно и проверить жалобу управляющего супермаркетом, который считал, что кто-то присваивает часть их выручки.

— По-моему, я кое-что нащупал,— сказал Дэнни.

— Сейчас можешь со мной встретиться? — спросил Карелла.

— Я еще не встал.

— В таком случае когда?

— Во второй половине дня.

— В какое время?

— В четыре,— назначил Дэнни,— на углу Пятнадцатой и Уоррен.

В девять двадцать семь Карелла вышел из участка, чтобы ответить на поступившие вызовы и надеясь к четырем освободиться. Он попрощался с Хоузом, который решил нанести визит семейному врачу Лассеров в Нью-Эссексе, и в эту минуту доказывал по телефону Дэйву Мерчисону у пульта внизу, что ему необходима служебная машина.

— Эй,— окликнул его Карелла.— Я сказал «до свидания».

— Пока.

— Будем надеяться, что Дэнни притащит что-либо существенное.

— Будем,— отозвался Хоуз и помахал вслед Карелле рукой, пока тот, пройдя через дверь в решетчатой перегородке, не исчез из виду, а затем снова вернулся к телефону и снова принялся кричать на Мерчисона. Но на Мерчисона это впечатления не производило. Хоуз объяснял ему, что его собственная машина в гараже, ей надо делать центровку, а Мерчисон, в свою очередь, упрямо твердил, что все машины участка либо уже в это утро задействованы, либо расписаны и что он не смог бы выделить Хоузу машину, даже если бы ему позвонил комиссар полиции или сам мэр. Хоуз послал его ко всем чертям. Когда он выходил из участка, направляясь к железнодорожной станции, он умышленно прошел мимо Мерчисона, не повернув в его сторону головы. А Мерчисон, занятый коммутатором, и не заметил, как мимо прошагал Хоуз.

Доктор Фердинанд Мэтьюсон был пожилым человеком с львиной гривой седых волос, длинным носом и

бархатным голосом, струившимся из-за поджатых губ. Одетый в черный костюм, он сидел в большом кожаном кресле и, сложив покрытые старческими пятнами руки домиком у себя перед лицом, напряженно и недоверчиво вглядывался в Хоуза.

— Как давно больна миссис Лассер? — спросил Хоуз.

— С тысяча девятьсот тридцать девятого года, — ответил Мэтьюсон.

— А поточнее?

— С сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года.

— Как называется ее нынешнее состояние?

— Параноидальная шизофрения.

— Вам не кажется, сэр, что миссис Лассер следовало бы поместить в психиатрическую лечебницу?

— Ни в коем случае, — ответил Мэтьюсон.

— Несмотря на то что она страдает шизофренией с тысяча девятьсот тридцать девятого года?

— Она не представляет опасности ни для себя, ни для других людей. Поэтому незачем класть ее в лечебницу.

— А была ли она когда-либо в лечебнице?

— Да.

— Когда?

— В тысяча девятьсот тридцать девятом году.

— Сколько она там пробыла?

Снова Мэтьюсон ответил не сразу.

— Так сколько же, сэр?

— Три года.

— Где?

— Не знаю.

— Вы их семейный врач, не так ли?

— Да.

— Можете вы мне сказать, где же она была госпитализирована?

— Я не хочу в этом участвовать, сэр, — вдруг произнес Мэтьюсон. — Не хочу участвовать в том, что вы намерены сделать.

— Я намерен расследовать убийство, — сказал Хоуз.

— Нет, сэр. Вы намерены запрянуть старую женщину обратно в сумасшедший дом, и я вам в этом не помощник. Нет, сэр. В жизни Лассеров и так слишком много горя. Я не стану помогать вам сделать эту жизнь еще хуже. Нет, сэр.

— Доктор Мэтьюсон, уверяю вас, я...

— Зачем вы это делаете? — стоял на своем Мэтьюсон. — Почему не хотите дать возможность старой больной женщине дожить оставшиеся ей дни в мире и покое под защитой человека, который ее любит?

— Извините, доктор Мэтьюсон, я был бы рад дать возможность всем без исключения доживать свои дни в мире и покое, но кто-то лишил этой возможности Джорджа Лассера.

— Эстель Лассер не убивала своего мужа, если вы это предполагаете.

— Никто и не утверждает, что это сделала она.

— Тогда почему вас интересует ее состояние? Она ничего не соображает с сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, когда Тони уехал... — Мэтьюсон резко оборвал самого себя. — Не имеет значения, — сказал он. — Уходите, сэр. Прошу вас мне не мешать.

Хоуз спокойно продолжал сидеть напротив Мэтьюсона.

— Доктор Мэтьюсон, — тихо сказал он, — мы расследуем дело об убийстве.

— Меня не интересует, чем вы...

— Мы можем предъявить вам обвинение в том, что вы препятствуете расследованию, но я предпочел бы не делать этого, сэр. Я просто говорю вам, что миссис Лассер была вполне способна убить своего мужа. Равно, как и Энтони Лассер, был вполне способен...

— Оба ваших предположения совершенно абсурдны, — перебил его Мэтьюсон.

— Если они настолько абсурдны, сэр, то, быть может, вы объясните мне почему.

— Потому, что Эстель с сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года перестала узнавать своего мужа или кого-либо другого. И Тони Лассер ни разу не выходил из дома на Уэстерфилд-стрит с тех пор, как вернулся домой из Виргинии в июне тысяча девятьсот сорок второго года. Вот почему. Вы имеете дело здесь с исключительно деликатным симбиозом, мистер Хоуз, и если вы его нарушите, вы будете виновны в гибели двух людей, которым и так довелось испытать в своей жизни достаточно горя.

— Расскажите мне, что вам известно, — сказал Хоуз.

— Я уже рассказал вам то, что считаю нужным. Больше я ничем не могу вам помочь. Я умоляю вас оставить этих людей в покое. Они не могут иметь никакого отношения к убийству Джорджа Лассера. Если вы под-

нимете этот камень, мистер Хоуз, то найдете под ним всего лишь слепых альбиносов, в панике бегущих от солнечного света. Прошу вас этого не делать.

— Спасибо, доктор Мэтьюсон,— поблагодарил его Хоуз и ушел.

Хоуз не очень верил в старинные поговорки, но тем не менее, припомнив, что дыма без огня не бывает, подумал, что густой дым валит из дома, в котором живут Эстель Лассер и ее сын Тони. Прежде всего, решил Хоуз, необходимо проверить, не укукли ли Эстель в лечебницу в тысяча девятьсот тридцать девятом году по чьей-либо злой инициативе. Поэтому он добрался до нью-эссекской полиции, представился и попросил разрешения посмотреть их архивы за тысяча девятьсот тридцать девятый год. Нью-эссекская полиция всегда была готова сотрудничать с детективами из большого города, ему охотно выдали все дела, и Хоуз на целых полтора часа погрузился в чтение страниц, на которых были зафиксированы мелкие кражи и мошеннические сделки — бедствие этого райского уголка в те далекие счастливые дни. К сожалению, за миссис Лассер не числилось ни мелкой кражи, ни обвинения в мошенничестве. Никакой официальной жалобы против нее не подавалось. Хоуз поблагодарил полицейских и отправился в нью-эссекскую больницу, где также попросил разрешения покопаться в их пухлых историях болезни.

Вечером одиннадцатого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года к дому мистера Джорджа Лассера по адресу Уэстерфилд, 1529, была вызвана «скорая помощь». В восемь двадцать семь миссис Лассер доставили в местную больницу, откуда тринадцатого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года перевели в «Буэна Виста» для дальнейших обследований. Хоуз пошел обратно на станцию, съел в буфете сосиски, выпил стакан апельсинового сока и на поезде в двенадцать четырнадцать отбыл в город. В поезде он трижды менял место, переходя из вагона в вагон,— кому-то на железной дороге пришлось в голову включить кондиционеры, наверное, по причине того, что раз они плохо функционировали в течение июля и августа, то сейчас, в январе, самое время их проверить. Вот и пришлось ему трижды пересаживаться в поисках тепла и, наконец, утешиться тем, что у него появилась возможность до самого конца поездки любоваться скрещенными ножками какой-то рыжеволосой девицы.

Психиатр, с которым он беседовал в «Буэна Виста», оказался довольно молодым человеком, который проработал там не больше пяти лет и потому, разумеется, не мог помнить Этель Лассер. Без судебного ордера или разрешения самого больного он решительно не хотел показывать историю болезни, но Хоуз объяснил, что ищет сведения, которые могут оказаться весьма существенными в деле об убийстве, и что не сомневается в возможности получения ордера, стоит ему лишь съездить за ним. Психиатр без большого энтузиазма решился отыскать историю болезни Этель Лассер, потому что боялся, как он сказал, что она может подать на него в суд за разглашение врачебной тайны. Однако Хоуз сумел убедить его, что миссис Лассер больна и вряд ли в состоянии судиться с кем-либо. Бормоча что-то про себя и неодобрительно покачивая головой, психиатр все же разыскал историю болезни миссис Лассер и подтвердил, что действительно в течение сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года миссис Лассер прошла серию психиатрических тестов. Тут доктор оторвался от записей и, подняв глаза, заметил, что примерно в то же время Гитлер вторгся в Польшу. «Мир и вправду тесен», — кивнул Хоуз.

— Можете ли вы сказать мне, какие факты сопутствовали ее госпитализации? — спросил он.

— Да, конечно. Одиннадцатого сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года, через неделю после того, как ее сына отправили в школу, миссис Лассер...

— Там говорится, что это за школа?

— Да. «Сомс-академи» в Ричмонде, штат Виргиния.

— Это частное учебное заведение, не так ли?

— Да.

— Продолжайте, — попросил Хоуз.

— Миссис Лассер попыталась покончить с собой, вот и все, — сказал психиатр.

— Понятно.

— Оказалось, что это уже ее третья попытка суицида после отъезда сына в школу. На этот раз ее муж всерьез встревожился и вызвал «скорую помощь». Ее отвезли в нью-эссекскую больницу. Там ее осмотрели и направили к нам. У нас в психиатрии работают опытные специалисты.

— Понятно. И какой же диагноз поставили ей, доктор?

— Параноидальная шизофрения, — ответил врач.

— И что было предложено?

— Мы сказали мистеру Лассеру, что его жена нуждается в длительной госпитализации и серьезной медицинской помощи, и рекомендовали ему поместить ее в специальное психиатрическое заведение. Он отказался, по-видимому, по совету своего семейного врача. Тогда мы потребовали судебно-медицинской экспертизы.

— А в чем ее смысл?

— Видите ли, если человек госпитализирован на основании экспертизы, то он может покинуть психиатрическое заведение только с разрешения его директора.

— Для чего следует предварительно обратиться в суд?

— Необязательно, если этому не сопутствует обвинение в уголовном преступлении. В данном случае такового не имелось. — Он еще раз взглянул в историю болезни. — Нет, такового нет. А значит, на выход из заведения требовалось только разрешение директора.

— И куда же миссис Лассер направили? В больницу штата?

— Нет, сэр. Мистер Лассер попросил разрешения поместить ее в частное лечебное учреждение. Просьба была удовлетворена через суд.

— Через суд? Но вы же, по-моему, только что сказали...

— Да, мистер Хоуз, через суд. Обвинения в уголовном преступлении не имелось, но решение судебно-медицинской экспертизы может быть обговорено только в суде. По закону в верховном суде штата. Причем документы о госпитализации должны быть подписаны двумя квалифицированными психиатрами.

— Разве пребывание в подобном частном заведении не очень дорого стоит? — спросил Хоуз.

— Что?

— Пребывание в частном лечебном заведении. Разве?..

— Да, очень дорого.

— Сколько?

— Пребывание в хорошем заведении стоит от двухсот до трехсот долларов в неделю.

— А миссис Лассер поместили в хорошее?

— Да, сэр. Ее отправили в мерсеровский санаторий, который находится здесь в городе. Заведение с превосходной репутацией.

— Понятно, — отозвался Хоуз. — Большое спасибо, доктор. Вы мне очень помогли.

Мерсеровский санаторий располагался на обсаженной деревьями улице в Риверхеде, в противоположном конце города. Хоуз, уйдя утром из участка, уже побывал в Нью-Эссексе, который находился в пятнадцати милях к востоку от Риверхеда, затем в «Буэна Висте» в пятнадцати милях к западу от Риверхеда, а теперь снова очутился в верхней части города, где стояло огромное белое здание, выстроенное в колониальном стиле эпохи Георгов, обнесенное невысокой чугунной оградой, которую вполне мог перепрыгнуть и ребенок. Никакой вывески, не видно было и одетых в белые халаты санитаров или сестер. На окнах, выходящих на улицу, ни решетки, ни даже проволоочной сетки. Короче, ничто, кроме того факта, что здание занимало целый квартал, не свидетельствовало о том, что это больница для умалишенных.

В приемной Хоуз представился дежурной сестре в белоснежном халате, сказав ей, что он детектив, и предъявив свое удостоверение. Дежурная осталась почему-то на удивление равнодушной к его появлению. Она попросила Хоуза присесть, а сама на несколько минут исчезла за огромной дверью красного дерева. Вернувшись, она поинтересовалась, не возражает ли Хоуз подождать еще немного, на что он ответил, что не возражает, и затем посмотрел на часы. Была пятница, начало уик-энда, и его ждал ужин с Кристиной.

В конце, казалось, получаса, но на самом деле прошло минут десять, не больше, дверь красного дерева отворилась, и в приемную вошла очень красивая женщина лет сорока пяти в отлично сшитом голубом костюме. Ее каштановые волосы были сзади высоко подняты и заколоты в строгий пучок, а на лице играла приветливая улыбка.

— Детектив Хоуз? — спросила она.

Хоуз поднялся со скамьи.

— Да,— сказал он и протянул руку.— Добрый день, мэм.

— Добрый день,— откликнулась женщина, пожимая ему руку.— Я миссис Мерсер. Не угодно ли войти?

Он вошел вслед за миссис Мерсер в кабинет, отделанный панелями из того же красного дерева. Она указала ему на обитое пестрой тканью кресло с высокой спинкой, которое стояло перед очень большим письменным столом, покрытым стеклом толщиной в полдюйма. На столе лежали груды, как предположил Хоуз, историй

болезни в потрепанных голубых обложках. Заключенный в рамочку диплом на стене над креслом самой миссис Мерсер гласил, что некая Джералдайн Портер (наверное, так звали миссис Мерсер до замужества, решил он) получила степень бакалавра естественных наук в Бостонском университете. Второй такой же документ свидетельствовал, что Джералдайн Портер Мерсер (он оказался прав насчет девичьей фамилии) получила степень магистра на факультете психологии Корнельского университета. Стену украшали еще с десятков документов, в основном благодарности и награды от самых различных организаций и ассоциаций за превосходную лечебную работу и отличное обслуживание со стороны медицинских работников мерсеровского санатория и лично миссис Мерсер.

— Итак, детектив Хоуз, чем могу быть вам полезна? — спросила она. В разговоре у нее проглядывал акцент северо-западных штатов, который почти исчез после многих лет жизни в Риверхеде. Хоуз улыбнулся своей догадке, и она улыбнулась ему в ответ. — Да?

— Бостон, — ответил он одним словом.

— Почти. Вест-Ньютон.

— Это одно и то же.

— Возможно, — согласилась миссис Мерсер и снова улыбнулась. — Вы еще не объяснили мне причину своего появления у нас.

— Вчера днем был убит человек по имени Джордж Лассер, — сказал Хоуз, не сводя глаз с ее лица. Но взгляд ее голубых глаз остался равнодушным, и полные губы не дрогнули. Она терпеливо и молча ждала. — Его жену зовут Этель Вэлентайн Лассер, — добавил Хоуз.

— Ясно, — откликнулась миссис Мерсер.

— Ее имя говорит вам о чем-нибудь?

— Да. Она у нас лечилась.

— Совершенно верно.

— Я помню. С тех пор прошло немало лет, мистер Хоуз. — Она улыбнулась. — Вас следует называть мистер Хоуз или детектив Хоуз? А то я в растерянности.

— Как хотите, — улыбнулся в ответ Хоуз.

— Тогда мистер Хоуз, — сказала она. — Миссис Лассер лечилась у нас вскоре после нашего открытия, так сказать. Мой муж открыл больницу в тысяча девятьсот тридцать пятом году, и она, по-моему, была здесь в те годы.

— Миссис Лассер поступила к вам в тысяча девятьсот тридцать девятом году, — сказал Хоуз.

— Да, правильно.

— Можете ли вы об этом мне рассказать?

— О чем именно?

— Сколько она платила?

— Что?

— Ведь эта частная лечебница,— сказал Хоуз.— Сколько миссис Лассер платила за лечение в тысяча девятьсот тридцать девятом году?

— Не могу сказать вам точно. Придется поднять наши счета. Хотя сомневаюсь, сохранились ли они.

— Ваши финансовые документы, имеете вы в виду?

— Да. Наши медицинские архивы сохранены полностью.

— Тогда попробуйте вспомнить, хотя бы приблизительно, сколько стоило лечение в тысяча девятьсот тридцать девятом году?

— Пожалуй, сто долларов в неделю. Или сто двадцать пять. Не больше, я уверена.

— И мистер Лассер согласился нести такие расходы?

— Наверное. Его жена лечилась у нас, значит он...

— Регулярно ли он платил?

— Не знаю, мистер Хоуз. Если это важно, я попрошу выяснить, не сохранились ли счета. Но я...

— Успеем проверить это позже,— сказал Хоуз.— Не можете ли вы сказать мне, сколько времени миссис Лассер пробыла здесь?

— Ее выпустили в июне тысяча девятьсот сорок второго года по рекомендации моего мужа.

— Был ли ваш муж убежден в то время, что миссис Лассер можно было по закону считать способной отвечать за свои действия?

— То есть дееспособной? — спросила миссис Мерсер.— По-моему, это выражение не имеет смысла. Нам, психиатрам, оно было навязано представителями судебных органов. Если вы хотите спросить, считал ли мой муж, что миссис Лассер способна жить в кругу своей семьи, да, мой муж так считал. Если вы спрашиваете, был ли он уверен, что миссис Лассер не предпримет новой попытки причинить себе или кому-нибудь другому вред, да, мой муж был в этом уверен. Более того, момент был наиболее благоприятным для ее возвращения домой. Ее болезнь, как вам, возможно, известно, началась с отъезда ее сына в школу. Или, по крайней мере, в эту пору болезнь себя проявила. А в июне тысяча девятьсот сорок второго года сыну было уже восемнадцать, и он

должен был вернуться домой. Мой муж все это тщательно рассчитал. Естественно, он не мог предвидеть того, что произойдет с Тони.

— А что произошло, миссис Мерсер?

— Видите ли... Вы его видели?

— Да.

— У него появилась боязнь внешнего мира,— сказала миссис Мерсер.

— То есть?

— То есть он не выходит из дома.

— Не выходит или не может выйти?

— Не может, если вас так больше устраивает.

— Я спрашиваю, миссис Мерсер, может ли он при желании выйти из дома или он не в силах на это решиться?

— Насколько мне известно, мистер Хоуз, а мы с тысяча девятьсот сорок пятого года перестали быть в контакте с миссис Лассер, насколько мне известно, Тони Лассер по возвращении из школы в июне тысяча девятьсот сорок второго года ни разу не выходил из их дома в Нью-Эссексе. С тех пор прошло много времени, мистер Хоуз. Вы знакомы с природой фобических реакций?

— Нет, не совсем.

— Фобия — это... Как бы вам объяснить?.. Это — сочетание страха с тревогой. Как только тревога погашена...

— А что такое тревога? — спросил Хоуз.

— Неужели в двадцатом веке можно отыскать человека, который не знает, что такое тревога? — изумилась миссис Мерсер и улыбнулась.

— Разве это плохо?

— Если вы никогда не испытывали этого состояния, то это хорошо,— ответила она.— Тревога — это состояние подавленности или психического напряжения, которое обнаруживается в большинстве форм психических расстройств. В случае с Тони Лассером он сублимирует свою тревогу нежеланием выходить из дома.

— Но почему он не хочет выходить из дома? — спросил Хоуз.

— Потому, что ему это физически тяжело.

— Чем именно?

— Он может начать дрожать или потеть, может испытывать учащенное сердцебиение, оказаться в полубморочном состоянии, а то и в самом деле потерять сознание, у него может схватить живот...— Миссис

Мерсер пожала плечами.— Другими словами, у него возникает острая тревога.

— Но, несмотря на все это, он может выйти из дома, если ему понадобится?

— Видите ли...

— Например, если в доме пожар, он ведь попытается выбежать из дома, не так ли?

— Наверное. В зависимости от того, насколько интенсивно его фобическое расстройство. Вообще-то говоря, можно утверждать, что реальный страх перед пожаром при виде огня может оказаться сильнее, нежели фобическая реакция в таком человеке.

— Значит, Лассер мог выйти из дома? — настаивал Хоуз.— Он мог убить своего отца?

— Не знаю,— пожала плечами миссис Мерсер.— Возможно. В этом случае желание убить должно быть исключительно сильным, оно должно заставить его преодолеть собственную боязнь.

— Благодарю вас, миссис Мерсер.

— Думаю, что он мог выйти из дома, мистер Хоуз. Хотя, с другой стороны, подобная акция весьма сомнительна. Тони Лассер у нас не лечится, поэтому я мало что знаю о происхождении и течении его заболевания. Но мне известно, что, когда он в последний раз покидал дом в тысяча девятьсот тридцать девятом году, его мать пыталась наложить на себя руки. Поэтому весьма сомнительно, что он рискнет это сделать вторично.

— Вы хотите сказать, он боится, что она может снова попытаться покончить с собой?

— Нет, не так все это просто, мистер Хоуз. Если бы на этот вопрос было так легко ответить, то нам незачем было бы рассуждать о фобической реакции. Я бы предположила, что он скорее был бы рад, если бы она приняла такую попытку.

— Я вас не понимаю.

— Вполне возможно, он хочет, чтобы его мать умерла. Но он знает, что, если он уйдет из дома, она попытается покончить с собой. Его тайное желание свершится, и вот это-то осуществление желания так его пугает и настолько его тревожит, что отсюда и проистекает его собственная фобия.

— Что-то очень уж сложно,— вздохнул Хоуз.

— Человек — существо сложное, мистер Хоуз. Даже тот, кто хорошо приспособлен к этой жизни.

— Наверное,— улыбнулся Хоуз. Он встал и протя-

нул руку: — Большое вам спасибо, миссис Мерсер, за то, что вы пожелали потратить на меня столько времени. Я знаю, вы очень заняты.

— Может, останетесь? — вдруг спросила она. — Мой муж сейчас заседает с врачами, но они вот-вот закончат. Мы обычно в четыре пьем чай. — Она улыбнулась. — Старая бостонская привычка, знаете ли.

— Да, я слышал об этом, — ответил Хоуз.

— Останетесь?

— У нас в семье любили пить чай, — ответил Хоуз.

— Значит, решено. Я почему-то чувствую себя ужасно виноватой. По-моему, все мои объяснения мало чем вам помогли.

— Может, моему напарнику больше повезло, — отозвался Хоуз. — Во всяком случае, я с удовольствием выпью чая с вами и вашим мужем.

А Хромому Дэнни, наоборот, не сиделось дома.

Карелла вовсе не был против встреч на свежем воздухе, ему только хотелось, чтобы Дэнни был более осмотрителен при выборе места встречи.

— На пересечении Пятнадцатой и Уоррен, — сказал Дэнни, несомненно выбрав именно этот угол, потому что он находился в нескольких милях от участка. Возможно, он не знал, а может, и не потрудился задуматься над тем, что правый угол, образуемый этими улицами, приходится на пустырь, продуваемый всеми январскими ветрами. Карелла, подняв воротник пальто как можно выше и засунув туда голову на манер черепахи — ушей своих он уже не чувствовал, — стоял, держа руки в карманах пальто, полы которого били ему по ногам, проклинал Хромого Дэнни и никак не мог понять, зачем его отец в свое время покинул Италию. В Италии, когда carabinieri* встречаются с осведомителем, то происходит это, по всей вероятности, за столиком, вынесенным на тротуар под горячие лучи солнца. «Buon giorno, tenente, — скажет осведомитель. — Vuole un piccolo bucciere di vino?»* *

— Привет, Стив, — прошептал кто-то у него за спиной.

* Карабинер, полицейский. (ит.)

** «Добрый день, лейтенант. Не угодно ли стаканчик вина?» (ит.)

Он узнал Дэнни и тотчас обернулся. На Дэнни было зимнее пальто из толстого ирландского твида с огромным воротником, прикрывавшим весь затылок. Кроме того, на нем был шерстяной шарф, клетчатая кепка и ярко-желтые наушники. Выглядел он веселым, отдохнувшим, а главное, ему было тепло.

— Уйдем куда-нибудь с этого холода,— простучал зубами Карелла.— Что с тобой, Дэнни? Я помню времена, когда мы встречались как цивилизованные люди, в ресторанах и барах. К чему вдруг эта насквозь промерзшая тундра?

— Тебе холодно? — удивился Дэнни.

— Я стою здесь на углу уже пятнадцать минут. Послушай, как гудит ветер. Прямо как на Северном полюсе.

— Смотри-ка, а мне тепло,— сказал Дэнни.

— Вон там подальше кафетерий. Пойдем туда,— предложил Карелла. И уже на ходу спросил: — Разузнал что-нибудь для меня?

— Разузнал насчет игры. Не знаю, какая тебе от этого польза, но кое-какие подробности прорезались.

— Выкладывай.

— Во-первых, игра ведется не регулярно, как ты считал. Играют, когда охота. Иногда два-три раза в неделю, а порой и раз в месяц, понятно?

— Понятно,— отозвался Карелла.— Входи.

Он вошел в кафетерий сквозь вращающиеся двери. Дэнни последовал за ним.

— Я всю жизнь боюсь вращающихся дверей,— заметил Дэнни.

— Почему?

— Ребенком меня один раз прищемило.

— Кофе будешь?

— Конечно.

Они подошли к стойке, взяли две чашки кофе и нашли пустой столик в глубине зала. Прежде чем сесть, Дэнни внимательно огляделся.

— В этих открытых круглые сутки кафетериях обычно гужутся наркоманы,— сказал он.— Не хватало, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел меня с тобой.

— Давай,— сказал Карелла,— рассказывай про игру.

— Я уже сказал тебе, что ты ошибаешься: игра там ведется нерегулярно, так?

— Да. Что еще?

— Во-вторых, ты прав насчет того, что играют они

в одном и том же месте. Но, Стив, размах этой игры не заслуживает внимания.

— Ты имеешь в виду число игроков или ставки?

— И то и другое. Если каждый раз набирается десять человек, считай, что им повезло.

— Это не так уж мало,— заметил Карелла.

— Да нет, ерунда. Я видел, как вокруг стола сидит двадцать человек.

— Ладно, а как насчет ставок?

— По малой. Лимита нет, но ставка не больше доллара-двух, от силы пятерки.

— А что насчет Лассера? Имел он что-нибудь с этого?

— Нет.

— Тогда зачем рисковать, позволяя у себя в подвале играть?

— Не знаю, Стив.

— Да, не очень понятно.

— Непонятно и насчет игроков.

— А кто там играл, Дэнни?

— Каждый раз другие, большей частью мелочь всякая. Постоянных было только двое, насколько мне удалось выяснить.

— И кто это?

— Один — Акула Эли Спедино, слышал про такого?

— Что про него известно?

— Почти ничего,— ответил Дэнни.— По-моему, он сидел, и не раз, в Каслвью. За что — не знаю.

— А кто второй?

— Его зовут Зигги Рёр. Слышал про такого?

— Нет.

— Я тоже. Во всяком случае, игра была на уровне детсадовской. Деньги небольшие, да и про игроков никто ничего не знает.

— Были такие, кто выиграл порядочно?

— Как можно выиграть порядочно, если ставят по мелочи? Кроме того, если Лассер не был банкометом, с чего это кому-то затаить против него злобу, выиграл ты или проиграл?

— Да, верно. Я ничего что-то не понимаю, Дэнни.

— Одно я понимаю,— ответил Дэнни.— По какой бы причине Лассер ни позволял им пользоваться его подвалом, во всяком случае, не потому, что ему за это платили.

— А он сам вкладывал деньги?

— Ты о чем?

- Сам он играл? — спросил Карелла.
- Нет. Иногда смотрел, как играют. Но большую часть времени сидел в другой стороне подвала, читал газету или раскладывал пасьянс.
- Кто тебе об этом рассказал, Дэнни?
- Малый, который участвовал в нескольких играх, а потом понял, что зря теряет время.
- Не понимаю,— покачал головой Карелла.— Ей-богу, не понимаю.
- Чего ты не понимаешь?
- Лассер должен был зарабатывать на этих играх. Так, по крайней мере, объяснили мне его приятели.
- Приятели не всегда знают,— пожал плечами Дэнни.— Я говорю тебе то, что узнал, Стив. Играли по маленькой. Лассер с этого ничего не имел.
- Может, кто-то из них платил ему постоянно за право играть? Сотни две долларов, как ты думаешь?
- Стив, это же не игра, а слезы, понятно? Доллар-два, вот и все. Кто же будет платить Лассеру за это две сотни, можешь ты объяснить? Банк-то у них был пустяковым.
- Ладно, не две сотни, а четвертую или что-то вроде этого.
- Это ближе к истине, только я не пойму зачем.
- За меньшие деньги он не стал бы рисковать,— отозвался Карелла.
- Рисковать? Послушай, Стив, из того, что мне стало известно, я понял, что об этой игре знают все патрульные на том участке. А это значит, что им платили, верно? Поэтому чем рисковал Лассер? Никакого риска не было. Он позволял им пользоваться подвалом, а сам оставался чистым.
- Значит, просто делал одолжение? — спросил Карелла.
- Почему бы и нет? Давал ребятам возможность поиграть. Почему в это так трудно поверить?
- Нипочему,— ответил Карелла.— Я верю.
- Тогда в чем проблема?
- Мне хотелось бы знать, каким образом Джорджи Лассер, который жил на такой респектабельной улице в Нью-Эссексе, познакомился с подонками, которым захотелось поиграть в кости в его подвале.
- Почему бы не спросить об этом самих подонков? — усмехнулся Дэнни.
- Именно это я и собираюсь сделать.

Акула Эли Спедино явился в сыскной отдел по собственному почину в десять утра в понедельник тринадцатого января. Весь уик-энд его в городе не было, объяснил он, а когда вернулся, узнал кое от кого по соседству, что двое ле... два детектива его разыскивают. Поскольку скрывать ему было нечего, он рассудил, что лучше самому прийти к ним прежде, чем они объявят розыск по всей стране, ха-ха-ха.

Карелла и Хоуз предоставили Спедино возможность немного попохотать, а затем попросили его присесть. Спедино недаром прозвали Акулой. Голова у него по форме напоминала акулью голову, а когда он улыбался, у человека замирала душа при виде его острых мелких зубов. Он обладал подвижностью и грацией танцовщика, и поэтому казалось, будто он, не прилагая никаких усилий, способен скользить в водах Карибского моря, охотясь среди коралловых рифов за аквалангистами. И кроме того, он был не то чтобы бесстрашным, а каким-то непредсказуемым. Невозможно было понять, что он предпримет, если брызнуть ему в лицо водой: уплывет ли в страхе или начнет кровожадную атаку. Акула не понравился Карелле еще тогда, когда он перечитывал имеющееся на Акулу досье, и вызвал у него еще меньше симпатии, когда расположился перед ним за столом в следственном отделе.

— Так зачем я вам понадобился? — переспросил Спедино, усевшись на стул в понедельник утром.

— Доводилось отбывать срок, Спедино? — решил проверить его Карелла.

— Если вы меня искали, значит, уже видели мое досье и прекрасно знаете, что я делал и чего не делал, верно? — улыбнулся Спедино своей акульей улыбкой, обнажив мелкие острые зубы.

— Предположим, что не видели и ничего о тебе не знаем. Расскажи-ка лучше сам.

— Я засыпался дважды, — сказал Спедино, и улыбка исчезла с его лица, сделав взгляд еще более напряженным. — В тысяча девятьсот тридцатом году подделал кое-какие бумаги и отсидел пять лет — весь срок — в Каслвью.

— Впервые нарушив закон? — спросил Карелла.

— Да.

— И отсидел весь срок?

— Да. Мне в ту пору было всего восемнадцать, норовом я был горяч, поэтому освобождения условно, честно говоря, не заслужил.

— Значит, тебя выпустили в тысяча девятьсот тридцать пятом году, верно?

— Да. А в тысяча девятьсот тридцать шестом я снова сидел, только уже не в Каслвью.

— Где и за что?

— Шесть месяцев на Уокер Айленде за подстрекательство к преступлению.

— И кого же ты подстрекал?

— Я пытался убедить одного малого из банка изготовить на мое имя несколько чеков.

— И каким манером ты его пытался убедить?

— Сказал, что порежу, если он этого не сделает.

— И чем это кончилось?

— Он пошел в полицию,— пожал плечами Спедино.— Чеков я так и не получил, зато заработал шесть месяцев на Уокере.

— А с тех пор? — спросил Хоуз.

— Чист, как снег.

— А кто играл на деньги в подвале у Лассера?

Выражение лица у Спедино не изменилось ни на йоту.

— Какие игры? — спросил он.— И кто такой этот Лассер?

— Джордж Лассер.

— Первый раз слышу.

— Пятая Южная, 4111.

— А где это?

— Мы знаем, что ты там бывал, Спедино.

— Когда шла игра? — спросил Спедино.

— А что? Решил рассказать все как на духу?

— Нет. Просто думаю, может, вы меня с кем-то спутали. Поэтому и спросил, когда играли.

— Спедино,— медленно сказал Карелла,— ты — мешок дерьма.

— Может, и так,— не стал возражать Спедино, улыбнувшись своей хищной улыбкой,— но я и вправду ни в чем не замешан с тех пор, как вышел из тюрьмы, и надеюсь никогда больше туда не возвращаться.

— Хочешь сказать, надеешься, что тебя никогда больше не поймают, а, Спедино?

— Нет, сэр, я хочу сказать, что больше ни в каких противоправных действиях я не участвую.

— Начиная с тысяча девятьсот тридцать шестого года, так?

— Да, сэ, с ноября тысяча девятьсот тридцать шестого года, так будет вернее.

— А когда ты познакомился с Лассером? Приблизительно в ту пору?

— Не знаю я никакого Лассера,— упорствовал Спедино. Его речь, равно как и поведение, резко изменились, как только Карелла упомянул об игре в кости. Он старательно выговаривал каждое слово на манер преподавателя ораторского искусства, чем еще больше стал похож на мелкого мошенника, который один раз сел за попытку подделать чеки, а второй — за угрозу применить насилие в ответ на отказ оказать ему помощь на выбранной им стезе, заключававшейся снова в подделке документов. И в то же время сидел он на стуле прямо и пытался держаться с достоинством, но тем не менее напоминал выбравшуюся каким-то образом из вод морских акулу в темно-синем костюме с серым галстуком и серой шляпой, что лежала у него на коленях.

— Лассер — это тот, кто позволил вам играть в кости в своем подвале,— объяснил Карелла.— Тебе и твоему приятелю Зигги Рёру, игравшим постоянно. Кстати, кто он такой, Спедино? У нас за ним ничего не числится.

— Первый раз в жизни о нем слышу,— сказал Спедино.

— Спедино, меня ты слышишь? — спросил Карелла.

— Слышу.

— Спедино, мы имеем дело с убийством.

— Что значит «с убийством»?

— Речь идет не об игре и даже не о подделке чеков. Речь идет о человеке, которого зарубили топором.

— Я и муху-то убить не способен,— возмутился Спедино.— Куда уж мне взяться за топор,— попробовал пошутить он, но детективы продолжали смотреть на него без улыбки.

— Убийство,— сказал Хоуз.

— Убийство,— подтвердил Карелла.

— Убийство? — вдруг рассердился Спедино.— Чего это вы вдруг решили мне пришить? Сроду не слыхал ни о Джордже Лассере, ни о Зигмунде Фрейде.

— О Зигги Рёре,— поправил Карелла.

— Ага, о нем. Что это с вами, ребята? Вы что, взялись теперь за тех, кто завязал? Ну, промазал я

дважды еще в тридцатые годы, так какое это имеет отношение к нынешнему дню? Оставьте меня в покое, а? У вас что, есть против меня какие-то факты? А если нет, то либо я уйду, либо дайте мне вызвать моего адвоката.

— Смотри-ка какую птицу мы сюда заплучили,— заметил Хоуз.— Настоящий гангстер. У него, оказывается, и свой адвокат имеется! Ну-ка, Спедино, давай покажем, как это делается в кино! Ты вызовешь своего адвоката, а мы будем стоять перед ним навтыжку и величать его «сэр», верно?

— Ха-ха, очень смешно,— угрюмо отозвался Спедино.

— Расскажи нам про игру в кости,— сказал Карелла.

— Не знаю я ни про какие игры. Сказать по правде, я и счет-то вести не умею. Семь или одиннадцать — мне все едино.

— Еще бы! — отозвался Карелла.

— Именно так.

— Нам хотелось бы знать про твои связи с Джорджем Лассером или, верней, какими они были,— сказал Карелла.— Может, все-таки соизволишь поведать нам то, что нас интересует, Спедино, пока мы сами не отыскали, и тогда уж обязательно все повесим на тебя.

— А что это вы собираетесь отыскать? Кого вы берете на пушку? Я чист, как снег.

— Чем ты зарабатываешь себе на жизнь, Спедино?

— Я работаю в книжном магазине.

— В каком магазине?

— Не верите, а? Вам кажется, что если отсидел в тюрьме, то в книжном магазине уже и работать нельзя? Вот представьте себе, что именно там я и работаю.

— В каком книжном магазине?

— На Хэмптон-авеню в Риверхеде, где торгуют остатками нераспроданных книг.

— Как зовут твоего босса?

— Мэтью Хикс.

— И сколько он тебе платит?

— Сто семнадцать долларов в неделю за вычетом налогов.

— И ты стараешься их спустить в игре в кости?

— Я нигде не стараюсь их спустить,— с достоинством ответил Спедино.— Я женат, у меня двое детей, и с тысяча девятьсот тридцать шестого года я ни разу

не нарушил закона. Послушайте, я ведь уже не молод, мне пятьдесят два года.

— А Джорджу Лассеру было восемьдесят семь,— заметил Хоуз.

— Прекрасный возраст,— отозвался Спедино,— и тем не менее я с ним знаком не был.

— Значит, нас неверно информировали, да? — спросил Карелла.

— Вероятно.

— Ты никогда не был возле дома 4111 на Пятой Южной, ничего не знаешь об игре в кости, которая шла в подвале этого дома, и не знаком ни с Джорджем Лассером, ни с Зигги Рёром, так?

— Совершенно верно,— кивнул Спедино.— Вы правильно меня поняли.

— Мы еще вернемся к тебе, Спедино,— пригрозил Карелла.

— А сейчас я могу идти?

— Где ты провел этот уик-энд?

— За городом, я вам уже сказал.

— Где?

— Я возил семью в Джерси на несколько дней.

— А почему сегодня ты не на работе?

— Мы открываемся только в одиннадцать.

— А когда закрываетесь?

— В семь вечера. Это ведь книжный магазин. Люди не заходят в книжный магазин в восемь утра.

— Кто написал «Мы чужие при встрече»? — вдруг спросил Хоуз.

— Не задавайте мне вопросов про книги,— сказал Спедино.— Моя работа состоит в том, чтобы сидеть за кассой да смотреть, чтобы кто ненароком не утащил книгу.

— Ладно,— наконец сжалился Карелла,— спасибо, что зашел, Спедино. Иди лучше на работу, не то опоздаешь.

Спедино встал, держа шляпу в руках. Посмотрев сначала на Кареллу, а потом на Хоуза, он сказал:

— Вы все-таки считаете, что я замешан в этом деле, да?

— Мы тебя известим, Спедино.

— Тогда у меня к вам одна просьба.

— Какая?

— Когда будете звонить моему боссу, мистеру Хиксу, скажите ему, что это просто очередная проверка,

ладно? Не говорите, что вы меня в чем-то подозреваете.

— Ладно,— ответил Карелла.

Спедино с той же присущей ему акульской улыбкой обратился к Хоузу, словно призывая его в сообщники:

— Он мне не верит, твой партнер.

Хоуз ответил не менее хищной улыбкой:

— Я тоже.

Пожав плечами, Спедино вышел из следовательского отдела.

Самое забавное в истории Спедино оказалось то, что в ней не было ни капли лжи. Он действительно работал в книжном магазине в Риверхеде, владелец которого, мистер Мэтью Хикс, сказал Карелле, что Спедино сидит за кассой и следит за мелкими воришками, очень умело их замечая. За выполнение его обязанностей Хикс платил ему сто семнадцать долларов в неделю за вычетом налогов, и Спедино, по-видимому, был вполне доволен своей работой, доволен своей женой и двумя дочерьми, одна из которых была замужем за бухгалтером, а вторая ходила в колледж, где изучала фармацевтику.

Положив трубку, Карелла изложил все эти сведения Хоузу, который, мрачно кивнув, вытащил из ящика стола телефонный справочник. Они отыскиали в справочнике Зигмунда Рёра, проживающего на Бартлетт-стрит, и, вызвав служебную машину, отправились по этому адресу. По дороге Хоуз опять принялся рассуждать на тот счет, каким образом Джордж Лассер на скудное жалованье управляющего был в состоянии в тысяча девятьсот тридцать девятом году оплачивать учебу сына в частной школе и содержать жену в частной психиатрической лечебнице.

— Так где, черт побери, он брал деньги? — несколько раздраженно отозвался Карелла.

— А я-то тут при чем? — удивился Хоуз.

— Ни при чем, ни при чем,— поспешил заверить его Карелла.— Просто это дело начинает действовать мне на нервы, вот и все. Не выношу загадок.

— Может, мистер Рёр сумеет помочь нам решить все загадки,— улыбнулся Хоуз.

— Надеюсь,— вздохнул Карелла.— Только и останется, что уповать на других.

Но мистер Рёр, как выяснилось, был не в состоянии помочь им разрешить загадку. Мистер Рёр, человек лет шестидесяти пяти, худощавый и жилистый, с лысой

головой и острым взглядом карих глаз, одетый в коричневый свитер на пуговицах и клетчатую шерстяную рубашку без галстука, впустил их к себе в квартиру только после того, как они предъявили свои удостоверения, и затем спросил, чем может быть им полезен.

— Расскажите нам все, что вам известно об игре в кости в подвале дома 4111 на Пятой Южной,— попросил Карелла, решив сразу приступить к делу.

— Об игре во что? — переспросил Рёр.

— Мистер Рёр, мы не в настроении играть в кошки-мышки,— сказал Карелла, рассуждая, что раз уж пошел в открытую, то какого черта? — Игра на деньги — правонарушение, зато убийство — преступление из числа тех, в которых ни в коем случае не следует быть замешанным. Поэтому лучше сейчас рассказать нам все, что вам известно про эту игру, кто еще принимал в ней участие и почему...

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— сказал Рёр.

— Об игре в кости, мистер Рёр.

— Не понимаю, о чем идет речь.

— Об убийстве Джорджа Лассера, мистер Рёр.

— Не понимаю, о ком идет речь.

— Ладно. Я уже сказал вам, что шутить мы не намерены. Берите вашу шляпу, мистер Рёр.

— Вы что, меня арестовываете? — спросил Рёр.

— Мы намерены устроить небольшой смотр, мистер Рёр. Мы покажем вас другому игроку и попросим его вас опознать. Как вы на это смотрите, мистер Рёр?

— Надеюсь, вам известны последствия незаконного лишения свободы?

— Вот как? Вы что, адвокат, мистер Рёр?

— Я работал в счетно-аналитической конторе.

— И что вы там делали?

— Занимался бухгалтерским учетом.

— У вас собственное дело или вы на кого-нибудь работаете?

— Я уже на пенсии,— сказал Рёр.— А работал в фирме «Кавано энд Пост» здесь, в городе.

— Хорошо. Значит, спешить вам некуда.

— Мне хотелось бы пригласить моего адвоката.

— Мистер Рёр, мы вас не арестовываем,— сказал Карелла.— Мы просим вас поехать вместе с нами в полицейский участок. На такую просьбу офицеры полиции, расследующие дело об убийстве, имеют полное право. В участке мы задержим вас ненадолго, чтобы определить,

можно ли вас отпустить или предъявить вам обвинение. Все это ничуть не противоречит закону, мистер Рёр.

— Что означает «ненадолго»? — спросил Рёр.

— Нам придется вызвать еще несколько человек,— объяснил Карелла.— Как только они явятся, мы проведем очную ставку, ясно? На это не уйдет много времени.

— Я еду с вами, но заявляю протест,— сказал Рёр, надевая пальто.

— Мистер Рёр,— заметил Карелла,— мы ведь не в баскетбол играем.

Когда они втроем приехали в следственный отдел, Карелла позвонил Хрому Дэнни и, объяснив ему, что задержал Рёра, сказал, что хочет найти и Спедино.

— Зачем? — спросил Дэнни.

— Я хочу, чтобы твой знакомый их опознал.

— А зачем? Они что, отрицают, что участвовали в игре?

— Совершенно верно.

— Врут. Я тебе дал точные сведения, Стив. Малому, у которого я это выяснил, обманывать меня было ни к чему.

— Ладно. По-твоему, он захочет прийти сюда и их опознать?

— Не знаю. Он ведь не подозревал, что его рассказ будет передан легавым, понятно?

— Извести его об этом, идет?

— Все равно, по-моему, он не придет, Стив.

— Мы можем его взять насильно.

— Чем подведете меня под монастырь. Кроме того, это не совсем просто.

— Что ты имеешь в виду?

— Если ты захочешь его задержать, тебе придется оформить бумаги на экстрадицию.

— Почему? А где он?

— Он в субботу отбыл в Пуэрто-Рико.

— И когда вернется?

— Весной. После пасхи.

— Здорово,— отозвался Карелла.

— Весьма сожалею.

— Черт с тобой,— сказал Карелла и положил трубку.

Несколько секунд он смотрел на телефон, потом прошел через дверь в решетчатой перегородке и пошел по коридору в так называемое помещение для допросов, где его ждали Хоуз и Рёр. Отворив дверь с матовым

стеклом, он вошел в комнату, сел в торце длинного стола и сказал:

— Я обещал задержать вас ненадолго, мистер Рёр. Сколько вы у нас были? Десять минут?

— Сколько еще...

— Вы можете ехать домой,— сказал Карелла. Рёр удивленно воззрился на него.— Идите, вы меня поняли?! Поезжайте домой.

Рёр молча встал, надел пальто и шляпу и вышел из комнаты.

В половине третьего дня позвонил детектив лейтенант Сэм Гроссман. Над Гровер-парком бушевал ветер, его порывы хлестали по забранным решеткой окнам следственного отдела, свистели под карнизами старого здания. Карелла вслушивался в рев ветра, за которым, подобно теплему ветерку, пришедшему откуда-то с юга, звучал мягкий голос Сэма Гроссмана.

— Стив, у меня, пожалуй, есть кое-что, проливающее свет на это убийство топором,— говорил Гроссман.

— Например? — спросил Карелла.

— Например, мотив преступления.

На секунду Карелла замер. Оконные стекла дрожали под новым яростным порывом ветра.

— Что ты сказал? — спросил он Гроссмана.

— Я сказал, что, по-моему, мне известен мотив.

— Мотив убийства?

— Да, мотив убийства. А ты о чем подумал? Разумеется, мотив преступления, а не праздника.

— Извини, Сэм. Это дело...

— Ладно, хочешь слушать или нет? А то у меня и без вас забот полон рот.

— Слушаю,— улыбнулся Карелла.

— По-моему, мотив преступления — ограбление,— сказал Гроссман.

— Ограбление?

— Да. Что с тобой? Оглох, что ли? Я сказал, ограбление.

— Но чего там грабить, в этом подвале?

— Деньги,— ответил Гроссман.

— Где?

— Могу я говорить по порядку?

— Разумеется. Слушаю тебя,— повторил Карелла.

— Мы не особенно любим у себя в лаборатории де-

лать выводы,— сказал Гроссман.— Мы предоставляем это вам, умникам, кому и положено бывать на месте преступления. Но...

— Да уж умники,— пробормотал Карелла.

— Послушай, ты можешь меня не перебивать?

— Извини, извини,— заторопился Карелла.— Весьма сожалею, сэр, весьма сожалею. Покорно прошу простить, сэр.

— Ладно, ты тоже меня извини,— отозвался Гроссман.— Я хочу объяснить тебе, что звонок Коттона заставил нас здесь задуматься, и мне представляется, что теперь все понятно.

— Слушаю,— сказал Карелла.

— Возле топки стоит верстак, ты, наверное, его видел.

— Позади бункера с углем?

— Кажется. Тебе лучше знать. Я ведь сужу только по фотоснимкам. А ты там был.

— Давай дальше, Сэм.

— Над верстаком висят три полки. На них полно всяких банок и коробок с шурупами, шайбами, болтами и гвоздями, словом с обычным дерьмом, которое всегда можно найти рядом с верстаком. И все это покрыто пылью.

— Коттон мне об этом говорил,— сказал Карелла.

— Верно. Значит, тебе также известно, что две полки покрыты пылью, а вот полка номер три, средняя, вытерта начисто.

— Почему?

— А как ты сам думаешь?

— Чтобы убрать отпечатки пальцев.

— Конечно. Что понятно и школьнику. Поэтому я послал туда еще раз Джона Ди Меццо с наказом внимательно просмотреть каждую банку и каждую коробку на этой полке. Что Джонни и проделал. Он очень добросовестный работник.

— И?

— Почему я велел ему просмотреть эти банки и коробки? — спросил Гроссман.

— Что это? Тест на сообразительность?

— Просто проверяю,— сказал Гроссман.

— Потому, что ты решил, что, если кто-то вытер эту полку, значит, ему что-то потребовалось с этой полки. А когда он это что-то заполучил, испугался, что оставил отпечатки. Поскольку на полке стоят только банки

и коробки, значит, то, что он искал, было в банках или коробках.

— Блеск,— отозвался Гроссман.

— Элементарно,— поскромничал Карелла.

— Во всяком случае, Джонни тщательно просмотрел все предметы на средней полке и обнаружил, что большинство банок и коробок тоже покрыты пылью. За исключением одной. Эта единственная банка тоже была протерта, равно как и полка. «Максуэлл Хаус».

— Что?

— Банка была из-под кофе «Максуэлл Хаус».

— А! Это имеет значение?

— Нет, но я подумал, что тебя это может заинтересовать. Во всяком случае, Джонни решил, что банку эту стоит принести сюда и как следует посмотреть. Поэтому он осторожно ее завернул и приволок в лабораторию, где мы ее рассмотрели. В ней тоже были шайбы, болты, шурупы и все такое прочее, как и в других банках на полке. Но у нас есть причина полагать, что весь этот чабур-хабур положили туда после того, как протерли банку. Что дает нам основание считать, что в банке было нечто совсем другое.

— Подожди, подожди, я что-то перестаю соображать,— перебил его Карелла.

— Я начну сначала,— сказал Гроссман.— Средняя полка вытерта начисто, понятно?

— Понятно.

— Банка из-под кофе вытерта начисто, понятно?

— Понятно.

— Но в ней полно всякой дребедени.

— Ясно.

— Мы вываливаем из банки все эти шайбы, болты и прочее. И что же мы видим?

— Что?

— Что внутри банка тоже насухо вытерта. Зачем вытирать банку внутри, если в ней полно всякой дребедени?

— И вправду зачем? — спросил Карелла.

— Потому, что всего этого в ней не было. Шурупы, гайки и прочее положили после того, как вытерли банку.

— А что же в ней было?

— Хочешь знать мое мнение? Деньги.

— Чем-нибудь это подтверждается?

— Нет, ничем. Кроме твоих собственных слов об убийстве. Ты сообщил, что он подрабатывал, продавая дрова жильцам этого дома.

— Совершенно верно.

— Можно предположить, что эти деньги он хранил в банке из-под кофе.

— Брось, Сэм. Сколько денег он мог там иметь? Доллар-другой?

— Я думаю, мне незачем напоминать тебе о бесчисленных убийствах, которые были совершены в нашем прекрасном городе не из-за доллара, а из-за нескольких несчастных центов.

— Да, незачем.

— Вот так. Я полагаю, Стив, что кто-то вынул что-то из этой банки и это что-то скорей всего деньги. Затем, весьма возможно, вор вспомнил, как в виденных им фильмах говорится про отпечатки пальцев. Поэтому он вытер банку снаружи и внутри, но потом решил, что пустая банка будет смотреться странно среди прочих, заполненных до отказа. Поэтому он залез во все другие банки на полке, вытащил понемножку отовсюду, заполнил эту банку и на всякий случай протер и полку.

— Не очень он умный, а? — спросил Карелла.

— Нет, не очень,— согласился Гроссман.— А кто сказал, что убийца обязательно должен быть умным? Только в комиксах он умный. А наш убийца, по правде говоря, человек довольно глупый. Он вытирает пыль только с одной банки и с одной полки, оставив прочие такими, как были. Зажги он над верстаком неоновую вывеску, он не привлек бы к себе большего внимания.

— А может, он и хотел привлечь внимание? — предположил Карелла.

— Вряд ли.

— Откуда ты знаешь?

— Потому, что он сделал еще одну ошибку.

— Какую?

— Все тщательно протерев и вытерев, он оставил на банке один отпечаток.

— Что?!

— Представь себе.

— И где?

— На ободке. Часть большого пальца. Получилось это, по-видимому, когда он ставил банку обратно на полку.

— Можешь мне этот отпечаток сейчас доставить?

— Да я уже проверил его в картотеке. Никаких сведений.

— А насчет ФБР?

— Могу направить прямо к ним,— сказал Гроссман.— Что немного сэкономит время.

— Буду весьма признателен.— Карелла помолчал.— Может, мне съездить туда еще раз и самому осмотреть подвал? — спросил он.

— Вреда от этого не будет,— отозвался Гроссман.

— А как ты думаешь, что произошло сначала: ограбление или убийство?

— Ты согласен с моей версией?

— Готов согласиться со всем, что мне нынче подскажут,— улыбнулся Карелла.— Так в каком порядке действовал преступник?

— Не знаю. Может, сначала убил. Чем и объясняются его ошибки. Возможно, он и не так уж глуп. Просто запаниковал, совершив убийство.

— По-твоему, он знал, где хранятся деньги?

— Не заметно, чтобы он искал. Значит, знал.

— Да...

— О чем ты задумался, Стив?

— Сейчас скажу. Для восьмидесятисемилетнего старика этот Лассер выглядит что-то уж больно загадочным.

— Каждый человек по-своему загадочен,— высказался Гроссман.— Но когда его убивают, все его тайны обнаруживаются, вот и все.

— Во всяком случае, спасибо за то, что указал нам, в каком направлении искать, и за отпечаток, который можно будет сравнить, если найдется с чем. Большое тебе спасибо, Сэм.

— Не стоит,— отозвался Гроссман.— И не беспокойся. Найдешь и этого преступника, не сомневаюсь.

— Ты так думаешь, Сэм?

— Разумеется, я так думаю! А как еще прикажешь мне думать? Преступник одержит победу? Не говори глупостей.

8

Во вторник утром Коттон Хоуз отправился в нижнюю часть города на Ганнинг-стрит, 1107, где расположились офисы счетно-аналитической фирмы «Кавано энд Пост». Зигмунд Рёр сказал детективам, что он когда-то служил в этой фирме бухгалтером, и Хоуз решил попытаться узнать там кое-что об ушедшем на пенсию шестидесятипятилетнем человеке, который приходил играть в кости в подвал, а им наговорил кучу лжи.

В это же время в верхней части города в грязном подвале одного полицейского спасли от смерти жалкие четыре дюйма, в то время как у другого этих четырех дюймов не оказалось.

В фирме «Кавано энд Пост» Хоузу довелось беседовать не с кем иным, как с самим мистером Кавано, представительным джентльменом с роскошными усами и багровым румянцем на щеках. Сидя напротив него, Хоуз никак не мог поверить, что видит перед собой американского бизнесмена, который родился в Филадельфии и вырос отнюдь не в фешенебельном районе. Кавано так был похож на английского кавалерийского полковника, что Хоузу казалось будто он вот-вот крикнет «В атаку!» и ринется на штурм турецких бастионов.

— Хотите узнать про Зигги, да? — спросил Кавано. — А что? У него неприятности?

— Ни в коем случае, — ответил Хоуз. — Обычная проверка по заведенному порядку.

— Что это означает?

— Вы о чем? — спросил Хоуз.

— Что означает «обычная проверка по заведенному порядку»?

— Мы расследуем убийство, — бесстрастно отозвался Хоуз.

— Вы считаете, что Зигги кого-то убил?

— Нет, мы так не считаем. Но определенные аспекты полученной нами информации не совпадают, мистер Кавано. У нас есть основания полагать, что мистер Рёр говорит неправду, поэтому мы решили, что нам следует повнимательнее приглядеться к его прошлому.

— Хорошо вы говорите, — с чувством отметил Кавано.

— Спасибо, — смутился Хоуз.

— Не за что, я и вправду так думаю. Там, где я рос, если кто-нибудь осмелился бы заговорить так, как вы, ему бы сейчас же снесли голову. Вот я и не научился говорить. Владею одной из крупнейших счетно-аналитических фирм в городе, а говорю, как извозчик, не так ли?

— Нет, сэр.

— А как я говорю?

— Не знаю.

— Как извозчик, верно?

— Нет, сэр.

— Ладно, не будем спорить. Тем не менее говорите

вы хорошо. Мне нравятся молодые люди, которые умеют говорить. Так что же вы хотите знать про Зигги?

— Как долго он здесь работал?

— С тысяча девятьсот тридцатого года и по прошлый год, когда ушел на пенсию.

— Он был честным? — спросил Хоуз.

— Цель поражена с первого выстрела.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— Нечестным я бы его не назвал,— сказал Кавано.— Нет, это слово ему не подходит.

— А какое же?

— Зигги любил лошадей.

— Игрок?

— М-мм. Игрок, да еще азартный. Лошади, карты, кости, футбол, бокс — что ни назови, Зигги всегда был готов биться об заклад.

— Это каким-либо образом влияло на его работу?

— Видите ли...— заговорил было Кавано, но лишь пожал плечами.

— Были ли у него долги?

— Мне известен только один случай.

— Когда?

— В тысяча девятьсот тридцать седьмом году.— И Кавано опять пожал плечами.— В тысяча девятьсот тридцать седьмом году почти все жители нашего города жили в долг.

— Он проигрался?

— Да. Проиграл в покер три тысячи долларов.

— Много денег,— заметил Хоуз.

— Даже нынче это немалая сумма,— согласился Кавано.— А в тысяча девятьсот тридцать седьмом году это была куча денег.

— И чем же история завершилась?

— Его партнеры взяли с него долговую расписку, согласно которой он был обязан отдать деньги в течение шестидесяти дней. Шутить с ними было опасно. Я не оправдываю Зигги, я просто стараюсь объяснить, что он попал в настоящую переделку.

— И что же он сделал? Залез в кассу фирмы?

— Нет, конечно. С чего вы это взяли?

— Я решил было, что вы к этому ведете.

— Ни в коем случае.

— Так что же произошло, мистер Кавано?

— Он попытался шантажировать одного из наших клиентов.

— Рёр?

— Да. Он работал над документами одного из наших клиентов, которому принадлежала компания, занимавшаяся фиксированием цен. Зигги решил выманить у него деньги, пригрозив, что, если тот ему не заплатит, он на него донесет.

— Это же настоящий шантаж, мистер Кавано.

— Нет, не совсем.

— Шантаж. И что же произошло?

— Клиент позвонил мне. Я посоветовал ему обо всем забыть, а затем у меня состоялся с Зигги долгий разговор, который кончился тем, что я одолжил ему три тысячи, получив взамен обещание никогда больше так не поступать.— Кавано вздохнул.— Я могу быть с вами откровенным?

— Разумеется.

— Вне протокола? Я знаю, вы полицейский, но человек интеллигентный, так что давайте с минуту поговорим начистоту, идет?

— Давайте,— согласился Хоуз.

— Вы не подтвердили, что не будете записывать.

— Ну а если подтвержу, к чему это обязывает?

— По крайней мере, между нами будет устная договоренность,— усмехнулся Кавано.

— Устная договоренность не стоит даже той бумаги, на которой она могла бы быть написана,— провозгласил Хоуз.— Это сказал Сэмюэл Голдуин где-то в тысяча девятьсот сороковом году.

— Чего? — растерялся Кавано.

— Приступайте,— предложил Хоуз.— В протокол не заносится.

— Ладно. В нашем деле, в бухгалтерском учете, есть много такого, что мы видим и стараемся забыть, что видели, вы понимаете, о чем я говорю? Вы себе не представляете, сколько бухгалтерских grossбухов, как только наступает время уплаты налога, вдруг становятся полностью сбалансированными. И я, хочу вам сказать, не мог позволить иметь у себя в фирме подонка, который выискивает промахи в документах моих клиентов, а потом на этом основании занимается вымогательством. Слух о таких вещах распространяется с невероятной скоростью. Поэтому я поговорил с Зигги, как старший брат с младшим. Зигги,— сказал я,— ты еще молодой человек,— это, если вы помните, происходило в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, и он тогда

был еще молодым — Зигги, ты молодой человек, и у тебя у нас в фирме есть будущее. Я знаю, ты любишь лошадок, Зигги,— я говорил с ним, как брат с братом — и знаю, что тебе не дают спать твои долги, а отсюда ты начинаешь делать глупости. Но, Зигги, я родился и вырос на южной окраине Филадельфии, а округа эта далеко не из лучших, там царят такие же нравы, как и среди тех, с кем ты играешь в карты. Я готов одолжить тебе три тысячи, чтобы ты расплатился со своими приятелями, Зигги,— продолжал я увещевать его,— но с тем условием, что буду еженедельно вычитывать из твоего жалованья десять долларов до тех пор, пока ты не вернешь все три тысячи, понятно? И вот что еще я тебе скажу, Зигги: ребенком в Филадельфии я кое-чему обучился, и если ты хоть раз попробуешь вымогать деньги у моих клиентов, Зигги, ты завершишь свои дни в яме, куда заливают жидкий бетон. Ничего нет хуже, чем присутствие в бухгалтерском бизнесе подонка, у которого длинные руки. Зигги, поэтому по-дружески тебя предупреждаю, укороти их.

— И он так и поступил?

— Конечно.

— Откуда вы знаете?

— Послушайте, уж в клиентах-то своих я неплохо разбираюсь. Если бы кто-либо из сотрудников решился на шантаж, через секунду бы зазвонил телефон. Нет, нет, с тех пор Зигги держался в стороне от подобных дел. Больше я не слышал ни единой жалобы.

— Что несколько странно, разве нет?

— Странно? Почему?

— Если, конечно, он не научился все время выигрывать.

— Да нет, бывало, что и проигрывал. Нет такого игрока на свете, который бы постоянно выигрывал.

— И чем же он расплачивался?

— Не знаю.

— М-мм,— промычал Хоуз.

— А что, в этом убийстве замешана игра? — спросил Кавано.

— Вроде того.

— Видите ли,— сказал Кавано,— во многих проступках можно было бы обвинить Зигги Рёра, но не в убийстве. А как был убит человек?

— Топором.

— То есть была кровь?

— Что?

— Кругом было много крови?

— Да.

— Тогда забудьте про Зигги. Если бы яд, тогда еще стоило бы поразмышлять. Но топором? И кругом кровь? Зигги, порежь он себе палец перочинным ножом, тут же хлопнулся бы в обморок. Нет, сэр. Коли человека зарубили топором, Зигги Рёр тут ни при чем.

Одним из полицейских, оказавшихся утром во вторник в подвале дома 4111 на Пятой Южной, был Стив Карелла.

Летом на улице полно народа. Большинство жителей выползают из своих квартир вдохнуть глоток свежего воздуха, окна широко раскрыты, шум стоит невероятный, потому что между улицей и домами идет общение, которого не существует зимой. Даже плавающий под горячим солнцем гудрон, кажется, отражает это сонмище непонятно от кого и от чего исходящих звуков, что более всего гнетет обитателя трущоб, ибо, обделенный многими жизненными благами и удовольствиями, он лишен и самого главного преимущества — чувствовать себя защищенным, чего летом лишается окончательно.

В январе же дела обстоят несколько лучше.

Человек испытывает некоторую защищенность в теплом зимнем пальто, с высоко поднятым воротником и глубокими, уютными карманами, куда можно спрятать руки, ощущает защищенность в вестибюле дома, где шипит раскаленный радиатор, чувствует себя надежно защищенным за большим столом, который купил сразу по приезде из Пуэрто-Рико, на кухне, где так вкусно пахнет, и в беседе со старым знакомым, где перебрасываются словами на ходу и только по делу, а изо рта идет пар — говори побыстрее, голубчик, здесь чертовски холодно! Когда Карелла появился на Пятой Южной, на тротуаре возле дома 4111 стояли, о чем-то беседуя, миссис Уитсон, которая мыла окна и полы в этом здании и сын которой, Сэм Уитсон, колол дрова для покойного Джорджа Лассера, трудившегося по этому же адресу, и пожилой человек в голубом комбинезоне. Карелле не было слышно, о чем они говорили, но он заметил, что миссис Уитсон его узнала, потому что она слегка кивнула головой в его сторону, заставив

человека повернуться и посмотреть на него, а потом снова вернуться к прерванному было разговору.

— Здравствуйте,— поздоровалась миссис Уитсон, когда Карелла подошел поближе.— Вы ведь детектив, верно?

— Да, миссис Уитсон,— подтвердил Карелла.

— Скажите, пожалуйста, он даже помнит, как меня зовут,— заметила она, упрямо вздернув подбородок и глянув на него с вызовом, что должно было свидетельствовать о том, что никто не помешает ей выполнить задуманное.

— Я никогда не забываю, как зовут даму, миссис Уитсон,— отозвался Карелла, и на секунду из ее глаз исчез вызов, ибо в эту секунду она стала худенькой трудолюбивой женщиной, к которой с искренней приветливостью обратился пригожий молодой человек.

— Спасибо,— поблагодарила она, и взгляд ее встретился со взглядом Кареллы.

— Не за что,— улыбнулся он.

— Мы вот тут разговариваем с мистером Айверсоном,— сказала она. Глаза ее не отрывались от лица Кареллы. В них вдруг вползло какое-то подозрение, почти против воли самой женщины, почти в силу привычки — уже сто лет вы преследуете мой несчастный народ, мой дед был рабом, которого регулярно стегали плеткой, а теперь вы величаете меня дамой и пытаетесь умаслить, значит, вам кто-то нужен? Мой сын? Что вам нужно от меня? Мой сын Сэм, который никогда не обидел и бабочки! — Вы знакомы с мистером Айверсоном?

— По-моему, нет,— сказал Карелла.— Добрый день! Я детектив Карелла.

— Добрый день! — протянул руку Айверсон.

— Мистер Айверсон, управляющий из соседнего дома,— объяснила миссис Уитсон.— Мы разговариваем о работе для Сэма.

— Миссис Уитсон считает, что, может, он снова согласится колоть дрова для меня,— добавил Айверсон.

— А он раньше колол дрова для вас? — спросил Карелла.

— Да. Пока его не переманил к себе Лассер. У нас тоже есть в квартирах камин.

— Камин! — усмехнулась миссис Уитсон.— Одно название, что камин. Как только разожжешь огонь, в комнате полно дыму.

— Зато становится тепло,— возразил Айверсон.

— Конечно. Только, если не хочешь умереть от холода, можешь задохнуться от дыма.

Она засмеялась, и Карелла с Айверсом засмеялись вслед за ней.

— Не забудьте прислать его ко мне,— сказал Айверсон, когда они отсмеялись.— Может, мы чего-нибудь придумаем.

— Пришлю,— ответила миссис Уитсон и помахала ему на прощание. Как только он отошел на такое расстояние, что уже не мог их слышать, она подняла голову и, глядя на Кареллу в упор, спросила: — Вы пришли за моим сыном?

— Нет, миссис Уитсон.

— Не обманывайте меня.

— Я не обманываю вас. Я не считаю, что ваш сын имеет отношение к убийству Джорджа Лассера.

Миссис Уитсон продолжала смотреть на Кареллу. Потом вдруг коротко кивнула и сказала:

— Ладно, верю.

— Так и следует,— отозвался Карелла.

— Тогда зачем вы здесь?

— Я хотел еще раз взглянуть на подвал.

— Если хотите посмотреть,— посоветовала миссис Уитсон,— ступайте, пока мы не замерзли здесь до смерти.— Она улыбнулась.— Знаете, как туда пройти?

— Знаю,— отозвался он.

Возле двери в подвал его встретил мужчина.

— Моя фамилия Капловиц,— сказал он.— А кто вы и что вам здесь нужно?

— Моя фамилия Карелла,— ответил детектив, протягивая свое удостоверение.— Я хочу спуститься в подвал и осмотреть его.

— Невозможно,— покачал головой Капловиц.

— Почему?

— Потому, что час назад я вымыл подвал водой из шланга.— Капловиц снова покачал головой.— Видел я грязные подвалы. Поверьте мне, по-настоящему грязные подвалы видел я в своей жизни. Но такой грязный? Ни разу! Ни разу в жизни! Два дня я провел в этом подвале. Целых два дня прошло с тех пор, как мистер Готлиб меня нанял! Два дня я сижу в этом подвале. Практически живу в нем. Осмотрев его, я сказал себе: «Капловиц, это в самом деле грязный подвал». Два дня я провел в нем. Но сегодня утром я не выдержал. «Кап-

ловиц,— сказал я себе,— ты занимаешься уборкой или роешься в помойке?» Я уборщик, вот кто я, Капловиц-уборщик! И такой грязный подвал я видеть не могу. Поэтому я вытащил оттуда вещи жильцов, чтобы они не намокли, прикрыл брезентом уголь, взял в руки шланг и сильной струей воды окатил весь пол! Я вымыл все: стены, пол, под баками для мусора, под верстаком, возле топки, позади стиральной машины и раковины, промыл водосток, словом, вычистил все вокруг. Поэтому сейчас в подвал войти нельзя.

— Почему нельзя? Если там так чисто...

— Потому, что там еще не высохло,— объяснил Капловиц.— Хотите, чтобы на полу остались следы?

— А вы не расстелили газеты? — улыбнулся Карелла.

— Ха-ха-ха, очень смешно,— отозвался Капловиц.— Газеты я стелю только по пятницам.

— Сколько же времени пройдет, пока там высохнет? — спросил Карелла.

— Послушайте, мистер,— обратился к нему Капловиц,— не спешите, а? Подвал не мыли целых сто лет. Наконец его вымыли, так дайте ему высохнуть, ладно? Не торопитесь, прогуляйтесь по улице взад и вперед, и, когда вы вернетесь, в подвале будет чисто и сухо. Вы его и не узнаете.

— Ладно,— согласился Карелла.— Десять минут.

— Пятнадцать.

— Десять,— повторил Карелла.

— Что вы делаете? Торгуетесь со мной? Вы думаете, что, если вы говорите «десять», пол услышит и высохнет за десять минут? Пятнадцать, идет? Все будет чистым и сухим, и тогда вы сможете спуститься и снова начать его пачкать.

— Пятнадцать минут,— сказал Карелла и, выйдя из здания, пошел в кондитерскую на углу, где выпил чашку кофе, потом позвонил в следственный отдел, поинтересовавшись, не просили ли ему чего передать, на что Берт Клинг сказал, что звонил Хоуз, сообщив, что прямо из дома поедет в «Кавано энд Пост». Карелла поблагодарил его и пошел назад к зданию. Капловица нигде не было видно. Карелла прошел до конца коридора на первом этаже, открыл дверь в подвал и остановился на площадке ведущей вниз лестницы.

В подвале стояла тишина. Только гудел огонь за дверцей топки, да время от времени подвывали трубы над

головой. Спустившись по лестнице, он очутился в темноте. Где-то в глубине подвала горел свет, но лестница была погружена во тьму. Он нащупал шнур от лампочки в потолке, дернул, и она зажглась, качаясь и бросая огромные дуги света на серую стену подвала и верстак, которые то уплывали во тьму, то вновь появлялись, пока лампочка окончательно не замерла, выхватив из темноты широкий круг серого бетонного пола и верстак. Другой источник света был далеко — вторая лампочка висела над раковиной и водосток.

Резко пахло дезинфицирующим средством. Капловиц потрудился на славу.

Карелла подошел к верстаку возле бункера с углем, и вдруг его лицо обдуло сильным ветром, как будто где-то осталось открытым окно. Он вышел из круга света и направился туда, откуда дуло. Миновав второй круг света, освещавший стиральную машину, раковину и водосток, вделанный в бетонный пол, он опять очутился в темноте. Где-то в дальнем конце подвала пробивался дневной свет. Он пошел на него и обнаружил ведущую на улицу дверь. А он-то был уверен, что в подвал можно попасть, только спустившись по лестнице из коридора на первом этаже. Приблизившись к двери со стеклянными панелями, он понял, что она ведет коротким маршем в проход между домами, где была кладовая с инвентарем. В этой кладовой Джордж Лассер и хранил свой топор.

Дверь была открыта.

Карелла закрыл дверь, подумав, не ветер ли отворил ее. На ней не было замка, она просто входила в паз. Вполне возможно, что ее отворил порыв ветра. Он отошел от двери и направился обратно к верстаку. На какое-то пугающее мгновение ему почудилось в темноте движение, и его рука машинально потянулась к кобуре за револьвером. Он так и застыл с рукой над револьвером. Он ничего не слышал, ничего не видел. Прождав в таком положении секунд тридцать, он снова вошел в круг света над верстаком.

Человек, стоявший в темноте, держал в правой руке разводной ключ. Он не сводил с Кареллы глаз и выжидал.

Карелла осмотрел верстак, примечая все, на что обратил его внимание Гроссман, в том числе и пятно на полке там, где стояла банка из-под кофе, которую конфисковали сотрудники лаборатории. По наитию и

потому, что полицейские любят смотреть не только сверху, но и внизу, Карелла опустился на колени и заглянул под верстак, но, если что и было на полу, струя из шланга, которым орудовал Капловиц, все смыла. Карелла поднялся на ноги. На брюках не было ни пылинки.

Человек выжидал в темноте недалеко от раковины.

Карелла повернулся и пошел в сторону раковины.

Человек стиснул в руке разводной ключ, который нашел за раковиной, где тот лежал на случай, если случится засор. Он схватил ключ через несколько секунд после того, как положил на место решетку от водостока, а ее он положил через секунду после того, как услышал, что открылась дверь и кто-то вошел в подвал. Ему пришлось спешить, и решетка легла неплотно. Если кто-нибудь на нее наступит...

Карелла шел прямо к раковине.

Его нога очутилась в четырех дюймах от металлической решетки. Наступил он на нее, он бы сразу обнаружил, что она лежит неплотно, скорее всего, нагнулся бы посмотреть, и вот тут-то получил бы удар по голове разводным ключом. Но он шагнул в четырех дюймах от решетки, ничего не задел, не нагнулся посмотреть, а поэтому и не получил удара по голове. Он поглядел на раковину, отошел к стиральной машине, открыв крышку, заглянул в нее, ожидая найти Бог знает что, а затем, опустив руки, вздохнул. Потом вздохнул еще раз.

Человек в темноте ждал.

Пожав плечами, Карелла направился к лестнице. Поднявшись наверх, выключил свет, открыл дверь и вышел из подвала, плотно затворив за собой дверь.

Человек, стоявший возле раковины, не двинулся с места.

Он ждал.

Он решил, что просчитает до ста и только тогда выйдет. Он просчитал бы до ста, затем поднял бы снова решетку на водостоке и положил ее как следует, потому что четко знал, почему она зацепилась и не ушла в пазы. Он просчитал бы до ста, только чтобы удостовериться, что полицейский не вздумал вернуться обратно. Он и так уже ошибся, решив, что он уходит, когда увидел, как он ушел после разговора с Капловицем. На этот раз ошибки быть не должно.

Он не спеша досчитал уже до пятидесяти семи, когда дверь, ведущая на лестницу, снова отворилась и в подвале появился другой полицейский.

Этот полицейский был в форме.

Этого полицейского звали Ральф Кори, а у него были свои причины спуститься этим утром в подвал, и он понятия не имел, что четыре дюйма будут стоить ему жизни. Кори ждал возможности очутиться здесь с той самой минуты, когда неделю назад, в понедельник, у него состоялась беседа с Кареллой, но в подвале все время кто-то был: то сотрудники лаборатории, то проклятые полицейские фотографы, то репортеры, то еще черт знает кто. Кори очень хотел спуститься сюда, потому что всякий раз, когда в подвале шла игра в кости, Джордж Лассер давал ему двадцать пять долларов, из которых десять Кори отдавал патрульным, а пятнадцать оставлял себе. Но после беседы с Кареллой Кори вспомнил еще одно, что обычно делал Джордж Лассер, и вот эта привычка Джорджа не давала ему покоя, заставляя стремиться проникнуть в подвал. Он вспомнил, как однажды разговаривал с Лассером, стоя у верстака, в тот день, когда должна была состояться игра, и как Лассер заносил в маленькую черную книжечку какие-то цифры. Оказалось, что Лассер просто подводил итог своей торговле дровами, и Кори вспомнил об этом только в понедельник, семь дней назад, когда Карелла начал допытываться что и почему. Именно тогда Кори и пришли на память те цифры, что были записаны в маленькой черной книжечке аккуратным, четким почерком Лассера, одна под другой строгой колонкой:

Миссис Горман	(3с, 4111)	2.00	15/12
Миссис Албертсон	(1а, 4111)	0.50	19/12
Миссис Кармайл	(4а, 4113)	6.00	22/12
Миссис Ди Нагро	(2в, 4113)	4.00	22/12

Именно Кори пришла в голову мысль, а не вел ли аккуратный, методичный Джордж Лассер, который фиксировал все эти ничтожные доходы, полученные им за продажу дров, — два доллара, полдоллара, шесть долларов — такой же реестр своих расходов, поскольку они составляли целых двадцать пять долларов всякий раз, когда шла игра. Ему привиделась страничка в этой черной книжечке, где аккуратным мелким почерком Лассера было записано:

Кори	25.00	7/11
Кори	25.00	16/11
Кори	25.00	4/12

Кори пошарил по стене в поисках выключателя, ничего не нашел и решил, что где-то, по-видимому, должен быть шнур. Он поводил руками над головой, задев лампочку, поправил ее, отыскал шнур и включил свет.

В подвале притаилась тишина.

Он вспомнил, что Лассер делал свои записи, стоя у верстака. Туда он и направился сейчас.

Он слишком давно служил в полиции, чтобы не почувствовать, что подвал не такой, как всегда. Почти мгновенно он насторожился, волоски на затылке вздыбились, но в чем эта необычность — он не понял, пока не приблизился к верстаку. С первого же взгляда он заметил, что из ряда аккуратно установленных банок и коробок на средней полке одна исчезла, и сразу подумал, не в той ли банке или коробке Джордж Лассер хранил свою черную записную книжечку. Волоски на затылке продолжали торчать, как иголки у дикобраза; Ральф Кори ощущал опасность, смертельную опасность, а думал, что его ждет всего лишь увольнение со службы в полиции. Сильный запах бил ему в ноздри, но он ассоциировал его с запахом лаборатории этого проклятого еврея Сэма Гроссмана, который перелистывает своими лапами книжечку с записями выплат человеку по фамилии Кори, из чего этот итальяшка Карелла, конечно, не замедлит сделать определенные выводы.

Кори попятился от верстака. Во рту у него вдруг пересохло. Углом глаза он заметил раковину в свете огня, повернулся и быстро направился к ней. Подойдя к раковине, носком ботинка он задел за решетку над водостоком и чуть не упал.

— Какого черта... — выругался он вслух и нагнулся посмотреть, обо что споткнулся. Сквозь металлические прутья решетки он заметил, что в бетонном колодце что-то лежит. На это что-то упал свет, и оно заблестело. На мгновение Кори решил, что это деньги. Половину своей жизни он прослужил в полиции, вымогая деньги, и это что-то, черт побери, было тоже похоже на деньги. Если бы он схватил то, что лежало в колодце, так же быстро, как хватал взятки при исполнении служебных обязанностей, если бы наклонился чуть скорее, его голова оказалась бы на четыре дюйма ниже того места, куда пришелся удар разводным ключом. Но только он отреагировал на блеск металла в колодце водостока, только начал наклоняться, чтобы схватить его, как из

тмы возник разводной ключ. Удар был нанесен мгновенно, беззвучно и с силой. Ключ раскроил Кори череп и завяз в мозгу, который за две минуты до этого мыслил о возможном увольнении его владельца из полиции.

Человек, который нанес удар, вытащил ключ из головы Кори и понес его к мусорному баку возле бункера с углем. С ключа капала кровь. Он вытащил из бака обрывок газеты и досуха обтер ключ. На ручке крови не было, но он не сомневался, что остались отпечатки пальцев. Он перевернул ключ, держа его за головку одним куском газеты, в то время как другим обтер ручку. Потом, глянув на пол, увидел, что, пока нес ключ к баку, запачкал кровью ботинки, а поэтому оторвал еще кусок газеты и стер капли крови с ботинок. Собрав все испачканные куски газеты, он бросил их в топку, где горел огонь, и, подождав, пока бумага не сгорела, закрыл дверцу топки.

Разводной ключ он кинул в мусорный бак и подошел к раковине. Наклонившись, он поднял металлическую решетку и взял предмет, который стоил Ральфу Кори жизни.

Это была медная пуговица.

Теперь погиб полицейский.

Сначала убили управляющего домом.

А теперь еще и полицейского.

И это большая разница.

Чтобы понять, что означает убийство полицейского, вы должны сначала четко осознать, что существуют только две категории людей, которые решаются на подобное преступление. Это сумасшедшие и наркоманы. Сумасшедший не может отвечать за свои поступки, а наркоман просто не соображает, что делает. Разумный же человек ни при каких обстоятельствах не пойдет на убийство полицейского. Человек, который способен мыслить, на убийство полицейского не пойдет хотя бы потому, что это чистое безумие и глупость. И самое главное, совершенно бесполезное занятие. Если убить одного полицейского, всегда найдется другой, который займет его место, поэтому какой же в этом толк? Подобное убийство вызывает у блюстителей порядка лишь злость, раздражение по малейшему пустяку, особенно в январе, когда самое время лежать под теплым одеялом с какой-нибудь девицей и мечтать о поездке в Майами. Кому ну-

жен в январе мертвый полицейский, который лежит, воняет и только вызывает лишние волнения?

От живых-то полицейских только и жди беды. А уж хуже мертвого полицейского нет ничего на свете.

В восемьдесят седьмом участке не было ни одного полицейского, кто бы не испытывал участия, восхищения, уважения или доверия к убитому полицейскому, который был когда-то сержантом Ральфом Кори.

Но дело было не только в этом.

Некто поступил весьма неразумно, рассуждали они, ударив Кори по голове разводным ключом как раз тогда, когда он был занят расследованием убийства управляющего домом, случившегося несколько дней назад. Если бедный, трудолюбивый муниципальный служащий не может спуститься в подвал, чтобы в свободное от работы время кое-что выяснить, не подвергаясь нападению, рассуждали они, значит, в нашем проклятом Богом городе творится нечто неладное. Если позволить каждому жителю этого проклятого города, когда ему заблагорассудится, бить полицейского по голове, рассуждали они, значит, состоять на муниципальной службе становится довольно опасно. А если сидеть сложа руки и ждать, пока люди окончательно дадут себе волю и начнут бегать по улицам с разводным ключом в руках и, встречая регулировщика на углу, не задумываясь бить его по голове, дела пойдут совсем плохо. Нельзя позволить толпе метаться по улицам, размахивая разводными ключами, и убивать первого встречного, облаченного в синюю форму, нет, сэр, позволить этого нельзя, потому что тогда возникнет хаос, да, самый настоящий хаос.

Вот как рассуждало большинство сотрудников восьмидесят седьмого участка.

Кроме того, их охватил страх. Кому, черт побери, нужна работа, на которой тебя могут прихлопнуть в любую минуту?

Поэтому почти каждый полицейский этого участка, да и сотни других во всем городе, испытывая совершенно справедливое возмущение, оправданный гнев и естественный страх, принялись за поиски убийцы. Карелле и Хоузу осталось только задаваться вопросом, что предпримет этот легион жаждущих мщения людей в синей форме, поскольку вряд ли кто-либо из них был знаком с фактами преступления и лишь немногие знали о том, что убийство Кори было связано с имевшим место десять дней назад убийством Джорджа Лассера. Детективы

предполагали, что, поскольку был убит полицейский, значит, убийца ненавидел полицейских, но больше склонялись к тому, что смерть Кори была лишь следствием предыдущего убийства и не имела ничего общего с тем фактом, что Кори был полицейским. А раз так, то они никак не могли понять, чем так возмущены все остальные. Они упорно трудились над этим делом, начиная с третьего января, и вдруг все всполошились только из-за того, что нечистоплотный полицейский был убит разводным ключом.

В гибели Кори их беспокоила только причина случившегося.

Если он на что-то наткнулся в подвале, то на что именно? Или, если отбросить возможность того, что он отыскал нечто, являющееся угрозой для убийцы, что иное могло послужить причиной для убийства? Договорился ли он встретиться с кем-то в подвале? Знал ли, кто убийца? Вымогал ли очередную взятку, на сей раз имеющую прямое отношение к убийству?

— У нас в городе нельзя справиться с двумя вещами,— давным-давно кто-то сказал Карелле.— С убийствами и наркоманией.

Вот об этом Карелла и размышлял сейчас. Если полицейский оставляет без внимания игру в кости, если он оставляет без внимания водителя, проехавшего на красный свет, если он все это оставляет без внимания, и всякий раз за деньги, что помешает ему оставить без внимания и убийство, если и на этом он сумеет заработать?

Готов ли был Кори так поступить?

Какую сумму он требовал?

Сообразил ли убийца, что есть иной способ заставить Кори замолчать навсегда, исключить возможность того, что он будет требовать еще и еще?

А ведь такая возможность существовала.

К сожалению, только два человека могли это подтвердить. Прежде всего, сам Ральф Кори, но он был мертв. И его убийца, но они не имели ни малейшего понятия о том, кто он такой.

Прошла среда.

А за ней и четверг.

В пятницу состоялись похороны сержанта Ральфа Кори.

Бабушка Кареллы всегда считала пятницу «черным днем». Она не имела в виду пятницу тринадцатого числа

и не какую-то определенную пятницу. Она просто была убеждена, что любая пятница — день несчастливый и что, по возможности, лучше в этот день ничего не предпринимать. В пятницу семнадцатого января произошло нечто невероятное.

В пятницу семнадцатого января в следственный отдел по собственной воле явился Энтони Лассер и сознался, что убил своего отца, Джорджа Лассера.

9

Допрос Тони Лассера оказался таким испытанием, какое ни Хоуз, ни Карелла не пожелали бы себе на весь остаток жизни, но пройти его следовало. В конце концов, человек сознался, что совершил убийство.

Они допрашивали его в следственном отделе, сидя возле зарешеченных окон, о стекло которых, сотрясая рамы, бился январский ветер, а в унисон с ним выли радиаторы. Трясся и Лассер, сидя на стуле напротив детективов. Полицейский стенограф был сильно простужен и томился, не отрывая глаз от блокнота, потому что не хотел смотреть на Лассера, который стучал зубами и глотал слюну — казалось, он вот-вот потеряет сознание. Полицейский стенограф чихнул.

— За что вы его убили? — спросил Карелла.

— Не знаю, — ответил Лассер.

— Должна же у вас быть причина.

— Да. Была.

— Какая же?

— Я его не любил, — сказал Лассер и опять затрясся.

— Вы готовы рассказать нам, как все это произошло? — спросил Хоуз.

— А что вы хотите знать?

— Когда у вас появилась мысль убить его?

— В какое-то время... на прошлой неделе.

— На прошлой неделе? — удивился Хоуз.

— Нет, нет. Разве я сказал на прошлой неделе?

— Именно так вы сказали.

— Я хотел сказать, на той неделе, когда это произошло.

— А когда это случилось, мистер Лассер?

— Перед той пятницей.

— Перед какой пятницей?

— Тре... Да, третьего, в пятницу.

— Продолжайте, мистер Лассер.
— Вот на той неделе у меня и появилась мысль его убить.

— То есть перед Новым годом, хотите вы сказать?

— Да.

— Когда же? На Рождество?

— Между Рождеством и Новым годом.

— Хорошо, мистер Лассер, продолжайте. У вас появилась эта мысль, и что же дальше?

— В пятницу после обеда я вышел из дома.

— А мы думали, что вы никогда не выходите из дома, мистер Лассер.

Лассер несколько секунд не мог совладать с собой: его била дрожь, зубы стучали, руки тряслись. Наконец он сумел собраться с силами и, заикаясь, произнес:

— Обычно я не выхожу. Но на этот раз в... вышел. Уб...бить его.

— Каким образом вы предполагали убить его, мистер Лассер?

— Что?

— Каким образом вы намеревались убить вашего отца?

— Топором.

— Вы взяли топор с собой?

— Нет. Я н... нашел топор там. В подвале.

— Топор был в подвале?

— Да.

— Где именно?

— Возле... топки.

— А не в кладовой?

— Нет.

— Вы знали, что там есть топор?

— Что?

— Вы когда-нибудь бывали в этом подвале, мистер Лассер?

— Нет.

— Откуда же вы тогда знали, что там есть топор?

— Что?

— Мистер Лассер, откуда вы знали, что в подвале будет топор?

— Я... я не знал.

— Тогда каким же образом вы собирались убить своего отца?

— Я об этом не д... думал.

— Вы собирались решить это на месте, верно?

— Совершенно верно,— сказал Лассер.

— Ты записываешь, Фил? — спросил Карелла у стенографа.

— Ага,— отозвался стенограф, не поднимая глаз.

— Продолжайте, мистер Лассер,— предложил Хоуз.

— Ч... что вы хотите знать?

— Что вы делали после того, как убили его?

— Я... я... я... — Он никак не мог одолеть этого слова.

Глотнув, он предпринял новую попытку.— Я... я... я... — Он так дрожал, что слово застряло у него в горле. Он побледнел, и Карелла не сомневался, что через несколько секунд либо его вырвет, либо он хлопнется в обморок. Ему было жаль Лассера и хотелось чем-нибудь помочь.

— Мистер Лассер, может, принести вам кофе? — предложил он.— Хотите выпить чего-нибудь горячего?

— Н... н... нет,— с трудом выдавил из себя Лассер.

— Мистер Лассер, в день убийства вы тоже плохо себя чувствовали?

— Ч... ч... что?

— Когда вышли из дома, я имею в виду?

— Нет, я ч... ч... чувствовал себя хорошо.

— Мистер Лассер... — начал было Карелла, но Хоуз его перебил:

— Мистер Лассер, зачем вы нам лжете?

Лассер вдруг поднял взгляд, замигал и снова за-
трясся.

— Зачем вы говорите нам, что убили вашего отца, когда ничего подобного вы не совершали? — спросил Карелла.

— Я убил!

— Нет, сэр.

— Убил! Ч... что с вами? Р... р... р... разве...

— Успокойтесь, мистер Лассер.

— Разве вы не видите, ч... ч... что я говорю правду?

— Мистер Лассер, человек, который нанес удар топором, был сильным, беспощадным и действовал безошибочно. Вам же трудно даже усидеть на стуле.

— Я это сделал,— сказал Лассер и опять задрожал.— П... поверьте мне. Я это с... с... сделал.

— Нет, мистер Лассер.

— Да.

— Нет. Зачем вы пришли сюда?

— Потому что я уб... уб... уб...

Он не мог произнести этого слова. В мучительном молчании они ждали, пока он справится с ним, и, нако-

нец, когда, словно судорогой, свело и отпустило его тело, он выплюнул его, как кусок грязи, прилипшей к кончику языка.

— Убил! — выкрикнул он. — Я убил своего отца!

— В таком случае, мистер Лассер, — спокойно сказал Карелла, — надеюсь, вы не будете возражать, если мы возьмем у вас отпечатки пальцев и сверим с найденными нами в подвале?

Лассер молчал.

— Мистер Лассер?

Он ничего не ответил.

— Мистер Лассер, — ласково обратился к нему Хоуз, — почему вы сегодня вышли из дома?

Лассер вдруг зарыдал. Полицейский стенограф в удивлении оторвал глаза от блокнота, и Карелла взмахом руки велел ему уйти. Стенограф встал не сразу. Тогда Карелла взял его за локоть и поднял со стула.

— А дальше мне не надо записывать? — спросил стенограф.

— Нет, — ответил Карелла. — Если вы нам понадобится, мы вас позовем.

— Ладно, — не стал возражать все еще удивленный стенограф и вышел из комнаты.

А Тони Лассер, сидя на стуле возле затянутого легким морозцем окна, продолжал дрожать и всхлипывать.

— Что случилось, мистер Лассер? — спросил Карелла.

Лассер покачал головой.

— Должно быть, что-то случилось, раз вы пришли сюда, сэр.

Лассер снова покачал головой.

— Может, расскажете нам? — участливо предложил Хоуз, и Лассер дрожащими пальцами вытащил свой носовой платок, высморкался и затем, по-прежнему заикаясь и всхлипывая, поведал им о том, что произошло.

Кто-то с тихой нью-эссекской улицы с ее домами, выстроенными в стиле эпохи Тюдоров, кто-то из соседей Тони Лассера...

— Не миссис ли Московиц из дома напротив? — спросил Карелла.

— Нет, нет, — сказал Лассер, — нет, не миссис Московиц. Она ужасно надоедливая, но ничуть не злая женщина. Нет, это был другой человек, неважно кто именно, просто сосед.

— И что же случилось? — спросил Хоуз.

Вот этот кто-то явился накануне к Тони Лассеру. В качестве представителя, так сказать, от группы линчевателей северного варианта, потому что никого они не собирались вешать или мазать дегтем с перьями, разумеется, нет, если «им будут соответствовать». Именно так выразился сосед Лассера. Он сказал, что все будет в полном порядке и все будут довольны, если «им будут соответствовать». До той минуты Лассер понятия не имел, чего хочет от него этот сосед. Он вышел к нему из кабинета в задней части дома, где рисовал картинки для очередной детской книжки, а тут явился этот незнакомец... практически незнакомец... которого он видел раз другой в окно, но знаком не был. Незнакомец этот завел разговор о «соответствии», и Лассер спросил его, что он имеет в виду.

— Вашу мать,— ответил сосед.

— Мою мать?

— М-мм.

— А что именно касательно ее?

— Мы хотим, чтобы вы поместили ее в лечебницу, мистер Лассер.

— Почему?

— Таково желание всех соседей, мистер Лассер.

— Но оно не совпадает с моим,— ответил Лассер.

— По-моему, у вас нет выбора, мистер Лассер,— сказал сосед и объяснил, что соседи затеяли целую кампанию против Лассеров.

Они все читали про убийство отца Тони, а в одной из газет была приведена фраза о том, что топор держал в руке человек, обладающий «силой безумца» или что-то в этом роде. Они собрались, проголосовали и решили пойти в полицию и заявить, что видели, как Этель Лассер вышла из дома около двенадцати дня в ту злополучную пятницу, третьего января, когда ее мужа, Джорджа Лассера, зарубили топором в подвале жилого здания.

— Но это же неправда,— возразил Тони Лассер.

— Пусть неправда, но двое из нас согласились подтвердить, что видели, как она выходила из дома,— сказал сосед.

— Моя мать скажет, что она никуда не выходила.

— Ваша мать ненормальная.

— Тогда я скажу, что она не выходила,— сказал Лассер.

— Всем известно, что вы не переступаете порога дома,— возразил сосед.

— Какое это имеет отношение к...?

— По-вашему, они примут всерьез показания человека, который боится выйти на улицу? По-вашему, его показания будут чего-нибудь стоить против заявления двух нормальных соседей?

— Я тоже нормальный,— сказал Лассер.

— Разве? — удивился сосед.

— Вон из моего дома,— грозным шепотом произнес Лассер.

— Мистер Лассер,— ничуть не смутившись, продолжал сосед,— все будет в порядке, если мы сумеем договориться. Мы не собираемся никому причинять неприятностей, мы просто не хотим чтобы безумная...

— Она не безумная,— крикнул Лассер.

— ...безумная, мистер Лассер, жила среди нас. Пусть она живет там, где ей полагается. Мы пришли к следующему выводу: либо вы добровольно определяете ее в сумасшедший дом, мистер Лассер, либо мы обращаемся в полицию, через них вызываем к соответствующим властям, попросив их задать ей пару вопросов. Как вы думаете, мистер Лассер, сумеет она ответить на эти вопросы, а? Итак, мы договариваемся или нет?

— Она никому не причиняет вреда.

— Она нам мешает, мистер Лассер, и нам надоело извиняться за помешанную, что живет у нас в квартале.

— Она никому не причиняет вреда,— повторил Лассер.

— Мистер Лассер, вы меня слышите? Мы даем вам срок до утра понедельника. Решайте. Если к тому времени вы подтвердите, что обратились к врачам и что вашу мать уберут, прекрасно, тогда мы пожмем друг другу руки и выпьем за продолжение нашей дружбы. Если же мы ничего от вас не услышим, мистер Лассер, мы сами обратимся в полицию и заявим, что видели вашу мать на улице в день убийства вашего отца. А там уж пусть они делают выводы.

— Но это же ложь,— настаивал Лассер.— Моя мать была дома.

— Совершенно справедливо, мистер Лассер, это ложь.— Сосед улыбнулся.— Но ложь перестает быть ложью, когда клянешься говорить правду.

— Убирайтесь,— крикнул Лассер.

— Обдумайте все как следует.

— Убирайтесь.

— Обдумайте все как следует.

Он обдумал. И решил, что бы ни случилось, мать в больницу он не определит. Если соседи пойдут в полицию, чтобы бросить тень подозрения на мать... если полиция начнет задавать вопросы... если, не дай Бог, она утратит над собой контроль... ее непременно упрячут. Этого он позволить не имеет права. А защитить ее можно только одним путем. Если он скажет, что убийство совершил он, тогда ее оставят в покое.

Лассер вытер слезы.

— Вот почему я и пришел к вам,— заключил он.

— Понятно, мистер Лассер,— сказал Карелла.— Дженеро, принеси нам кофе! — зычно крикнул он.

— Я н... н... не хочу кофе,— с трудом проговорил Лассер.

Карелла оставил его слова без внимания. Когда принесил кофе, они спросили у него, пьет ли он черный или со сливками, и Лассер сказал, что пьет черный. Сколько сахара, спросили они, и он ответил, что пьет кофе без сахара. Он хочет побыстрее вернуться домой к матери, сказал он. Ее нельзя оставлять одну так долго.

— Мистер Лассер,— сказал Карелла,— а что, если бы мы поверили в вашу историю?

— Какую историю?

— Что вы убили своего отца.

— Ах да!

— Что, если бы мы поверили вам и вас бы судили и приговорили...

— Да?

— Мистер Лассер, кто бы тогда взял на себя заботу о вашей матери?

Лассер вдруг смутился.

— Я почему-то об этом ни разу не подумал,— ответил он.

— М-мм. Значит, получилось удачно, что мы вам не поверили?

— По-моему, да.

— Патрульный проводит вас домой, мистер Лассер,— сказал Хоуз.— Как только вы допьете кофе...

— Я способен добраться домой сам.

— Мы это знаем, сэр,— участливо сказал Хоуз,— но лучше будет...

— Я возьму такси,— не сдавался Лассер.

— Это ничуть нас не затруднит, поверьте, сэр,— настаивал Хоуз.— Мы вызовем патрульную машину...

— Я возьму такси,— повторил Лассер.— Я и сюда

приехал на такси, поеду на такси и обратно. Я... я... я не хочу, чтобы к нашему дому подъезжала патрульная машина. У нас уже побывало немало полиции... с тех пор как умер отец.— Лассер помолчал.— Он, знаете, был неплохим человеком. Я, правда, никогда его особенно не любил. Должен признаться, я... я... я не плакал, узнав о его смерти. Слез у меня не было, но человеком он был неплохим. Он отправил меня в хорошую школу, лечил мать в частной лечебнице. Он был неплохим человеком.

— А каким образом он мог позволить себе все это, мистер Лассер? — вдруг спросил Хоуз.

— Позволить что?

— Школу. Санаторий.

— Видите ли, раньше он зарабатывал больше,— пожал плечами Лассер.

— Что значит больше? Ведь он был управляющим с тысяча девятьсот тридцать девятого года, не так ли?

— Да, но в более приличном доме. Не в районе трущоб.

— А где?

— В нижней части города,— ответил Лассер.

— Где именно?

— В доме 1107 на Ганнинг-стрит, вы знаете этот район?

— Да,— ответил Хоуз.— Там находится...— И умолк.— Ганнинг, 1107, сказали вы?

— Да.

— В тысяча девятьсот тридцать девятом году ваш отец был управляющим в доме 1107 на Ганнинг-стрит?

— Совершенно верно. А что?

— Стив,— сказал Хоуз,— Зигги Рёр работал в «Кавано энд Пост» в тысяча девятьсот тридцать девятом году.

— Ну и что?

— В доме 1107 на Ганнинг-стрит,— уточнил Хоуз.

Зигмунд Рёр еще не вставал, когда детективы постучались к нему в дверь. Он спросил, кто там, и когда они ответили, что полиция, он пробормотал нечто неразборчивое, но прошлепал по квартире к двери. Открыв дверь, он завязал пояс рисованного огурцами халата, надетого на полосатую пижаму.

— Что на этот раз? — спросил он.— Очередной гестаповский допрос?

— Всего несколько вопросов, мистер Рёр,— сказал Карелла.— Не возражаете, если мы зайдем?

— А что, вы бы не зашли, начини я возражать?

— Конечно,— отозвался Хоуз.— Начини вы возражать, мы бы вас арестовали и доставили в участок. А вот так мы чисто по-дружески побеседуем, обсудим все «за» и «против» и разойдемся к обоюдному удовольствию.

— Да уж, по-дружески,— пробурчал Рёр, но пропустил их в квартиру.— Я только что встал,— сказал он.— И намерен сварить кофе. Я не способен на разговор, пока не выпью чашку кофе.

— Располагайте собой, мистер Рёр,— любезно согласился Карелла.— Подождем, раз уж ждали с тысяча девятьсот тридцать девятого года.

Бросив на Кареллу настороженный взгляд, Рёр хотел было что-то сказать, но промолчал и пошел на кухню. Он налил в автоматический кофейник воды, насыпал туда кофе и, оставив его вариться, вернулся в гостиную. Усевшись напротив детективов, он не промолвил ни слова, пока не засвистел кофейник. Затем, отпивая кофе мелкими глоточками, он спросил:

— Что вы имели в виду, упомянув тысяча девятьсот тридцать девятый год?

— Может, вы сами нам скажете, мистер Рёр?

— Я не знаю, о чем идет речь,— отпарировал Рёр.

— Мистер Рёр,— начал Хоуз,— нам представляется очень уж явным совпадением тот факт, что вас видели за игрой в кости в подвале дома 4111 на Пятой Южной, где управляющим был Джордж Лассер, и...

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Что весьма странно, принимая во внимание некое совпадение.

— Какое еще совпадение?

— В тысяча девятьсот тридцать девятом году, когда вы работали в «Кавано энд Пост» на Ганнинг-стрит, 1107, управляющим в том здании был человек по имени Джордж Лассер. Что скажете по этому поводу, мистер Рёр?

— Ничего. Я бухгалтер. Почему вы считаете, что я должен был знать управляющего домом?

— Мы уверены, что вы его знали, мистер Рёр.

— Вам еще придется это доказать. А даже если знал? У нас что, запрещено знать управляющего зда...

— Запрещено играть в кости на деньги, мистер Рёр,— перебил его Хоуз.

— И людей убивать запрещено,— добавил Карелла.

— Чепуха! — разозлился Рёр.— Я никого не убивал, и вам это хорошо известно.

— Мистер Рёр, мы беседовали с мистером Кавано, одним из владельцев фирмы, в которой вы работали.

— И что?

— Мистер Кавано сказал нам, что в тысяча девятьсот тридцать седьмом году вы попытались шантажировать одного из клиентов фирмы, было такое?

— Нет.

— Мы уверены, что было, мистер Рёр.

— Ну и что? Шел тысяча девятьсот тридцать седьмой год. Какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

— Именно это мы и пытаемся выяснить.

— Возможно...

— У нас есть кое-какие мысли, мистер Рёр.

— Меня не интересуют ваши мысли,— опять разозлился Рёр и поставил чашку с кофе на стол.— Честно говоря, я предпочитаю сделать то, что вы предложили несколько минут назад. Мне надоел наш дружеский разговор. Давайте я оденусь, вы меня арестуете и доставите в участок, оформив задержание, идет? Хотелось бы послушать, на основании чего вы произведете арест.

— На основании подозрения в совершении убийства, мистер Рёр.

— Убийства кого?

— Джорджа Лассера.

— Бросьте. Зачем мне убивать Джорджа Лассера?

— Значит, вы его знали?

— Кто сказал, что знал?

— Мистер Рёр, давайте и вправду поступим, как вы предложили. Идите одевайтесь, мы повезем вас в участок и там оформим арест. А то нам тоже немного надоела эта дружеская беседа.

— Арест за что? — снова спросил Рёр.

— За убийство, мистер Рёр. Мы вам, кажется, уже сказали.

Несколько секунд Рёр молчал.

— Я не убивал Джорджи,— наконец произнес он.

— А в игре в кости принимали участие?

— Да,— кивнул Рёр.

— И Спедино тоже играл?

— Да, тоже.
— Тогда почему он это отрицает?
— Потому, что, узнай об этом его жена, она бы его убила.

— Вы хотите сказать: только потому, что боится жены, он нам солгал даже при наличии подозрения в убийстве?

— Вы когда-нибудь видели его жену? — спросил Рёр.

— Ладно,— пожал плечами Карелла.— Вернемся к Джорджу Лассеру. Вы знали его в тысяча девятьсот тридцать девятом году?

— Да.

— Какие у вас с ним были отношения? — спросил Карелла.

— Просто «здравствуйте» и «до свиданья». Время от времени встречались в вестибюле. Я говорил: «Привет, Джорджи, как...»

— Это ложь, мистер Рёр,— перебил его Карелла.

— Что?

— Мистер Рёр, в тысяча девятьсот тридцать девятом году Джордж Лассер был в состоянии оплатить учебу своего сына Тони в частной школе, а лечение жены в частной психиатрической лечебнице. На жалованье управляющего он бы сделать этого не сумел, мистер Рёр. У нас есть кое-какие догадки на этот счет, мистер Рёр, и нам хотелось бы проверить их на вас. Только проверить, идет? А выводы мы потом сделаем сами.

— Вы что, смеетесь? — спросил Рёр.

— Нет, я говорю совершенно серьезно,— ответил Карелла.— Нам известно, что Джордж Лассер был человеком честолюбивым и постоянно занимался поиском новых источников дохода. Нам также известно, что вы уже делали попытку шантажировать одного из клиентов вашей фирмы и что по этому поводу получили предупреждение, а также, что вы с Джорджем работали одновременно в одном и том же здании. Вы только что признались, что были с ним знакомы, поэтому мы...

— Не больше чем сказать «здрасьте».

— Мы считаем, что знакомство было более тесным, мистер Рёр.

— Да? С чего вы это взяли?

— Мы полагаем, что вы подыскивали еще одного клиента для шантажа и...

— Я бы на вашем месте не бросался так легко словом «шантаж».

— Не имеет значения, что бы вы делали на моем месте, мистер Рёр. Мы считаем, что вы нашли еще одну жертву, но помнили, что, если попытаетесь что-либо предпринять, Кавано всерьез с вами разделается. То есть если вы лично предпримете такую попытку.— Карелла помолчал.— Вы начали понимать, к чему я клоню, мистер Рёр?

— Представления не имею, о чем вы говорите.

— Он никогда не знает, о чем мы говорим,— заметил Карелла Хоузу.— Вот о чем мы говорим, мистер Рёр: мы считаем, что вы нашли еще кого-то, кого можно было шантажировать, но, зная, что вам самому обращаться к нему нельзя, вы решили вместо себя подослать другого человека. Этим другим и оказался Джордж Лассер. Вот о чем мы говорим.

— М-мм,— промычал Рёр.

— А вы как считаете, мистер Рёр?

— Я считаю, что это очень занимательно.

— Мы тоже.

— Но я сомневаюсь, что вы сумеете доказать ваши слова.

— Вы правы. Доказать мы не можем,— согласился Карелла.

— Так я и думал,— улыбнулся Рёр.

— А нам этого и не требуется,— тоже улыбнулся Карелла.

— Не требуется?

— Нет.

— Как это?

— Нас такие пустяки, как шантаж, не интересуют. Нас интересует убийство. И время у нас на исходе, мистер Рёр. Нам очень бы хотелось отыскать человека, на которого это убийство можно было бы повесить.

— Хотелось бы?

— Да, очень. Почему бы нам не договориться друг с другом?

— Каким образом?

— Мистер Рёр, мы действительно не можем доказать, что вы с Лассером еще в тысяча девятьсот тридцать девятом году вымогали у кого-то деньги. Но мы в состоянии доказать случай шантажа в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, потому что нам об этом рассказал мистер Кавано, и я не сомневаюсь, что он согласится подтвердить свои показания, если дело дойдет до суда, а также назовет фамилию вашей жертвы. Другими словами, мис-

тер Рёр, мы доберемся до вас за тот поступок, если ничего другого предъявить не сумеем.

— М-мм,— опять промычал Рёр.

— Понятно?

— И что же вы предлагаете?

— Мы не считаем, что вы убили Лассера,— сказал Хоуз.

— Почему?

— Не видим причины. Из того, что нам стало известно, вы с Лассером были друзьями. Он участвовал вместе с вами в вымогательстве, предоставил вам подвал для игры. Для чего вам его убивать?

— М-мм,— промычал Рёр.

— Разумно, мистер Рёр?

— Я весь внимание,— отозвался Рёр.

— По-моему, он начал понимать, о чем мы говорим,— улыбнулся Карелла Хоузу.

— Продолжайте,— предложил Рёр.

— Ладно. Итак, вы с Лассером кого-то шантажировали. Заработав на этом, по-видимому, приличную сумму, потому что Лассер мог позволить себе оплатить учебу сына и лечение жены. Вы начали действовать сообща в тысяча девятьсот тридцать девятом году...

— Мы начали это дело в тысяча девятьсот тридцать восьмом году,— вдруг поправил его Рёр.

— Благодарю вас,— отозвался Карелла.— А я-то думал, он и дальше будет играть в молчанку, Коттон.

— Я тоже так думал,— усмехнулся Хоуз.

— Нам хотелось бы знать, кого вы шантажировали и на какую сумму,— сказал Хоуз.

— А какая мне с этого польза? — спросил Рёр.

— Большая, мистер Рёр.

— То есть?

— Мы оставим вас в покое. Избавим от вполне вероятных и немалых неприятностей. Вы выйдете из этой истории чистым, и больше никаких вопросов. Нам ведь требуется кто-то, на кого можно повесить убийство Лассера, и этим человеком вполне можете оказаться вы.

— Ладно,— согласился Рёр.

— Видишь? — обратился Карелла к Хоузу.— Он и в самом деле понимает, о чем мы говорим.

— Жертва? — спросил Хоуз.

— Энсон Берке.

— На чем вы его поймали?

— Он был президентом компании, экспортирующей

детали для автомашин в Южную Америку. Однажды он пришел к нам в контору и попросил подсчитать его собственный подоходный налог. Что сразу показалось мне подозрительным, ибо при наличии у себя в фирме бухгалтеров он обратился на сторону. Тем не менее мы взялись за это дело. Вот тут-то я и узнал про сорок тысяч.

— Про какие сорок тысяч?

— Вы разбираетесь в экспортном бизнесе?

— Очень мало.

— Большинство из экспортеров покупают товар, который собираются экспортировать, то есть действуют как посредники. И, как правило, тот, кто товар поставляет, дает экспортеру пятнадцатипроцентную скидку.

— Понятно. И что же дальше?

— Время от времени, если экспортер дает возможность поставщику крупно заработать, поставщик увеличивает скидку.

— На сколько?

— В данном случае на пять процентов. Фирма Берке зарабатывала, имея дело только с этим поставщиком, примерно от восьмисот тысяч до миллиона долларов в год. А пять процентов от восьмисот тысяч составляют сорок тысяч.

— Опять сорок тысяч,— не понял Хоуз.— Ну и что?

— Столько он и получил.

— Кто?

— Берке.

— От кого?

— От поставщика из Техаса.

— За что?

— Он указал их как за посредничество, но на самом деле это были дополнительные пять процентов, про которые я вам объяснил.

— Не понимаю,— признался Карелла.— Где он их указал?

— В сведениях, которые представил мне для исчисления подоходного налога.

— Он сообщил о сорока тысячах долларов как о полученных за посредничество от поставщика из Техаса, так?

— Совершенно верно. Он получал от своей компании тридцать тысяч жалованья. А эти сорок тысяч получил сверх того.

— Ну и что?

— По крайней мере, у него хватило ума не обращаться к своим собственным бухгалтерам.

— Что значит «хватило ума»?

— Эти сорок тысяч получил лично он. Компании они не достались. Но не указать их в декларации для подоходного налога он побоялся, предпочитая обобрать держателей акций, нежели ссориться с Дядюшкой Сэмом. Поэтому и не обратился к своим бухгалтерам.

— И что дальше? — спросил Карелла.

— Я сразу понял, что ухвачу за хвост золотую рыбку, если только мне удастся до нее добраться. Но как? Стоит мне пискнуть, и он пойдет к Кавано, который позвонит в Филадельфию своим бывшим друзьям, друзьям детства, теперь уже выросшим и ставшим бандитами, и мне придется ловить рыбку, уже лежа на дне реки. Тут-то я и вспомнил про Лассера. Я знал, что он мелкий жулик, потому что не раз видел, как он тащит из подвала латунную и медную арматуру, которую потом продает сборщикам утиля. Офис Берке находился на другом конце города. Знать Лассера он не мог.

— И как же вы все это проделали?

— Я встретился с Лассером и объяснил ему, что мне от него нужно. Затем позвонил Берке и сказал, что намерен в течение недели заняться его подоходным налогом, а потому мне требуются все его финансовые документы, в том числе вычеты из жалованья и премия в сорок тысяч, полученная им за посредничество. Он обещал привезти их на следующий день. Во второй половине дня я поехал поработать у него в кабинете и, когда уходил, посоветовал ему оставить все документы на работе, а не брать с собой, потому что завтра приеду закончить. Он запер их в верхнем ящике письменного стола.

— И что же дальше?

— В ту же ночь мы с Лассером забрались к нему в офис. Нам нужны были только документы, но, чтобы выглядело это как настоящее ограбление, мы прихватили золотые карандаш и ручку, кое-какие деньги, пишущую машинку и прочее барахло, которое там валялось. Берке обнаружил кражу на следующее утро. Через две недели Лассер явился к нему.

— И что же он ему сказал?

— Признался, что ограбил его офис, а когда Берке собрался вызвать полицию, показал ему список доходов, добавив, что прихватил его из ящика случайно среди прочих вещей, поскольку, мол, не шибко разбирается в

экспортном бизнесе, но что, заметив имя Энсона Берке и поняв, что речь идет о подоходном налоге с сумм, среди которых упомянуты полученные им лично, а не заработанные фирмой сорок тысяч долларов, сообразил, что выглядят они подозрительно. Берке послал Лассера к черту, еще раз пообещав обязательно позвонить в полицию, на что Лассер извинился, сказал, что, может, он и вправду ошибся, что все, наверное, чисто и ясно и что в таком случае, надеется он, Берке не будет возражать, если Лассер пошлет этот документ совету директоров его компании. Тут Берке и понял, что пахнет жареным. Да так, что обжигает нос.

— Поэтому он заплатил Лассеру столько, сколько тот запросил?

— Да.

— Сколько же?

— Берке утаил от компании сорок тысяч долларов. Мы с Лассером рассудили, что он, наверное, будет поступать таким образом и дальше, пока мы будем держать язык за зубами.

— И поэтому?

— Лассер попросил у него половину этой суммы.

— А иначе?

— А иначе он пойдет прямо в совет директоров.

— И Берке заплатил?

— Да.

— И вы с Лассером поделили эти двадцать тысяч поровну?

— Совершенно верно. По десять тысяч каждому.

— И продолжали получать каждый год. Что оказалось немалой суммой,— вздохнул Карелла.— Поэтому вполне возможно, что Берке это надоело, он пошел в подвал на Пятую Южную и убил Лассера, пытаясь освободиться от...

— Нет,— возразил Рёр.

— Почему нет?

— Золотые яйца перестали поступать в тысяча девятьсот сорок пятом году.

— Что вы хотите сказать?

— С тысяча девятьсот сорок пятого года мы денег не получали,— ответил Рёр.

— Берке перестал платить в тысяча девятьсот сорок пятом году, так?

— Совершенно верно,— улыбнулся Рёр.

— Но он все равно мог считать себя обиженным

даже за то, что ему пришлось выплатить, и решил отомстить.

— Ха-ха,— торжествующе-злобно хохотнул Рёр.

— Почему нет? — спросил Карелла.

— Энсон Берке не мог убить Лассера.

— Почему?

— Я только что вам сказал. Он перестал платить в тысяча девятьсот сорок пятом году.

— Ну и что?

— По той причине, что в тысяча девятьсот сорок пятом году у него случился инфаркт, и он умер.

— Что? — спросил Карелла.

— Да,— радостно подтвердил Рёр.— Так что зря вы, ребята, старались. Футбольный матч не состоялся.

Январь — плохой месяц для игры в футбол.

Зигмунда Рёра они не арестовали, потому что сомневались, заинтересуются ли им законники, а главное, честно говоря, чересчур много с ним было волюнки. И жертва Рёра, и его партнер — оба ушли в мир иной, первая попытка вымогательства могла быть подтверждена только показаниями Кавано, которые в суде могут быть приняты за показания с чужих слов, поскольку тот, кого Рёр собирался обобрать в тысяча девятьсот тридцать седьмом году, их не подтвердил. Возможность отыскать предполагаемую жертву и получить ее согласие на изобличение самого себя ради изобличения Рёра было весьма сомнительным — во всяком случае, все это казалось ерундой по сравнению с тем, что убийца двух человек все еще разгуливает на свободе.

Январь — плохой месяц для игры в футбол, вот и все.

Когда они вернулись обратно в следственный отдел, у перегородки из реек их встретил детектив Мейер.

— Где вы, ребята, гуляли? — спросил он.

— А что? — заинтересовался Карелла.

— Несколько минут назад нам звонил патрульный Мерфи.

— Ну и что?

— Подсобный рабочий пытался убить управляющего домом.

— Где?

— Пятая Южная, 4113,— ответил Мейер.— Цветного рабочего зовут Сэм Уитсон.

Когда Карелла с Хоузом приехали, на ногах у Сэма Уитсона сидели два патрульных, еще два прижимали к полу его огромные раскинутые в стороны руки, а один полицейский восседал у него на груди. Когда детективы приблизились к тому месту в подвале, где он был распят, огромный негр вдруг, сделав неимоверное усилие, вскинулся так, что полицейский, восседавший у него на груди, взлетел в воздух, а затем, ухватившись за борта его куртки, тяжело плюхнулся обратно.

— Сукин сын,— пробормотал Уитсон, и тогда еще один полицейский, который стоял и наблюдал, как другие борются со своим пленником, вдруг размахнулся и ударил Уитсона дубинкой по правой ноге. В углу подвала сидел Джон Айверсон, управляющий домом 4113 на Пятой Южной, соседним с тем, где работал покойный Джордж Лассер, и из раны на голове у него сочилась кровь. Дома эти были рядом и примыкали друг к другу, как две половинки одного эмбриона. Подвал у Айверсона был точно такой же, как и подвал у Лассера, отличаясь только содержимым. Поддерживая руками разбитую голову, он сидел на пустом ящике из-под молочных бутылок, а полицейские продолжали бороться с Уитсоном, который время от времени делал попытку освободиться. Тот же патрульный, что не участвовал в борьбе, по-прежнему наносил Уитсону удары дубинкой, пока один из патрульных не заорал:

— Ради Бога, Чарли, перестань! Как только ты ударишь его дубинкой, он подкидывает нас всех в воздух.

— Я стараюсь его успокоить,— отозвался Чарли и снова ударил Уитсона по подошве башмака.

— Хватит,— распорядился Карелла, подходя к тому месту, где вокруг лежавшего на полу негра роились полицейские.— Дайте ему встать.

— Он очень опасен, сэр,— заметил один из патрульных.

— Дайте ему встать,— повторил Карелла.

— Как угодно, сэр,— отозвался тот же из патрульных, и все они одновременно, словно по сигналу, спрыгнули с Уитсона и попятились назад, как только Уитсон, стиснув кулаки и пылая взглядом, вскочил на ноги.

— Все в порядке, Сэм,— попытался успокоить его Карелла.

— Кто сказал? — потребовал Уитсон. — Я убью этого сукиного сына.

— Никого ты не убьешь, Сэм. Сядь и остынь. Я хочу знать, что здесь произошло.

— Не мешайте мне, — сказал Уитсон. — Это вас не касается.

— Сэм, я офицер полиции, — заметил Карелла.

— Я знаю, кто вы, — отозвался Уитсон.

— Мне позвонили и сказали, что ты хотел убить управляющего. Это правда?

— Через несколько минут вам позвонят еще раз, — прорычал Уитсон. — И вы услышите, что я убил управляющего.

Карелла не сумел сдержать хохота. Хохот поразил Уитсона, который на секунду опять сжал кулаки и смотрел на Кареллу недоуменным взглядом.

— Ничего смешного нет, — сказал Уитсон.

— Я знаю, Сэм, — согласился Карелла. — Давай-ка лучше присядем и поговорим.

— Он полез на меня с топором, — сказал Уитсон, указывая на Айверсона.

Впервые с тех пор, как они вошли в подвал, Карелла и Хоуз взглянули на Айверсона не как на подвергшуюся нападению жертву. Если Уитсон был рослым, то и Айверсон был ничуть не меньше. Если Уитсон был способен устроить погром, то и Айверсон ему ничем не уступал. Он сидел на ящике из-под молока, из раны на голове у него сочилась кровь, но от него по-прежнему исходило ощущение мощи и силы, как исходит запах от вышедшего из джунглей зверя. Когда Уитсон указал на него, он поднял глаза, и детективы вдруг почувствовали, как он весь на чеку, как полон нервной энергии, которую излучал в той же степени, что и ощущение силы, и поэтому приблизились к нему с опаской, какой никогда бы не испытывали возле раненого человека.

— О чем он говорит, Айверсон? — спросил Карелла.

— Он ненормальный, — отозвался Айверсон.

— Он только что сказал, что вы напали на него с топором.

— Он ненормальный.

— А это что? — спросил Хоуз и, наклонившись, поднял с пола топор, который лежал на бетонном полу футах в десяти от того места, где сидел Айверсон. — По-моему, это топор, а, Айверсон?

— Топор, — согласился Айверсон. — Я держу его

здесь в подвале и пользуюсь им, чтобы колоть дрова.

— А почему он валяется на полу?

— Наверно, я его там бросил,— отозвался Айверсон.

— Врет,— сказал Уитсон.— Когда он замахнулся на меня топором, я его ударил, и он уронил топор. Вот почему топор и лежит на полу.

— А чем вы его ударили?

— Я схватил кочергу и его ударил.

— Из-за чего?

— Я же только что вам сказал. Он полез на меня с топором.

— Почему?

— Потому, что он подонок,— сказал Уитсон.— Вот почему.

Айверсон встал и сделал шаг в сторону Уитсона.

— Сесты! — крикнул Карелла, метнувшись между ними.— Что он хочет этим сказать, Айверсон?

— Не знаю, что он хочет сказать. Он ведь ненормальный.

— Предложил мне двадцать пять центов,— возмущался Уитсон.— Я сказал ему, что он может делать со своими двадцатью пятью центами. Двадцать пять центов!

— О чем ты говоришь, Уитсон? — спросил Хоуз и вдруг сообразил, что до сих пор держит в руках топор. Он прислонил его к бункеру с углем, как раз в ту минуту, когда Уитсон снова повернулся к Айверсону.

— Подожди, черт побери! — заорал Хоуз, и Уитсон остановился как вкопанный.— О каких двадцати пяти центах ты говоришь?

— Он предложил мне двадцать пять центов за то, чтобы я колол дрова. Я сказал ему, пусть он засунет...

— Давайте разберемся,— предложил Карелла.— Вы хотели, чтобы он колол дрова для вас, так, что ли, Айверсон?

Айверсон молча кивнул.

— И предложили ему двадцать пять центов?

— Двадцать пять в час,— ответил Айверсон.— Столько, сколько я платил ему и прежде.

— Да, поэтому я и перестал работать на тебя, дешево. Поэтому я и начал работать на мистера Лассера.

— Но ты раньше работал на мистера Айверсона, правильно? — спросил Хоуз.

— В прошлом году я работал здесь. Но он платил мне всего двадцать пять центов в час, а мистер Лассер

предложил пятьдесят, поэтому я и перешел к нему. Я не дурак.

— Это верно, Айверсон?

— Здесь у него было больше работы,— ответил Айверсон.— Я платил ему меньше, но работал он дольше.

— Пока мистер Лассер не переманил к себе твоих жильцов,— добавил Уитсон.

— О чем ты говоришь? — спросил Хоуз.

— Все жильцы этого дома начали ходить за дровами к мистеру Лассеру.

Теперь они во все глаза смотрели на Айверсона: огромный, с неуклюже болтающимися руками, он стоял, кусая губы, и настороженно оглядывался по сторонам, как животное, попавшее в беду.

— Это правда, мистер Айверсон? — спросил Карелла.

Айверсон ничего не ответил.

— Мистер Айверсон, я хочу знать, правда ли это? — повторил Карелла.

— Да, правда,— отозвался Айверсон.

— Что все ваши жильцы стали ходить за дровами к мистеру Лассеру?

— Да, да,— согласился Айверсон.— Но это не значит...

И умолк. В подвале наступила тишина.

— Что это не значит, мистер Айверсон?

— Ничего.

— Вы хотели что-то сказать, мистер Айверсон?

— Я сказал все, что хотел.

— Ваши жильцы стали ходить к мистеру Лассеру, верно?

— Да, сказал я вам! Что вам от меня нужно? У меня из головы идет кровь, он ударил меня по голове, а вы донимаете меня вопросами.

— И как вы на это реагировали? — спросил Карелла.

— На что?

— На то, что жильцы перестали к вам обращаться?

— Я... Послушайте, я... Я не имею к этому никакого отношения.

— К чему?

— Я злился, да, но...

И снова Айверсон умолк. Он смотрел на Кареллу и Хоуза, которые, в свою очередь, не сводили с него спокойного и серьезного взгляда. И вдруг по какой-то причине, возможно, потому, что почувствовал, что не в силах

больше объясняться, а может, ощутил, что попал в западню, которая захлопнулась за ним, но вдруг выражение лица его изменилось: решение было принято, сомневаться не приходилось — он нагнулся и, не говоря ни слова, схватил топор, который Хоуз оставил прислоненным к стенке бункера. Он схватил его легко, без малейшего усилия и так быстро, что у Кареллы едва хватило времени увернуться, когда Айверсон, как битой, взмахнул топором, нацелившись Карелле в голову.

— Ложись! — скомандовал Хоуз, и не успел Карелла очутиться на полу, тут же перекатываясь на левый бок, чтобы вытащить из кобуры на поясе револьвер, как прогремели один за другим выстрелы Хоуза.

Карелла услышал, как кто-то застонал от боли, и увидел, что Айверсон стоит над ним — огромное пятно крови расплзлось по его голубому комбинезону — с занесенным над головой топором — вероятно, именно так он занес топор в ту пятницу днем, когда лезвие его вонзилось в череп Джорджа Лассера. Карелла понял, что времени вытащить револьвер у него нет, как нет и возможности отползти или отвести удар, — топор занесен и в следующую секунду опустится.

И тогда прыгнул Уитсон. Его огромное и мощное тело взлетело в воздух, пересекло, казалось, весь подвал и врезалось в не менее рослого Айверсона. Тот пошатнулся, оперся о стенку топки, и топор, со звоном ударившись в чугунную дверцу, с грохотом упал на бетонный пол. Айверсон, оттолкнувшись от топки, потянулся было за топором, но Уитсон, оттянув сжатую в кулак правую руку, вдруг с поразительной силой выкинул ее вперед, голова Айверсона с хрустом дернулась назад, словно от перелома позвоночника, и он упал на пол.

— Полный порядок? — спросил Хоуз.

— Да, — ответил Карелла. — А ты, Сэм?

— Нормально, — отозвался Уитсон.

— Он совершил убийство из-за торговли дровами, — удивленно произнес Хоуз. — Из-за грошовой торговли дровами.

— Я сделал это из-за торговли дровами, — признался Айверсон.

Я сделал это, потому что он украл у меня моих клиентов. Идея торговли дровами принадлежала мне. До того как я стал управляющим, каминь в квартирах

дома 4113 не работали, их заложили кирпичом и заштукатурили. Я привел их в порядок, они обогревали квартиры. Я первым придумал привозить дрова из-за города.

Джордж украл у меня этот бизнес.

Сначала он начал привозить огромные чурбаки из той местности, где жил со своей сумасшедшей женой. Затем он увел у меня подручного, пообещав ему за колку дров пятьдесят центов в час. Конечно, тот был рад, а кто бы не обрадовался?! Я не возражал, когда он продавал дрова своим жильцам, в своем доме пусть делает, что хочет. Но он начал продавать и моим жильцам, а вот это мне уже не понравилось.

Когда я спустился к нему в подвал в первых числах января, я не собирался его убивать, я только хотел его предупредить. Он сидел там, пересчитывая деньги и пряча их в банку из-под кофе, потом сделал записи в своей черной книжечке и тоже положил ее в банку. Когда я сказал ему, чтобы он оставил моих жильцов в покое, он начал смеяться. Поэтому я пошел в кладовую и вернулся в подвал уже с топором. Увидев топор, он опять принялся смеяться, и тогда я его ударил. Он подошел ко мне, схватился за меня, но я продолжал наносить ему удары, пока, наконец, не попал по горлу. Я знал, что этот удар смертельный, но продолжал бить, а когда он упал, я раскроил ему череп и оставил в черепе топор.

Я забрал из банки все деньги, их оказалось семь долларов пятьдесят центов, они по праву принадлежали мне. Я забрал и черную книжечку, потому что половина жильцов, указанных в ней, тоже принадлежала мне...

Чтобы не оставлять отпечатков пальцев, я стер пыль с полки и протер банку. Наполнил банку всякой дребеденью из других банок, чтобы никто не подумал, что он хранил в ней деньги. Полицейского убил тоже я.

Я пошел в подвал найти свою пуговицу. Джордж оторвал одну из пуговиц с моего комбинезона, когда цеплялся за меня, и я понял, что, если кто-нибудь найдет пуговицу, меня ждет беда. Я старался ее отыскать, и в тот день, когда я ее нашел, там появился этот полицейский. Он увидел пуговицу, поэтому мне и пришлось его убить. А сегодня я убил бы и подручного, не окажись он сильнее меня. До Джорджа я никого не убивал.

Ему не следовало отнимать у меня моих покупателей.

В тот вечер по дороге домой Стив Карелла зашел в

книжный магазин, где торговали остатками нераспроданных книг. Было уже около семи, и в магазине готовились к закрытию, но он нашел Акулу Спедино за кассой. Тот неотрывно следил за несколькими еще не ушедшими из магазина покупателями.

— Ого! — сказал Спедино. — Опять беда.

— Никакой беды, — отозвался Карелла.

— Тогда что привело сюда представителя закона? — спросил Спедино.

— Три вещи.

— Например?

— Во-первых, мы нашли убийцу. Можешь больше не беспокоиться.

— А я и не беспокоился, — огрызнулся Спедино. — Не знаю, что думали вы, но я-то знал, что этого не делал.

— Во-вторых, больше играть в кости на нашем участке мы не позволим.

— Кто играл в кости? Я не видел игры в кости с...

— Хватит врать, Спедино. Мы знаем, что ты играл. Говорю тебе, никаких игр, иначе я пойду прямо к твоей жене.

— Ладно, ладно, — закивал головой Спедино. — О Господи!

— И в-третьих, мне хотелось бы купить словарь рифм.

— Что?

— Словарь рифм, — повторил Карелла.

— Для чего?

— Я обещал кое-кому отыскать рифму.

— Ладно, — согласился Спедино и опять закрутил головой. — О Господи!..

Карелла вышел из лавки со словарем под мышкой. На город вдруг надвинулась ночь, и на улице стало темно и холодно. Он подошел к машине, вдохнув в себя студеный воздух, открыл дверцу и сел за руль. С минуту он сидел неподвижно и, словно отгородившись от пустых январских улиц, от мерцающих неоновых огней, от темного, изрезанного крышами домов неба, глядел сквозь лобовое стекло на город. На мгновение, всего лишь на мгновение город завладел им, и он сидел потрясенный и думал о бедном несчастном управляющем в старом доме, который убил другого человека из-за нескольких долларов в неделю.

Стало холодно. Ссутулившись, Карелла включил зажигание, затем обогреватель и влился в поток машин.

ГЕРОИНОВАЯ ПЕТЛЯ

Зима напала на город внезапно, как гангстер. Ветер завывал вдоль улиц, срывая с прохожих шляпы, задирая юбки и хватая холодными, как лед, руками. Люди натягивали перчатки, поднимали воротники пальто и прятали носы в шерстяные кашне. А с мутного неба сыпал снег, таял под ногами и колесами машин, покрывал тротуары и мостовые предательским слоем льда. Зима в этом году обещала быть свирепой.

Полицейского звали Дик Дженеро. Он не любил зиму. Его не соблазняли ни коньки, ни лыжи, ни санки, ни прочие прелести веселого Рождества. Он посылал все это к черту. Он любил лето: горячее солнце и голубое небо. Любил летние грозы. Любил яркие цветы. Любил ласковое море и теплый песок на пляже.

А сейчас у него мерзли уши. «Если уши мерзнут, значит весь замерз», — говаривала его мать, а она знала, что говорила.

Дженеро совершал обход своего участка, думая о матери, затем вспомнил о жене, и ему захотелось оказаться рядом с ней под теплым одеялом. Было два часа ночи, и только идиот или полицейский мог вышагивать в это время по улицам да еще в двадцатиградусный мороз.

Дженеро томился и думал о своих онемевших ушах, о том, что от прикосновения они могут отвалиться. Так утверждала мать. Несколько раз он едва не нарушил ее наказ. Он понимал, что уши останутся на месте, но тогда прощай его сыновья вера... Нагнув голову, он думал о Флориде, о Пуэрто-Рико и мысленно продвигался все дальше на юг, пока не сообразил, что достиг Южного полюса, а там было так же холодно, как и здесь...

Brp!.. Ну и мороз... А может быть, они и впрямь отвалятся, если я их потру!..

Улицы были пустынные. Еще бы! Только сумасшедшие и полицейские не сидят такой ночью дома. Он подошел к кондитерской лавочке и машинально потрогал дверь,

обругав хозяина за то, что закрывает свое заведение на ночь и лишает возможности согреться чашечкой кофе.

Он зашагал дальше. Может быть, у Терри еще открыто? Он зайдет в бар, проверит, все ли там спокойно, и пропустит стаканчик. Ничего страшного не случится, если он выпьет стаканчик.

Подняв голову, Дженеро увидел свет.

Свет шел с другой стороны улицы. Дженеро замер на месте. Портняжная мастерская. Неужели этот болван Козн утюжит одежду в такое время? Нужно его отругать. Он войдет и скажет: «Макс, ты хороший малый, но если собрался работать всю ночь, позвони и предупреди нас, несчастных!» Макс улыбнется в ответ и угостит его наливкой, которую держит под прилавком. И Макс показался Дженеро не таким уж болваном. «Доставай свою бутылочку, Макс,— подумал он.— Я иду!»

Однако когда он пересек улицу, то увидел, что свет идет не из портняжной мастерской. Свет шел из зарешеченного подвального окошка жилого дома. Это озадачило Дженеро. Если свет горит не у Макса...

Полицейский прибавил шаг. Безотчетно стянул перчатку и выдернул пистолет. Дверь в подвал была открыта. Приблизившись, Дженеро остановился. Несколько ступенек вели вниз.

Вдоль узкого коридора были свалены мусорные бачки. Дженеро оглядел коридор с единственной дверью и прислушался. Ни звука. Толкнул дверь. Она приоткрылась.

Дженеро отступил на шаг и, ничего не услышав, вошел. Слабо светила голая лампочка. Деревянный ящик из-под апельсинов. На ящике четыре пузырька. Дженеро достал карманный фонарик и провел лучом по помещению. Противоположная стена была пустой. В дальнем углу, под зарешеченным окном — койка.

Дженеро посветил левее и невольно отшатнулся. На койке сидел юноша. Он наклонился вперед, и Дженеро удивился, почему юноша не падает. Но когда взгляделся, увидел веревку.

Один ее конец был привязан к решетке окна. Другой затянут на шее юноши. Глаза и рот его были раскрыты. Лицо синеватого оттенка, а руки свисали по сторонам. Рядом на койке валялся шприц.

Дженеро приблизился и при свете фонарика рассмотрел посиневшее лицо. Затем поспешил из подвала к ближайшей телефонной будке.

Пятеро полицейских неловко толклись на тротуаре. Из-за угла выехала машина «скорой помощи». Однако двое мужчин, вылезших из машины, были не докторами, а детективами. Звали их Карелла и Клинг.

Карелла проворно подошел к полицейским. Высокий, одетый в коричневую кожанку, он двигался с легкостью спортсмена.

— Кто обнаружил? — коротко спросил он.

— Дик, — ответил один из полицейских.

— Где он?

— Внизу.

— Пошли, Берт, — бросил Карелла через плечо, и Клинг, второй детектив, молча последовал за ним.

Дик Дженоро стоял под лампочкой.

— Привет, Дик! — сказал Карелла.

— Привет, Стив! Привет, Берт! — отозвался Дженоро.

— Когда ты обнаружил его? — кивая на труп, спросил Карелла.

— За пять минут до того, как позвонил.

— Что-нибудь здесь трогал?

— Конечно, нет!

— Больше тут никого не было?

— Нет. Послушай, Стив, можно мне пойти наверх? Тут... тут нечем дышать...

— Обожди минутку, — ответил Карелла. — Лампочка горела?

— Что? О, да, горела. Поэтому я и спустился. Подумал, может быть, вор.

Карелла подошел к трупу.

— Сколько ему может быть лет? — спросил он, ни к кому не обращаясь. — Пятнадцать? Шестнадцать?

Никто не отозвался.

— Похоже... похоже, что он повесился, не так ли? — спросил Дженоро.

— Похоже на то, — согласился Карелла, покачивая головой. Он обернулся к Клингу. — Пожалуй, нужно подождать ребят из Отдела убийств. Они вечно поднимают шум, когда им приходится работать после нас. Который час, Берт?

Клинг взглянул на часы.

— Два часа одиннадцать минут.

— Будешь вести запись, Дик?

— Ладно,— отозвался Дженеро, доставая из кармана блокнот.

Карелла смотрел на него.

— Пойдем, глотнем свежего воздуха,— сказал он.

Сотрудники Отдела убийств выглядели так, будто их только что вытащили из постели. Ссутулившиеся, руки в карманах, шляпы надвинуты по самые уши.

— Тут немного теплее,— сказал первый, потирая руки.— Вряд ли кто-нибудь догадался прихватить фляжку?

— Постовой Дик Дженеро обнаружил тело около четырех минут третьего,— доложил Карелла.

Инспектор Отдела убийств хмыкнул и вздохнул.

— Что ж, лучше поскорее приняться за дело...— произнес он без воодушевления.

Второй разглядывал труп.

— Дурак,— пробормотал он,— хоть бы дождался утра...— Он перевел взгляд на Клинга.— А вы кто?

— Берт Клинг,— представился тот и, словно в раздумье, проговорил: — А мне казалось, что тело повесившегося должно висеть...

Сыщик из Отдела убийств уставился на Клинга, затем обернулся к Карелле и спросил:

— Этот парень из полиции?

— Конечно,— подтвердил Карелла.

— А я было подумал, что вы привели с собой какого-нибудь родственника, любителя острых ощущений! — инспектор обернулся к Клингу.— Нет, сынок. Висеть вовсе не обязательно. Вот тебе доказательство. Парень хотя и повесился, а не висит, правда?

— Правда.

— Видно, вы дока в этих делах,— без улыбки проговорил Карелла.

— Как-нибудь,— ухмыльнулся тот.— Ведь я не из восьмьдесят седьмого участка. Служу уже двадцать два года и за это время навидался трупов.

— Такие люди, как вы, делают честь полиции,— серьезно произнес Карелла.

Инспектор подозрительно посмотрел на него.

— Я только хотел объяснить...

— Конечно, конечно,— закивал Карелла.— Мой молодой коллега не знает, что тело не обязательно должно висеть и раскачиваться. Вы правы, мы видели их стоящими, сидящими и лежащими.

— Конечно! Во всех положениях.

— А что вы скажете о цвете его лица? — спросил Карелла.

- Что? — переспросил инспектор.
- Цвет лица, говорю, синий. Интересно, не правда ли?
- Недостаток воздуха, вот кожа и посинела,— ответил тот.— Очень просто.
- Еще бы,— усмехнулся Карелла.— Совсем просто. А что скажете об узле?
- Что?
- Об узле на веревке. Он сбоку.
- Инспектор присмотрелся к телу.
- Ну и что? — спросил он.
- Просто я подумал, что такой специалист, как вы, должен был бы обратить на это внимание,— произнес Карелла.
- Обратил. Ну и что?
- Мне подумалось, что вам захочется объяснить моему молодому коллеге, почему у повесившихся иногда бывает такая окраска кожи.
- Послушайте, Карелла! — вмешался второй инспектор, но Карелла перебил его:
- Пусть говорит ваш приятель, Фред. Разве можно пропустить возможность выслушать заключение эксперта!
- Черт побери, что вы мелете?
- Он насмехается над тобой, Джо,— сказал Фред.
- Насмехается? — обернулся тот к Карелле.
- И не думаю,— отозвался Карелла.— Объясните нам значение узла.
- Узел, узел,— заморгал Джо.— Дался вам этот узел!
- Вам, конечно, известно,— не унимался Карелла,— что боковой узел зажимает артерии и вены только с одной стороны.
- Конечно, известно!
- И вы, конечно, знаете, что лицо обычно багровеет, когда узел бывает сбоку, и белеет, если узел затянут на затылке?
- Конечно,— вызывающе отозвался Джо.— Ну и что, черт побери, вы хотите этим сказать? Я десятки раз видел синее лицо у повесившихся.
- А вы видели, что при отравлении цианидами лицо тоже синее?
- Ну и что из того?
- А почему вы решили, что смерть этого парня наступила в результате удушения?

- Что?
- Вы видели пузырьки на ящике из-под апельсинов?
- И шприц?
- Конечно, видел.
- Не считаете ли вы, что он наркоман?
- Конечно, считаю. На все сто процентов.
- И возможно, парень сперва набрался наркотиков, а затем повесился? — предположил Карелла.
- Возможно, — глубокомысленно изрек Джо.
- Во всяком случае мы не можем утверждать, что это самоубийство, пока не познакомимся с результатами вскрытия. Что скажете, Джо?
- Нужно взвесить все факты, — отозвался тот.
- Тонкое наблюдение, — отметил Карелла.
- Куда к черту запропастился фотограф?! — воскликнул Фред, которому надоела эта перепалка. — Пора приниматься за дело! Узнать, по крайней мере, кто этот парень.
- Которому уже некуда спешить, — вздохнул Карелла.

3

Карелла и Клинг взобрались на шестой этаж и постучали в квартиру пятьдесят пять. Дверь отворилась, словно их прихода ждали. Мать Анибала, крупная женщина с пышной грудью и прямыми черными волосами, была в простеньком платье. В глазах ее стояли слезы.

— Вы из полиции? — спросила она.

— Да, — ответил Карелла.

— Заходите.

В квартире стояла тишина. В кухне горела маленькая лампочка.

— Заходите, — повторила миссис Эрнандес. — Прошу в гостиную.

Она зажгла свет. В маленькой комнатке было чисто, но штукатурка на потолке потрескалась, а из-под радиатора натекла лужа воды. Детективы сели.

— Мы относительно вашего сына... — нарушил молчание Карелла.

— Да, — сказала миссис Эрнандес. — Анибал не мог убить себя.

— Миссис Эрнандес...

— Что бы ни говорили, он не мог убить себя. Я уверена в этом... Кто угодно, только не Анибал. Мой сын не мог лишиться себя жизни.

— Почему вы так утверждаете, миссис Эрнандес?

— Я знаю. Знаю!

— Но почему?

— Потому что знаю своего сына. Он был такой жизнерадостный! Даже в Пуэрто-Рико был жизнерадостный. Такие люди не убивают себя.

— Вы давно приехали в Штаты, миссис Эрнандес?

— Уже четыре года. Сперва приехал мой муж, а когда устроился на работу, то выписал меня и нашу дочь. Я оставила Анибала в Катано у бабушки. Вы бывали в Катано?

— Нет,— покачал головой Карелла.

— Это через залив от Сан-Хуана. Из Катано весь город виден. Даже Ла-Перла. Мы жили в Ла-Перла перед тем, как переехать в Катано.

— Что это за Ла-Перла?

— Ну, как это вы называете... Трущобы.— Миссис Эрнандес сделала паузу.— Даже там, даже голодный, мой сын всегда был жизнерадостным. Сразу видно жизнерадостного человека, сеньор. Сразу. Когда мы переехали в Катано, жить нам стало лучше. А сюда мы приехали четыре года назад. А потом выписали Анибала.

— Когда?

— Шесть месяцев назад,— миссис Эрнандес закрыла глаза.— Мы встретили его в аэропорту. Он привез свою гитару. Он очень хорошо играл на гитаре.

— Вы знали, что ваш сын употребляет наркотики? — спросил Карелла.

Миссис Эрнандес долго не отвечала. Затем сказала: «Да» — и стиснула пальцы.

— Как давно он пристрастился к ним? — спросил Клинг.

— Давно.

— А точнее?

— Месяца четыре, мне кажется.

— А пробыл он здесь всего шесть месяцев,— проговорил Карелла.— Может быть, он начал еще в Пуэрто-Рико?

— Нет, нет, нет,— затрясла головой миссис Эрнандес.— Сеньор, этой отравы нет на нашем острове. Ведь для наркотиков нужно много денег, ведь так? А Пуэрто-Рико бедная страна. Нет, нет, мой сын научился этому здесь, в этом городе.

— Знаете, как он начал?

Миссис Эрнандес вздохнула. Ей было трудно все это

объяснить. Она родилась и выросла на солнечном острове. Ее отец рубил сахарный тростник и в свободное время занимался рыболовством; временами он ходил босой и голодный, но там всегда было горячее солнце и буйная тропическая растительность. Она вышла замуж, и муж увез ее в Сан-Хуан, далеко от родного селения Комерио. Сан-Хуан был первый большой город, который она видела в жизни, и она стала жить там в непривычном убыстренном темпе. Солнце светило, как и в родном местечке, но она больше не была босоногой девчонкой, которая бегала в деревенскую лавочку и обменивалась шутками с хозяином. Ее первый ребенок, Мария, родился, когда ей было восемнадцать. К несчастью, в это же время ее муж потерял работу, и они перебрались в Ла-Перла, трущобы у стен форта. Ла-Перла по-испански означает Жемчужина. Так иронически прозвали трущобы их нищие обитатели. Их можно было лишить всего, сорвать с них последнее тряпье, затолкать в грязные лачуги, но лишить их чувства юмора было невозможно.

Трущобы Ла-Перла, девочка Мария, два мертворожденных ребенка, рождение второй дочери, которую называли Хуанитой, и затем переезд в Катано, где отец семейства устроился работать в небольшую пошивочную мастерскую...

Когда миссис Эрнандес ждала Анибала, семья по воскресеньям отправлялась в Национальный парк. Однажды Хуанита, которой уже исполнилось два года, подошла к краю глубокого оврага и, в тот день семейство вернулось домой с телом Хуаниты...

Миссис Эрнандес испугалась, что потеряет и ребенка, которого носила под сердцем. Этого не случилось. Родился Анибал и его крестили сразу же после похорон Хуаниты. А вскоре мастерская в Катано закрылась, и мистер Эрнандес опять оказался без работы и вновь был вынужден вернуться с семьей в Ла-Перла. Там и провел свои детские годы Анибал. Его матери тогда было двадцать три года. Солнце светило по-прежнему, но не от солнца появились в уголках ее глаз морщины... Ее мужу наконец повезло и он вновь нашел работу. Семья отправилась со своим скудным скарбом обратно в Катано, надеясь что теперь уж навсегда. Им казалось, что работа у мужа будет постоянно, и так оно продолжалось несколько лет. Наступили хорошие времена, и миссис Эрнандес радовалась, ее муж твердил, что она самая красивая женщина на свете, и она принимала его любовь

со страстью, а их дети — Мария и Анибал — росли.

Когда муж снова остался без работы, миссис Эрнандес предложила уехать в Штаты. Экономя на всем, они накопили денег на один авиационный билет. Она сварила курицу, чтобы муж поел в самолете. Он оделся в старую армейскую шинель, потому что слышал, будто в Штатах очень холодно. Не так как в Пуэрто-Рико, где солнце греет круглый год.

Со временем он устроился на работу в доках. Он вызвал к себе жену и одного ребенка, и она остановила свой выбор на Марии — не следовало оставлять девочку без присмотра. Анибал был поручен попечению бабушки. Через три с половиной года он должен был соединиться с родителями, а через четыре расстаться с жизнью...

Миссис Эрнандес тяжело вздохнула, и слезы потекли у нее по щекам. Оба детектива молчали, мечтая как можно скорее выбраться из этого дома скорби.

— Это Мария,— произнесла женщина, сдерживая рыдания.— Это Мария научила его...

— Ваша дочь? — недоверчиво спросил Клинг.

— Моя дочь, да... Моя дочь. Оба моих ребенка наркоманы... Оба... Они...— миссис Эрнандес умолкла на мгновение.— Не знаю, ничего не знаю. Мой муж очень хороший человек. Всю свою жизнь он трудился. Вот и сейчас он на работе. А я? Разве я дурно воспитывала своих детей? Я учила их уважать родителей. Мои дети говорили по-английски лучше всех в нашем квартале. Город многое дал нам. Работу мужу, сносное жилье. Но город одной рукой дает, а другой отбирает. И лучше бы, сеньоры, я не видела ни водопровода, ни телевизора — лишь бы дети были счастливы.— Она прикусила губу и замолчала. Наконец снова заговорила.— Город принял нас. Не совсем как равных, но это я могу понять. Мы новички, мы посторонние. Но это тоже можно стерпеть, потому что тут есть и друзья, и родственники, и по вечерам в субботу чувствуешь себя, как дома, в Пуэрто-Рико. Гитара, песни, смех, веселье... А в воскресенье идешь в церковь и здороваешься на улице с прохожими, и тогда многое прощаешь... Но разве можно простить городу то, что он сделал с твоими детьми?! Разве можно простить его за наркотики?! Ты еще помнишь, помнишь, помнишь свою дочь со сверкающими от радости глазами, пока эти выродки не увели ее от меня. А теперь мой сын... Умер... Умер, умер, умер...

— Миссис Эрнандес,— сказал Карелла, касаясь ее руки.— Мы...

— Будет ли иметь значение, что мы пуэрториканцы? — вдруг спросила она.— Вы найдете, кто убил его?

— Если он убит, мы найдем, кто это сделал,— пообещал Карелла.

— Спасибо,— сказала миссис Эрнандес.— Я... Я знаю, что вы должны думать. Мои дети употребляли наркотики, дочь стала проституткой... Но поверьте мне, мы...

— Ваша дочь?..

— Да, да, ведь наркотики стоят дорого.— Женщина вздохнула, сдерживая рыдания, но не смогла сдержаться и застонала. Этот стон резанул Кареллу по сердцу.

— Можно ли поговорить с вашей дочкой? — спросил он.

— Вы найдете ее в «Эль сентро». Вы знаете этот бар?

— Да.

— Вы найдете ее там. Она... Возможно, она поможет вам. Если только захочет с вами говорить.

— Мы попытаемся.— Карелла поднялся.

Встал и Клинг.

— Большое вам спасибо, миссис Эрнандес.

Детективы спустились по лестнице молча.

4

Бар «Эль сентро» находился на боковой улочке, в одном из тридцати пяти кварталов восьмьдесят седьмого полицейского участка. В этом районе жили люди многих национальностей, но «Эль сентро» располагался в квартале, целиком заселенном пуэрториканцами. Владелец бара жил за рекой, в другом штате. Он редко посещал свое заведение, поручив его здоровенному ирландцу Терри Донохью. За свою жизнь Донохью работал во многих забегаловках по всему свету и любил повторять, что «Эль сентро» — худшая из всех. Однако ему здесь нравилось. Нравился ему и Стив Карелла, и он радушно приветствовал детектива, когда тот появился в баре.

— Здорово, Стив! — крикнул он из-за стойки.— Говорят, ты женился?

— Да,— отозвался Карелла.

— Бедняжка, должно быть, свихнулась,— ухмыльнулся Терри.— Передай ей мои соболезнования.

— Девочка в своем уме,— отпарировал Карелла.— Она выбрала лучшего жениха в городе.

— Послушайте-ка его! — захохотал Терри.— А как ее зовут?

— Тедди. Сокращенно от Теодоры.

— Так, так... А фамилия, если не секрет?

— Была Франклин.

Бармен склонил голову набок.

— Ирландка?

— Так бы я женился на ирландке,— усмехнулся Карелла.

— Такой гусь, как ты, и не заслуживает жены-ирландки!

— Она шотландка.

— Так, так! — воскликнул Терри.— Я сам на четыре пятых ирландец, а на одну шотландец, если учесть, сколько шотландского виски выпил.

— Ишь ты! — рассмеялся Карелла.

— Обычно все хохочут над этой шуткой,— самодовольно заметил Терри.— Что будешь пить, Стив?

— Ничего. Я по делу.

— Ни одному делу, клянусь Богом, никогда не мешал глоток спиртного.

— Мария Эрнандес сегодня заходила?

— Эй, Стиви,— прищурился бармен.— Зачем она тебе?

— Дело,— сказал Карелла.

— По поводу ее брата?

— Да.

— Наверное, такой же наркоман.

Карелла кивнул.

— Что меня огорчает, так это наркомания,— вздохнул Терри.— Скажи, Стиви, ты хоть раз встречал у меня торговца наркотиками?

— Нет, но вдоволь видел их у входа.

— Еще бы! Но ты никогда не видел ни одного из этих мерзавцев в моем баре, и никогда не увидишь, клянусь Богом!

— Когда она сюда приходит?

— Раньше двух обычно не бывает. Если, конечно, приходит вообще. Заранее не угадаешь.

Карелла взглянул на часы. Было двадцать пять третьего.

— Вернусь попозже,— сказал он.— Пойду пообедаю.

— Ты меня обижаешь! — возмутился Терри.

— Вот как!

— А как же? Разве ты не прочел объявление у входа? Бар и закусочная. Видишь тот стол? Там ты получишь лучший обед в городе.

— Что ж, я травился и в худших заведениях,— покорно вздохнул Карелла.

Мария Эрнандес явилась в три часа. Карелла по знаку Терри повернул голову и увидел изящную девушку лет восемнадцати, с черными волосами и карими глазами, в зеленом пальто поверх белого свитера и прямой черной юбки.

Мария села у дальнего конца стойки. Она поздоровалась с Терри, бросила быстрый взгляд в сторону Кареллы, а затем принялась разглядывать улицу через стекло витрины. Карелла подошел к ней.

— Мисс Эрнандес?

— Да,— повернувшись на табурете, ответила она.— Меня зовут Мария.

— Я из полиции,— сказал Карелла.

— Я ничего не знаю о самоубийстве моего брата,— хмуро отрезала Мария.— Есть еще вопросы?

— Есть. Может быть, пройдем поговорить в кабину?

— Мне и здесь нравится.

— А мне нет. Или кабина, или полицейский участок. Выбирайте.

Мария сползла с табурета. В кабине она сняла пальто и опустилась на стул напротив Кареллы.

— Я слушаю.

— Давно ли вы пристрастились к наркотикам?

— Какое отношение это имеет к моему брату?

— Давно ли?

— Около трех лет.

— Почему вы приучили его?

— Он сам попросился.

— Не верю.

— А зачем мне врать? Как-то вечером зашел в ванную, когда я делала укол. Даже не постучал, сопляк. Спросил, что я делаю. Вот я и дала ему попробовать.

— А дальше?

— Ему понравилось. Он снова стал приставать. Ну, сами знаете, как это бывает...

— Расскажите.

— Через неделю-другую он втянулся. Вот и конец рассказа.

— Понятно. А кто снабжает вас наркотиками?

- Узнавайте сами.
- А вашего брата?
- Мария молчала.
- Ваш брат умер! — резко произнес Карелла.
- Знаю. Что вам от меня нужно? Он всегда был паршивцем, и если вздумал покончить с собой...
- А если он не покончил с собой?
- Как?! — удивленно спросила она.
- Кто снабжал его наркотиками?
- Какая разница?..
- Возможно, большая.
- Я, во всяком случае, не знаю.
- Вы сказали, что это вы научили его колоться.
- Ну и что?
- И познакомили с торговцем? С кем именно?
- Ни с кем я его не знакомила. Он всегда был самостоятельным.
- Мария...
- Что вы ко мне пристали?! — вскричала она. — Я ничего не знаю о брате. Даже о его смерти узнала от посторонних. Уже почти год, как я не живу дома, откуда мне знать, кто снабжал его героином? Может быть, он сам торговал им!
- Он?!
- Ничего не знаю. И его почти забыла, поймите вы это! Если бы встретила его на улице — не узнала бы.
- Трудно поверить, — усомнился Карелла. — Вы что-то скрываете, Мария.
- Ничего не скрываю!
- Их взгляды встретились.
- Что ж, ладно, — заключил Карелла.

Доктор Сомс был занят и встретил Берта Клинга недружелюбно.

— Разве нельзя подождать заключения? К чему спешка?

— Карелла велел мне обратиться к вам, доктор, — сказал Клинг.

— Не понимаю, — нахмурился врач. — Все ждут, а Карелла не может!

— Он был бы весьма благодарен...

— Неужели вы думаете, что мы тут сидим без дела? Знаете, сколько трупов ждут вскрытия?

— Много?

- Много,— отрезал Сомс.
- Сожалею, что побеспокоил вас, но...
- Если сожалеете, то не мешайте работать. Лучше подождите официального заключения.
- Но...
- Господи! — воскликнул Сомс.— Столько шума из-за одного наркомана! Карелла считает, что это самоубийство?
- Он... Он ждет вашего заключения, вот почему...
- Вы хотите сказать, что у него имеются сомнения?
- Ну... по внешним признакам... он не уверен, что парень умер от удушья. Эта синюха... Посинение кожи...
- А что думаете вы, мистер Клинг?
- Я?
- Да, вы лично,— вскинул голову доктор.
- Я... я не знаю, что и думать... Я недавно работаю в полиции...
- Вам знакомы симптомы удушения?
- Более или менее...
- Может быть, вы ждете, что я прочту вам курс судебной медицины?
- Это... это было бы очень интересно,— робко произнес Клинг.
- Вы так находите? Эти познания обошлись моим родителям в двадцать тысяч долларов. Ваше медицинское образование стоит вам значительно дешевле. Вы тратите на него только время, и притом мое...
- Мне очень жаль, если я...
- Вообще-то синюха при асфиксии, или удушении, не редкость. Однако она сопутствует и различным видам отравления.
- Вот как?
- Да. И в данном случае мы подозреваем как раз алкалоидное отравление.
- Алкалоидное отравление?
- Излишнюю дозу героина, чтобы быть точным. Смертельную дозу, равную двум десятым грамма. Покойник получил дозу наркотиков, достаточную, чтобы свалить с ног быка. И только потом на него была брошена веревка. Но все же вам придется подождать официального заключения...

Лейтенант Питер Бирнс возглавлял отряд полицейских, которые называли восемьдесят седьмой участок своим домом, и твердил про себя, что более проклятой службы, чем служба в полиции, нет на всем белом свете.

Восемьдесят седьмой полицейский участок занимал старое кирпичное здание, выходящее фасадом в Гровер-парк. Сразу у входа — квадратная комната, где за барьером канцелярский стол, за которым дежурный. На первом этаже находились и камеры для задержанных. За окнами второго этажа, зарешеченными из-за любви окрестных мальчишек швырять камни во все, что имело отношение к власти, располагались кабинет начальника участка, раздевалка, канцелярия, комната детективов, а также другие служебные помещения, в том числе и мужской туалет.

Лейтенант Бирнс любил свой кабинет. Он занимал его уже много лет и уважал, как садовник уважает поношенные рукавицы, которыми пользуется при прополке. А на территории восемьдесят седьмого участка сорняки росли довольно густо. И лейтенант Бирнс нередко мечтал иметь в подчинении побольше людей.

День Благодарения* подвалил много работы, а приближающиеся рождественские праздники еще более усложняли обстановку. Когда наступали праздники, в полицейском участке объявлялся аврал.

Только за последнюю неделю в парке было зарезано шестнадцать человек. Укрытие краденого также не редкость. Здесь можно купить все, были бы только деньги. И это несмотря на закон, определяющий укрытие, скупку и продажу краденого, как уголовное преступление. Но это ничуть не страшило профессиональных воров. Не пугало и наркоманов. Не тревожило и скупщиков краденого. Калвер-авеню являлось, по их мнению, лучшим торговым центром города.

Это тревожило только полицию. Особенно в праздничные дни.

Универсальные магазины были переполнены, и воры радовались толчее, тому, что покупателей, как сельдей в бочке, и у каждого имеется длинный список покупок

* Праздник в память первых колонистов Массачусетса. Отмечается в четвертый четверг ноября.

к Рождеству. К тому же все спешат. Лучшие условия трудно придумать.

У Бирнса и его людей работы по горло.

Не оставались без дела и девицы. Пьяных тоже хватало. «Какого черта, мужчина должен промочить глотку на праздники, не так ли?» Конечно, так. Но пьянство вело к вспышкам страстей, а страсти — к проявлению самых низменных инстинктов.

«Какого черта, мужчина должен промочить глотку на праздники, не так ли?» Так-то оно так, но если это ведет к поножовщине — приходится вмешиваться полиции. И глубоко верующий Бирнс искренне радовался тому, что Рождество бывает раз в году.

Зазвонил телефон на столе.

— Вас просит жена, лейтенант.

— Соедини,— хмуро отозвался Бирнс, недовольный тем, что его отрывают от работы.

— Питер? — послышался голос Гарриет. — Ты очень занят?

— Чертовски,— ответил он.— Что ты хотела?

— Относительно мяса для жаркого.

— Что именно?

— Я заказала заднюю ножку на пять кило...

— Ну и что?

— Помнишь, мы подсчитывали, сколько понадобится мяса, и остановились на пяти кило?

— Ну, помню. А в чем дело?

— Мясник прислал ножку всего на три кило.

— Так верни ее обратно!

— Не могу. Я ему позвонила, а он говорит, что очень занят.

— Очень занят? — недоверчиво переспросил Бирнс. — Мясник?

— Да.

— А что ему еще делать, черт побери, как не рубить мясо!

— Он готов обменять ножку, но у него нет свободных рассылных.

— Так поезжай сама, Гарриет! В чем проблема?

— Я не могу уйти из дома. Я жду бакалейщика.

— Пошли Ларри,— терпеливо посоветовал Бирнс.

— Он еще не вернулся из школы.

— Будь я проклят, если этот парень не самый усердный ученик, какого мы когда-либо...

— Питер, ты же знаешь, он...

— ...имели в нашем роду! Днюет и ночует в школе!
— ...репетирует в школьном спектакле,— заключила Гарриет.

— Выберу как-нибудь время, заеду в школу и скажу пару теплых слов директору!..

— Глупости! — отозвалась Гарриет.

— Глупости или нет, но я желаю, чтобы мой сын являлся домой хотя бы к ужину! — разозлился Бирнс.

— Питер, я не хочу вступать в дискуссию по поводу Ларри, право, не хочу. Хочу только спросить, как мне быть с мясом?

— Не знаю, черт возьми! Или ты хочешь, чтобы я послал к твоему мяснику дежурную машину?!

— Не говори глупостей, Питер.

— Что же тогда я должен делать? Мясник, как мне известно, не совершил никакого преступления.

— Он совершил ошибку,— спокойно отпарировала Гарриет.

Бирнс помимо воли рассмеялся.

— А разве трех кило не хватит?

— Ты же пригласил Луиса! — воскликнула Гарриет.

— Ах, да! — вспомнил Бирнс и мысленно представил своего здорового брата с женой.— Да, тут тремя кило не обойдешься.— Он задумался.— Почему бы тебе не позвонить бакалейщику, чтобы он доставил заказ позже? Тем временем успеешь съездить к мяснику и устроить ему головомойку. Что скажешь?

— Звучит неплохо. Ты умнее, чем кажешься.

— В школе я получил медаль за сообразительность,— сказал Бирнс.

— Знаю. До сих пор ношу ее я.

— Значит, вопрос с мясом решен?

— Да, спасибо.

— Не за что. А что касается Ларри...

— Мне нужно спешить, Питер. Ты поздно придешь?

— Не знаю, возможно. Я завален делами, дорогая.

— Не буду тебя задерживать. До свидания.

— До свидания,— положил трубку Бирнс.

Иногда Гарриет, которая была весьма смышленной женщиной, удивляла его. Она могла искусно составить семейный бюджет и строго придерживаться его. Она содержала в порядке дом и почти самостоятельно вырастила Ларри. Да, Гарриет была умелой, знающей, толковой хозяйкой. Но ее вдруг поставил в тупик вопрос

с мясом. Ох, уж эти женщины! Бирнс никогда не мог их понять.

Вздохнув, лейтенант вернулся к делам. Он углубился в рапорт Кареллы о смерти Эрнандеса, когда вновь раздался звонок.

— В чем дело? — поднял трубку Бирнс.

— Звонит какой-то человек и желает разговаривать только с вами,— доложил дежурный снизу.

— Кто такой?

— Не знаю. Не желает назвать себя.

— Пошли его ко всем чертям! — вскипел лейтенант.

— Он говорит, что это связано с делом Эрнандеса.

— Да?

— Вот именно.

— Ладно,— нахмурился Бирнс.— Соедини.

6

Анибал Эрнандес был обнаружен мертвым ночью восемнадцатого декабря, в понедельник, а в среду вечером Стиву Карелле ситуация все еще оставалась неясной.

По заключению судебно-медицинской экспертизы Анибал умер от отравления героином, что было делом обычным. Шприц, лежавший под рукой у Эрнандеса, и пузырьки были тщательно исследованы на отпечатки пальцев и теперь сличались с отпечатками покойного. Карелла был твердо убежден, что отпечатки не совпадут. Он был уверен, что кто-то накинул петлю на шею Эрнандесу уже после его смерти, и был готов побиться об заклад, что тот же человек ввел ему смертельную дозу героина.

Это породило новые проблемы.

Если некто, желая убить Эрнандеса, воспользовался героином в качестве средства для убийства, почему же шприц был оставлен на месте преступления? Если Эрнандес умер, потому что сам ввел себе чрезмерную долю наркотика, откуда попытка инсценировать самоубийство?..

Тут что-то отдавало фальшью.

У Кареллы было острое чутье на подобные дела. Он бродил по улицам и думал, с чего начать, но ни на миг не забывал, что является полицейским.

Увидев стоявшую у ограды Гровер-парка машину, он бросил на нее мимолетный взгляд. Рядовой горожанин прошел бы мимо, но Карелла приостановился и взглянул

на машину вторично. Машина была марки «плимут», номерной знак 42Р-1731. Передний бампер помят, точнее, вдавлен внутрь. На заднем сиденье было двое молодых людей, по-видимому, ожидавших водителя. Почему машина стоит у парка? Кого они ожидают?..

Молодые люди, сидевшие в машине, проводили Кареллу внимательным взглядом. Карелла прошел мимо, не оглядываясь. Завернув за угол, он зашел в портняжную мастерскую Макса Козна.

Макс был круглолицым человеком, с бахромой седых волос, обрамлявших лысую макушку. Он взглянул на детектива и улыбнулся.

— Привет, Стиви? Что нового?

— Какие могут быть новости,— отозвался Карелла, стягивая с себя форменное пальто.

Макс удивленно наблюдал за ним.

— Тебе нужно что-нибудь зашить? — спросил он.

— Нет. Я хочу одолжить у тебя пальто. Это будет мне впору?

— Ты хочешь одолжить...

— Я очень спешу, Макс. Присматриваю кое за кем. Я быстро верну.

Макс отложил иглу и подошел к вешалке.

— Только не испачкай. Я его уже отутюжил.

— Не беспокойся,— пообещал Карелла.

Машина стояла на том же месте, у ограды парка. Молодые люди по-прежнему сидели сзади. Карелла остановился на противоположной стороне улицы за фонарем, чтобы его нельзя было увидеть через заднее стекло, и терпеливо принялся ждать.

Минут через пять из парка появился парень. Быстро шагая, он направился к машине. Карелла тут же начал пересекать улицу. Парень открыл дверцу машины и сел за баранку. В тот же миг Карелла распахнул противоположную дверцу.

— Эй, послушайте!.. — воскликнул парень.

Карелла наклонился, сунув голову внутрь. Пальто у него распахнулось и рукоятка пистолета очутилась в нескольких дюймах от правой руки.

— Сидеть спокойно,— приказал он.

Двое на заднем сиденье испуганно переглянулись.

— Послушайте, вы не имеете права...— начал было парень за рулем.

— Молчать! — перебил его Карелла.— Что ты делал в парке?

— Где?
— В парке. С кем встречался?
— Я? Ни с кем. Просто гулял.
— Где гулял?
— Вокруг.
— Зачем?
— Захотелось прогуляться.
— Почему дружки не пошли с тобой?
— Не захотели.
— А почему ты отвечаешь на мои вопросы? — неожиданно спросил Карелла.

— Что?
— Почему ты отвечаешь, черт возьми? Знаешь, что я из полиции?

— Мне показалось...
— Рыльце в пуху, вот и показалось!
— Разве нельзя немного пройтись?
— Вынь все из карманов!
— Зачем?
— Затем, что я приказываю!
— Вот и влипли,— сказал один из сидящих сзади.
— Заткнись! — не оборачиваясь, прикрикнул парень за баранкой.

— Я жду,— сказал Карелла.

Парень сунул руку в карман, достал пачку сигарет, аккуратно положил ее на сиденье, затем прикрыл расческой и связкой ключей.

Карелла отбросил в сторону пачку сигарет. Под ней лежал небольшой пакетик. Полицейский надорвал его и, высыпав немного белого порошка на ладонь, внимательно его обнюхал. Молодые люди молча наблюдали за ним.

— Героин,— заключил Карелла.— Где достал?

Парень не отвечал.

— Купил в парке?

— Нашел.

— Не морочь мне голову. Где купил? У кого?

— Я же сказал, что нашел!

— Нашел или получил по наследству — тебя все равно обвинят в хранении героина. Тебе же будет лучше, если скажешь, кто его продал.

— Отпустите нас,— взмолился парень, сидевший позади.— У нас ничего нет. Можете обыскать.

— Вы задержаны. Все трое. Ну, говори, кто продал тебе героин?

- Нашел,— упрямо твердил парень.
- Что ж, нашел так нашел,— пожал плечами Карелла.— У тебя есть права на вождение этой машины?
- Конечно.
- Ну так воспользуйся ими. Поехали.
- Куда?
- Сам догадайся,— ответил Карелла, усаживаясь рядом.

Роджер Хэвиленд любил допрашивать задержанных, особенно если мог вести допрос в одиночку. Он был, пожалуй, самым здоровенным полицейским восьмьдесят седьмого участка. Однажды он попытался прекратить уличную драку, и ему сломали руку в четырех местах. Переломы были сложные. Кости срослись неправильно, и их пришлось заново ломать и вправлять. После этого Хэвиленд решил, что никогда больше не позволит застать себя врасплох. Сперва сам нанесет удар, а уж затем станет задавать вопросы.

Итак, для него не было большего удовольствия, чем допрашивать задержанных, особенно если он мог это делать без свидетелей. К сожалению, в среду двадцатого декабря, в камере для допросов вместе с ним находился Карелла.

Парень, задержанный с пакетиком героина, сидел на стуле, вызывающе глядя на обоих полицейских. Двух других допрашивали по отдельности Мейер и Виллис. Цель допросов была одна — выяснить, у кого эти парни приобретали героин. Задержать наркомана с героином было нетрудно. При желании детективы восьмьдесят седьмого участка могли бы задерживать хоть по сотне наркоманов в день. Для этого нужно было только пройти по территории участка. Владение даже минимальным количеством наркотических средств являлось нарушением закона об общественном здравоохранении и считалось судебно наказуемым преступлением. Наркоман отсиживал свой срок на острове Бейли, а выйдя на волю, вновь принимался за свое. Куда важнее было поймать торговца наркотиками. Законы штата гласили, что продажа наркотических средств является тяжким уголовным преступлением, наказуемым в зависимости от количества обнаруженного наркотика. За хранение четверти унции героина, морфия или кокаина, или двух унций прочих наркотических средств предусматривалось

тюремное заключение сроком от одного до десяти лет.

Парень, задержанный Кареллой, купил одну шестнадцатую унции героина. Он был мелкой сошкой. Полиция интересовалась тем, кто продал ему героин.

— Имя? — спросил Хэвиленд.

— Эрнест.

— Эрнест, а дальше?

— Эрнест Хемингуэй.

Хэвиленд взглянул на Кареллу, затем вновь обернулся к парню.

— Что ж, остряк, попробуем еще раз. Как тебя зовут?

— Эрнест Хемингуэй.

— Мне некогда тратить время на всякого паршивца! — заорал Хэвиленд.

— А в чем дело? — удивленно спросил парень. — Вы спросили, как меня зовут, и я отве...

— Если ты не хочешь через минуту подбирать свои зубы с пола, советую отвечать толком! Как тебя зовут?

— Эрнест Хемингуэй. Послушайте, в чем дело?..

Хэвиленд молниеносно нанес удар. Голова парня откинулась назад, и Хэвиленд размахнулся снова.

— Оставь его, Роджер, — вмешался Карелла. — Это его имя. Так записано в призывной карточке.

— Эрнест Хемингуэй? — недоверчиво переспросил Хэвиленд.

— Ну и что такого? — сказал парень. — Послушайте, объясните мне, в чем дело?

— Есть такой писатель, — сказал Карелла, — Эрнест Хемингуэй.

— Да? — удивился парень. — Никогда не слышал... Могу я предъявить ему иск за использование моего имени?

— Сомневаюсь, — сухо отозвался Карелла. — Кто продал тебе героин?

— Ваш друг, писатель, — ухмыльнулся парень.

— Обожаю, когда они острят, — заметил Хэвиленд. — Ты скоро пожалеешь, что родился на свет, подонок!

— Послушай, парень, — перебил Карелла, — ты только себе делаешь хуже. Можешь получить всего тридцать суток, а можешь и девяносто, в зависимости от того, как будешь себя вести. А можешь получить и условно, кто знает?

— Обещаете?

— Я не могу ничего обещать. Это дело судьи. Но,

если он узнает, что ты помог нам изловить торговца наркотиками, то, я уверен, сочтет это смягчающим вину обстоятельством.

— Разве я похож на легавого?

— Нет, конечно,— вмешался Хэвиленд.— Они выглядят куда лучше.

— Ну, так как, сынок? — продолжал допрос Карелла.

— Меня на «сынок» не проведешь,— отозвался парень.— Даже если я расскажу, кто толкнул мне героин, все равно получу максимальный срок.

— Может быть, хочешь, чтобы мы занесли в протокол, будто поймали тебя не с одной шестнадцатой унции, а с четвертушкой? — проговорил Хэвиленд.

— Вы этого не посмеете,— огрызнулся парень.

— Мы сегодня отобрали столько наркотиков, что пароход можно загрузить,— заметил Хэвиленд.— Кто узнает, твой это героин или нет?

— Вы же знаете, что у меня была одна шестнадцатая унции,— растерянно пробормотал парень.

— Конечно, но кто это знает кроме нас? Можешь схлопотать десять лет за четверть унции, дрянь ты этакая! За желание сбыть товар твоим друзьям, которые поджидали тебя в машине.

— Это я-то хотел сбыть?! Черт возьми, я сам только что купил! И всего одну шестнадцатую унции, а не четвертушку!

— Так-то так,— развел руками Хэвиленд,— но, к сожалению, только мы одни знаем об этом. Ну, как зовут торгаша?

Парень задумался.

— Хранение четверти унции героина с намерением продать,— резюмировал Хэвиленд, обращаясь к Карелле.— Записывай. Пора кончать, Стив.

— Эй, послушайте! — воскликнул парень.— Вы же общепаете меня так, а, ребята?

— Почему бы нет? — отозвался Хэвиленд.— Ты мне родня, что ли?

— Послушайте, а нельзя ли...— парень осекся.— Нельзя ли...

— Имя? — потребовал Карелла.

— Его зовут Гонзо.

— Это имя или фамилия?

— Не знаю.

— Как ты познакомился с ним?

— Сегодня я в первый раз имел с ним дело...

— Так мы тебе и поверили,— усмехнулся Хэвиленд.
— Я не вру. Прежде я покупал у другого. Условное место было в парке, недалеко от клетки с львами. Прежде там был другой, а сегодня пришел, гляжу — новый. Говорит, что его зовут Гонзо и что у него первосортный товар. Ну, я и взял.

— А твои дружки в машине?

— Они тут ни при чем...

— Это твой первый привод? — спросил Карелла.

— Да.

— Давно принялся за наркотики?

— Несколько лет назад.

— Колешься?

— Есть и другие способы,— поднял голову парень.

— Значит, говоришь, Гонзо? — переспросил Хэвиленд.

— Да. Послушайте, можно мне принять дозу? Я начинаю плохо себя чувствовать... Дадите?

— Сэр,— склонил голову Хэвиленд,— считайте себя исцелившимся.

— Что?

— Там, куда тебя сунут, нет клетки со львами.

— Вы же сказали, что я могу получить условное наказание?!

— Может быть. Значит, ты думаешь, что мы будем делать тебе уколы?

— Нет, но... Господи, у вас тут есть врач?

— У кого ты покупал раньше? — спросил Карелла.

— Не понимаю...

— С кем встречался у клетки со львами? Ты сказал, что Гонзо новичок. А кто был раньше?

— Послушайте, ради Бога, позовите доктора! Пусть он сделает мне укол. Иначе меня стошнит прямо здесь, на пол.

— Дадим тебе тряпку,— успокоил его Хэвиленд.

— Ну, кто был первый торгош? — настаивал Карелла.

Парень заерзал на стуле.

— Анибал.

— Анибал?! — насторожился Карелла.

— Да.

— Анибал... А дальше?

— Фернандес, Эрнандес, Гомес... Разве запомнишь. Все они на одно лицо.

— Анибал Эрнандес?

— Может быть... Да, вроде бы так. Послушайте, нельзя ли мне сделать укол?.. Меня сейчас вырвет...

— Давай, приступай,— сказал Хэвиленд.

Парень тяжело вздохнул, нахмурился и спросил:

— А правда есть такой писатель Эрнест Хемингуэй?

7

Судебно-медицинское заключение и справка дактилоскопического бюро пришли к вечеру. Карелла не удивился, что исследование веревки, снятой с шеи Эрнандеса, исключало вероятность самоубийства. Если бы Эрнандес повесился, то, конечно, сперва привязал бы один конец веревки к решетке окна, другой набросил бы петель на шею и затем рванулся бы вперед. Однако характер расплюснутых веревочных волокон указывал на то, что тело было подтянуто кверху. Короче говоря, веревка сперва была закреплена на шее Эрнандеса, а уж затем свободный конец ее пропущен за решетку и натянут. Эрнандес мог сам ввести себе смертельную дозу героина, но не мог сам повесить себя.

Отпечатки пальцев на шприце тоже исключали возможность самоубийства. И это удивило Кареллу. Ни один из отпечатков не принадлежал Эрнандесу. Если он и воспользовался шприцем, то тщательно вытер его перед тем, как передать кому-то другому.

Именно этот «кто-то» и заинтересовал Кареллу. В картотеке дактилоскопического бюро сходных отпечатков не нашлось. Тот, кто пользовался шприцем и, возможно, ввел смертельную дозу героина Эрнандесу, не был зарегистрирован. Правда, еще не поступили сведения из ФБР, но все равно Карелла был смущен. В глубине души он надеялся, что отпечатки пальцев, оставленные на шприце, найдутся в картотеке.

Он как раз ломал голову над этим, когда лейтенант Бирнс приоткрыл дверь.

— Можно тебя на минутку, Стив?

— Конечно, сэр,— ответил Карелла.

— У тебя имеется копия отпечатков пальцев? — спросил Бирнс.

— Да.

— Можно мне взглянуть?

— Конечно. Но мы не обнаружили их в картотеке.

— Знаю. У меня появилась идея... Занеси ко мне отпечатки, когда будешь уходить.

— Обязательно. Это все?

— Да. Ты, наверное, торопишься домой? — лейтенант сделал паузу. — Как жена?

— Спасибо, все в порядке, — ответил Карелла.

— Хорошо. Это очень хорошо, когда... — Бирнс не закончил фразу. — Иди, иди, Стив. Не стану тебя задерживать.

Карелла вернулся домой в задумчивости. Тедди встретила его в дверях. Он рассеянно поцеловал ее, и она встревоженно посмотрела на мужа.

— Что с тобой, Стив? Ты нездоров?

— Нет, нет, все в порядке.

Она недоверчиво смотрела на него.

— Да, да, все еще то дело, — хмуро признался Карелла. — Ну, скажи, кто оставит оружие убийства со следами пальцев там, где даже слепой его обнаружит?! И зачем инсценировать самоубийство? Неужели убийца считает нас олухами, черт возьми?!

Тедди обняла и снова поцеловала его.

— Перестань, — взмолился он. — Ты мешаешь мне думать.

Тедди отстранилась, обиженная, но Карелла не заметил этого, он задумался над тем, зачем Бирнсу понадобились отпечатки пальцев?..

Бирнс хотел узнать правду.

Ему казалось, что если он спросит, то сразу все выяснится. Но вот как задать этот вопрос? Он сидел в своей машине, которую остановил у обочины тротуара, и думал...

Может быть, прямо спросить: «Правда ли, что ты?..»

Или это следует проделать иначе? Но как? Каким образом он, честно проживший всю жизнь, вдруг оказался замешанным в такое?! Нет, черт побери, это ложь! Мерзкая ложь...

А вдруг?.. Вдруг это правда?.. Тогда... Тогда нужно что-то предпринимать... Но что? Как я справлюсь с этим?.. Нет, нет, не может быть!..

Но если это правда, то страшно подумать, какую беду она может причинить... Не только ему, Бирнсу, но и Гарриет... О, Боже, почему должна страдать Гарриет?.. А как на это посмотрит начальство? Господи, пусть это окажется неправдой, клеветой, злостной, грязной клеветой!..

Он сидел в машине и ждал, когда Ларри выйдет из школы Калм-Пойнта, района, где жили Бирнсы. Он протер рукой в перчатке затуманившееся стекло и увидел юношу и девушку, выбежавших из школы.

Юноша слепил снежок и запустил им в подругу. Та побежала, радостно завизжав. Юноша бросился вдогонку, и оба исчезли в темноте. Молодежь веселой гурьбой хлынула на улицу. Бирнс искал взглядом знакомую фигуру. Возможно, он пропустил сына? Бирнс торопливо вылез из машины. Морозный воздух обжег лицо. Мимо пробежали ребята.

— Здравствуйте, мистер Бирнс! — приветствовал его один из них.

Затем улица опустела. Бирнс посмотрел вслед удалявшимся фигурам и, глубоко вздохнув, начал подыматься по ступенькам, ведущим к подъезду школы.

Он не появлялся здесь очень давно... Когда это было?

Сколько лет назад? Бирнс покачал головой. Где ему было найти время?.. А, по-видимому, приходится сюда было необходимо... Но разве мог он предполагать?.. Гарриет, Гарриет должна была следить за этим, если только это было правдой... Если было правдой...

В здании стояла тишина, и он слышал глухой топот своих шагов по каменному полу. Он отыскал большую аудиторию и открыл дверь. В дальнем углу, возле пианино, женщина собирала ноты. Бирнс расправил плечи и направился к ней вдоль длинного ряда скамеек. Она встретила его вопросительным взглядом.

— Чем могу быть полезной?

— Здесь проходят репетиции? — спросил Бирнс с вымученной улыбкой.

— Да, — ответила учительница. — Я как раз руковожу постановкой. Я мисс Керри.

— Очень рад познакомиться с вами, мисс Керри, — неожиданно он почувствовал робость. — Я ехал мимо и решил захватить сына домой. Он участвует в постановке. Дома только и разговоров об этом...

Польщенная, мисс Керри улыбнулась.

— Но, по-видимому, я проглядел его. Я хотел спросить, может быть, вы... — он запнулся, — задержали его?.. Из-за декораций... Или еще там чего...

— Вы, наверное, проглядели вашего мальчика, — сказала мисс Керри. — Все ребята уже ушли несколько минут назад.

— Все? — переспросил Бирнс. — И мой Ларри тоже?

— Ларри? Конечно. Он ушел вместе со всеми.

Бирнс ощутил чувство облегчения. Значит, его сын не врал о том, где он проводит вечера. Улыбка заиграла на его лице.

— Спасибо. Извините, что побеспокоил вас.

— Что вы, что вы! Нисколько. Это я должна извиниться, что так поздно задерживаю ребят. Должна сказать, что у Ларри все прекрасно удастся.

— Очень приятно слышать,— сказал Бирнс.

— Да, да, можете гордиться своим сыном, мистер Шварц.

— Да, конечно... — Бирнс вдруг замолчал. Похолодев, он уставился на учительницу.

— Моего сына зовут Ларри Бирнс,— прошептал он. Мисс Керри нахмурилась.

— Ларри Бирнс?.. О, простите... Но ваш сын не участвует в постановке... Он... он даже не изъявил желания...

— Понимаю,— тихо отозвался Бирнс.

— Мне очень неприятно... Но, возможно, у мальчика были уважительные причины... Вы должны понимать, мистер Бирнс, что нельзя серьезно относиться к их словам... Дети в этом возрасте... Я убеждена, что у мальчика были уважительные причины...

— Да, да,— закивал Бирнс.— Конечно, вы правы...

Он еще раз поблагодарил учительницу и поспешно вышел.

8

Сидя в темной гостиной, Бирнс прислушивался к мерному тиканью старинных часов с маятником. Еще мальчишкой он мечтал о таких часах. Он не смог бы объяснить, почему хотел иметь именно такие часы, но он этого хотел и однажды вместе с Гарриет, отправился на окраину города в лавку, над входом в которую красовалась вывеска: «Антиквариат».

Хозяин, тощий человек в жилете и спортивной куртке с замшевыми заплатами на локтях, словно плавал среди фарфора, фаянса и хрусталя, трепеща всякий раз, когда Гарриет брала в руки какое-либо из его сокровищ. В дальнем углу лавки они заметили старинные напольные часы стоимостью в пятьсот семьдесят долларов, сделанные в Англии. Часы находились в отличном состоянии, величавая, горделивая машина, отсчиты-

вающая время. С тех пор они стояли в прихожей, гулко и монотонно отбивая секунды, и сейчас их кованные стрелки показывали два часа без десяти минут.

В эту ночь часы не приносили Бирнсу обычного успокоения. Он ощущал чувство беспокойства и нетерпения, словно распалась связь времени, и минуты казались ему часами. Пробило два раза, а Бирнс все еще ожидал своего сына.

Но вот он услышал посторонний звук, тот самый, которого ждал целый вечер — звук поворачиваемого ключа в замке парадной двери. Бирнс напрягся в кресле. Дверь открылась, слегка скрипнув, он услышал свист ветра на улице, затем дверь затворилась и заскрипел пол в прихожей.

— Ларри! — позвал он.

Мгновение стояла полная тишина, а затем Бирнс вновь услышал тиканье часов, стоявших у стены в прихожей, словно бездельник, облокотившийся о стойку бара и наблюдающий, как мимо пробегает жизнь.

— Отец? — голос был молодой и удивленный.

— Пойди сюда, Ларри, — сказал Бирнс.

— Сейчас, — отозвался Ларри, и Бирнс услышал, как скрипнула вешалка под тяжестью его пальто. Затем Ларри прошел через прихожую и открыл дверь в гостиную.

— Можно зажечь свет? — спросил он.

— Зажги.

Ларри вошел, двигаясь в темноте с привычной уверенностью человека, прожившего здесь много лет, и зажег свет.

Это был высокий мальчик, значительно выше своего отца. Волосы у него были рыжие, лицо худое и длинное, с серыми материнскими глазами. Одет он был в свитер, джинсы и спортивную куртку.

— Ты чего так поздно не спишь, папа? — спросил Ларри.

Голос у него был глубокий и звучный, неожиданный для юноши, которому не исполнилось и семнадцати лет.

— Ждал тебя, — ответил Бирнс.

— Да?

Бирнс наблюдал за сыном, прислушиваясь к его словам и дивясь тому, сколько интонаций может нести в себе это коротенькое «да».

— Где ты был так поздно, Ларри?

Бирнс смотрел сыну в лицо, надеясь, что сын не солжет ему, и страхась лжи.

— В школе.

В течение секунды Питер Бирнс превратился в полицейского, ведущего допрос.

— В своей школе?

— Конечно, отец.

— Калм-Пойнтской школе, так, кажется? Ты же там учишься?

— Разве ты не знаешь?!

— Я спрашиваю тебя.

— Да, в Калм-Пойнтской школе, а что?

— Ты довольно поздно возвращаешься домой.

— Вот ты о чем! — протянул Ларри.

— Почему ты так задержался?

— Мы репетируем, ты же знаешь.

— Что именно?

— Боже мой, отец, я же рассказывал об этом сто раз!

— Кто еще репетирует с тобой?

— Много ребят.

— А кто руководит постановкой?

— Мисс Керри.

— Когда у вас начинаются репетиции?

— Послушай, в чем дело?

— Когда вы разошлись сегодня?

— Около часа ночи. Мы с ребятами еще немного задержались.

— Репетиция закончилась в половине одиннадцатого, — отчетливо произнес Бирнс. — Тебя там не было. Ты не принимаешь участия в постановке. И никогда не принимал. Где ты болтался до двух часов ночи?

— Черт побери! — воскликнул юноша.

— Не ругайся в моем доме, — строго произнес Бирнс.

— Бог мой, ты ведешь себя, как прокурор!

— Где ты был, Ларри?

— Ладно, я не участвую в постановке, понятно? Я не хотел говорить маме, но меня забраковали после первых же репетиций. По-видимому, актер я никудышный. Наверное...

— Ты отвратительный актер, Ларри, но ты еще не умеешь слушать. Ты НИКОГДА не принимал участия в этой постановке. Я сказал об этом всего несколько секунд назад.

— Ну...

— Почему ты врешь? Где ты был? Что делал?

— А что я мог делать? — сказал Ларри. — Послушай, отец, я хочу спать. Если ты не против... — и он направился к двери.

— Вернись! — крикнул ему вслед Бирнс.

Ларри медленно обернулся к отцу.

— Это тебе не камера в твоём участке, отец! Не кричи на меня!

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне, — резко произнес Бирнс. — Иначе я тебя выпорю!

Ларри опешил от удивления.

— Послушай, отец, мне это начинает...

Бирнс вскочил с кресла и приблизился к сыну:

— Выверни карманы!

— Что?

— Выверни карманы, я говорю!

— Послушай, объясни, в чём дело? — воскликнул Ларри. — Какого черта тебе нужно? Неужели тебе не надоедает быть полицейским целый день, что ты и дома...

— Перестань, Ларри! Предупреждаю тебя!

— Сам перестань! Черт возьми, я не потерплю...

Бирнс с размаху ударил сына по лицу открытой, жесткой ладонью, привыкшей к труду с тех пор, как ее владельцу исполнилось двенадцать лет. Ларри полетел на пол.

— Встань! — приказал Бирнс.

— Только попробуй еще раз... — пробормотал Ларри.

— Встань, тебе говорят! — Бирнс нагнулся и схватил сына за ворот куртки. Рванув, он поставил его на ноги, затем притянул к себе и проговорил сквозь зубы. — Принимаешь наркотики?

Тишина заполнила комнату.

— Что, что?.. — растерялся Ларри.

— Накоманом хочешь стать? — повторил Бирнс шепотом.

— Кто... Кто тебе сказал? — пролепетал Ларри.

— Принимаешь?

— Я... Я... Иногда балуюсь...

— Сядь, — утомленно произнес Бирнс. — Пожалуй-ста.

Ларри сел в кресло отца. Бирнс некоторое время мерил шагами комнату, затем остановился перед сыном и спросил:

— Втянулся?

— Не очень.

- Героин?
- Да.
- Давно?
- Месяца четыре.
- Нюхаешь?
- Нет.
- Колешься?
- Отец, я...
- Значит, колешься?
- Да.
- Как ты начал?
- В школе. Ребята угощали сигаретами с марихуаной. Мы зовем их «травкой»...
- Я знаю, как их называют,— перебил Бирнс.
- Вот так я и начал. Ну, а потом кто-то дал нюхнуть коку, а потом геро, и... А потом я начал колоться.
- Давно колешься?
- Недели две.
- Значит, втянулся как следует,— отметил Бирнс.
- Могу в любой момент перестать,— вызывающе отозвался Ларри.
- Конечно,— усмехнулся Бирнс.— Где достaeшь наркотики?
- Послушай...
- Я спрашиваю тебя, как отец, а не как полицейский!
- В этом... Как его... В парке, в Гровер-парке.
- У кого?
- Какая разница? Послушай, папа, я... я брошу это... Правда, брошу. Только давай кончим этот разговор. Он только смущает...
- Даже более того, чем ты предполагаешь. Ты знал парня по имени Анибал Эрнандес?
- Ларри не отвечал.
- Послушай, сынок, ты покупал героин на территории моего участка, в Гровер-парке. Ты знал Анибала Эрнандеса?
- Ну, знал,— признался Ларри.
- Хорошо?
- Я покупал у него пару раз...
- Сколько раз, точно? — терпеливо произнес Бирнс.
- Пару раз, я же сказал.
- Дважды, ты имеешь в виду?
- Ну, больше, конечно.
- Три раза?

- Нет.
- Четыре? Боже мой, Ларри, скажи же сколько?
- Ну, вроде бы... Сказать по правде, я почти всегда покупал у него. Ты же знаешь, познакомишься с толкачом, и если у него хороший товар, ну и связываешься с ним. А он к тому же был мировой парень. Несколько раз мы... мы вместе кололись. Бесплатно. Я имею в виду, что он ничего не брал с меня за это. Угощал вроде. Хороший был парень.
- Ты все время говоришь «был». Знаешь, что он умер?
- Да. Повесился, мне говорили.
- А теперь слушай меня внимательно, Ларри. Вчера мне позвонили по телефону. Звонивший...
- Кто звонил?
- Это был анонимный звонок. Я взял трубку только потому, что мне передали, будто разговор коснется смерти Эрнандеса. Это было еще до того, как мы получили заключение судебно-медицинской экспертизы.
- Ну и что?
- По телефону мне кое-что рассказали про тебя.
- Про меня? Что, например? Что я колюсь?
- Не только это.
- Что же еще?
- Мне сказали, где ты был и что делал с семнадцатого на восемнадцатое декабря.
- Ну и что?
- Ты считаешь, что ничего?
- Так где же я был?
- В подвале вместе с Анибалом Эрнандесом.
- Да?
- Так мне сказал тот человек.
- Ну и что?
- Это правда?
- Может быть.
- Ларри, отвечай! Иначе, да поможет мне Бог, я...
- Ладно, ладно, да, я был с Анибалом!
- С какого и по какое время?
- Начиная... Дай-ка вспомнить. Ну, приблизительно с девяти часов. Да, с девяти до полуночи, кажется, так... Да, точно. Я ушел около двенадцати.
- Вы провели весь вечер вместе?
- Нет. Мы встретились в парке около девяти, а потом пошли в подвал.
- Оттуда ты отправился прямо домой?

— Нет. Анибал уже балдел на койке, а я не хотел оставаться там и пошел немного прогуляться.

— Когда ты вернулся домой?

— Не знаю. Очень поздно.

— Что значит «очень поздно»?

— В три, в четыре.

— А до полуночи ты был с Эрнандесом один?

— Да.

— Он спал, когда ты уходил?

— Ну, дремал. Знаешь...

— Сколько Эрнандес ввел себе героина? — перебил сына Бирнс.

— Мы разделили пополам одну шестнадцатую унции.

— Ты в этом уверен?

— Конечно. Так сказал Анибал. Знаешь, папа, я был рад, что мы кололись вместе. Не люблю в одиночку. Всегда боюсь переборщить и всадить большую дозу.

— Ты говоришь, что вы кололись вместе? Одним шприцем?

— Нет. У Анибала был свой, а у меня свой.

— Где твой шприц?

— У меня. А что?

— Он и сейчас у тебя?

— Конечно.

— Расскажи мне подробно, как все было.

— Не понимаю...

— Что было после того, как Эрнандес показал тебе пакетик?

— Я достал шприц, он тоже, мы открыли склянки и...

— ...оставили их на ящике из-под апельсинов?

— Да, кажется, так. Да, да, там был ящик из-под апельсинов.

— Шприц был при тебе, когда ты подошел к ящику?

— Не помню. Кажется, мы оставили шприцы на койке.

— Ну, и что дальше?

— Ну, мы укололись...

— Кто первым? Анибал?

— Кажется, он.

— Могло ли случиться, что он взял не свой шприц?

— Что?

— Могло ли случиться, что он воспользовался твоим шприцем?

— Нет, это невозможно... Я кололся своим шприцем.

— Могло ли случиться, что, уходя, ты захватил шприц Анибала, а свой оставил?

— Вряд ли. Сразу после укола Анибал... А ну, подожди, подожди, ты совсем запутал меня...

— Расскажи все подробно.

— Ну, мы укололись и, кажется, отложили шприцы. Да, да. Затем Анибала стало клонить в сон, он взял свой шприц и сунул себе в карман.

— Ты это видел?

— Нет. Помню только, что он сморкался, от героина всегда случается насморк, затем взял шприц и сунул в карман.

— Он не мог перепутать шприцы?

Ларри пожал плечами.

— Значит, ты мог взять не свой шприц? Тот самый, которым Анибал сделал себе укол. А свой оставить?

— Возможно, но я...

— Где твой шприц?

— У меня.

— А ну, проверь.

Ларри достал из кармана шприц и принялся его разглядывать.

— Вроде бы мой,— сказал он.

— А точнее?

— Боюсь сказать. А в чем дело, не понимаю?..

— Тебе следует кое-что знать, Ларри. Во-первых, Эрнандес не повесился. Он умер от смертельной дозы героина...

— Что? Что ты сказал?..

— Во-вторых, в подвале, где был обнаружен его труп, найден только один-единственный шприц...

— Так и должно быть... Не понимаю...

— Человек, который звонил мне сегодня, чего-то добивается. Не знаю чего. Он сказал, что снова позвонит мне после того, как я поговорю с тобой. Он сказал, что в тот день вы с Эрнандесом поссорились. Он сказал, что у него есть свидетель, который подтвердит это под присягой. Он сказал, что в тот вечер вы оставались наедине...

— Но, черт возьми, не ссорился я с Анибалом! Он же угостил меня, не так ли? Разве это похоже на то, чтобы мы ссорились? Да и откуда этот тип знает?! Черт возьми, отец...

— Ларри!

— Кто этот тип?

— Не знаю. Он не назвал себя.

— Что ж, пусть представит своего свидетеля! Хотел бы я посмотреть на него! Я не ссорился с Анибалом, отец. Мы с ним были приятели. И что он хочет этим доказать? Что я вколол Анибалу излишнюю дозу героина? Это? Пусть приводит своего свидетеля, пусть приводит!

— Он не нуждается в свидетеле, сынок...

— Как так?

— Он сказал, что мы обнаружим на шприце, найденном в подвале, отпечатки твоих пальцев...

9

В три часа ночи у Марии Эрнандес в сумочке было уже тридцать пять долларов. Она устала, замерзла и хотела только одного — сделать себе укол и уснуть.

Мария знала, что существуют более уважаемые способы заработка, но ей было необходимо иметь сорок долларов в день, чтобы жить и удовлетворять свое пристрастие к наркотикам, а девушки ее возраста, если только они не кинозвезды, не имеют возможности иным путем зарабатывать такие деньги. И она радовалась, что на нее был спрос.

Итак, в три часа ночи у нее в сумочке лежали тридцать пять долларов, а восьмушка героина была припрятана в комнате, которую она снимала. Было слишком поздно, чтобы надеяться на клиента, но сорока долларов у нее все же не было, и это заботило ее. Мысль о недостающих пяти долларах мешала ей вернуться домой.

Она шагала по улице, уткнувшись в воротник пальто. Одета она была в свое лучшее платье, так как вечером ее пригласил к себе один из ее дружков, у которого она рассчитывала получить сразу все сорок долларов, но у него не оказалось денег, и он пообещал рассчитаться в следующий раз. Такое случалось и раньше, и он никогда не подводил ее. Поэтому Мария только улыбнулась: «Конечно! Что за вопрос!» Потом ей все же удалось заработать тридцать пять долларов, и теперь, в три часа ночи, она шла по улице, не зная, возвращаться ли ей домой или еще попытать счастья.

Услышав позади себя шаги, она насторожилась. Грабежи на улицах были обычным явлением, и она не хотела лишиться своих денег, доставшихся с таким трудом. Страх покинул ее, когда она услышала позади себя тихий оклик: «Мария!»

Она обернулась.

К ней приблизился мужчина.

— Привет, Мария,— улыбнулся он.

— Ах, это ты,— отозвалась она.— Привет.

— Ты куда?

— Домой.

— Уже? Так рано?

Хотя этот человек никогда не вызывал у нее симпатии и она уже настроилась идти домой, мысль о недостающих пяти долларах вновь овладела ею.

— Не так уж рано. Это зависит от того, чем занимаешься,— ответила она.

— Так, может быть, займемся чем-нибудь? Уделишь мне часок?

Она кинула на него взгляд:

— Стоит ли?

— Ну, если ты считаешь, что двадцать долларов ничего не стоят...

— Что ж, ладно,— сразу согласилась Мария.— Только нужно достать комнату.

— Не теряй времени.

Было слишком поздно, и она знала, что ей вряд ли удастся найти комнату за обычную цену в три доллара. Но из обещанных двадцати она могла позволить себе заплатить за комнату и пятерку. О, ей просто повезло! По крутой лестнице она поднялась на второй этаж жилого дома и постучала. Никто не отозвался. Мария принялась стучать громче. Наконец за дверью послышался голос: «Иду! Иду!» Она узнала голос старой Долорес, и улыбка появилась у нее на лице. Мгновение спустя за дверью послышалось шарканье шагов.

— Кто там?

— Я,— ответила Мария.— Это я, тетушка Долорес, Мария Эрнандес.

Дверь отворилась.

— Шлюха! — закричала Долорес.— Ломиться в такой час!

— Послушай, тетушка Долорес, мне нужна комната.

Долорес стояла в проеме двери, маленькая, сухонькая старушка в вылинявшем халате, с растрепанными седыми волосами.

— Мне нужна комната,— настойчиво повторила Мария.— Та, что внизу, свободна? Я дам вам пять долларов.

— Пять? — переспросила старуха.— Ты сказала пять?

— Да.

— Свободна, свободна. Сейчас я принесу ключ. Ах ты, глупая девка, почему сразу не сказала, что запла-тишь пять долларов?! Заходи, заходи, а то простудишься.

Мария вошла. Стоя на кухне, она слышала, как Долорес ругалась, выдвигая ящики комода в поисках ключа. Наконец, старуха вернулась.

— Деньги,— потребовала она.

Мария открыла сумочку и достала пятерку. Долорес протянула ключ.

Мария спустилась вниз. Мужчина ждал ее на улице.

— Пойдем,— поманила она, показывая ключ, и пошла по коридору первого этажа. Она отперла одну из дверей, зажгла свет и заперла дверь на ключ.

Он попытался обнять ее, но она увернулась.

— Я что-то слышала про двадцать долларов...

С усмешкой он вынул из кармана деньги. Она наблюдала, как он не спеша отсчитал двадцать долларов и протянул ей. Она сунула бумажки в сумочку и сняла пальто.

— В последний раз, что мы виделись,— проговорила она,— ты не слишком интересовался мной. Тебя больше волновали карты.

— То было тогда,— отозвался он,— а сегодня я искал тебя весь вечер.

— Правда? — она подошла к нему.— Вот и нашел.

— Я хотел поговорить с тобой, Мария.

— Поговорить? Так я тебе и поверила!

— Относительно Гонзо,— сказал он.

— Гонзо? — удивленно переспросила она.— Ты все еще повторяешь эту дурацкую кличку?

— Она мне нравится,— сказал он.— Так вот, относительно твоей договоренности с Гонзо...

— У меня с ним нет никакой договоренности,— заявила она, расстегивая блузку.

— Как это нет?

— Послушай, это все, что тебе от меня нужно? Потрепать языком? За беседу незачем было тратить двадцать долларов.

Она сняла блузку и перебросила через спинку стула. Стул, кровать и шкаф составляли всю обстановку комнаты.

Мужчина оглядел ее и сказал: — А ты миленькая.

— Я хоть и не Джейн Рассел, но хорошо сложена. За двадцать долларов кинозвезду не получишь.

- А я и не стремлюсь.
- Почему ты мешкаешь?
- Давай сперва поговорим.
- Раздеваться или нет? — вздохнула Мария.
- Успеется.
- Тут не слишком тепло. Я не хочу мерзнуть.
- Так вот, относительно Гонзо... — начал он.
- Гонзо, Гонзо, дался тебе этот Гонзо!
- Дался, потому что это я просил Гонзо договориться с тобой.
- Что? — изумленно переспросила она. — Ты? Ты его просил?!
- Да, я, — улыбнулся он.
- А о чем ты его просил? — подозрительно спросила она.
- Относительно твоего брата.
- Продолжай. Я слушаю.
- Ты обещала Гонзо, что под присягой подтвердишь, будто видела, как ссорились твой брат и мальчишка Бирнс.
- Да? — спросила она недоверчиво.
- Да, — кивнул он. — Гонзо действовал по моей просьбе. Он дал тебе двадцать пять долларов, не так ли?
- Дал, — отозвалась Мария.
- И обещал дать еще двадцать пять, если ты расскажешь, что видела, как они ссорятся?
- Да, — подтвердила Мария. — Я озябла. — Она сбросила юбку, кинулась в постель и натянула на себя одеяло.
- Гонзо рассказал тебе, в чем дело?
- Только то, что дело выгодное и мой брат заинтересован в нем.
- А после того, как твой брат умер, Гонзо ничего не говорил?
- Сказал, что мой брат испортил все дело. Послушай, иди сюда, мне холодно.
- Твое обещание не изменилось после смерти Анибала? — Идя к постели, он снял пальто и положил его на стул.
- Нет, — сказала она. — Почему бы? Он покончил с собой, так почему же я...
- Мужчина улыбнулся.
- Умница, — сказал он.
- Конечно, — ответила она удивленно. — Дело ведь не имеет никакого отношения к смерти Анибала?

— Нет, конечно,— подтвердил он.— Но только забудь вообще, что было какое-то дело, понимаешь? Ты знаешь только одно — твой брат и этот мальчишка Бирнс поссорились, вот и все. Понимаешь? Кто бы ни спросил тебя — полиция, репортеры, ты знаешь только это.

— А кто такой этот Бирнс, между прочим?

Мужчина присел на край кровати.

— Это неважно. Он поссорился с твоим братом.

— Ладно, ладно.

Наступила тишина. Он лег и обнял ее.

— Запомни,— снова повторил он.— Кто бы тебя ни спросил, кто бы то ни был!..

— Я уже имела разговор с полицией,— сказала она.

— С кем?

— Не знаю. Такой симпатичный на вид.

— И что ты ему сказала?

— Ничего.

— А о ссоре?

— Нет. Гонзо велел ждать, пока он подаст мне знак. До тех пор велел помалкивать. Этот полицейский...

Она вздрогнула.

— Что?

— Он сказал... он сказал, что Анибал, возможно, не покончил с собой.

— А ты что сказала?

— Сказала, что покончил.— Мария пожала плечами.— А разве не так?

— Конечно, так,— сказал мужчина, крепче обнимая ее.— Мария...

— Нет, нет, обожди... Мой брат... Ведь он умер не из-за этого дела, а? Это не имеет к нему отношения? Обожди!

— Да, да, черт возьми, он покончил с собой...

— Почему же мне нужно врать о ссоре? Может быть, Анибала убили?

— Замолчи, какое имеет значение, как он умер!

— Значит, его убили? — вскинулась она.— Кто? Ты?

— Нет.

— Кто же?

— Заткнись! Заткнись, говорят тебе!

— Ты убил Анибала! Из-за своих делишек... Тогда я сама пойду в полицию. Пусть он был дрянью, но он мой брат...

Вдруг она почувствовала острую боль. Мария схва-

тилась рукой за шею, взглянула на липкие пальцы, и зрачки ее расширились от ужаса, когда она увидела кровь. «Он зарезал меня,— мелькнуло у нее в голове.— О, Боже, он зарезал меня...» И только тут она увидела в его руке нож.

Он ударил ее ножом в грудь. Она вскочила с постели и бросилась к двери, но он оттащил ее, ударил еще раз, и еще, и еще, и она упала...

Чудом ей удалось поползти до двери. У нее не было сил кричать, но она выползла в коридор и, оставляя на деревянном полу кровавую полосу, добралась до двери на улицу. Она сумела дотянуться до ручки и, открыв дверь, упала лицом вниз на тротуар, истекая кровью.

Полчаса спустя, совершая обход участка, патрульный Эльф Ливайн обнаружил ее и немедленно вызвал «скорую помощь».

10

В ту ночь, когда была зарезана Мария Эрнандес, четыре полицейских находились в дежурке восемьдесят седьмого участка.

Детектив Мейер и Виллис пили кофе. Детектив Бонджорно отстукивал на машинке свой рапорт, а детектив Темпл скупал у телефона.

— Не люблю кофе в банках,— заметил Мейер, обращаясь к Виллису.— И вкуса кофе нет.

— Какой же он на вкус, по-твоему? — спросил Виллис, потягивая кофе.

— Как у картона, если хочешь знать. Между прочим, я привык к вкусу картона. Моя жена частенько подает к столу картон. У нее много замечательных рецептов различных блюд из картона.

— Наверное, узнала у моей жены,— подал голос Темпл.

— Возможно,— согласился Мейер.— Наши жены вечно обмениваются рецептами. Но, уверяю, у меня нет предубеждения к картону. Ни в коей мере! Ведь в наш век цивилизации и холодильников все продукты имеют вкус картона.

— А что же тогда парная телятина? — улыбнулся Виллис.

— Мечта,— вздохнул Мейер.— Когда моя жена подает обед, я всегда ожидаю ощутить вкус картона. Вот уже двенадцать лет, как мы женаты, и она ни разу не об-

манула моих ожиданий. Что я жду, то и получаю. Но если я заказываю кофе в соседней закусочной, то ожидаю ощутить вкус кофе. Говоря по правде, я начинаю забывать вкус настоящего кофе. Всякие суррогаты и быстрорастворяющиеся порошки — все пахнут картоном. Теперь все пахнет картоном. Печальная истина.

— Я просто рыдаю,— заметил Темпл.

— Однако бывает и разнообразие,— продолжал Мейер.

— Какое? — по-прежнему улыбаясь, поинтересовался Виллис.

— Жена моего приятеля умеет придавать всем продуктам вкус древесных опилок.

Виллис громко расхохотался. Мейер усмехнулся и пожал плечами.

— Но мне кажется, что опилки вкуснее картона,— заключил он.

— Нужно тебе с твоим приятелем время от времени меняться женами,— предложил Темпл.— Чтобы хоть изредка нарушать однообразие.

— Ты хочешь сказать — однообразие в пище?

— Конечно. А в чем же еще? — невозмутимо отозвался Темпл.

— Зная твои грязные мысли...— начал Мейер, но зазвонил телефон, и Темпл поднял трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, дежурный Темпл слушает. Так-так, понятно. Высылаю людей.— Он повесил трубку.— На Четырнадцатой улице зарезана женщина. Ливайн вызвал «скорую». Пострадавшая в больнице. Мейер, Виллис, за дело!

Мейер подошел к вешалке и снял форменное пальто.

— И не лень в такой мороз...— буркнул он.

Мейер не терпел запаха больничных палат. Его мать умерла в больнице от рака, и он навсегда запомнил запахи больницы, болезней и смерти. Не любил он и врачей. Может быть, потому, что доктор не распознал у его матери застарелую злокачественную опухоль...

С неприязнью смотрел он на врача, в чьи руки попала Мария Эрнандес, молодого человека, почти юношу, с испуганными глазами. Возможно, что доктор знал о ножевых ранениях только по учебникам, и Мария Эрнандес была его первым таким пациентом... Нервно куря, он разговаривал в коридоре с Мейером и Виллисом.

— Как ее состояние? — спросил Виллис.

— Критическое,— ответил врач.
— Насколько? Много ли ей еще осталось?
— Это трудно сказать... Она... она очень серьезно ранена. Мы... нам удалось остановить кровотечение, но ее доставили с большой потерей крови. Трудно сказать что-либо определенное.

— Можно нам поговорить с ней, доктор? — спросил Мейер.

— Нет, не думаю.

— А она в состоянии разговаривать?

— Не знаю.

— Боже мой, доктор, возьмите себя в руки! — раздраженно заметил Мейер.

— Простите? — переспросил врач.

— Ладно, выслушайте меня,— хмуро продолжал Мейер.— Случилось так, что эту девушку ранили, и наша задача узнать, кто это сделал, чтобы предотвратить такие случаи и в дальнейшем избавить вас от подобных неудобств. Ее показания могут оказаться весьма важными. Так вот, будет она жить или нет? Если нет — тем важнее нам поговорить с ней.

— Не могу сказать ничего определенного. Положение тяжелое.

— Следовательно, мы можем поговорить с ней?

— Я должен это согласовать.

— Тогда поспешите, ради Бога, идите и согласуйте!

— Да, да. Сейчас. Вы понимаете, ответственность лежит не только на мне. Я не могу разрешить допрос больной без согласования...

— Так идите же, идите,— нетерпеливо произнес Мейер.— Поторапливайтесь.

— Иду,— доктор зашагал по коридору.

— Знаешь, какие вопросы следует задать, чтобы ее показания были приемлемы с юридической точки зрения? — спросил Виллис.

— Думаю, что да. Наверное, нам потребуется стенограф?

— Смотри сколько времени будет в нашем распоряжении. Может быть, тут есть какая-нибудь болтающая без дела секретарша? Пока приедет наш стенограф, пройдет вечность.

— Да, на это у нас времени нет. Спросим доктора, не владеет ли кто-нибудь здесь стенографией.

— Обязательно. Итак, какие вопросы мы зададим?

— Сперва имя и адрес. Затем...

— Боже, как я ненавижу все это! — вздохнул Мейер.
— Затем, очевидно, такой вопрос: «Вы желаете дать показания, кто покушался на вас?» Пожалуй, так, да?
— Да, пожалуй, — кивнул Мейер. — Боже, как я все это ненавижу!..

Они замолчали, вслушиваясь в неясный больничный шум. Вскоре до них донеслись шаги.

— Вот и доктор, — сказал Виллис.

— Ну как? — спросил Мейер, когда подошел врач. — Согласовали?

— Теперь это уже не имеет значения... — произнес доктор.

— Почему?

— Она скончалась.

11

Полицейские детективы тщательно обыскали комнату, в которой состоялось последнее свидание Марии Эрнандес. И прежде всего они искали отпечатки пальцев. Разумеется, они не знали, что среди них не было следов убийцы, потому что он снял перчатки только перед тем как лечь с Марией в постель. Все отпечатки были проверены в дактилоскопической картотеке, но это ничего не дало, так как отпечатков пальцев здесь было обнаружено множество. Которые из них принадлежали убийце?

Учитывая профессию убитой, детективы особенное внимание обратили на постель. На окровавленных простынях нашли несколько волосков. Затем с помощью пылесоса вычистили одеяло и в результате нашли нечто такое, что могло представить определенную ценность. Это было небольшое перышко.

И на основе этого скудного материала надо было вывести заключение о возможном убийце Марии Эрнандес.

Питер Бирнс не мог примириться с тем, что он узнал. Да, его сын стал наркоманом. Тот, кто звонил ему, не лгал. Правдой оказалось и другое его сообщение. Бирнс сличил отпечатки пальцев сына с отпечатками на шприце, и они оказались идентичными. Он не доложил об этом в полиции, отчего чувствовал себя виноватым. Итак, все оказалось правдой...

Ну, а ссорился ли Ларри с Эрнандесом? Если ссорился, то вывод очевиден. Разве не следует из этого, что Ларри Бирнс убил Анибала Эрнандеса?..

И все же Питер Бирнс не мог поверить, что его сын стал убийцей. И в четверг двадцать первого декабря он с нетерпением ждал звонка неизвестного, как тот обещал. Однако Бирнс напрасно прождал весь день. Звонка так и не последовало, и он отправился домой, страшась того, что предстояло пережить.

Гарриет встретила его в прихожей и с рыданиями бросилась на шею. Прижимая ее к себе, Бирнс пытался вспомнить, когда еще она так рыдала.

— Ну, как он? — спросил Бирнс.

— Плохо.

— А что сказал Джонни?

— Дал ему какой-то заменитель. Но сказал, что он всего лишь врач, а Ларри, для того, чтобы отучиться от наркотиков, должен сам захотеть этого. Питер, как он стал наркоманом?.. Боже мой, как могло это случиться?..

— Не знаю,— ответил Бирнс, мысленно кляня себя и свою работу, не оставлявшую ему времени для единственного сына. Однако ведь многие работают не меньше его, но их дети не стали наркоманами...

Поднимаясь в комнату сына, он испытывал вину. Да, его сын наркоман. В голове, подобно неоновой рекламе, беспрестанно вспыхивало одно и то же слово: **НАРКОМАН, НАРКОМАН, НАРКОМАН!**

Бирнс постучал.

— Ларри?

— Отопри двери! Ради Бога, отопри!

Бирнс вынул из кармана ключи. Насколько он мог припомнить, ему пришлось лишь однажды запереть сына в комнате, когда тот разбил мячом зеркальную витрину магазина и отказался заплатить за нее из своих карманных денег. Бирнс тогда заявил, что вычтет нужную сумму из стоимости его питания, и пока весь убыток не будет возмещен, он не выпустит его из комнаты. В тот же вечер, вскоре после ужина, Ларри сдался. Тогда этот случай не казался особенно важным, поскольку был лишь формой наказания,— и воспитания одновременно,— и если бы Ларри продолжал упорствовать, Бирнс, конечно, пошел бы на попятную. Он верил, что наказывая подобным образом сына, тем самым внушает ему уважение к чужому имуществу. Но сейчас, вспоми-

ная, Бирнс задавал себе вопрос — правильно ли он поступил, не вооружил ли сына против себя, не заставил ли его думать, что здесь, в родном доме, его никто не любит? Да, но что нужно делать в подобных случаях? Заглядывать сперва в учебник психологии? И сколько в течение всех прошлых лет было разных мелких случаев, которые, однако, накапливались и, в конце концов, возможно, толкнули парня на путь наркомании. Сколько их было и за какие из них можно винить отца? Но разве не любил он сына искренне, разве не старался воспитать его честным человеком? Чего же он не сделал, что упустил?..

Бирнс отпер дверь и вошел в комнату. Ларри стоял, сжав кулаки, возле кровати.

— Почему я стал арестантом? — крикнул он.

— Ты не арестант, — спокойно ответил Бирнс.

— Да? Почему же ты запер комнату на ключ? Черт возьми, что я — преступник?

— Говоря формально — да, ты преступник.

— Послушай, отец, не морочь мне голову. Мне не до шуток.

— Мне тоже не до шуток, Ларри.

— Что за дрянь дал мне твой дружок?

— Что, что?

— Твой дружок — доктор, который никогда в жизни, наверное, не видел наркомана. Зачем ты его пригласил? Почему ты думаешь, что он мне нужен? Я же сказал тебе, что в любое время могу перестать употреблять наркотики! Зачем ты позвал его? Я ненавижу этого сукиного сына!

— А именно он принимал тебя, когда ты появился на свет.

— Ну и что я теперь должен делать? Наградить его медалью?

— Он друг нашего дома, Ларри!

— Почему же он велел меня запереть?

— Он не хотел, чтобы ты ушел из дома. Ты болен.

— Болен? Ну, хорошо, болен. Я наркоман, наркоман. Вы что — заучили эти слова вместе со своим дружком доктором? И почему моим отцом оказался такой обыватель?!

— Извини, пожалуйста, что я не оправдал твоих надежд.

— Ну вот, начинаются стенания отца-страдальца! С восьмилетнего возраста я видел все это в кино. Перестань, все равно меня это не трогает.

- Я стремлюсь не трогать, а вылечить тебя.
- С помощью той дряни, которую мне подсунули?
- Кстати, что это?
- Не знаю.
- Да? Так вот, он мне ничем не помог. Мог бы и не тратиться на эту отраву. Послушай, ты хочешь по-настоящему помочь мне? Ты действительно хочешь вылечить меня?
- Ты это знаешь.
- Тогда верни героин, который ты взял у меня в столе.
- Нет!
- Но почему? Ты же сказал, что хочешь помочь мне! Так помоги!
- Это не помощь.
- Тогда уходи! — крикнул Ларри, и на глазах его появились слезы. — Почему ты не хочешь помочь мне?! Уйди от меня! Уйди... — он разрыдался.
- Но, Ларри...
- Уходи! — снова выкрикнул юноша.
- Сынок...
- Не смей называть меня своим сыном! Разве ты беспокоишься обо мне? Ты беспокоишься только о том, чтобы не потерять теплое местечко в полиции из-за того, что я наркоман, вот и все!
- Неправда, Ларри.
- Нет, правда! Ты боишься, что кто-нибудь узнает обо мне и об отпечатках пальцев на шприце. Ну подожди, подожди! Дай мне только добраться до телефона!
- Ты не будешь никуда звонить, Ларри, пока не вылечишься.
- Ты так думаешь? А я все равно позвоню в редакции газет и все расскажу. Ну, что ты скажешь на это? Что ты теперь скажешь? Ты вернешь мне героин?
- Не верну, и ты никуда не будешь звонить. А сейчас успокойся.
- Не хочу я успокаиваться! Я не могу успокоиться! Мне нужен этот героин, слышишь? Верни мне его сейчас же!
- Героина ты не получишь. Если хочешь, я опять приглашу Джона.
- Не нужен мне твой паршивый доктор!
- Он будет заниматься тобой до тех пор, пока не вылечит.

— Вылечит? От чего? Разве ты не можешь понять, что я не болен?! От чего он хочет вылечить меня?

— Если ты не болен, зачем тебе героин?

— Чтобы взять себя в руки.

— Но ты утверждаешь, что не болен.

— Да, не болен, но все равно я должен прийти в нормальное состояние. Ну, прошу тебя, отец, отдай героин... В последний раз... Клянусь, в последний раз...

— Все же придется вызвать Джонни,— сказал Бирнс, направляясь к двери.

— Нет! — закричал Ларри.— Я не хочу его видеть! Не хочу!..

— Но он тебе поможет...

— Чем он мне может помочь! Ах, какой же ты ловкач! Ты же пытаешься заставить меня признать, что я болен! Я не болен! Не болен!..

— Ничего я не пытаюсь...

— Заставь меня признать это кулаками, как на твоём восьмьдесят седьмом участке вы это делаете... Тебе нетрудно будет справиться со мной. — Ларри внезапно умолк и схватился за грудь.

Чувствуя себя беспомощным, Бирнс не сводил глаз с сына.

— Ларри...— вновь заговорил он.

Все еще держась за грудь, Ларри стоял, покачиваясь на месте. Затем с искаженным гримасой лицом, он обернулся к отцу и с трудом произнес:

— Папа, я болен, я очень болен...

Бирнс обнял сына. Ему хотелось сказать что-нибудь ласковое, успокаивающее, но он не находил слов.

— Папа, я прошу тебя... Папа, ты же дашь мне что-нибудь, пожалуйста, папа... Я очень болен и мне необходим укол... Умоляю, дай мне героин... Прошу тебя, хоть немножко, чтобы успокоиться... Я никогда, никогда больше не буду тебя просить...

— Я позову Джонни.

— Нет, не нужно... Прошу тебя, не нужно... То, что он дал мне, совсем не помогает.

— Он даст тебе что-нибудь другое.

— Нет... прошу тебя, прошу...

— Ларри, сынок...

— Папа, если ты любишь меня...

— Я люблю тебя, Ларри,— еще крепче прижимая к себе сына, прошептал Бирнс.

— Меня тошнит, папа... Мне нужно в туалет... Папа, помоги же мне... помоги...

Бирнс провел сына в туалет. Внизу, у лестницы, стояла Гарриет. Спустя некоторое время ее муж и сын вернулись в комнату Ларри, затем Бирнс вышел оттуда, заперев дверь на ключ.

— Позвони Джонни,— сказал он.— Попроси его приехать сейчас же.

Гарриет заколебалась, и Бирнс добавил:

— Ларри очень болен, Гарриет...

Теперь уже львы заволновались по-настоящему.

«Наверное, голодны,— подумал Карелла.— Может быть, им хотелось бы сожрать на обед аппетитного детектива? Жаль, что я не такой жирный, но если они непривередливы, то сойдет и тощий? Я торчу возле павильона с их клетками с двух часов дня в ожидании какого-то Гонзо, которого я и в глаза не видел. Уже половина пятого, а он не появляется. Если и появится, может оказаться мелкой сошкой, хотя, конечно, никогда не мешает задержать еще одного торговца наркотиками. Однако для расследования дела Эрнандеса этот тип может и не пригодиться, хотя он, по-видимому, унаследовал клиентуру Анибала».

Что же это такое? Что скрывается, думал Карелла, за этим дурно инсценированным убийством? Тот, кто убил Анибала Эрнандеса, хотел, чтобы мы поняли, что это не самоубийство! Он хотел, чтобы мы поняли,— это умышленное убийство! Но почему, с какой целью? Чьи отпечатки пальцев на шприце? Не принадлежат ли они этому Гонзо, которого я тут поджидаю? Не он ли убил и Марию, или ее убийство есть нечто отдельное, связанное с неизбежным риском женщин подобной профессии?

Но может ли Гонзо ответить на все эти вопросы? И если, мистер Гонзо, вам известны ответы, то должен признать, что вы хорошо скрываетесь от нас...

Но где же ты сейчас, Гонзо, и где ты действовал раньше? Может быть, ты просто унаследовал прибыльное дельце в ту ночь, когда расправился с Анибалом Эрнандесом? Может быть, ради этого ты и убил его? Но насколько прибыльно могло быть «дело» этого парня? Кем мог быть Эрнандес? Мелким толкачом, торговавшим только для того, чтобы самому иметь деньги на героин? Могло ли такое мизерное «дело» явиться причиной убийства?

Да, но объем «дела» Эрнандеса не был замечен, и если его убили, чтобы перехватить клиентуру, почему в таком случае убийца так старался показать, что произошло именно убийство? Убийца, конечно, не мог не знать, что смерть от большой дозы героина могла бы быть квалифицирована как самоубийство. Если бы он оставил на кровати труп и шприц, следователи и эксперты скорее всего вынесли бы решение о смерти в результате превышения дозы наркотических средств. Однако убийца уже после смерти Анибала накинул ему на шею петлю, зная, конечно, что это будет очень легко и быстро выяснено. Следовательно, убийца сделал это умышленно, желая подсказать следствию, что произошло убийство...

Да, но зачем ему это? И где же, наконец, Гонзо?..

Карелла вынул из кармана кулек с арахисовыми орешками. Одет он был в серые вельветовые брюки и меховую куртку из серой замши, черные ботинки типа мокасинов и ярко-красные носки. Конечно, их не следовало надевать, однако Карелла сообразил это слишком поздно, уже уйдя из дому... Они выглядели на нем, как горящие лампочки на рождественской елке... Кстати, что же он подарит Тедди к Рождеству? Карелла вспомнил, что где-то, в каком-то магазине видел чудесную пижаму, но Тедди очень рассердится, если он истратит двадцать пять долларов на такую покупку. И все же пижама будет очень красиво выглядеть на Тедди... Хотя на ней все выглядит красиво. Правда, она дала ему понять, что лучший подарок на Рождество — будет он сам, и он в ответ крепко обнял ее, но, черт возьми, пижама была такой прелестной, и, представляя в ней Тедди, Карелла решил, что непременно купит ее.

Но где же Гонзо? Может быть, делает покупки к Рождеству? Наверное, у торговцев наркотиками тоже есть жены и матери. И они тоже обмениваются рождественскими подарками, ходят на крестины, вечеринки, свадьбы и похороны, как и все другие. Вовсе не исключено, что Гонзо сейчас ходит по магазинам. И я бы не возражал пройти по торговым рядам, а не торчать тут, у львов, на морозе...

Гонзо, Гонзо, появись же ты, наконец! Я так хочу познакомиться с тобой! Я так много слышал о тебе, будто мы уже знакомы. Да и в самом деле, разве не так? Ну, иди же, Гонзо... Мне хочется зайти в павильон и погреться у клеток со львами, вместо того, чтобы торчать тут... Кажется, мои красные носки уже посинели здесь

от холода... Так как же, Гонзо? Можешь дать мне передышку? Я мог бы выпить чашечку горячего кофе в ближайшей забегаловке...

Карелла разгрыз еще один орех и увидел юношу, вышедшего из-за павильона со львами. Бросив взгляд на Кареллу, юноша прошел дальше. Минуты через три он вернулся. Было ему лет девятнадцать, не больше. Шел он быстро, по-птичьи подпрыгивая на ходу. Одет в спортивную куртку с поднятым воротником и поношенные брюки из серой фланели. Ветер раздувал его светлые волосы. Снова глянув на Кареллу, он подошел к павильону и остановился. Карелла делал вид, что занят исключительно орешками, однако внимательно наблюдал за юношей, который, постояв у павильона, принялся прохаживаться взад и вперед. Спустя некоторое время он взглянул на свое запястье и растерянно пожал плечами, по-видимому, забыв дома часы. Карелла продолжал безмятежно крошить орешки.

Постояв в нерешительности некоторое время, юноша подошел к Карелле.

— Который час, скажите, пожалуйста? — спросил он.

Карелла сунул в рот очищенный орешек, отряхнул шелуху с колен и только после этого ответил:

— Без четверти пять.

— Спасибо,— поблагодарил юноша.— Холодновато сегодня...

— Да уж,— кивнул Карелла.

— Не возражаете, если я присяду?

— Пожалуйста.

Не вынимая рук из карманов, парень присел рядом.

— Пришли подышать воздухом? — вдруг спросил он.

— А вам-то что?

— Просто так.

— Послушайте, что вы ко мне пристали? Идите-ка отсюда!

— Почему это я должен уйти? Это ваш парк, что ли?

— Не хами, парены!

— Что вы сердитесь? Я только спросил...

— Нечего тебе спрашивать, лучше помалкивай. Мало ли на кого можешь нарваться.

— Я и не подумал об этом,— улыбнулся юноша и, оглянувшись по сторонам, заметил: — Но ведь никого нет...

Карелла молча кивнул в ответ.

— Я только хотел...— начал юноша, но осекся, заколебавшись, надо ли продолжать, и наконец решился: — Послушайте, мы же здесь по одному и тому же делу, не так ли?

— Как сказать...

— Будет вам! Я же вижу.

— Я пришел сюда подышать свежим воздухом и погрызть орешки, ясно?

— Конечно, конечно...

— А вот ты здесь зачем?

— Сперва вы скажите.

— Ты тут новичок? — спросил вдруг Карелла.

— Что!

— Послушай, парень, вот тебе мой совет — ни с кем не разговаривай о порошке...— пошел напролом Карелла.— Даже со мной. Может быть, я легавый. Откуда ты знаешь?

— Я и не подумал об этом.

— Вот именно. Даже не подумал. Легавый тут же бы тебя арестовал. Если бы ты занимался делом столько, сколько я, то никому бы не доверял.

— Почему же вы доверяете мне? — ухмыльнулся юноша.

— Да потому, что ты, как вижу, не легавый, и к тому же новичок.

— И все же я могу оказаться легавым...

— Ну, нет, у меня глаз наметан на легавых, и к тому же ты слишком молод. Лет восемнадцать?

— Почти двадцать.

Карелла взглянул на часы.

— Черт возьми, начало шестого! Может, с ним что-нибудь случилось?

— Надеюсь, что нет. Опаздывает. Обещал быть в половине пятого.

— Да,— кивнул Карелла. Ему стало ясно, что Гонзо может появиться с минуты на минуту, если придет вообще.

— Вы знакомы с этим Гонзой,— поинтересовался юноша.

— Тише, не называй имен! — шикнул на него Карелла, оглядываясь.— Зеленый ты совсем!

— Но нас никто не слышит,— пожал плечами парень.— Только псих будет торчать тут на морозе, если ему ничего не нужно.

— Ох, парень, эти чертовы фараоны могут подкрасть-

ся так тихо, что ты узнаешь об их присутствии только, когда на руках уже будут стальные «браслеты».

— Чепуха. Никаких фараонов здесь нет. Послушайте, может, пойдём поищем его, а?

— А я даже не знаю, как он выглядит...

— Я тоже. Вы брали у Анибала?

Карелла кивнул.

— Я тоже. Хотя и черномазый, а парень был неплохой.

— Да... А ты имеешь представление, как выглядит этот новый?

— Знаю только, что он лысоват.

— Он что — старик?

— Не думаю. Лысоват, и все. Многие молодые лысеют, знаете ведь...

— Конечно, конечно,— согласился Карелла, глянув на часы.— Пора бы ему подойти...

— А который час?

— Начало шестого.

— Ничего, ещё придет... Значит, вы впервые к этому Гонзо? Жаль Анибала, вдруг повесился...

— Да... Но я успел запастись у него большой дозой, и мне хватило на эти дни.

— А я брал у кого попало, и раза два мне всучили дрянь... Нужно знать, с кем имеешь дело...

— А ты думаешь, что этому Гонзо можно верить?

— Кто его знает? Пойду-ка я все-таки, посмотрю вокруг павильона. Может быть, он там.

Парень встал, все еще не вынимая рук из карманов, и направился в сторону павильона. Карелла увидел, как он, дойдя до угла, остановился и, обернувшись, отрицательно покачал головой и двинулся дальше.

Все дальнейшее произошло очень быстро. Парень только-только скрылся за павильоном, как к Карелле подошел полицейский, выросший словно из-под земли.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Я? — удивленно воззрился на него Карелла, впервые увидев этого блюстителя порядка. Он проклинал себя за то, что не знает его, вернее, за то, что тот не знает Кареллу, и не может в сложившейся ситуации показать свое служебное удостоверение — парень мог вернуться в любой момент.

— Да, ты. Нас здесь только двое.

— Просто сижу.

— Что-то давненько торчишь тут.

— Люблю посидеть на свежем воздухе,— лихорадочно думая, как быть, отозвался Карелла.

Но тут из-за павильона вышел парень и при виде полицейского замер на месте и сразу исчез за углом павильона, наблюдая, что тут происходит.

— А разве есть закон, запрещающий дышать свежим воздухом в парке? — продолжал Карелла.— Я же никому не мешаю...

— Можешь помешать. Знаю я вашего брата. Станешь приставать к школьницам, которые тут проходят после занятий.

— Ни к кому я не собираюсь приставать!

— Встань!

— Зачем?

— Затем, что я должен обыскать тебя!

Карелла прекрасно понимал, что при этом полицейский сразу же обнаружит у него пистолет, и тогда ему придется объяснить, кто он такой, предъявить свое удостоверение, а это сорвет всю задуманную операцию... И парень может это увидеть, да и Гонзо может вот-вот появиться...

Карелла вспыхнул:

— Обыскать?! А ордер у вас есть?

— Никакого ордера не потребуется,— спокойно ответил полицейский.— Или ты дашь себя обыскать, или я стукну тебя по башке и доставлю в участок, как бродягу. Выбирай!

Не дожидаясь ответа, он схватил Кареллу за отвороты куртки, которая при этом распахнулась, и полицейский увидел пистолет.

— Ого! — воскликнул он.— Это еще что?!

Искоса Карелла увидел парня. Когда полицейский выхватил у детектива из-за пояса пистолет, парень сразу скрылся.

— Я тебя спрашиваю, что это такое? — схватив Кареллу за руку, вскричал полицейский.

Юноша все видел и убежал. Гонзо не пришел. Операция была сорвана.

— Отвечай! Что это такое? У тебя есть разрешение?

— Я Стивен Карелла, детектив из восьмьдесят седьмого участка,— зло произнес Карелла.— А ты только что сорвал мне операцию по задержанию торговца наркотиками!

Перышко. Это было не просто перышко, а вещественное доказательство, обнаруженное в комнате, где была убита Мария Эрнандес. После тщательного исследования оно оказалось голубиным. Единственная подушка на постели была из утиного пуха и, следовательно, перышко не могло быть из нее. Правда, не исключено, что его оставил в комнате не убийца, а кто-нибудь до него. Но если перышко попало сюда вместе с убийцей, то вполне вероятно, что он был любителем голубей. Нужно было проверить всех глубятников в городе.

— Тебе повезло,— резюмировал мужчина.

— Ты так думаешь? — сказал Гонзо.

— Мог бы и влипнуть. Сколько у тебя было при себе товара?

— Дело не в этом. Всего одна унция. Но я все пытаюсь заставить тебя понять — обстановка становится опасной.

— Нам это на руку.

— Так-то оно так, но одно дело, когда это касается других, и совсем иное, когда речь идет о собственной шкуре.

— Но тебя же не схватили!

— Нет, но только потому, что я был очень осторожен.— Гонзо раскурил сигарету и продолжал: — Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Вполне.

— Вот и отлично. Тот тип был легавый, и я уверен, что поджидал меня. Стало быть, сыщики на меня вышли и, возможно, им уже известно, что на самом деле произошло с Анибалом...

— Это не имеет никакого значения.

— Твердишь все время одно и то же! Делаешь вид, что спокоен. А вот я говорю, что мы основательно влипли и пора с этим кончать. Позвони, наконец!

— Позвоню, когда сочту нужным. Ну, хватит! Мне нужно взглянуть на голубятню, как там мои питомцы...

— Будь они прокляты, твои голуби, и ты вместе с ними! — возмутился Гонзо.— Ладно, лезь, полюбуйся своим сокровищем, но только позвони Бирнсу, как можно скорее, и помни, что я никакого отношения к этой истории не имею, но...

— Нет, имеешь, и очень большое!

— Ничего подобного! Именно об этом я тебе твержу все время. Ты надавал мне кучу обещаний, но ни одного не выполнил. Что с твоей затеей? Кто сказал тебе, что парень Бирнса — наркоман?

— Ты, Гонзо, это правда.

— Верно. Ну, а что дальше? Когда ты начнешь выполнять обещанное?

— Но ты же получил клиентуру Анибала, не так ли?

— Мелочи! — вскричал Гонзо. — Ты расписал мне это, как большое дело. Где оно? Разве я не сделал все, как ты просил? Разве я не рисковал головой с Марией Эрнандес? По-твоему, ее легко было уговорить?

— По-моему, легко. Только помахать у нее перед носом четвертной купюрой.

— Нет, совсем не легко. Парень-то все-таки ее брат, и у нее даже в мыслях не было, что он скоро отправится на тот свет.

— Другого пути не было.

— Будь по-твоему, я не желаю разговаривать об этом. Об убийстве мне ничего неизвестно, слышишь? Анибал и его сестра — твоя забота. Да, вот еще что... Почему ты пор...

— Заткнись!

— Молчу, молчу. Но вот что я тебе скажу: сыщики из этого проклятого восемьдесят седьмого участка что-то пронюхали, и я должен о себе позаботиться. Отвечать за тебя я не собираюсь, и ничем больше ты меня занимать не заставишь! Мне нужно лишь то, что ты мне обещал — за наводку и за то, что я сделал для тебя с Марией Эрнандес. Без меня ты бы никогда...

— Ты получишь все, что обещано. Знаешь, Гонзо, в чем твоя слабость?

— Нет. Ну-ка, скажи. Сгораю от нетерпения.

— А в том, что ты не видишь дальше собственного носа. Получил возможность заняться действительно крупным делом, но по-прежнему копаешься в дерьме.

— Зато ты порхаешь в облаках, с чем тебя и поздравляю.

— Да пошевели же ты мозгами, болван! Как только я объясню Бирнсу...

— Когда? Когда же ты позвонишь ему, наконец?!

— Проверь голубятников! — крикнул Бирнс в трубку

внутреннего телефона. — Если у тебя есть информаторы, черт возьми, почему ты не используешь их?!

Карелла на другом конце провода терпеливо вздохнул. Он не мог понять причину раздраженного состояния Бирнса в последние дни.

— Пит, я уже разговаривал с моими людьми, но никто из них не слышал о Гонзо... Даже имени такого не знают. Скоро мне должен позвонить Дэнни Джимп и как только...

— Не могу поверить, чтобы никто не знал о Гонзо! — вскричал Бирнс. — Не могу поверить, чтобы бригада из шестнадцати детективов не могла найти какого-то мелкого торгаша наркотиками... Извини, Стив, но ты меня в этом не убедишь.

— Видите ли...

— Ты проверял по другим участкам? Не свалился же он с луны? Так не бывает. Если он торгует наркотиками, у него могут быть приводы и, следовательно, он на учете в полиции.

— Возможно, он новичок.

— Значит должен быть в картотеке несовершеннолетних преступников.

— Проверял. И там его нет. Пит, не исключено, что Гонзо — лишь кличка.

— Для чего же тогда у нас картотека кличек?!

— Пит, да не волнуйтесь вы! Повторяю, он может оказаться новым человеком, одним из молодых преступников, только-только начавших заниматься торговлей наркотиками. Вовсе не обязательно, чтобы он состоял у нас на учете. На улице можно встретить сотни подростков, у которых нет приводов или задержаний...

— Пусть так! — прервал Бирнс. — Но неужели ты не можешь найти этого паршивца? Известно, что клиентуру Эрнандеса перехватил Гонзо, и это, возможно, было поводом для убийства.

— Если бы у Эрнандеса была большая клиентура, то возможно... Но, Пит, послушайте...

— У тебя есть лучшая версия, Стив?

— Пока нет.

— То-то и оно! Найди мне Гонзо!

— Пит, вы разговариваете со мной так, словно...

— Послушай, Карелла, восемьдесят седьмой участок пока что возглавляю я! — сердито крикнул лейтенант Бирнс.

— Хорошо, хорошо, я это знаю. Вчера я встретил

парня, который хотел купить героин у Гонзо. Я знаю его в лицо и сегодня попытаюсь найти. Он может вывести меня на Гонзо. Но сперва позвольте мне узнать, какие новости у Дэнни Джимпа.

— Ты думаешь, что юнец, которого ты вчера встретил, знает Гонзо?

— Он сказал, что не знает, а при виде полицейского скрылся. Не исключено, что сегодня он встретится с Гонзо и выведет меня на него. Посмотрим по обстановке. А пока я жду звонка от Дэнни.

Бирнс сидел за столом и смотрел в окно. Он чувствовал усталость и досаду за то, что кричит на подчиненных и скрывает от них сведения, которые могли бы помочь расследованию. А вдруг такой опытный детектив, как Карелла, установит, кому принадлежат отпечатки пальцев на шприце, и обнаружит, что убийца — его сын Ларри?!

На столе зазвонил телефон. Бирнс торопливо взял трубку.

— Слушаю.

— Лейтенант, говорит дежурный Кэссиди.

— Ну что там, Майк?

— Вам звонят.

— Кто?

— Он не назвался. Требует вас.

— Он... он хочет говорить со мной? — спросил Бирнс.

— Да, сэр.

— Соедини.

— Алло! — послышалось в трубке, и Бирнс узнал человека, звонившего в прошлый раз.

— У телефона лейтенант Бирнс.

— Добрый день, лейтенант. Как поживаете?

— Кто говорит со мной?

— Ну, знаете, лейтенант, вы задаете не очень умный вопрос.

— Что вам нужно?

— Мы одни, лейтенант? Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь слушал, как мы обсуждаем ваши личные дела.

— Мои разговоры никто не слушает.

— Вы вполне в этом уверены, лейтенант?

— Говорите, что вы хотите сказать.

— Вы потолковали с сыном, лейтенант?

— Да,— ответил Бирнс, прикрыв трубку рукой.

— И он подтвердил то, что я упомянул в прошлый раз?

— Да.

— Ужасно, не так ли, лейтенант? Такой славный юноша...— собеседник внезапно заговорил деловым тоном.— Вы проверили отпечатки пальцев?

— Да.

— И они принадлежат?..

— Да.

— Интересно, не так ли, лейтенант?

— Мой сын не ссорился с Эрнандесом...

— У меня есть свидетель.

— Кто?

— Вы будете удивлены.

— Говорите же!

— Мария Эрнандес.

— Что?!

— Да. Чем дальше, тем хуже, не так ли? Единственная свидетельница ссоры внезапно оказывается убитой. Совсем худо, а, лейтенант?

— В ночь убийства Марии Эрнандес мой сын был со мной! — проговорил Бирнс.

— И вы думаете, что присяжные поверят этому? Особенно после того, как выяснится, что папочка скрыл кое-что от властей?.. Вы сообщили кому следует, чьи отпечатки пальцев обнаружены на шприце?

— Н-н-н-нет... Не сообщил. Послушайте, что вам нужно?

— Скажу, скажу. Вы нетерпеливый человек, лейтенант.

— Черт вас возьми, что вам нужно? Деньги?

— Вы недооцениваете меня, лейтенант. Я...

— Алло...— послышался еще один голос в трубке.

— Это что такое? — возмутился Бирнс.— Кто смеет...

— Извините, лейтенант,— сказал Кэссиди.— Мне нужен Карелла, должно быть, неправильно соединили. Ему звонит Дэнни Джимп.

— Освободи линию, Кэссиди! Немедленно!

— Слушаюсь, сэр.

Кэссиди отсоединился, и Бирнс сказал в трубку:

— Говорите, нас никто не слушает. Говорите!

Молчание.

— Алло... Алло...— Никто не отзывался. Бирнс положил трубку и долго молча сидел у стола. И когда

спустя минут пять раздался стук в дверь, он уже пришел к решению.

— Войдите.

Вошел Карелла.

— Я только что разговаривал с Дэнни Джимпом,— сообщил он,— но и тут не повезло. Никакого Гонзо он не знает.

— Да? — утомленно отозвался Бирнс.

— Поэтому я сейчас снова отправляюсь в парк, может быть, встречу того юнца. Если там не найду, попытаюсь в другом месте.

— Хорошо. Сделай все возможное.

— Слушаюсь,— Карелла направился к двери.

— Стив, до твоего ухода...

— Да? — обернулся Карелла.

— Ты должен узнать кое-что... Есть многое, о чем ты должен узнать...

— Что случилось, Пит?

— Отпечатки пальцев на шприце,— собравшись с силами, проговорил Бирнс,— принадлежат моему сыну...

13

— Мама! Отопри двери! Мама...

Гарриет, стоявшая внизу у лестницы, не двигалась с места.

— Мама!

— Что тебе, Ларри?

— Поднимись сюда. Разве ты не можешь подняться сюда?!

Гарриет поднялась к комнате сына и, остановившись у запертой двери, тихо спросила:

— Что ты хочешь, сынок?

— Отопри...

— Зачем?

— Я хочу выйти.

— Отец же сказал, что ты должен быть у себя в комнате. И доктор...

— Конечно, конечно, мама,— ласково произнес Ларри.— Но сейчас я чувствую себя хорошо, совсем хорошо. Выпусти меня, мама...

— Нет! — твердо проговорила Гарриет.

— Мама,— настаивал Ларри,— разве ты не понимаешь, что я уже поправился? Я чувствую себя превосходно. Но я тут как в клетке, а мне хочется немного походить по дому.

— Нет!

— Но, мама...

— Нельзя, Ларри.

— Боже мой, что же мне делать?! Почему вы мучаете меня, мама! Позвони этому паршивцу доктору, да побыстрее! Слышишь?

— Но, Ларри...

— Заткнись! Мне осточертело все это! Ну ладно, я наркоман. Да, да, наркоман! И мне нужен укол! Иди и достань для меня!

— Если хочешь, я вызову Джонни, но героина он тебе не привезет.

— Ты и отец друг друга стоите... Отопри эту проклятую дверь! Я выброшусь в окно, если ты не отопрешь! Слышишь? Выброшусь!

— Ладно, Ларри,— спокойно отозвались Гарриет.— Я отопру тебе дверь.

— Давно пора! Отпирай!

— Минуту...

Гарриет прошла в спальню. Из верхнего ящика комода она достала небольшой пистолет, инкрустированный перламутром, который она не вынимала оттуда с того самого дня, когда Пит подарил ей его. С пистолетом в руке она вернулась к двери Ларри.

— Это ты, мама?

— Да, подожди,— Гарриет достала ключ из кармана фартука, открыла дверь и, держа перед собой пистолет, отступила в коридор.

Ларри бросился к двери, но, увидев пистолет, обалдело возразился на мать.

— Что, что это?..

— Вернись в комнату,— приказала Гарриет, не опуская пистолета; войдя в комнату сына, придвинула к двери стул и села.

— Зачем у тебя оружие? — растерянно спросил Ларри.

— Зачем? Ты ж сказал, что хочешь выброситься из окна. Так можно разбиться насмерть. Вот я и захватила с собой пистолет.

— Не... не понимаю...

— Ни через дверь, ни через окно ты не покинешь эту комнату, а если попытаешься, то мне придется застрелить тебя.

— Что ты говоришь, мама?! — спросил пораженный Ларри.

— То, что слышишь. И, к слову сказать, я хорошо стреляю. Меня обучил отец. Ну, а сейчас присядь и потолкуем.

— Ты... ты шутишь..

— Ну, знаешь, Ларри, было бы глупо с твоей стороны считать это шуткой. Такими вещами не шутят.

Ларри, растерянно мигая, глядел на револьвер.

— Сядь,— повторила Гарриет.— Ты думал о том, что подарить отцу на Рождество?

Стоя на крыше у голубятни, мужчина размышлял о последних событиях. Он отчетливо представлял себе, к каким опасным последствиям может привести арест Гонзо. Тревожило его и то обстоятельство, что Бирнс организовал подслушивание телефона, хотя и заверял, что их не станут подслушивать. Казалось бы, это должно свидетельствовать о безрассудстве Бирнса, но когда речь идет о судьбе собственного сына, на что только не пойдешь...

Черт побери, как ветрено на крыше! Он похвалил себя за то, что в свое время заделал рубероидом решетчатые стенки голубятни. Конечно, голуби выносливые птицы и даже в зимние дни носятся в небе, но ему не хотелось, чтобы они мерзли. Вот сейчас совсем плохо выглядит маленькая голубка. Уже несколько дней, как отказывается от пищи. Придется приглядывать за ней. Правда, остальные в полном порядке. У него было несколько голубей из породы хохлатых, и он мог часами любоваться ими. А турман... Бог мой, какие сальто он проделывал в полете!..

Да, но каким образом сыщики вышли на Гонзо?.. Может быть, девчонка успела растрепаться? Если так, фараоны не стали бы валять дурака с розыском Гонзо, а пришли бы прямо к нему. Как же все-таки они проникли про Гонзо? Может быть, видели, как Гонзо разговаривал с ней в день смерти Анибала? Возможно. Но почему все так запуталось? Он действовал по тщательно разработанному плану, однако сейчас, когда этот план оказался неосуществимым, следует ли ему опять позвонить Бирнсу? И кто же все-таки мог увидеть девчонку с Гонзо? Не разговаривали ли они в той же самой комнате, в которую она привела его? В комнату, в которую их пустила эта женщина... как ее?.. Кажется, Долорес. Да, Долорес! Знала ли Долорес о встрече Гонзо с Ма-

рией? Может быть, видела его раньше и узнала? Но, нет, нет... Полиция, несомненно, ведет наблюдение за всеми известными ей торговцами наркотиками, но Гонзо им неизвестен. Он всего лишь мелкий гангстер, случайно натолкнувшийся на ценную информацию и сообразивший сообщить о ней нужному человеку... У Гонзо приводов нет. Гонзо не известен полиции как торговец наркотиками, и его не знают даже его соседи, во всяком случае под этой кличкой. Как же все-таки полиция вышла на него? Неужели Мария проболталась Долорес? Неужели сделала такую глупость? Что все-таки известно Долорес?

Он в последний раз взглянул на больную голубку и спустился с крыши. Деловито направился к дому, в одной из комнат которого бывал с Марией. Осмотревшись, быстро поднялся на второй этаж и постучал.

— Кто там? — слышалось из-за двери.

— Друг,— ответил он.

Дверь отворилась. Внезапно у него мелькнула мысль, что отступать ему теперь некуда. А что, если старуха ничего не знает? Что тогда? Как расспросить ее, чтобы она ни о чем не догадалась?

— Кто вы? — спросила Долорес.

— Можно поговорить с вами?

— Что вам нужно?

— Я из полиции,— солгал он.— Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Он прошел за старухой в грязную, дурно пахнущую кухню.

— Я вас слушаю,— сказала Долорес.

— Говорила ли вам Мария Эрнандес в тот день, когда ее убили, с кем она хотела встретиться? Кто был тот человек?

— Я знаю вас? — спросила Долорес, внимательно глядя на него.

— Вряд ли, если не бывали в восемьдесят седьмом участке,— нашелся он.

— А не видела ли я вас тут, в нашем квартале?

— Я же служу здесь, и естественно...

— Я думала, что знаю в лицо всех полицейских из восемьдесят седьмого,— произнесла Долорес.

— Так что вы можете сказать о том человеке?

— Разве вы, полицейские, не работаете вместе?

— Я вас не понимаю...

— Я ведь уже рассказывала об этом тем, другим, ко-

которые приходили сюда. Один был детектив Мейер, а другой...

— Как фамилия другого?..

— Не припомню...

— Кажется, Хенджел?.. Да, именно Хенджел...

— Верно! Действительно, Хенджел. И вы все сообщили им?

— Конечно. На следующий же день. Внизу было полно полиции. Мейер и... — она было умолкла, а потом продолжала, — Темпл. Фамилия другого детектива была Темпл!

— Да, да...

— А почему вы прежде сказали, что Хенджел?

— Разве?

— Я сказала Хенджел, и вы подтвердили, — настаивала Долорес.

— У нас в отделении служат и Хенджел, и Темпл... Что же вы рассказали им?

Долорес посмотрела на него в упор и вдруг сказала:

— Знаете что? Предъявите-ка мне свое удостоверение!

— Вот и снова мы топчемся около того же самого павильона со львами, — усмехнулся Карелла.

«Итак, друзья, с вами говорит Стив Карелла из львиного зала очаровательного ресторана в Гровер-парке. Вы слышите, дамы и господа, как готовится оркестр, чтобы порадовать нас чудесной музыкой. Передачи мы ведем отсюда ежедневно благодаря любезности «Национального общества любителей двустороннего воспаления легких». Здесь, в ресторане Гровер-парка, нас ласкает нежный бриз, особенно приятный, когда он долетает до столиков львиного зала. Оставайтесь настроенными на нашу волну, и вас ожидает много смеха и сюрпризов. Одним из сюрпризов является сообщение моего начальника, лейтенанта Питера Бирнса, который доводит до вашего сведения, что его родной сын, школьник Ларри Бирнс, сегодня провозглашен наркоманом и подозревается в убийстве. Что вы скажете о таком маленьком сюрпризе, друзья? Ошеломлены, да? Я, например, чуть не свалился наземь, когда услышал, а вы?.. Бедняга Питер... Мне его жаль. Кое-кто из моих коллег его терпеть не может, а я вот люблю, и мне не нужен

другой начальник, даже если его подадут мне на золотом блюде. Что-то он должен переживать сейчас?!»

Именно в эту минуту Карелла увидел вдали юношу, того самого, с которым познакомился вчера. На этот раз тот направлялся в сторону от павильона со львами. Может быть, вчерашнее появление полицейского насторожило Гонзо и он назначил другое место встречи своим клиентам?

Юноша не видел Кареллу, но если и заметил, то вряд ли узнал бы его. На этот раз на Карелле была старая шляпа с опущенными полями и потрепанное пальто, которое делало его значительно старше. К тому же под носом у него появились усы, из-за которых Карелла чувствовал себя неловко. Пальто было застегнуто на все пуговицы, а в правом кармане — револьвер.

Не медля ни минуты, Карелла направился вслед за юношей, который, видимо, очень спешил. Вбежав на пригорок, юноша в нерешительности постоял у столба с указателями направления: «Тюлени», «Пресмыкающиеся», «Площадка молодняка», а затем направился к павильону с пресмыкающимися.

Карелла хотел было нагнать юношу и задать ему несколько вопросов. Но если тот спешил на встречу с Гонзо, пожалуй, не стоило его останавливать. Ведь у Кареллы была четкая задача — задержать торговца наркотиками, который, по-видимому, имел отношение к убийству Анибала Эрнандеса.

Юноша уже не торопился. Время от времени он осторожно оглядывался по сторонам, однажды остановился, чтобы взглянуть на часы, и затем направился дальше. Вероятно, у него еще было время до свидания. А который теперь час? Карелла взглянул на часы — три пятнадцать. Резонно предположить, что встреча назначена на половину четвертого, может быть, поэтому юнец и разгуливает по парку? Сейчас он направился по мощеной дорожке к туалету. Как только он скрылся там, Карелла обошел туалет вокруг и, убедившись, что другого выхода из него нет, сел поблизости на скамейку. Ждать пришлось минут пять. Выйдя, юноша быстро направился к павильону с пресмыкающимися. Карелла усмехнулся при мысли, что террариум со змеями был бы самым подходящим местом встреч наркоманов с барыгами. Он продолжал наблюдение, предвкушая предстоящий арест Гонзо.

Но в это время, словно по команде режиссера, сни-

мающего массовые сцены, парк вдруг словно ожил... Появилась экскурсия школьников в сопровождении учителя, у которого было растерянное выражение лица. Всем своим видом он хотел показать, будто не имеет никакого отношения к этой ораве ребят. Такое выражение лица бывает у пассажира метро, который оказался между двумя пьяными и хочет крикнуть на весь вагон: «Я не с ними!» Но, к несчастью учителя, ребята были с ним, и более шумных сорванцов Карелла еще не встречал.

Протискиваясь сквозь эту шумную, галдящую толпу, Карелла услышал, как один из школьников сказал:

— Тут есть змея, которая может сожрать целую свинью!

— Ну ты и скажешь! Таких и змей-то нет! — возразил другой.

— Ну уж! Много ты знаешь! Мой отец сам видел, как змея заглотила свинью! И эта змея есть здесь!

— Та самая?!

— Да не та самая, дурак! А такая же!

— Откуда ты знаешь, что она может заглотить целую свинью?..

Разговор был занятным, однако Кареллу больше интересовала другая дичь, которая сейчас уже вошла в павильон с пресмыкающимися, и потерять ее из виду он не хотел. Юноша, несомненно, знал, что ему здесь нужно. Он сразу направился к террариуму, в котором находились две кобры. Словно замороженный, или делая вид, что заморожен, он наблюдал за змеями и раз другой даже постукал по стеклу.

Карелла остановился у террариума с гремучей змеей, свернувшейся кольцом и не обращающей внимания на посетителей. Но Карелла, стоя перед стеклом, отгораживавшим его от змеи, мог незаметно наблюдать за юношей в другом конце павильона — в стекле отчетливо отражалось все помещение.

По-видимому, юноша был любителем змей. Он постукивал по стеклу, бормотал что-то себе под нос, напоминая одуревшего от счастья молодого отца у окна родильного дома. Но тут в павильон с гомоном ворвалась ватага школьников, а у террариума с кобрами появился парень в черной кожаной куртке.

Лишь только взглянув на нового посетителя, Карелла решил: Гонзо!

Гонзо или нет, однако, несомненно, это был тот, кого

поджидал юноша. Из-за шума, который подняли школьники в павильоне, Карелла ничего не слышал, но успел заметить, как юноша и вновь пришедший, обменявшись быстрым рукопожатием, одновременно сунули руки в карманы, а затем снова подали друг другу руки. Карелла понял, что один получил деньги, а другой — наркотик.

Теперь уже Кареллу больше не интересовал юноша, за которым он долго следил. Сейчас его интересовал другой, в кожаной куртке. Тот, следом за которым Карелла пришел, повернулся и покинул павильон. Парень в черном поднял воротник куртки и направился в другую сторону. Карелле очень хотелось задержать его с наркотиком в карманах, доставить в участок и допросить по делу об убийстве Анибала Эрнандеса, но школьники и на этот раз помешали ему. Он уже пошел было следом за парнем в кожаной куртке, как послышался душевраздирающий вопль какого-то подростка:

— Вот же он, тут!

Раздайся этот вопль где-нибудь в джунглях, он мог бы напугать и бывалого охотника. Подействовал он и на Кареллу. Прошло несколько секунд, прежде чем он опомнился и сообразил, в чем дело. Школьник увидел питона за стеклом террариума и помчался туда, чтобы узнать, будет ли тот сегодня глотать целую свинью. Хорошо еще, что Карелла успел отскочить в сторону, иначе бы его смяла бросившаяся за мальчишкой буйная орава, в хвосте которой плелся ее усталый и пристыженный руководитель.

Кляня всех учителей и школьников, Карелла выскочил на морозный воздух, однако парня в черной кожаной куртке и след простыл. Карелла несколько раз пробежал по дорожке, оглядываясь по сторонам, — куда же тот скрылся. Проклиная свое невезение, Карелла вдруг увидел светловолосого юношу. Конечно, в первую очередь ему нужен был тот, другой, но ведь и этот тип только что купил «товар». Времени терять было нельзя, и Карелла тут же принял решение. Он поравнялся с парнем и взял его за руку.

Тот повернулся к нему, и несколько секунд его лицо ничего не выражало, но узнав в Карелле вчерашнего собеседника, он напрягся, с силой оттолкнул Кареллу и пустился наутек.

— Стой! — крикнул Карелла.

Надо сказать, что юноша чемпионом не был, но бе-

гать мог быстро. Карелла еще не успел перевести дыхание, а тот уже добежал до поворота дорожки, направляясь к роще. Карелла бросился вдогонку. Он не понимал, почему юноша пошел на риск бегства, но размышлять над этим у него не было времени. Сейчас нужно было использовать не голову, а ноги и оружие, однако Карелла не вынул револьвер из кармана. Задержать какого-то наркомана можно было и без оружия. Даже не предполагая, что его ждет, Карелла бежал на холм к роще.

Увидев за грудой валунов парня, детектив ускорил бег, с сожалением подумав, что он не так уж молод. Тяжело дыша, он пробирался между деревьев, через завалы камней и валунов, время от времени теряя юношу из виду. Обогнув большой валун, он остановился, как вкопанный, перед дулом направленного на него револьвера.

— Не вздумай кричать, фараон! — пригрозил юноша.

Карелла растерянно замигал. Он не ожидал, что у парня окажется оружие, и сейчас, кляня свою глупость, пытался сообразить, как ему выпутаться из создавшегося положения. Он посмотрел юноше в глаза и определил, что тот не находится под влиянием наркотических средств. Возможно, ему удастся уговорить его. Однако револьвер юноша держал твердо и глаза его выражали решимость.

— Послушай... — попытался заговорить Карелла.

— Я сказал — молчать! А то пристрелю!..

Юноша произнес это спокойно и просто, и Карелла понял, что он не шутит.

— Руки в стороны! — приказал юноша. — Где он?

— Кто?

— Револьвер, который у тебя вчера обнаружил фараон.

— Ты думаешь, я сыщик?

— По кобуре видно. Мои дружки не носят шпалеры в кобурах. Ну-ка, доставай...

Карелла пошевелил было рукой.

— Не двигайся! Я сам достану.

— Зачем ты нарываешься на неприятности, приятель? Ведь мог бы отделаться штрафом за мелкое правонарушение.

— Ты так считаешь?

— Конечно. Спрячь-ка свою пушку, и я забуду, что видел ее.

— Что с тобой, дрейфишь?

— А что мне дрейфить? — возразил Карелла, не сводя глаз с юноши. — Не думаю, что ты совершишь глупость и станешь стрелять в общественном парке.

— Ты это серьезно? Или не знаешь, сколько народу ежедневно убивают в парках?

— Сколько? — спросил Карелла, лихорадочно размышляя, как ему отвлечь парня, чтобы успеть выхватить из кармана револьвер...

— Много. Почему ты следишь за мной, шпик?

— Да ты не поверишь... — начал Карелла.

— Только не сочиняй басен.

— Мне нужен твой дружок.

— Зачем он тебе?

— Хочу задать ему несколько вопросов.

— О чем?

— Это мое дело.

— Где твой шпалер? Начнем с этого.

Карелла заколебался, но, глянув на дуло револьвера, быстро сказал:

— В плаще, в правом кармане.

— Повернись кругом.

Карелла повиновался.

— Подними руки и не вздумай фокусничать, иначе я выстрелю. Не пытайся испытывать меня, я не побоюсь нажать на курок. Понял?

— Понял.

Карелла почувствовал, как рука юноши побывала у него в кармане, который стал неприятно легким.

— Вот и хорошо. Ну, а теперь поговорим. Повернись обратно.

Карелла все еще не верил, что положение действительно серьезное. Он и прежде оказывался в подобных переделках и не сомневался, что или уговорит парня, или сумеет достать револьвер из кармана. Однако револьвера в кармане уже не было, а парень не сводил с него твердого и решительного взгляда. И у Кареллы внезапно появилось предчувствие, что он смотрит смерти в глаза.

— Как же ты глуп, — заметил он, понимая, что слова эти звучат неубедительно. — У тебя нет причин убивать меня. Я же сказал, что не ты мне нужен.

— Зачем же ты задавал мне вчера всякие вопросы? Думал, небось, как здорово у тебя все получается? Выпытывал у меня, а на самом-то деле это я прове-

рял тебя. Я сразу почуял, кто ты, и подыгрывал тебе, а тут мне помог еще и полицейский. Как только он вытащил шпалер у тебя из-за пояса, все сразу стало ясно.

— Я еще раз повторяю, что ты мне не нужен,— терпеливо сказал Карелла.

Они стояли в тени большого валуна. Карелла пытался решить, есть ли у него возможность броситься на юношу, сбить с ног и завладеть револьвером.

— Не нужен? Не морочь ты мне голову! Кое-кто похитрее тебя пытался это сделать, да обжегся.

— Да на кой черт мне нужен какой-то наркоманишка!

— Это я-то наркоман? Будет тебе! Не пудри мне мозги. Не проведешь!

— Никак не пойму, что с тобой! Мне и раньше приходилось иметь дело с перетрусившими наркоманами, но ты, пожалуй, самый трудный. Почему ты так боишься, что тебя задержат? Ведь я же хочу спросить тебя только о парне, с которым ты встретился. Неужели не можешь понять такой простой вещи? Не ты мне нужен, а он.

— Но ты же сказал, что наркоманы тебя не интересуют?

— Я и сейчас это говорю.

— Почему же он интересуется тобой? Сейчас ему лет восемнадцать, а наркотики он употребляет уже года четыре и даже спать ложится, приняв дозу героина. Ты сам себе противоречишь.

— Но ведь он торгует наркотиками, не так ли? — удивился Карелла.

— Он?! — расхохотался юноша.— Да ты, оказывается, шутник!

— Я не пони...

— Знаешь, что я тебе скажу? Вот послушай. Ты отслеживал меня и вчера, и сегодня. У меня с собой сейчас столько товара, что если бы ты задержал меня, это оказалось бы стоящим делом. Я также нарушаю закон о хранении оружия, ведь у меня нет разрешения на эту пушку. Ты можешь предъявить мне обвинение и в сопротивлении властям, да еще придумаешь какую-нибудь статью закона за то, что я отнял у тебя оружие. Да ты просто отправишь меня за решетку... Даже если я отпущу тебя, завтра все равно меня схватишь и уж, конечно, твои дружки и всякие там судьи поверят тебе, а не мне...

— Послушай, смывайся-ка ты поскорее отсюда! Спрячь свою пушку и уноси ноги. Я не напрашиваюсь на пулю и не хочу ссориться с тобой. Я уже сказал тебе об этом. Мне нужен твой приятель. Мне нужен Гонзо.

— Знаю,— усмехнулся юноша, и глаза у него опять зловеще сощурились.— Но Гонзо — это я.

Карелла пытался было отскочить в сторону, но вдруг почувствовал резкую боль в груди и понял, что падает. Небо как-то странно опрокинулось, земля ушла из-под ног, и он грохнулся на камни. Что-то мокрое и теплое ощутил он под собой, попытался встать и сообразил, что лежит в собственной крови. Теряя сознание, он успел заметить быстро удалявшегося Гонзо.

Только спустя минут тридцать Карелла был обнаружен полицейским, обходившим свой участок Гровер-парка.

В тот же день на территории восемьдесят седьмого участка произошло еще одно происшествие.

— Жертва — старуха,— доложил полицейский, побывавший на месте преступления.— Соседи сообщили, что ее зовут Долорес Фоурд.

— Что же там случилось? — спросил дежурный сержант.

— Ее или столкнули с лестницы, или сама свалилась. Разбилась насмерть.

14

— Говорит Дэнни Джимп. Мне нужен Карелла.

Дежурный сержант не любил стукачей, хотя и знал, что у Дэнни Джимпа бывают иногда полезные полиции сведения. По мнению сержанта, все стукачи были подонками, и даже разговаривать с ними ему было противно.

— Кареллы нет,— отрезал он.

— А когда он будет?

Дэнни так давно был осведомителем, что уж и не помнил, когда начал этим заниматься. Он знал, что в преступном мире его подозревают, но это не тревожило его. Настоящая его фамилия была Нельсон, но лишь

немногие знали об этом. Ему было пятьдесят четыре года, но низенький и щуплый, он скорее походил на подростка. Даже голосок у него был тоненький, пронзительный. Говоря по совести, Джимп не очень жаловал полицейских, хотя и служил им. И все же один полицейский был ему по душе — Стив Карелла.

— Зачем он тебе нужен? — спросил сержант.

— Есть к нему дельце.

— Что именно?

— Вы что, новичок в полиции?

— Положи трубку и не умничай, понял?

— Мне нужен Карелла. Передайте, что я звонил.

— Ничего я ему не могу передать.

— Почему?

— Он ранен и находится в больнице.

— Что?!

— То, что слышишь. Может, повторить?

— Ранен... — растерянно произнес Джимп. — Стив...

Вы шутите!..

— Какие уж тут шутки.

— Кто его ранил?

— Вот это мы и хотели бы узнать.

— Где он?

— В главной городской больнице, но не трать время на посещение. Состояние тяжелое, и к нему не допускают.

— Но он же не умирает, — проговорил Дэнни Джимп, словно уверяя в этом самого себя. — Ведь не умирает, правда?

— Кареллу подобрали полузамерзшим и потерявшим много крови. Он ранен тремя пулями в грудь, и дела его плохи... У тебя все?

— Нет, я еще хотел... Вы сказали, что он в городской больнице?

— Да, но не трать даром время. Там сейчас половина нашего участка, и тебя просто не пустят.

— М-да, — протянул Дэнни. — Ничего себе денек...

— Стив Карелла был порядочным парнем, — отозвался сержант.

Послушавшись дежурного сержанта, Дэнни Джимп не пошел в этот день в больницу. Но он не спал всю ночь, размышляя о случившемся и спрашивая себя, как будет воспринято, если он все-таки пойдет навестить Кареллу. А вдруг тот не захочет видеть его?! До сих пор их связь носила исключительно деловой

характер, и Дэнни отдавал себе отчет в том, что информатор не относится к числу уважаемых людей. Не исключено, что Карелла откажется видеть его.

Однако, проснувшись утром в субботу, Дэнни все же стал собираться. Сам не зная почему, но он хотел повидать Кареллу, может быть, даже пожать ему руку в знак симпатии и сообщить те сведения, которые ему удалось собрать. Он оделся в лучший костюм, надел чистую белую сорочку и повязал модный галстук, желая выглядеть самым респектабельным образом.

По дороге в больницу Дэнни купил коробку конфет, хотя и сомневался, следует ли это делать. Нелепо стукачу приходить в больницу к детективу с коробкой конфет... Он чуть было не выбросил конфеты, но в последнюю минуту передумал. Ведь все люди, навещающие больных, приносят им разные гостинцы. Дэнни Джимпу предстояло совершить визит в мир цивилизованного общества, и он не хотел ударить лицом в грязь.

Небо в субботу двадцать третьего декабря было серым и грозило снегом. У Дэнни мелькнуло желание, как и у большинства людей, чтобы Рождество было белым. С этой мыслью он вошел через вращающуюся дверь в просторный вестибюль больницы. На стене красовалась большая рождественская гирлянда, но больше ничто не напоминало о празднике. Регистраторша за столом занималась маникюром. Поблизости сидел старик. Держа в руках шляпу, он озабоченно поглядывал на дверь с надписью «Первая помощь».

Сняв кепку, Дэнни подошел к столу, но медсестра даже не подняла на него глаза.

— Здравствуйте,— предварительно откашлявшись, обратился к ней Дэнни.

— Слушаю,— ответила девушка, накладывая лак на ноготь.

— Мне нужно навестить Стивена Кареллу.

— Ваша фамилия?

— Нельсон. Дэниэль Нельсон.

Девушка отвела руку с накрашенными ногтями, а другой достала из папки лист бумаги, просмотрела его и сообщила:

— Вашей фамилии в списке нет.

— В каком списке?

— Больной в тяжелом состоянии, и к нему допускают только родных и товарищей по работе.

— А как он себя чувствует?

— Я же сказала,— глянула регистраторша на Дэнни,— больной в критическом состоянии.

— А... когда его можно навестить?

— Не знаю. Это зависит не от меня.

— Можно мне подождать тут?

— Пожалуйста.

Дэнни подумал, почему один из немногих честных порывов, когда-либо испытанных им, должен окончиться впустую только из-за равнодушия какой-то из представительниц медицины, которую больше интересуется собственный маникюр, чем судьба человека. Пожав плечами, он присел на скамейку рядом со стариком.

— Моя внучка порезала себе руку,— сообщил тот.— Открывала консервы и порезала. Это опасно?

— Не знаю.

— Она потеряла много крови... Надеюсь, это не страшно...

— Не волнуйтесь, все обойдется.

— Дай Бог... Вы пришли навестить кого-то?

— Да.

— Приятеля?

— Как вам сказать...— Дэнни хотел было ответить, но в это время из двери выбежала девочка и бросилась к старику.

— Ну как? — встревоженно спросил тот.

— А мне дали леденец!..

Старик с внучкой ушли, и Дэнни остался один.

Тедди Карелла сидела у постели мужа и не сводила с него глаз. Окно в палате было задернуто шторой, но и в полумраке она видела лицо Стива с открытым ртом и сомкнутыми глазами. У изголовья стояла тренога с капельницей, откуда по трубке в руку Кареллы поступала кровь. Он был в забытии.

«Нет, нет, он не должен умереть!» — молилась она за мужа, вспоминая, как они встретились в первый раз, когда он явился в контору, где она работала; в тот день хозяин заявил в полицию о происшедшей краже. Она хорошо помнила, как он вошел. Высокий и стройный, он двигался легко и свободно. Представился ей, предъявил удостоверение, а она ответила, что секретарши сейчас нет, а она машинистка и временно заменяет секретаршу. На лице Кареллы было заметно выражение интереса, когда она пошла докладывать хо-

зяину. Когда вернулась, он не спускал с нее взгляда.

Тедди вовсе не удивилась, когда через несколько дней Карелла пригласил ее в кино, хотя и не понимала, что он нашел в ней. Но после первого же свидания она поняла, что Стив Карелла всерьез заинтересовался ею, Тедди Франклин. Позднее он часто рассказывал ей об этом, однако потребовалось много времени, чтобы она поверила. Даже после того, как Карелла сделал ей предложение, она все еще не могла поверить, что он в самом деле просит ее руки. Они поженились девятнадцатого августа, а сейчас было двадцать третьего декабря, и вот он лежит на больничной койке, и доктора предупредили ее, что положение его опасное и... Да, да, он может умереть...

Питер Бирнс спустился в вестибюль больницы. У Кареллы он пробыл очень короткое время и услышал от него только одно слово, которое тот едва слышно прошептал, узнав лейтенанта: «Гонзо...» Больше ничего сказать не мог, а то, что Бирнс узнал от трех задержанных в парке наркоманов, ничем помочь не могло из-за их неопределенности. Других данных о Гонзо у Бирнса не было, и он не имел представления, где их теперь искать, если Карелла не выкарабкается...

Не лучше обстояли дела и дома. Ларри был в прежнем состоянии, и одно упоминание о докторе вызывало у него вспышку бешенства. Размышляя над всем этим, навалившимся на него, словно снежный ком, Бирнс спрашивал себя — удастся ли ему излечить Ларри и найдет ли он того (или тех), кто убил Анибала Эрнандеса? До праздника оставалось всего два дня, и Рождество не сулило ему ничего радостного...

Он спросил у дежурной медсестры в вестибюле, где тут поблизости есть более или менее приличная забегаловка. Девушка назвала ему бар на Лафайет-авеню. Он было направился к выходу, но тут его окликнули:

— Лейтенант!

Бирнс не сразу узнал человека, поднявшегося ему навстречу, — низенького, тощего, с коробкой конфет в руках. Узнав, Бирнс нахмурился.

— Что ты тут делаешь, Дэнни?

— Пришел навестить Кареллу...

— Да? — холодно спросил Бирнс.

— Скажите, как он?

— Плохо... Извини, я очень спешу...

— Конечно, конечно...

Бирнс снова взглянул на Джимпа и добавил:

— Вот ведь как получилось... Но ничего, этот Гонзо не уйдет от нас. Мы...

— Кто?! Вы сказали — Гонзо? Это он стрелял в Сти... в Кареллу?

— Похоже, что так.

— Не может быть! И такой соплик мог провести Стива... Кареллу!

— Представь себе.— Бирнс не мог не обратить внимания, что Дэнни говорит о Гонзо так, как если бы знал его. Но эта мысль пришла ему в голову мгновением позже.— Что ты хочешь сказать, называя его сопликом?

— Да ведь ему, насколько я могу судить, и двадцати еще нет.

— Видите ли, Сти... я хотел сказать, Карелла поручил мне навести справки об этом Гонзо, и я пришел не с пустыми руками... Я хочу сказать, что собирал сведения, потому что Сти...

— Ну, хорошо, хорошо, можешь называть его Стивом.

— Вот, послушайте. Об этом Гонзо никто ничего не слышал, и для меня это явилось трудной задачей. Я подумал, как это может быть, чтобы трое юнцов пришли в парк купить у Гонзо наркотик, и никто его не знает... Выходит, что он не из местных, не так ли?

— Говори, говори,— заинтересовался Бирнс.

— Тогда я и спросил себя, если Гонзо не из местных, как же это получилось, что к нему перешла агента Анибала? Ну, а если он знал Анибала, то, может быть, был знаком и с его сестрой? Вот как я рассуждал, лейтенант, думая над тем, что рассказал мне Стив.

— Ну, и что же ты решил?

— Что нужно искать человека, не проживающего в нашем районе, но, возможно, знакомого с семьей Эрнандесов, и поэтому я отправился к матери Анибала и Марии. Вы же понимаете, что я разговаривал с ней очень осторожно, пытаюсь выведать, не является ли этот Гонзо ее племянником, свояком или вообще каким-нибудь родственником. Вы же знаете, что пуэрториканцы берегут семейные связи...

— Ну, и что же? Гонзо их родственник?

— Родственника по имени Гонзо у них нет. Имя Гонзо ничего не говорило миссис Эрнандес.

— Я и без тебя это знаю, Дэнни. Мои люди уже допрашивали ее.

— Да? А мне она рассказала об одном дружке своего сына... Известно ли вам, что Анибал посещал собрания морских скаутов в Риверхеде? Я расспросил людей и узнал, что какой-то отставной моряк создал там группу из мальчиков под названием «Юные моряки», нарядил их в морскую форму, в которой они раз в неделю маршировали по улицам. Анибал там бывал, но не для того, чтобы маршировать вместе с ними... Он продавал ребятам наркотики... Там он и познакомился с Дикки Коллинсом...

— А какое отношение все это имеет к Гонзо?

— А вы послушайте дальше. Я принялся разузнавать все, что можно, об этом Коллинсе. Он когда-то жил в нашем районе, но потом его отец устроился на службу в Риверхеде, и вся семья переехала туда. Но у Дика еще остались тут дружки, понимаете? Иногда он появляется в нашем районе, и Анибал стал одним из его приятелей. Раза два он встречался и с его сестрой... Так вот, однажды вечером они сели поиграть в картишки. Недели две назад. Вчетвером.

— Ну, ну, продолжай!

— Игроков было четверо: паренек по имени Сэм Ди Люка, Дикки Коллинс, Мария Эрнандес и еще один, из местных, но постарше.

— Фамилия?

— Ди Люка не помнит, а Мария Эрнандес уже ничего не скажет. Судя по тому, что мне удалось узнать, все они кололись героином. У каждого есть своя кличка, и может быть, поэтому им так понравилась кличка «Гонзо».

— Ближе к делу, Дэнни!

— Хорошо, хорошо... Так вот, во время игры тот, кто постарше, сказал что-то о каком-то гангстере, или «гонзло», как их величают в некоторых местах. Оказалось, что Коллинс никогда не слышал этого слова и не знал, что оно значит. Видите ли, лейтенант, теперь это жаргонное словечко давно не в моде. Не расслышав, Дикки Коллинс переспросил: «Гонзо?! Что это за чертовщина?» Это показалось всем смешным...

— Понимаю,— задумчиво произнес Бирнс.— Ну, а дальше?

— После этого весь вечер все называли его «Гонзо». Во всяком случае так мне рассказал Ди Люка.

— Значит Коллинс это и есть Гонзо?

- Факт! Он живет в Риверхеде.
- Гонзо стрелял в Кареллу... Значит, это Коллинс...— Бирнс достал из бумажника десятидолларовую бумажку.— Вот, Дэнни, возьми.
- Нет, лейтенант, этого не нужно,— вдруг возмутился Дэнни.
- Бирнс удивленно посмотрел на него.
- Но вы можете сделать для меня кое-что другое,— несколько смущенно произнес Дэнни Джимп.
- Что ты хочешь?
- Повидать Стива.
- Бирнс подошел к регистраторше и распорядился:
- Это наш сотрудник. Пропустите его.
- Слушаю, сэр,— ответила девушка и посмотрела на расплывшееся в счастливой улыбке лицо Дэнни.

15

Полицейские задержали Дикки Коллинса в сочельник, когда он выходил из церкви, и доставили его в восемьдесят седьмой участок.

- Имя? — спросил Виллис.
- Ричард, или Дикки Коллинс.
- Какими кличками ты пользуешься? — поинтересовался Хэвиленд.
- Никаких кличек у меня нет.
- Оружие?
- Нет и никогда не имел.
- Анибал Эрнандес тебе знаком? — спросил Бирнс.
- Имя, вроде, знакомое.
- Ты знал его или нет?
- Возможно, что и знал. Я знал многих ребят в районе.
- Когда ты переехал отсюда?
- Месяца три назад.
- Почему?
- Отец устроился на новую работу, и мы переехали. К чему все эти вопросы? В чем я виноват?
- Что ты делал вечером семнадцатого декабря?
- Разве упомнишь... Когда, вы говорите?
- Неделю назад.
- Не помню.
- Ты виделся в тот день с Эрнандесом?
- Не помню.

- Начинай вспоминать!
- Нет, не виделся. Вечером в субботу?
- Нет в воскресенье.
- Не виделся я с ним.
- А где ты был в тот вечер?
- В церкви.
- Где?!
- Каждое воскресенье я хожу в церковь поставить свечку в память о бабушке.
- Сколько времени ты провел в церкви?
- Около часа. Я молился.
- В какое время это было?
- От... десяти до одиннадцати примерно.
- А что ты делал потом?
- Толкался по улицам.
- Кто тебя видел в это время?
- Никто. Да и для чего мне нужны были свидетели? Для алиби? Вы пытаетесь пришить мне убийство Эрнандеса?
- Почему ты думаешь, что он был убит?
- Ну, повесился.
- Но ты сказал, что он был убит?
- Самоубийство то же убийство, только самого себя, разве нет?
- Зачем же нам понадобилось пришивать тебе его самоубийство?
- Откуда мне знать? Зачем же иначе вы притащили меня сюда, спрашиваете, где я был в тот вечер и знал ли я Анибала?
- Ты знал его?
- Конечно, знал.
- Потому что жили по соседству или по отряду морских скаутов?
- Каких там еще морских скаутов?
- В Риверхеде.
- Вы имеете в виду «Юных моряков»? Это вовсе не морские скауты.
- Где ты познакомился с Анибалом Эрнандесом?
- Жили рядом, здоровались при встрече, а потом, встретившись у «Юных моряков», подружились немного.
- Почему же ты вначале ответил, что «возможно» знал его? Если уж вы подружились, хоть и немного, ты должен был хорошо его знать.
- Да, я его знал. Это что — преступление?
- Зачем ты пошел в «Юные моряки»?

— И не думал, я только ходил смотреть, как они маршируют. Мне это нравилось.

— Тебе самому придется много маршировать там, куда мы тебя отправим,— ухмыльнулся Хэвиленд.

— Да? Сперва еще нужно меня осудить. До сих пор я не слышал никаких обвинений против меня.

— Ты торгуешь наркотиками, не так ли, Коллинс?

— Бред!

— Мы задержали троих парней, которые покупали у тебя героин. Один из них готов к очной ставке с тобой.

— Да? А как его фамилия?

— Хемингуэй.

— А двое других Синклер Льюис и Уильям Фолкнер?

— Ты что, много читаешь, Коллинс?

— Достаточно.

— А вот Хемингуэй ничего не читает. Он наркоман и купил у тебя героин двадцатого декабря, но был задержан.

— Так вот почему за мной следи...— Коллинс запнулся, не окончив фразу.

— Что, что ты сказал?

— Ничего. Если ваш Хемингуэй задержан с наркотиками, у меня он их не покупал.

— А он утверждает, что купил именно у тебя.

— Я даже не представляю, как выглядит героин!

— Ты знал, что Эрнандес был наркоманом?

— Догадывался.

— Вы когда-нибудь кололись вместе?

— Нет.

— А ты видел, когда он кололся?

— Нет.

— Тогда откуда тебе известно, что он был наркоманом?

— Слухами земля полнится.

— Ты встречал его в компании с другими наркоманами?

— Конечно.

— С кем именно?

— Я не знаю фамилий.

— А вместе с наркоманом по имени Ларри Бирнс? — спросил Бирнс.

Коллинс заморгал.

— Я спрашиваю тебя о Ларри Бирнсе.

— Даже и не слышал о таком.

- Подумай хорошенько. Это мой сын.
- Серьезно? Вот уж не думал, что сыновья полицейских могут быть наркоманами!
- Ты видел моего сына вечером семнадцатого декабря?
- Я не отличу вашего сына от любого другого парня.
- А утром восемнадцатого декабря?
- Повторяю, что не узнал бы его ни утром, ни вечером. Я же сказал, что не был с ним знаком.
- Он был знаком с Эрнандесом.
- Ну и что? Эрнандес знал многих. Разве вам не известно, что он торговал наркотиками? Занимался этим даже среди «Юных моряков».
- Но откуда тебе известно об этом?
- Раза два я видел, как он толкал товар ребятам.
- Кому именно?
- Послушайте, неужели вы думаете, что мне известны имена всех наркоманов в районе? Я никогда не занимался такими делами.
- Ты занимался этим делом двадцатого декабря, Коллинс, то есть через два дня после убийства Анибала Эрнандеса. Хемингуэй был одним из клиентов Анибала.
- Да? В таком случае он, возможно, купил героин у призрака Анибала?
- Неостроумно. Он купил его у тебя.
- Вам придется попытаться, чтобы пришить мне это.
- Возможно, что и нет. В течение последних дней ты был под наблюдением одного из наших людей.
- Вот как?
- Вот именно.
- Почему же он сразу не арестовал меня? Вот вы, когда притащили меня сюда, разве нашли у меня что-нибудь? Я требую адвоката.
- Да при чем здесь героин! Ты здесь по подозрению в убийстве,— вмешался Бирнс.
- Вы имеете в виду...— Коллинс осекся.
- Ты что-то хотел сказать?
- Ничего я не хотел... Анибал повесился, и все тут.
- Анибал умер от слишком большой дозы героина.
- Да? Значит он был неосторожен.
- Скажи-ка, Коллинс, кто накинул ему петлю на шею?
- Может быть, ваш сынок, лейтенант? Что скажете на это?

- Откуда тебе известно мое звание?
- Не понял?
- Ты не знаком с моим сыном, ничего о нем не знаешь, откуда же тебе известно мое звание?
- Один из ваших фараонов назвал вас лейтенантом, вот и все.
- При тебе никто так меня не называл. Отвечай.
- А я догадался. Вы выглядите как начальник, вот я и сообразил, кто тут главный. Проходит?
- Ларри утверждает, что он знает тебя,— солгал Бирнс.
- Так, так... Меня многие знают, хотя я сам их не знаю. Такой уж я популярный.
- Это почему же? Потому что снабжаешь их героином? Потому что ты толкач?
- Единственное, что я толкал, так это коляску моей сестренки. Ну, может быть, хватит? Эта линия вам ничего не даст.
- Попробуем другую, Коллинс. Поговорим о картах.
- А что? Хотите сыграть?
- А ты играешь в карты?
- Конечно.
- Ты играл когда-нибудь с пареньком по имени Ди Люка?
- Конечно.
- Часто?
- Ну, было один раз.
- Кто еще участвовал в этой игре?
- В какой?
- В тот вечер... Что такое «гонзл», Коллинс?
- Что, что?..
- «Гонзл...»
- Ах, это,— парень растерянно заморгал, не зная, что сказать.— Это парень, которого нанимают, чтобы убрать кого-нибудь...
- Повтори-ка это слово...
- Гонзл... А разве у нас тут урок английского языка?
- Когда ты узнал, что означает это слово «гонзл»?
- Я всегда знал.
- Ты узнал это в тот вечер, когда играл в карты!
- Ничего подобного. Я всегда знал это слово.
- Ты узнал это слово в тот вечер, когда вы играли в карты вместе с Ди Люком и другими.
- Ничего подобного. Я и раньше знал это слово.

— Вот как? Но мне казалось, что ты впервые услышал его в тот вечер, когда вы играли в карты... Его произнес один человек... Как его зовут?

— Не помню...

— Но Ди Люка утверждает, что это ты привел его.

— Я? Ничего подобного. Он сам пришел. Я думал, что это приятель Ди Люка.

— Коллинс, почему ты утаиваешь его имя?

— Ничего я не утаиваю, я даже не знаю, кто он. Послушайте, я все же хочу знать, что вам от меня нужно? Вы, может быть, думаете, что...

— Заткнись!

— Но я имею право...

— Что произошло в тот вечер, когда вы играли в карты?

— Ничего...

— А кто впервые упомянул слово «гонзл»?

— Не слышал я там такого слова.

— Почему же ты неправильно произнес его?

— Я? Я не произносил его неправильно...

— Значит, произнес правильно?

— Конечно.

— Как?

— Гонзл.

— Когда?

— В тот вечер, когда мы... Всегда произношу так.

— Но ты же сказал, что в тот вечер это слово не упоминалось.

— Я сказал, что не слышал прежде такого слова. Может быть, оно и упоминалось. Разве запомнишь...

— Если это слово при тебе никогда не упоминалось, откуда у тебя появилась кличка «Гонзо»?

— Гонзо? Это у кого же такая кличка? У меня? Меня все зовут Дикки.

— За исключением тех трех ребят, которые купили у тебя героин.

— Ах, вот оно что! Теперь все ясно. Вы схватили не того, кто вам нужен. Вы ищете Гонзо, а меня зовут Дикки Коллинс. Вы ошиблись, Коллинс и Гонзо вроде бы не...

— Хватит! Не морочь нам голову,— резко оборвал его Хэвиленд.

— Видите ли, я...

— Мы знаем, что произошло в тот вечер, когда вы играли в карты. Нам известна и история со словом

«гонзл», как ты ошибся и произнес его «гонзо», после чего тебе и дали эту кличку. Нам все рассказал Ди Люка и согласился подтвердить свои показания на суде. Мы можем восстановить и все остальное, приятель. Ты решил воспользоваться этой кличкой, перехватив клиентуру Эрнандеса, желая скрыть свое настоящее имя. Может, теперь ты расскажешь нам и все остальное?

— Что остальное? — растерянно переспросил парень.

— Ну, расскажи, как ты стрелял в полицейского.

— Что?!

— И о петле, которую накинуд на шею Эрнандеса...

— Но я...

— И еще про Марию Эрнандес...

— Послушайте, послушайте, я не...

— И о том, как сбросил старуху с лестницы...

— Я?! Боже мой, да я не...

— Кого из них ты убил сам?

— Никого! Боже мой, да за кого вы меня принимаете?!

— За Гонзо, который стрелял в полицейского.

— Да ни в кого я не стрелял!

— А нам известно, что стрелял. Он сам рассказал нам это.

— Ничего он вам не говорил! Не берите меня на пушку!

— Кто нам ничего не говорил?

— Да тот полицейский, о котором вы говорите. Не мог он указать на меня, я никакого отношения к этому делу не имел.

— Имел, самое непосредственное отношение, Гонзо.

— Перестаньте называть меня Гонзо. Меня зовут Дикки.

— Хорошо, Дикки. Почему ты убил Эрнандеса, Дикки? Чтобы перехватить его клиентуру?

— Не говорите глупостей!

— Зачем тебе понадобилось запутывать в эту грязь моего сына? — не выдержав, вскричал Бирнс. — Каким образом отпечатки пальцев Ларри оказались на шприце?

— Откуда я знаю? На каком еще шприце?

— На шприце, обнаруженном возле тела Анибала Эрнандеса.

— Я и не знал, что там обнаружен какой-то шприц.

— Да, обнаружен. Как ты ухитрился подменить его?

— Ничего я не подменял.

— Ты хотел подстроить так, чтобы в убийстве был обвинен мой сын!

— Перестаньте болтать о своем сыне! Пусть он хоть сейчас сдохнет! Меня это не касается!

— Кто звонил мне по телефону, Гонзо?

— Не знаю.

— Послушай, ты...

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Кто звонил мне по телефону и сообщил о моем сыне? Может быть, это звонил тот, кто играл с вами в карты?

— Не знаю.

— Он? Отвечай!

— Откуда мне знать, кто вам звонил?

— Это он помог тебе убить Анибала Эрнандеса, не так ли?

— Не убивал я Эрнандеса...

— А Марию и старуху?..

— Никого я не убивал!

— Ты убил полицейского! — крикнул Виллис.

— Он мертв? — сразу же спросил Коллинс.

В комнате воцарилось молчание.

— Что такого я сказал? — удивленно произнес парень.

— Тебе лучше знать, приятель.

— Вы же сами сказали, что кто-то стрелял в полицейского...

— Да, мы сказали, что в него стрелял Гонзо, то есть ты.

— Опять! Да не стрелял я! И я не Гонзо.

— Его зовут Стив Карелла, — сообщил Виллис. — Ты стрелял в него в пятницу. К счастью, он жив. И он сказал, что стрелял в него ты. Лучше признайся во всем, облегчи свою совесть!

— Мне не в чем признаваться! Ничего вы мне не пришьете! Оружия у меня нет и наркотиков при мне вы не нашли! Делайте что хотите, а я больше не произнесу ни слова!

— Я скажу тебе, что мы сделаем, — заявил Хэвилленд. — Ровно через три секунды я измордую тебя до неузнаваемости!

— На это вы способны, только вам это ничего не даст. Никакой вины за мной нет. Ваш полицейский спятил. Не стрелял я в него, и к Эрнандесу тоже никакого отношения не имею!

— Пусть так,— сказал Виллис,— но след твоей ноги послужит весьма веской уликой...

— Какой еще след?!

— След твоей ноги, обнаруженный на месте, где ты стрелял в Кареллу,— солгал Виллис.— Сличим его с твоей обувью, и если...

— Но мы же стояли на камнях! — крикнул Коллинс и тут же спохватился, что выдал себя, но было уже поздно.

— Да, я стрелял в него,— спустя несколько минут признался он.— Все равно он меня опознает... Стрелял, потому что он хотел задержать меня. Но к убийству Эрнандеса, Марии и старухи я никакого отношения не имею. Слышите, никакого! Старуху я и не видел ни разу!

— Кто же их убил? — потребовал Бирнс.

Парень долго молчал, опустив голову, наконец буркнул:

— Дуглас Пэтт.

Виллис уже хотел было надеть пальто.

— Нет! — остановил его Бирнс.— Я сам! Его адрес, Гонзо?

16

На крыше было ветрено и холодно, вероятно, еще холоднее, чем на улице. Мужчина стоял, всматриваясь в небо, где кружилось несколько голубей, и спрашивал себя, почему все получилось не так, как он предполагал. Задумка казалась такой хорошей, а на деле все оказалось никуда не годным. «Слишком много участников,— подумал он,— а там, где много людей, все получается не так, как хочешь».

Он повернулся спиной к пронизывающему ветру, развевавшему веревки с бельем. Его охватили усталость и чувство одиночества. В подавленном настроении он открыл дверцу голубятни и увидел лежавшую на боку голубку. Она была мертва. Он поднял ее и некоторое время держал в руках, словно надеясь оживить. Так, с голубкой в руках, он прошел по крыше и сел, прислонившись к дымовой трубе, положив птицу у ног. Словно желая чем-то занять руки, он поднял лежавший поблизости кирпич, как вдруг увидел приближавшегося к нему человека.

— Дуглас Пэтт? — спросил тот.

— Да,— отозвался мужчина, глядя на пришельца, который стоял, сутулясь от ветра и держа руки в карманах.

— Я лейтенант Бирнс.

Они молча смотрели друг на друга. Пэтт продолжал держать кирпич в руке. Мертвая голубка по-прежнему лежала у его ног.

— Как вы нашли меня? — спросил он, наконец.

— Дикки Коллинс,— ответил Бирнс.

— Да, да...— пробормотал Пэтт, которого, казалось, очень мало беспокоит все происходящее.— Я так и думал, что он слабак!.. Слишком много людей, слишком много...

— Что ты надеялся иметь от всего этого, Пэтт? — спросил Бирнс.

— Я?..— поднимаясь на ноги и все еще держа кирпич, начал Пэтт.

Бирнс отступил на шаг, и Пэтт оказался перед дулом пистолета, но и на это не обратил никакого внимания, продолжал глядеть на голубку.

— Я?..— повторил он.— Возможность, лейтенант, возможность иметь много денег...

— Каким образом?

— Этот парень, Гонзо... Вы же знаете его... Он пришел ко мне и говорит: «Как тебе нравится, по словам Анибала, у него есть дружок-наркоман, отец которого начальник полицейского участка...» Вот, что рассказал мне Гонзо, лейтенант.

Бирнс не сводил с него глаз.

— Я подумал, что мне подвернулся хорошенький шанс, лейтенант. Замазать вашего сына в какое-нибудь грязное дело, потом прийти к вам, выложить карты на стол и сказать: «Если вы не будете сотрудничать со мной, лейтенант, о вашем сыне разстреляют все газеты». Я не сомневался, что вы согласитесь...

— Что же именно ты ожидал от меня?

— Я торгую наркотиками и мог бы значительно расширить свое дело, и без всякого риска, если бы вы смотрели на это сквозь пальцы.

— Никогда бы ты не дождался этого от меня!

— Как знать, лейтенант... А ведь задумано было хорошо... Мне удалось обвести вокруг пальца этого соплива Анибала. Я сказал ему, что мне нужен всего лишь шприц с отпечатками пальцев вашего сына. В тот вечер Анибал привел вашего сына в известное вам место, угостил

его героином, а потом подменил шприц. Как только ваш сын ушел, пришел я. К этому времени Анибал уже ничего не соображал. Я зарядил шприц такой дозой героина, что его хватило бы отправить на тот свет несколько человек. Он даже не почувствовал укола. А потом я вынул у него из кармана шприц вашего сына и положил рядом с Анибалом...

— А зачем еще петля на шею?

— Это я придумал уже потом. Подумал,— а вдруг полицейские решат, что Анибал покончил с собой или по неосторожности впрыснул слишком большую дозу? Что тогда выйдет из моей затеи? Вот я и накинул ему петлю на шею. Посчитал, что ваши фараоны сообразят, что это сделано уже после смерти парня. Ваш сын, лейтенант, должен был стать моим заложником. Благодаря ему я получил бы возможность свободно действовать на территории участка...

— Вот оно что...— задумчиво протянул Бирнс.

— Вот именно... Но дело не вышло... Все запуталось...

— Ну, пошли! — приказал Бирнс.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЙНА ГОЛУБОГО КИНЖАЛА. Перевод с английского С. Белова	3
ВОЗДАЯНИЕ УБИЙЦЕ. Перевод с английского Г. Грубмана . .	125
ОХОТА ЗА ПРИЗРАКОМ. Перевод с английского Н. Емельяниковой	221
ГЕРОИНОВАЯ ПЕТЛЯ. Перевод с английского Ю. Смирнова . .	357

Литературно-художественное издание

Макбейн Эд

**ТАЙНА ГОЛУБОГО КИНЖАЛА
ВОЗДАЯНИЕ УБИЙЦЕ
ОХОТА ЗА ПРИЗРАКОМ
ГЕРОИНОВАЯ ПЕТЛЯ**

Ответственные за выпуск *Л. Ф. Верниковская, Л. Г. Лепило*

Художник *Д. Е. Дивин*

Художественный редактор *В. А. Ермоленко*

Технический редактор *В. П. Безбородова*

ИБ № 1853

Сдано в набор 04.02.94. Подписано в печать 06.04.94. Формат 84 × 108/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура Тип Таймс. Высокая печать с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Уч.-изд. л. 25,65. Тираж 60 000 экз. Заказ 765.

Издательство «Універсітэцкае» Министерства культуры и печати Республики Беларусь.
Лицензия ЛВ № 9. 220048, Минск, пр. Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа.
220005, Минск, Красная, 23.

Макбейн Э.

М 15 Тайна голубого кинжала. Воздаяние убийце. Охота за призраком. Героиновая петля: Пер. с англ.— Мн.: Універсітэцкае, 1994.— 445 с.— (Неизвестный детектив).

ISBN 985-09-0001-6.

В сборник произведений известного американского мастера детективного жанра Эда Макбейна вошли четыре романа «Тайна голубого кинжала», «Воздаяние убийце», «Охота за призраком» и «Героиновая петля».

8200000000—026

М _____ **БЗ 76—94**

М 317(03) — 94

ББК 84(7 США)

**ТАЙНА ГОЛУБОГО
КИНЖАЛА**

**ВОЗДАЯНИЕ
УБИЙЦЕ**

**ОХОТА
ЗА ПРИЗРАКОМ**

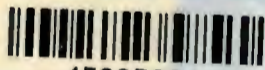
ГЕРОИНОВАЯ ПЕТЛЯ

Острый захватывающий сюжет, напряженное действие, головоломные загадки и неожиданные развязки отличают произведения прославленного американского мастера „полицейского детектива” Эда Макбейна. Многие романы Макбейна послужили литературной основой самых „крутых” кинохитов Голливуда.

интернет-магазин

OZON.ru

45205884

АМЕРИКАНСКИЙ БОЕВИК